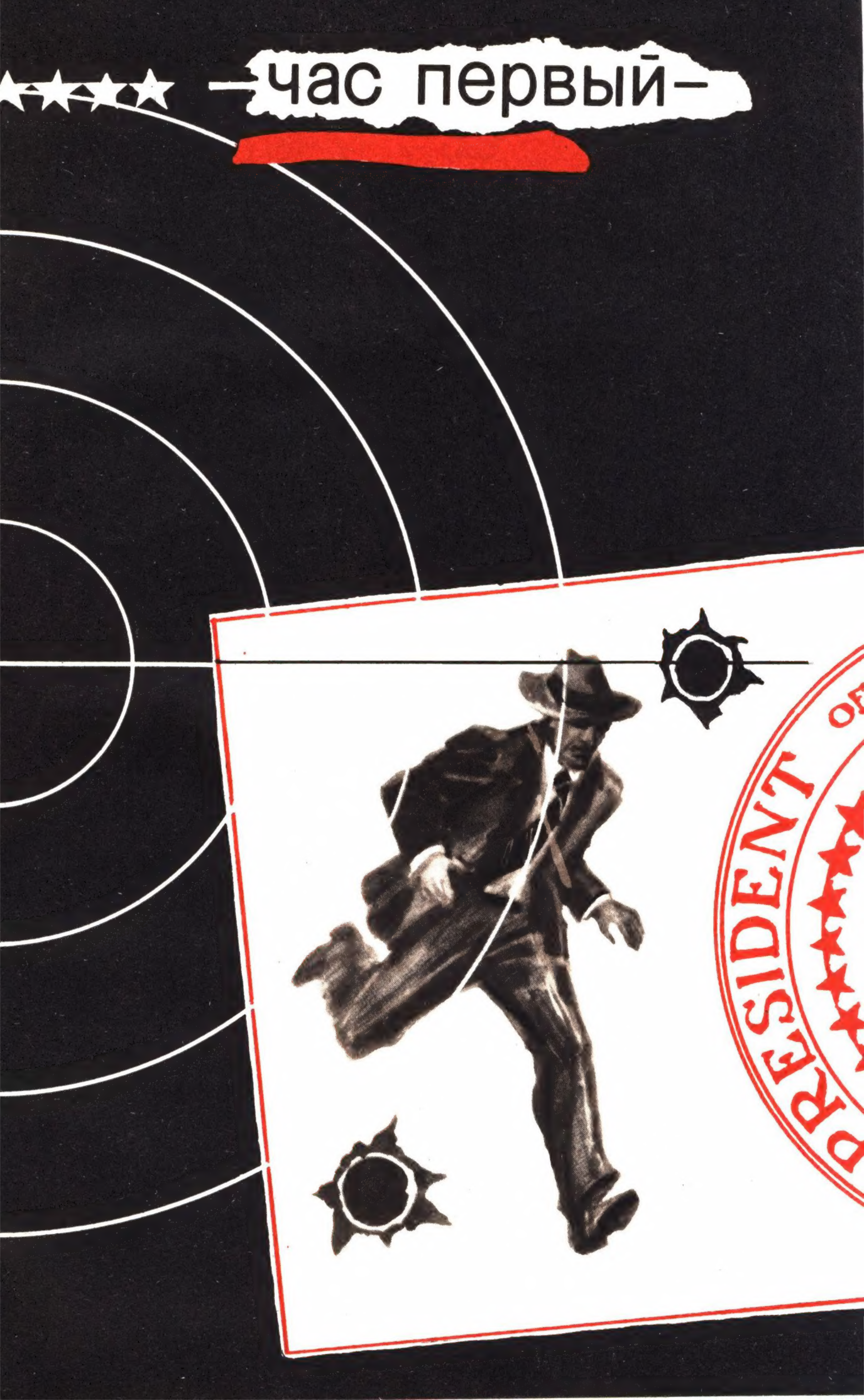
ПОЖНЕШЬ БУРЮ
станислав гагарин


—час первый—
PRESIDENT

станислав
гагарин

★★★ ПОЖНЕШЬ БУРЮ

ХРОНИКА ДВУХ
ТРАГИЧЕСКИХ ЧАСОВ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 84Р7
Г12

Рецензент: генерал-майор Ю. В. Лебедев

Редактор *А. В. Кирюхин*

В центре остросюжетного и многопланового произведения писателя Станислава Гагарина «...Пожнешь бурю» — жизнь и нелегкая служба личного состава Ракетных войск стратегического назначения. Справедливо полагая, что людей этого вида Вооруженных Сил лучше всего изображать на фоне глобальных событий, автор моделирует экстремальную международную ситуацию, якобы сложившуюся в 199... году. Некоторые фрагменты отображаемых в книге событий в военно-техническом отношении носят научно-фантастический характер, а в политическом плане — прогностический, предположительный.

Нашли отражение в хронике и те силы реакции в США, которые противятся разоружению, улучшению отношений между двумя великими державами.

«...Пожнешь бурю» — это предупреждение всем людям о том, как хрупок мир на планете, как бережно его надо хранить, проявляя высокую выдержку и бдительность.

Г $\frac{4702010200-254}{068(02)-88}$ КБ—22—21—1988
БЗВ № 7—1988—№ 4

ISBN 5—203—00191—X

Кто к нам с мечом придет,
тот от меча и погибнет.

Александр Невский

Откуда же нам ждать опасность? Я отвечаю: если такая опасность будет грозить нам, то она возникнет в нашей собственной среде, она не может прийти из-за границы. Если нашим уделом станет гибель, это значит, что мы сами будем своим могильщиком и палачом.

Авраам Линкольн

Литер А

Вне всякой очереди!
Председателю Совета Обороны СССР
Строго конфиденциально

В одном экземпляре

Анализ сведений из достоверных источников показывает:

1 июля сего, 199...г., в 9 ч. вашингтонского времени дежурный генерал Комитета начальников штабов на ЦКП Пентагона получил ракетно-ядерный приказ «Идет град».

Одновременно текст буквенно-цифрового кода, который предписывает нанести удар по Советскому Союзу и странам Варшавского Договора с часовым интервалом между моментом ввода ядерной карточки в операционный пульт и боевыми пусками ракет, получен на основном Центральном командном пункте в горе Митчелл — Блэк-Доум, штат Северная Каролина, подземном филиале КНШ в Форт-Ритчи, штат Мэриленд, оперативном зале КП Стратегического авиационного командования в Оффут-Филде, штат Небраска.

Приказ снимает блокировку ракетных установок всех крыльев и эскадрилий МБР на пунктах управления пуском.

Скоростные бомбардировщики, оснащенные стратегическими крылатыми ракетами, уже выруливают на старты, готовясь к полетам по целеуказаниям, направленным к советской территории. В пределах отпущенного приказом «Идет град» часа они подберутся к государственной границе СССР на кратчайшее расстояние.

Через узел связи «Катлер» и систему «Джим-Крик» приказ принят к исполнению операторами главного штаба военно-морского командования и одновременно зафиксирован на атомных подводных лодках типа «Огайо» с ракетными комплексами «Трайдент». Все девять эскадр подводного флота в различных частях океана выдвигаются в боевые квадраты для нанесения ядерного удара.

Стратегическая триада Соединенных Штатов приведена в готовность военного времени.

Информацией о причинах отдания приказа «Идет град» источники не располагают.

1

Витька Макаров вторую неделю гостил у деда в военном городке. Сегодня ему исполнилось тринадцать лет. И тетя Вера сказала племяннику, когда тот собрался на рыбалку:

— Ты про день рождения не забыл, Витюша?

— А что мне в этом дне, тетя Вера? — беспечно отозвался юный Макаров. — Я ведь сейчас не дома...

— Тем более, — вмешался дед.

Иван Егорович вышел из кабинета, где по утрам писал воспоминания о войне. На отставном генерал-лейтенанте была спортивная куртка и не первого срока носки форменные брюки с широкими лампасами.

— Тем более, Виктор, — сказал старший Макаров.— Дом твой далеко отсюда, это верно, только мы и здесь праздник для тебя устроим. Тетя Вера пирогов напечет, самовар поставим. Я уже и шишек для него припас. А ты друзей своих пригласи, которые из городка, шимолинских... Ну, тех хотя бы, с кем рыбачить ходишь. Соображаешь?

— Соображаю, товарищ генерал! — бойко ответил Витька и заторопился со сборами, поскольку уже разда-

вался под балконом негромкий посвист. Это закадычный друг его и спутник в летних забавах Толик Зюганов, сын прапорщика с первого этажа, сигнал подавал.

Получив от Веры Ивановны строгий наказ прибыть к обеду, Витька схватил удочки и был таков.

О возвращении к обеду ребята и не думали. Собираясь на рыбалку, мальчишки запаслись добрыми ломтями хлеба, переложили их приличной толщины кружками колбасы и сыром. Анатолий прихватил и редиски с зеленым луком, пяток ранних огурчиков: выделил из тех овощей, что принес вечером с небольшого огородика. Обитатели военного городка в Шимолине поднимали к жизни заброшенные клочки земли в округе, в свободное время возились на грядках, удивляя небывалыми урожаями местных жителей.

Ребята миновали контрольно-пропускной пункт и дождались автобуса, который шел от пригородной железнодорожной платформы Кустово. Отсюда до реки было минут пятнадцать — двадцать езды.

От знакомого моста через реку рыболовы ушли вверх по течению, пересекли зеленый луг, где вольно паслись табуны конезавода, обогнули излучину и оказались в сосновом бору. Еще немного — и вот они, заветные Толины места. Зюганов знал здесь такие клевые заводи... Тут они и бросили якорь, как объявил торжественно Витька Макаров. Он едва ли не с пеленок бредил морем, огорчая деда Ивана, мечтавшего о продолжении ракетной династии.

— Ничего, товарищ генерал, — успокаивал внук старшего Макарова, — ты шибко не переживай... У меня вон брательник Юраш подрастает. Его и отправим в ракетное училище. А я капитаном буду, дальнего плавания. Да и зачем нам столько ракетчиков? Мы ведь договор с американцами собираемся подписать... Сокращаться будем, дедушка!

— А космос? — не унимался отставной генерал. — Неужели тебя на Марс не тянет?

— Не тянет, — сокрушенно признавался Витька. Ему и деда было жалко, и с мечтой расставаться не хотелось. — Мне на острова Фиджи надо попасть. Исландию хочу посмотреть, гейзеры там всякие... И еще в Рио-де-Жанейро...

— Тоже мне — Остап Бендер, — сердился дед, но быстро переводил разговор на другую тему, надеясь, что успеет еще переубедить внука до окончания им школы.

Словом, бросили рыболовы якорь, устроились со стоянкой и закинули удочки, каждый по две штуки.

И начался этот день, первый день июля, когда Витьке Макарову исполнилось тринадцать лет. Попервости имениннику везло. Клев шел неплохо, парень надергал с пяток подлещиков и полдюжину окуньков, а потом рыбацкий фарт ему изменил, перешел к Толе Зюганову, который, изловчившись, исправно тянул из реки рыбу.

Утренний улов они съели за обедом, сварив из рыбы уху. Оставшиеся рыбешки, крепко посолив, насадили на прутики, изжарили в пламени костра.

После трапезы купались, потом принялись ловить снова. Но для Макарова клев будто отрезало. Не ловилась рыба — и все тут. Пора было собираться восвояси, но как заявишься домой с пустыми руками?

— Посидим еще, — сказал Витька приятелю, который старался не смотреть на погруженный в воду кукан собственного улова. Толику было неловко перед невезучим другом. Он и поделился бы с ним добычей, но был уверен: Макаров никогда не возьмет у него рыбу.

А время приближалось уже к четырем часам пополудни.

И вдруг...

— Клюет! — придушенно прошептал Анатолий, который ловить уже перестал и смирно сидел за спиной Макарова. — Клюет, Витюха...

Красно-белый поплавок испуганно дрогнул, его повело в сторону, потом неотвратимо потянуло вниз.

— Ух ты! — свистяще произнес Толик Зюганов, увидев, как снова резко дернулся, основательно нырнул и пошел вправо поплавок. — Слабину дай, слабину! Леску оборвет...

Ошеломленный рыболов яростно глянул на товарища, метнувшегося к нему, а сам, перехватив удилище руками, сделал три шага вперед и ступил в воду.

Рыба остановилась, будто раздумывая, как ей поступать дальше. Витька Макаров решил воспользоваться передышкой. Пятясь, он вышел на берег и осторожно, мало-помалу принялся подтягивать добычу к себе. Но едва рыба ощутила, как натянулась леска, она резко рванулась по дну, надеясь, видимо, спрятаться там от опасности под первой же попавшейся корягой.

— Уйдет! — теперь уже не шепотом, а во весь голос заорал Толик Зюганов.

Удилище выгнулось дугой, и теперь Макаров испугался уже не за леску, а за длинную бамбуковую тростину: выдержит ли она такую нагрузку.

И Витька снова шагнул в реку. Он зашел в воду по пояс и напряженно следил за тем, как леска описывает на водной поверхности почти идеальную окружность.

— Крокодил! — восхищенно закричал Толик Зюганов и запрыгал на берегу, размахивая руками.

2

Двадцать девятого июня в Пентагоне состоялось секретное совещание, которое проводил министр обороны Оскар Перри. Кроме начальников штабов видов вооруженных сил и их заместителей собрались генералы центральных командных пунктов, а также летающих КП, представители ядерного подводного флота, офицеры из НОРАД — штаба противоракетной обороны Северной Америки, Объединенного космического командования, других систем дальнего и ближнего оповещения. Были здесь и представители военных баз, на которых размещались межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования.

— Господа, — начал Оскар Перри, худощавый человек среднего роста, с нервным желтоватым лицом и беспокойными глазами, — я созвал вас по просьбе Президента, который находится сейчас на одном из наших командных пунктов. Как известно, послезавтра начинается тот двухмесячный срок, в течение которого будет действовать предварительное соглашение о полной ликвидации ракетно-ядерного оружия...

Все, что говорил сейчас Оскар Перри, которого в бытность его министром здравоохранения, образования и социального обеспечения прозвали Пенсионером, хорошо знали присутствующие. Еще с 80-х годов в Соединенных Штатах, да и во всем мире широко обсуждались предложения правительства Советского Союза, ведущие к полному уничтожению ракетно-ядерного оружия к двадцать первому веку.

И начало этому было положено в декабре 1987 года, когда лидеры двух государств подписали Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Нынешний американский Президент победил на выборах лишь благодаря горячим обещаниям договориться наконец с русскими о полной ликвидации ядерного арсе-

нала. И руководители военно-промышленного комплекса, встревоженные непопулярностью других кандидатов, решили рискнуть и пропустили сенатора из штата Миннесота в Белый дом. Они были уверены, что после инаугурации они сумеют подобрать мелодию, под которую станет плясать — обычное дело! — и этот парень.

Однако, приняв присягу, поклявшись на Библии свято блюсти интересы американской нации, адвокат из Сент-Пола проявил нестандартность натуры. Он осмелился провести всенародный референдум, хотя общественное мнение в Соединенных Штатах традиционно выясняют пресса и специальные институты. Этот непредсказуемый Президент обратился непосредственно к народу с вопросом, ехать ему в Москву договариваться с русскими о предварительных условиях принятия их предложений о ликвидации всех стратегических наступательных вооружений или не ехать. Семьдесят три процента американцев высказались за визит в Россию.

...— Если мы все-таки начнем предварительный демонтаж межконтинентальных ракет, — продолжал министр обороны, — необходимо будет предпринять некоторые акции. Надо ли напоминать о серьезности этой операции и, в определенной мере, опасности ее? Система полного контроля за действиями нашего будущего контрагента пока несовершенна. Только дело даже не в этом... Вы знаете, что не все ядерные страны присоединились к соглашению. Вице-президент вместе с русским министром иностранных дел проводят сейчас консультативные встречи с рядом правительств. И мы до сих пор не можем со всей очевидностью утверждать, чего нам ждать от них. Но главная опасность состоит в другом. Подготовка к реализации будущего договора может привести к утрате бдительности в вооруженных силах, боевого духа личного состава, если хотите. Этим, весьма вероятно, не замедлит воспользоваться противная сторона.

«Сомнительно, чтобы Президент поручал Оскару акцентировать наше внимание на этой стороне вопроса,— подумал дежурный генерал Рой Монтгомери. — Конечно, начало такого мероприятия, как экспериментальный демонтаж МБР, внесет некий диссонанс в режим ракетного дежурства. Но утверждать, будто русские подложат нам свинью... Нет, слова Перри явно отдают нехорошим душком».

Еще полгода назад бригадный генерал Монтгомери командовал крылом межконтинентальных баллистических ракет на базе Мэсситер, расположенной на побережье Атлантического океана. Путь его к генеральскому званию не был прямым и ровным, как федеральная автострада. Сын рабочего-металлиста из Питсбурга, Рой пошел учиться в военное училище с тем, чтобы, став офицером, получить возможность закончить университет. Военная карьера его никогда не прельщала, Монтгомери мечтал об адвокатской карьере.

Но после окончания Вест-Пойнта Рой попал на офицерские курсы, которые готовили ракетчиков для эскадрилий МБР. После девятимесячной подготовки по программе операторов боевых расчетов пусковых установок ракет «Титан» Монтгомери стал заместителем, а затем и командиром расчета. Служил он исправно, обязанности не слишком обременяли молодого офицера, и Рой даже закончил юридический факультет Калифорнийского университета за счет министерства обороны.

Не за горами был и конец контракта с ВВС, можно было выйти в запас и заняться адвокатской практикой. Но тут принялись ставить на боевое дежурство ракеты «Минитмен», и Роя Монтгомери отправили в учебный центр Вандерберг, штат Калифорния. Там он успешно прошел переподготовку и угодил в десятипроцентную квоту, из которой отбирают особо одаренных офицеров на должности командиров отрядов и эскадрилий.

Перед Монтгомери открывались большие перспективы, и тогда он оставил мечты об адвокатуре. Потом довелось доучиваться в штабном колледже. И тут ему повезло: хотя у Роя не было еще обязательных двадцати лет службы, он получил под начало крыло МБР «Минитмен» на базе Мэсситер, состоявшее из трех эскадрилий по пяти десятиракетных отрядов в каждой, и звание бригадного генерала.

Служба не помешала Монтгомери защитить докторскую диссертацию в области международных отношений. Видимо, поэтому его взял к себе в КНШ новый председатель комитета генерал Ричард Уордпер, который долгие годы возглавлял кафедру стратегического планирования в Военной академии и любил окружать себя мыслящими, нестандартными личностями.

В то утро Рой Монтгомери сел за завтрак, как обычно, когда не было еще семи часов. Жену свою, Салли, он предупредил, что перекусит на скорую руку прямо на

кухне и что не стоит хлопотать и накрывать для него в столовой.

Салли выросла в иной обстановке, нежели Рой, ее с пеленок окружала прислуга. И хотя она прожила с мужем уже пятнадцать лет, ее всегда коробили плебейские привычки бригадного генерала. Но Салли была воспитана в старом духе, чтила традицию провожать и встречать хозяина улыбкой и поэтому быстро приготовила мужу завтрак в их просторной кухне.

— Тебя что-то беспокоит? — спросила Салли; она сидела напротив Роя и смотрела, как он с аппетитом ест залитые горячим молоком кукурузные хлопья.

— Понимаешь, Салли, вспомнил давешнюю речь нашего Пенсионера, — сказал Монтгомери. — Странно он говорил с нами. Будто намекал... И Дика Уорднера не было. Правда, он сейчас с Президентом... К обеду оба должны вернуться в Вашингтон.

— И на что намекал Оскар? — осведомилась Салли. Она знала, что может спрашивать мужа о чем угодно. Если нельзя отвечать, Рой отшутится, и все. Тогда не следует обижаться — значит, она перешла в любопытстве пределы дозволенного.

— Его намеки, как я понял, сводились к тому, что нам с тобой необходимо отдохнуть в этом году на Гавайях, а не в Риме, — улыбнулся Рой. — И Оскар прав, Салли... От римского кофе «капуцин», спагетти и кьянти меня разнесет так, что я перестану вписываться в служебное кресло.

После тридцати пяти лет Монтгомери стал полнеть и теперь старался поменьше есть, налегал на теннис, регулярно плавал в бассейне, много ходил. Вот и сегодня он решил не пользоваться машиной и пройтись до службы пешком. А это минут сорок, не меньше. Значит, пора и отправляться.

Шуточка мужа по поводу Рима не понравилась Салли. Она поняла, что и в этом году не увидит Италии, куда уговаривала поехать Роя вот уже три года. Но Салли помнила — муж идет на службу, настроение у него должно быть приподнятым, — потому благоразумно промолчала.

Монтгомери наскоро допил кофе, поцеловал жену, вышел из кухни, кивнул старшему сыну Роберту, который уже принялся разминаться в холле (он ретиво занимался в школе каратистов), и сошел с крыльца двухэтажного коттеджа, который был его служебной кварти-

рой. Жили Монтгомери на правом берегу Потомака, неподалеку от парка, расположенного на полуострове, который омывался водами реки и Вашингтонского канала.

Хотя было еще рано, день обещал быть жарким, и генерал раздумал идти пешком. По дороге нет никакой тени... Уж лучше он пройдется раз-другой по внутреннему дворику Пентагона.

Привычно усевшись в машину, Рой повел ее мимо памятника Джефферсону, оставив его справа, затем по мосту Джорджа Мэйсона через Потомак, обогнул лагуну и выехал к огромному по площади пятиугольному приземистому дому, где с восьми часов утра по вашингтонскому времени начиналось его боевое дежурство.

...Заканчивался первый час дежурства, когда бригадный генерал Рой Монтгомери принял приказ «Идет град», снимающий блокировку ракетных пусковых установок. Его тотчас прошибло холодным потом, он замешкался на несколько секунд, но затем дрогнувшим голосом распорядился открыть канал телекодовой связи. И только потом отметил, что особый символ в ядерной карточке, разрешающей ракетный удар по противнику, означает: код этот принадлежит не Президенту.

Монтгомери знал, что начинать боевые действия имеет право только Президент Соединенных Штатов Америки, являющийся по конституции главнокомандующим всех вооруженных сил страны, и то после согласования с Советом национальной безопасности. Но право на ответный удар имели еще четыре человека кроме Президента. Вице-президент был в отъезде. Он отпадает... Остаются еще трое — министр обороны, его первый заместитель Норман Гернси и председатель КНШ.

Шифр-код принадлежал Пенсионеру Перри...

3

Технические специалисты прибыли на командный пункт Юрия Макарова тридцатого июня. Его ракетной части предстояло решить важное задание командования: провести экспериментальный демонтаж межконтинентальной ракеты в рамках Московского предварительного Соглашения о полной ликвидации этих средств доставки ядерного оружия. А после предстоящего подписания в Вашингтоне общего Договора распространить собственный опыт среди других ракетных подразделений.

Инженеров и техников возглавлял начальник техни-

ческой службы соединения полковник Гаенков. Он носил старомодное отчество: его звали Алексеем Ермаковичем.

Юрий Макаров радушно встретил гостей, угостил ароматным чаем с травами — их запас постоянно пополняла начальник медслужбы. А уж затем Гаенков пригласил заместителя командира части по вооружению Вологодского, которого в обиходе называли главным инженером, в его кабинет при энергоцентре. Предстояло еще раз обговорить график завтрашних, таких ответственных работ.

Уходя с КП, Иван Вологодский, который происходил из потомственных моряков и сам до службы в Ракетных войсках успел поработать уже и на флоте, сказал командиру:

— Ежели станет тошно от вопросов, позову тебя на помощь, Юрий Иванович... Свистать тогда всех наверх!

Гости заулыбались.

— Приедем в следующий раз — будем менять головки на корзины с грушами для марсиан, — подмигнул Макарову полковник Гаенков. — И тогда переквалифицируйся в управдомы, ракетчик...

— Зачем же в управдомы? — возразил Макаров серьезно. — Буду арифметику преподавать ребятишкам. Давняя моя мысль, между прочим. Важная наука — арифметика...

Странное чувство владело Юрием Ивановичем с той поры, когда он узнал, что именно с его части, возможно, начнется ликвидация боевых ракет. Вроде совсем недавно (тогда он был еще командиром группы) их соединение, разместившее боевые порядки в горных долинах вблизи города Рубежанска, оснастили современными установками. Макаров гордился тем, что получил под начало столь грозное оружие. Хотя старался не допускать и мысли, что оно будет когда-нибудь применено, не дай, как говорится, и не приведи, но человеческая природа такова: всегда щекочет самолюбие, когда в руках твоих самое-самое...

И вот теперь именно ему предстоит осуществить пока еще пробный демонтаж одной из ракетных установок. И если лидеры двух государств подпишут Договор последнего этапа, Юрий Макаров, конечно, порадуется этому. Как и всякий здравомыслящий человек, он понимал, что мир зашел в тупик: ведь на каждого землянина заготовлено несколько десятков тонн взрывчатки, да еще и химия, не считая чумной заразы... Давно пора выби-

раться из смертельного угла, в который загнали себя люди. И все-таки ему было несколько грустно от предстоящей операции, которая в будущем может превратить его грозное и мощное оружие в груду металлолома.

И Макаров с удивлением прислушивался к сложным и противоречивым чувствам, обуревавшим его. Он понимал, что военная косточка в нем ой как сильна, что любовь к ракетному оружию он впитал в себя с детства, принял от отца... Но и про арифметику сказал правду. Юрий Макаров действительно собирался в педагогический институт, но отец сказал ему еще в восьмом классе: «Уважаю твою идею, сынок... Но время неспокойное сейчас, а ты вырос в военной семье, офицер из тебя получится отменный. Потомственность — большое дело. Что ты скажешь о суворовском училище?»

«Если примут — поеду учиться», — просто ответил Юрий. Он помнил, что старший его брат, Василий, захотев стать военным моряком, окончил сначала нахимовское в Ленинграде.

...Подполковник Вологодский все еще совещался с коллегами, когда Юрий Иванович собрался домой, в жилой городок. Он еще раз проверил, как разместились технические специалисты Гаенкова, затем позвонил вниз, на командный пункт, где находилась дежурная смена, и вскоре вывел «уазик» на шоссе.

До Рубежанска, на окраине которого находился жилой городок ракетчиков, Макаров добрался минут за пятьдесят. Сегодня он ехал без водителя — и потому довольно быстро. Жены дома не оказалось. Средний сын, десятилетний Юрашка, сообщил, что мама ушла к тете Зое — жене полковника Гаенкова — и что ужин на плите.

— Аринка с мамой, — продолжал Юраша информировать отца, стоя у него за спиной, пока тот умывался в ванной комнате, — а я один скучаю...

Едва Макаров вытерся и направился на кухню, зазвонил телефон.

— Юрий Иванович, — услышал он голос Зои Федоровны, старшего лейтенанта медицинской службы, — Лариса Семеновна у нас... Уже домой собирается, так что вы не беспокойтесь.

Макаров поморщился. Его угнетала двусмысленность ситуации.

— Спасибо, что позвонили, — сказал он, стараясь говорить полюбезнее.

— Вы завтра с утра будете в части? — спросила Гаенкова.

— С утра, Зоя Федоровна.

— Захватите меня с собой?

— Конечно, — ответил командир. — Отчего же не захватить!

— Спасибо! — радостно зазвенел в трубке голос Зои. — Спасибо, Юрий Иванович...

Макаров положил трубку и вздохнул.

Вот уже несколько лет эта женщина безнадежно любила его.

4

— Начинайте тренировку, — спокойно произнес Президент Соединенных Штатов, удобнее устраиваясь в кресле. — Пора.

...Известия из Европы были крайне неутешительными. Брошенные в атаку командованием НАТО разведывательно-ударные комплексы, в том числе и «Эссоулт-брейкер» — а их предназначали для поражения танков противника за двести километров от переднего края, — натолкнулись на прочную оборону русских и их союзников в районе Центральноевропейского театра военных действий. Мощная ударная группировка «атлантистов», насчитывающая около миллиона человек, семь тысяч танков и две тысячи боевых самолетов, половина которых была оснащена ядерным оружием, — вся эта армада не в силах опрокинуть противника. А он быстро оправился от неожиданного нападения и уже переходил в наступление южнее и севернее Берлина, угрожая одновременно левому флангу и направляя мощный удар в район базы территориального командования «Шлезвиг-Гольштейн».

И только когда в Центральной Европе мощные бронированные порядки русских и армий их союзников принялись неуклонно теснить натовские дивизии к Ла-Маншу, Президент Соединенных Штатов принял решение о нанесении ядерного удара.

...Президент сидел в кресле за главным пультом нового командного центра, вырубленного в гранитной толще Аппалачского хребта, вблизи небольшого городка Уайт-Бэр, превращенного теперь в секретную военную базу. Его довольно просторное помещение размещалось на глубине полутора тысяч футов. Оно сообщалось с поверхностью наклонным туннелем длиною пять тысяч футов, по которому бегали небольшие вагончики электри-

ческой железной дороги. Вагончики прибывали на подземную станцию, которая, как и станция отправления у входа в туннель, тщательно охранялась военной полицией. Во время пребывания на командном пункте Президента она усиливалась агентами секретной службы из личной охраны главы государства.

С поверхности уходил вниз вертикальный туннель, по которому двигался скоростной лифт, доставлявший дежурных операторов в главный зал ЦКП. Его стены были заполнены большими и малыми экранами, на которых можно было получить видеоизображения из двухсот крупных городов Соединенных Штатов, с ракетных и авиационных баз, отсюда можно связаться через спутниковые системы трансляции с командованием американских флотов.

Пульт управления, за которым размещались Президент и председатель Комитета начальников штабов, установлен был на некотором возвышении, ближе к задней стене операционного зала, так, чтобы они видели перед собой основные экраны. Все пространство между экранами и центральным пультом занимали столы, за которыми сидели операторы-направленцы, отвечавшие за группы пусковых ракетных установок, нацеленных на определенные объекты потенциального противника. На каждом столе установлены экран для дисплея и мини-ЭВМ.

Сегодня рядом с Президентом, который с началом военных действий становится верховным главнокомандующим вооруженными силами США, с правой стороны от него, сидел председатель Комитета начальников штабов генерал Ричард Уорднер. Он был на пять лет старше Президента, которому месяц назад исполнилось пятьдесят два.

Дежурный генерал закончил обзор военных действий в Европе и снова уселся за пульт, стоявший справа и наискосок. Он выжидательно смотрел на Президента.

И тут генерал Ричард Уорднер увидел, как Президент ввел в пульт телекодовой связи личный шифр ядерной карточки.

...Русские произвели пуск, едва американские «Минитмены» вырвались из шахтных укрытий и взяли курс на заложенные в их электронную память цели.

Президент и генерал Уорднер знали об этой главной стратегической идее потенциального противника — никогда не применять ядерное оружие первым, но быть готовым поднять в воздух собственные мощные ракеты

дальнего действия, которые нацелены на территорию Соединенных Штатов, сдерживая их от необдуманных действий.

Одно за другим приходили на командный пункт сообщения о летящих к Американскому континенту ответных русских ракетах. Сейчас левая половина операционного зала следила за полетами «Минитменов», а правая, связанная с национальной системой НОРАД, штаб которой находился в Колорадо-Спрингс, постоянно выдавала информацию о приближающихся баллистических ракетах Советов. Первым сообщил о них сектор наблюдения радиолокационной системы противокосмической обороны. Затем пришли сигналы от сектора наблюдения системы загоризонтных РЛС — мощных радиолокационных станций. Включились в общую информационную сеть РЛС, которые предупреждали о том, что русские дали ракетный залп с подводных лодок, находящихся в Тихом и Атлантическом океанах.

Условные ракеты приближались...

Была немедленно приведена в боевую готовность система противоракетной обороны, которая прикрывала тридцать городов Соединенных Штатов, и среди них Портленд, Сент-Луис, Атланту, Эль-Пасо, Денвер, Питсбург и другие. Готовы были подняться в воздух и антиракеты «Спринт», защищавшие ракетные базы.

А система контроля за космическим пространством непрерывно и бесстрастно выдавала сведения, роковая суть которых заключалась в неизбежности факта: около половины русских ракет прорвутся сквозь заграждения ПРО и нанесут чудовищной силы удар по земле Соединенных Штатов.

— Переключите каналы связи на территорию Штатов! — приказал Президент дежурному генералу.

Генерал Уорднер понял, что Президент хочет увидеть, каким может быть удар по его стране.

Все экраны операционного зала передавали теперь изображения тех городов и военных баз, куда с огромной скоростью, во много раз превышавшей скорость звука, мчались ракеты с мегатонными зарядами и разделяющимися головными частями. Президент и Ричард Уорднер, дежурный генерал, операторы-направленцы видели на цветных экранах базу ВВС Вандерберг и деловой центр Чикаго, многолюдные улицы Нью-Йорка, автомобильные заводы Детройта, порт Сан-Франциско, Бостон, Филадельфию и другие города. Там шла обычная мирная

жизнь, и никто не подозревал об ужасной катастрофе, готовой вот-вот обрушиться на них с чистого, безоблачного неба.

Первым вспыхнул и тут же погас экран телевизионной камеры, передающей изображение базы атомных подводных лодок-ракетоносцев в Кингс-Бее, штат Джорджия. По базе нанесла удар русская подводная лодка, она пряталась в глубинах Атлантического океана.

— Свяжитесь с командующим подводным флотом! — приказал Ричард Уорднер дежурному генералу.

— Базы Кингс-Бей больше не существует, — доложил адмирал Рудольф Пунг. — Не успели выйти в море и уничтожены субмарины «Аляска» и «Вашингтон». В квадрате «Уиски-десять» русскими торпедирована подводная лодка «Мичиган». Нет связи с авианосцем «Форрестол»...

Адмирал Пунг хотел продолжить доклад, но в это мгновение вспыхнули изображения сразу на трех экранах центральной части стены-панели. Включились телекамеры, установленные в Сиэтле, Чикаго и родном городе Президента — Сент-Поле, столице штата Миннесота, расположенной в верховьях великой американской реки. На этот раз телекамеры оказались на достаточном расстоянии от эпицентра взрыва, и Президент успел увидеть развертывающиеся атомные грибы в этих трех городах...

Клубы огня и дыма поднялись и над городом Миннеаполисом, что разбросал кварталы на другом берегу неширокой здесь Миссисипи, напротив Сент-Пола. Взрыв атомной боеголовки пришелся на тот район города, где когда-то Президент, выпускник юридического факультета Миннеаполисского университета, начинал адвокатскую деятельность. Не в силах видеть гибель родного города, Президент отвернулся и непроизвольно перекрестился. У него сжалось и заныло сердце, хотя он понимал, что все это происходит на командно-штабных учениях, а не реально...

Теперь сообщения поступали отовсюду.

Наряду со сметенными с лица земли промышленными центрами ракетные удары пришлись по военным базам Майнот, Гранд-Форкс и Элсуорт в Северной и Южной Дакотах, Уоррен в штате Вайоминг, Мальстром в Монтане и другим. Не было пока связи с центральным штабом Стратегического авиационного командования, расположенным в Оффут-Филде, штат Небраска. Поэтому уцелевшие после ядерного удара подразделения на-

земных ракетных сил через воздушные командные пункты, которые круглосуточно находились в полете, сообщали о потерях прямо сюда, в этот новый ЦКП главнокомандующего...

А на телевизионных экранах, которые поочередно включали операторы, принимая сообщения от уцелевших камер, развертывались картины гибели американских городов. Президент пропустил мимо сознания доклады о тех ракетах «Минитмен», которые преодолели ПРО русских и взорвались в Сибири и на Дальнем Востоке, на Украине и в Средней Азии... Что ему до жертв, которые понесет Россия, если на его глазах гибнет в ядерном кошмаре Америка!

Загорелся экран — он был связан с камерой в Нью-Йорке, охваченном сейчас огнем и клубами дыма. Уже рухнули все этажи Эмпайр Стейт Билдинг, обломилась наполовину одна из двух гигантских башен торгового центра, исчез, рассыпавшись от прямого попадания ракеты на тысячи обломков, шестисотметровый монстр в двести этажей, построенный, несмотря на протесты американской общественности, для Дональда Трампа фирмой «Де Симон».

На мгновение мелькнула в ядовито-багровом просвете уцелевшая пока статуя Свободы, и Президент словно увидел такие гордые когда-то слова:

Пусть придут ко мне
Твои усталые, нищие,
Твои мятущиеся толпы,
Жаждущие дышать свободно,
Отчаявшиеся отбросы...
Я подымаю факел
У золотых ворот.

«У ворот смерти!» — мысленно воскликнул Президент.

Служба информации гражданской обороны начала передавать сообщения о предполагаемом понесенном ущербе. Цифры были приблизительными, но и они оказались ошеломляющими...

— «Когда он открыл вторую печать, я увидел второго зверя, и сказал мне: «Иди и смотри», — прошептал Президент.

Ричард Уорднер услышал его и понял, что Президент вспомнил Откровение Иоанна Богослова.

«Да, — подумал председатель КНШ, — се грядет Армагеддон. Белый конь разрушит Америку, если «бе-

шеные» толкнут нас на войну. Придут и красный с черным... И не один за другим, как обещано в Апокалипсисе, а оба сразу».

Уцелевшие от первого удара радиолокационные станции загоризонтного наблюдения сообщили, что со стороны России идет вторая ракетная волна. Ее выпустили те установки, которые сохранились после ядерного нападения американцев и продолжали действовать независимо от того, живы ли их боевые расчеты.

Это был конец света... Поднялся в воздух знаменитый меч возмездия — о его существовании всегда предупреждали русские.

А Президент вспомнил банкет в Кремле по случаю его визита в Москву и подписания там предварительного Соглашения по Договору последнего этапа, который досужие журналисты сразу окрестили договором ласточек мира. Тогда он пошутил по поводу новой особенности русских не употреблять спиртное в обиходе, а на торжественных встречах тем более.

— Ну, а я, левый консерватор, как называют меня в наших газетах, выпью старого доброго виски, — сказал он, чокаясь с бокалом гранатового сока, который держал в руке улыбающийся советский лидер. — Надеюсь, меня не покарает за это ваш суровый меч возмездия?

Приветливое, открытое лицо русского руководителя затвердело, улыбки, к которой уже привык за эти дни Президент, как не бывало. Президент понял, что шутка его оказалась, мягко говоря, неудачной. И сослаться на неверный перевод нельзя: принимавший заокеанского гостя хозяин прекрасно говорил по-английски.

— Я понял, что это шутка, мистер Президент, — сказал он. — Но есть вещи, в отношении которых шутки неуместны. Мы бы давно отказались от этого меча... Будем надеяться, что после подписания нами договора мы сделаем решительный шаг к уничтожению всех ядерных мечей...

И этот загадочный русский снова улыбнулся, отпил из бокала глоток темно-красного, почти черного, сока.

...Президент, повернувшись к Уордиеру, махнул рукой. Председатель КНШ правильно понял главнокомандующего. Он подал знак дежурному генералу, и тот щелкнул тумблером, отключающим имитационную систему.

Разом погасли экраны. Смолкли, запнувшись на середине фразы, динамики. Командно-штабные учения «Ар-

чиблимп-99», которые проводились в условиях, максимально приближенных к боевым, закончились.

— Еще несколько таких представлений, и кое-кому понадобится психиатр, — криво усмехнувшись, сказал вполголоса Президент, обращаясь к Уорднеру.

Генерал пожал плечами.

— Вы знаете, мистер Президент, что я всегда считал этих потомков «Толстяка» опасными игрушками, — сказал он.

Председатель КНШ попытался ободряюще улыбнуться Президенту, но Ричард Уорднер делать этого не умел. Генерал никогда не улыбался.

5

Гости у Макаровых собрались к обеду, но виновника семейного торжества все еще не было дома, хотя время перевалило за полдень. Тогда Иван Егорович хмуро сказал начавшей нервничать дочери:

— Накрывайте на стол... Что за порядки — столько взрослых людей ждут одного мальчишку?!

— Видно, клева нет, дедушка, — заметил Андрей, старший внук генерала, сын Василия Макарова от первой жены.

— Или слишком клюет, — проворчал дед, не захотев принять извиняющую поведение Витьки реплику Андрея.

«Этот бы явился вовремя, — подумал о нем неприязненно Иван Егорович. — Правильный мальчик, воспитанный...»

Решив, что о праздничном обеде высказался достаточно определенно, генерал Макаров молча прошел в домашний кабинет. Это была небольшая комната с единственным окном на озеро. Поверхность воды поблескивала в лучах июльского солнца, просвечивала сквозь стройные ели и высоченные, под стать соседкам, березы, что остались здесь от дремучего некогда бора.

Усаживаясь за стол, Иван Егорович осудил себя. Зачем так неприязненно думать об Андрее? Ведь парнишка вовсе не виноват, что Ксения, его мать, уехала с малышом из Гремяченска, оставила Василия, законного своего мужа, который почти всегда был в океанских походах.

Генерал хорошо знал значение искренней верности настоящей командирской жены. Его самого Елена прождала четыре года войны, а потом беспрекословно, едва

муж получал новый приказ о назначении, мчалась за ним повсюду, прихватив чемоданы с самым необходимым, троих собственных ребятишек и приемыша-племянницу. И всех она подняла на ноги, вывела в люди, рассчитывая больше на свои силы, чем на его реальную мужскую помощь: ведь все свое время ее Иван отдавал ракетам. Порой Елена в шутку называла ракету «байбише», что означало на казахском языке — «старшая жена». Иван Макаров смеялся и всегда спрашивал: какая именно из ракет?.. Ведь их в его жизни было немало, он занимался ракетами с сорок шестого года, когда после войны сдал полк «небесных тихоходов» преемнику и поехал в Н-ск изучать «изделия», о существовании которых в ту пору знал весьма ограниченный круг лиц.

Начинал он с первых отечественных боевых ракет, испытывал их, командуя особым дивизионом на полигоне. Потом снова учился, осваивал добрую «машину», высокой точности попадания и с хорошей мощностью, ее потом янки назвали СС-4, или, по натовской классификации, Sandal — «башмак» значит. Был и командиром подразделения этих ракет. Потом оказался пионером постановки межконтинентальных на боевое дежурство, затем и Академию Генерального штаба окончил...

Может быть, и служил бы еще, да только оставила его одного на этом свете Елена. И утрата жены надорвала генерал-лейтенанту Макарову сердце. От инфаркта врачи отстояли, а вот ракетное дело пришлось передать молодому заместителю... Надо вовремя уходить, передавая дело в надежные руки. Уходить, не пересиживая в кресле или на командном пункте.

Иван Егорович вспомнил, что вот-вот покинет пост и Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения. В тот день, когда он подал рапорт, недели две тому назад, заехал к Макарову, сказал об этом.

— Послужил бы еще, — осторожно заметил отставной генерал, дома они были с Главкомом на «ты», — успеешь, поди, в «райскую» группу...

— Думаешь, мне легко на это решиться? — спросил Главком. — Столько лет отдано делу... Ты, правда, раньше меня начал, но и я с Неделиным еще работал вместе. А вот силы, Иван, не те... Только работать хоть чуть слабее совесть не позволяет. Уступлю место более молодому, здоровому. Вовремя уйти — это, брат, великое дело...

Потом Иван Егорович узнал, что в связи с рапортом Главкома пригласил к себе на беседу Председатель Со-

вета Обороны. Поговорили по душам... Убедился Председатель в обоснованности маршальской просьбы, поблагодарил за службу, пожелал ему доброго здоровья.

— Опыт у вас большой, — сказал он. — Помогите на первых порах тому, кого подберет на ваше место Политбюро.

Ну а пока замена еще не пришла, попросил Главком разрешения у Министра обороны выехать на два-три дня в одну из ракетных частей, где еще раньше был запланирован учебно-боевой пуск ракеты. Последний его пуск...

«У меня их уже не будет, — с привычной грустинкой — он приучил себя спокойно относиться к сложившемуся положению — подумал Иван Егорович, усаживаясь за письменный стол и раскрывая папку. — И все-таки что-то значит еще старый Макаров, если идут к нему за советом молодые генералы».

Последняя мысленная фраза относилась именно к зеленой папке, которая лежала у него на столе. Утром заехал к нему молодой генерал Михайлов, отдал папку, смущаясь, попросил полистать на досуге.

— Досуга у меня хоть отбавляй, — сказал Макаров. — А что это за роман, Виталий Дмитрич? Детектив какой?

Михайлова он знал хорошо: ученик его и выдвиженец. Был у Макарова начальником штаба. А с год назад Главком, которому этот бывший моряк нравился, взял его к себе в Шимолино заместителем начальника Главного штаба.

— Тут кое-какие мысли, — несколько запинаясь, что в общем-то на Михайлова не было похоже, сказал генерал-майор. — По нашей с вами службе в Каменогорске. А в академии считают — нужная разработка. Просят оформить как научную работу.

— Даже так?! — улыбнулся Макаров. — А что? Если в академии говорят... Вон у янки: там у них почти все генералы с докторскими степенями. А чем наши хуже?

— Одобряете, значит? — спросил гость.

— Это я потом тебе скажу, когда ознакомлюсь. О чем ты тут сочиняешь?

— Тема нужная, Иван Егорович. Мы с вами ее не раз обсуждали, разумеется, ракетные проблемы. В условиях Каменогорского региона, конечно...

— А наши споры-разговоры с сухопутными друзьями учел?

— А как же! — воскликнул Михайлов. — Они, как говорится, легли краеугольным камнем.

— Тогда беру, — сказал Иван Егорович. — Окунусь, так сказать, во времена былые. Сам-то куда собрался?

— Летаем сегодня, Иван Егорович. Плановая тренировка на воздушном командном пункте. Летаем...

— А ведь верно. И мой зятек еще с вечера собирался.

— С ним и работаем сегодня.

— Самое время тренироваться, — покивал Макаров.— Не всем по душе недавние московские переговоры. Как бы чего.... Тьфу-тьфу! — Генерал Макаров постучал пальцем по столешнице. — Довольны твои ребята новым ВКП? — спросил он.

— Нет слов! Да вы сами слетайте разочек...

— Как-нибудь соберусь, — ответил Иван Егорович и пошел провожать торопившегося гостя.

Зять Макарова, полковник Гусев, выехал на аэродром еще утром.

6

— Контакт утерян! — бесстрастно сообщил старший гидроакустик.

Василий Макаров мысленно чертыхнулся. Он давно, еще в курсантские годы, научился никогда и ни при каких обстоятельствах не выдавать чувств, ибо внушил себе однажды, что выдержка и невозмутимость суть неотъемлемые качества морского офицера.

Таким он оставался и в обыденной, повседневной жизни. Под нею Василий Макаров понимал время, которое проводил на берегу, или на «поверхности берега», как шутили подводники, почти не бывавшие на поверхности океана. А жаль! Может быть, стоило Василию изменить этому принципу и ударить кулаком по столу, когда Ксения сказала ему, что хочет уехать из Гремяченска в Ленинград. Может, все обошлось бы. Но Макаров не был бы Макаровым... «Хорошо, — сказал он, — поезжай». И даже не добавил: «Если ты так хочешь».

Весь экипаж атомной подводной лодки «Сибирский комсомолец» подражал командиру: и в манере одеваться с особым морским шиком, и в подчеркнутой вежливости обращения, и в постоянной невозмутимости.

Поэтому и старший гидроакустик доложил командиру о промашке так, будто это его вовсе не касалось. А это всех касалось...

— Ищите контакт! — спокойно приказал Василий Макаров, как будто ничего особенного не случилось.

Капитан 1 ранга знал, что этот приказ излишен, субмарину «Мичиган» и так ищут, и ее обязательно найдут. Они просто не имеют права ее не найти, хотя и шумит эта чертова лодка незначительно.

«Интересно, — подумал Василий Макаров, — слышит ли меня сейчас Вудро Мэйсон? Пусть слышит... Пусть не надеется, будто оторвался от меня. Утратили контакт? Ничего, сейчас его восстановим...»

Капитан 1 ранга понимал, что Вудро Мэйсон, его, так сказать, коллега на «Мичигане» и потенциальный противник, не может знать, что русский подводник потерял с ним контакт, что Макаров пока не слышит шумов американской лодки. «Комсомолец» шумел сильнее, поскольку обладал более мощным двигателем, позволяющим и плавать быстрее, и погружаться скорее на большую глубину, в то время как у «Мичигана» подводный порог еще меньший. Но достигнутое преимущество в одном приводило неминуемо к проигрышу в другом. Поэтому внесены были изменения в характер действий. Они и не пытались скрыть того, что надежно «прикрывают» янки, готовы в любой момент, используя выгодные качества — скорость, маневренность, глубину погружения, — нейтрализовать их происки.

«Ладно, Мэйсон, быть тебе на веревочке, — подумал Макаров, увеличивая скорость «Сибирского комсомольца». — И никакие хитрые маневры тебе не помогут... Так и надо.

— Есть контакт с «Мичиганом»! — весело доложил гидроакустик. — Шумопеленг характерный и устойчивый!

— Добро, — ровно сказал командир. — Больше не выпускайте его...

Он повернулся к капитану 2 ранга Ростову, своему старшему помощнику:

— Скорость пока не сбавляйте, подберемся к нему поближе и попробуем походить на коротком поводке. Только не слишком коротко, Юрий Николаевич. А то как бы наш кап-раз Мэйсон не запсиховал... Этого нам не нужно.

«Пусть только знает, что мы где-то рядом, — этого достаточно», — хотел сказать старпому Макаров, но Ростов и сам это хорошо понимал: Василий уже аттестовал его в командиры. Сам он, Макаров, с детства был приучен

понимать все с полуслова, того и от подчиненных требовал.

— Буду у себя, — сказал он Ростову и покинул центральный пост, который на лодках этого типа побольше иной из аудиторий военно-морской академии. Все на подводных лодках такого типа сделано основательно, солидно, начиная с этих мощных реакторов и кончая плавательным бассейном, как на каком-нибудь шикарном лайнере. О тесноте дизельных субмарин, которая вошла во все морские анекдоты, подводники давным-давно позабыли.

В просторной трехкомнатной каюте — кабинет, салон для отдыха и спальня — командир снял легкую пилотку и повесил ее в рундук у входной двери. Затем достал из бара, вмонтированного в одну из переборок салона, высокий хрустальный стакан, вынул из холодильника банки с гранатовым, вишневым и апельсиновым соками, лед и нарезанный уже лимон, смешал жидкости в миксере и соорудил себе коктейль.

Со стаканом в руке Василий прошел в кабинет, сел к столу и достал из ящика толстую тетрадь в кожаном переплете с прошнурованными страницами. В этой тетради командир лодки вел личный дневник. Это занятие помогало ему снимать психологические нагрузки подводного плавания, а также груз постоянной огромной ответственности командира корабля, который к тому же не имел права ни с кем из экипажа поделиться душевными сомнениями и такими понятными в их общем положении тревогами. Со всем этим Макаров оставался наедине, он и в дневнике не писал ни о чем, позволяющем усомниться в крепости его духа. Командир попросту вел разговор с самим собой, записывал наблюдения за товарищами, их настроением и особенностями поведения в экстремальных условиях.

«Сегодня день рождения у Витьки Макарова, — записал Василий в дневник, — а у моего Андрея — седьмого сентября. Как там мой брательник?»

Мысли о визите американского Президента в Москву, переговорах, на которых он, возможно, согласится подписать Договор о последнем этапе ликвидации ядерного оружия, навели Макарова на собственные заботы. Он знал, что по окончании нынешнего плавания в океане ему надлежит вести лодку на завод-изготовитель, где предстояло переоборудование «Сибирского комсомольца»,

А в связи с этим немало забот и ему, командиру, добавится.

Макаров вздохнул и перелистал дневник. Между страниц он увидел конверт и улыбнулся: этот курьезный сувенир подарил ему в прошлом году его тезка, Василий Ларионов, корреспондент ТАСС в Соединенных Штатах. Когда-то они учились в одном классе.

По случаю юбилейного запуска «Спейс шаттла» Ларионов попал в космический центр Джонсона. В киоске для туристов он купил за один доллар этот сувенирный конверт, посвященный программе «Уайтклауд»... Курьез был в том, что эта сверхсекретная программа предусматривала использование спутников для слежения за перемещением в Мировом океане советских подводных лодок, значит, и Василия Макарова тоже.

«Название этой программы запрещено даже употреблять в телефонных разговорах тем, кто с нею связан, — пояснил Ларионов. — Но бизнес есть бизнес... Кто-то решил погреть руки на сувенирах и рассекретил «Уайтклауд». Держи сувенир и помни, что за тобой очень бдительно присматривают сверху».

На конверте жирно значилось: «Программа «Уайтклауд». Далее шло пояснение: «Осуществляется научно-исследовательской лабораторией ВМС. Предусматривает распределение на орбитах высотой 1100 км вспомогательных спутников, которые передают информацию на основной спутник, чтобы обеспечить покрытие большой акватории. Спутники оснащены антеннами для обнаружения сигналов связи. Первая группа спутников была запущена 30 апреля 1976 года». Был на сувенире и штамп гашения базы ВВС Вандерберг, откуда запускаются спутники. Не забыли «сочинители» рисунок основного спутника и вспомогательных трех, смонтированных на нем.

«Дела, — покачал головой командир, в который раз рассматривая удивительный конверт. — Интересно, есть ли такой у моего подопечного Мэйсона?»

Василий Макаров еще не знал, что капитан 1 ранга Вудро Мэйсон две минуты назад получил шифр-приказ: привести пусковые установки «Трайдент» в боевую готовность.

7

— Послушайте, Эрвин, — заворочался на сиденье автомобиля Президент, пытаясь приподнять двести с лишним фунтов мускулистого тела начальника секретной

службы, который навалился на него, защищая собой от возможного обстрела сверху. — Вы дадите мне хотя бы выползти из-под вас?..

— Извините, мистер Президент, — сказал Эрвин Додж и приподнялся. — Но опасность все еще велика! И я не могу...

— Дайте же мне сесть, Эрвин, — нетерпеливо прервал его Президент, высвобождаясь и отводя в сторону руку Доджа, которая мешала ему поднять голову. — И объясните наконец, что все это значит?!

Президент выпрямился на сиденье, опасливо поглядывая на Эрвина Доджа. Тот все еще норовил подмять под себя главу Американского государства, сохранить его жизнь ценою собственной, ведь в этом и был смысл его службы.

— Покушение, мистер Президент, — спокойно, будто ему приходилось сталкиваться с подобным ежедневно, сообщил Додж.

— Черт побери! — воскликнул глава государства. — Значит, и меня не миновала сия президентская привилегия!

Эрвин Додж пожал плечами.

— Дайте мне сигарету, — попросил Президент, который не курил с той поры, когда включился в предвыборную борьбу против соперника. Советники обещали ему за это голоса домохозяек, школьных учителей и членов религиозно-консервативных сект, проповедующих воздержание от мирских соблазнов. Но кто сейчас увидит Президента с сигаретой во рту, когда он потерял связь со всем миром и мчится в неизвестность на захваченном Доджем «шевроле» выпуска восемьдесят пятого года.

Начальник секретной службы растерянно похлопал себя по карманам.

— Бросил, — сказал он. — Как и вы, мистер Президент...

Не поворачиваясь к ним и не отводя глаз от дороги, телохранитель Дик Хиллгарт снял правую руку с рулевого колеса, нащупал в кармане пиджака сигареты и протянул их назад вместе с зажигалкой.

— Но ты ведь не куришь, Дик, — удивился Додж.

— Держу на всякий случай, — невозмутимо ответил Хиллгарт.

Президент нервно рассмеялся.

— Молодец, Дик, — сказал он. — Вот и представился случай... Останемся живы, я буду просить у конгресса его Почетную медаль для вас, Хиллгарт... Не только за мужество, но и за эту сигарету.

Он сильно затянулся дымом и снова спросил Эрвина Доджа:

— Так что же все-таки это было?

...С вертолетной площадки у подножия вершины Митчелл в Черных горах они взлетели рано утром — не было еще и семи часов по вашингтонскому времени.

Отсюда до столицы было около шестисот миль по прямой. Но почти весь маршрут тогда пролегал бы над Аппалачами, хоть и не такими высокими, как Скалистые горы на Западе, но в отдельных местах достаточно опасными для вертолета. Сама Митчелл поднималась над уровнем океана на 6707 футов.

У службы безопасности было два варианта пути-дороги для Президента и сопровождавшего его председателя Комитета начальников штабов из Центрального командного пункта в Белый дом. Один — немного подлиннее — начинался от западного склона горы Митчелл, через верховья реки Теннесси, в районе города Эруин, затем над долиной Северного Холстона — на Блуфилд, Сейлем — до виргинского города Шарлотсвилла.

Второй маршрут проходил над Моргантоном, каскадом водохранилищ в верховьях Уотери, пересекал реку Ядкин в районе города Элкин, шел на Данвилл и Линчберг и сходился с первым вариантом полета в Шарлотсвилле. Отсюда через Калпепер и Манассас вертолет следовал до вашингтонского пригорода Арлингтон, где Президента и Ричарда Уорднера встречали специальные машины с охраной и соответствующим сопровождением.

В Шарлотсвилле же базировалась вертолетная эскадрилья — она обычно высылала два вертолета сопровождения навстречу, когда с горы Митчелл, которую называли еще Черным Куполом, приходило уведомление, что Президент вот-вот вылетит в Вашингтон по одному из маршрутов.

Вышли вертолетчики охраны и на этот раз. Встречать машину Президента они собирались не к востоку от Черного Купола — именно этот вариант в последний момент выбрал глава государства как более короткий (вместе с генералом Уорднером он собирался еще до обеда провести расширенное совещание начальников штабов), — а на западном склоне Аппалачских гор.

Эрвин Додж, начальник секретной службы министерства финансов, забота которой — охрана Президента, уже начинал беспокоиться по поводу отсутствия вертолетов. Ведь они должны были встретить их сразу же после взлета. И вдруг пилот вытянул руку и показал влево по курсу.

— Вот и наши поводыри, — услышал в ларингофонах его голос Эрвин Додж. — Пока, правда, только один...

«Но почему один? — по привычке встревожившись, подумал главный телохранитель. — Ведь из Шарлотсвилла мне ясно сказали, что вылетели два вертолета и назвали их бортовые номера... В чем же дело?»

Додж не успел еще принять решение, как услыхал слова второго пилота, обращавшегося к командиру:

— Послушайте, майор, это не наша машина. По-моему, к нам идет «летающий банан» копов...[1]

«Глазастый этот парень, хоть и сидит пока на «стуле идиота», — машинально отметил Эрвин Додж (когда-то он служил в авиации и помнил еще, что так называют сиденье второго летчика). Но мысль была мимолетной, начальник секретной службы принял решение.

— Быстрее вниз! И на обратный курс! — крикнул он летчику. — Свяжитесь с базой в Шарлотсвилле: где вертолеты?! И уходи, уходи в сторону!

Майор не понял, почему он должен бежать от полицейского вертолета, но выполнил приказ тотчас же. Пилот знал, что в салоне его машины сидит с десяток людей, за жизнь которых он отвечает, а в первую очередь — за безопасность Президента. И майор резко повалил машину вправо и вниз, одновременно удерживая в поле зрения вертолет, который несся ему навстречу.

Эрвин Додж и сам не знал, почему подал летчику сигнал тревоги. Но секундой позже он услыхал в наушниках, как авиационная база ответила, что вертолеты ждут их в районе города Спрус-Пайн...

«Это ловушка! — понял начальник секретной службы. — Вертолеты вышли к западному маршруту...»

— Уходи, майор! — крикнул Додж. — Это вовсе не копы... Уходи!

Он сорвал с головы шлемофон и рванулся в салон. Там Додж увидел недоумевающего Президента, который

---

[1] Вертолет — на сленге американских ВВС. Копами в США называют полицейских. (*Здесь и далее — прим. авт.*)

едва удержался в кресле на крутом вираже, прямую спину генерала Уорднера — он сидел через стол против Президента, невозмутимые лица Дика Хиллгарта и других своих сотрудников, адъютанта председателя КНШ, дежурного генерала из ЦКП, летевшего в Вашингтон к новому месту службы, личного секретаря Президента и специального офицера по ядерным делам, который денно и нощно находился подле Президента с неизменным «черным ящиком» — в нем хранились шифр-таблицы, ракетные коды и портативная радиостанция. С помощью «черного ящика» Президент имел возможность отдать команду нанести ракетно-ядерный удар по любой части планеты отовсюду, где бы он в данный момент ни находился.

Все они выжидательно смотрели на Эрвина Доджа, и только Ричард Уорднер не повернул головы.

— Пристегнуть ремни! — крикнул начальник секретной службы. — Быть всем наготове!

Второе приказание относилось к Хиллгарту и другим агентам — как-никак, а они его подчиненные. Но ведь и остальные люди — военные. Сразу поймут — случилось экстраординарное... Но что именно? В душе Эрвина на миг шевельнулось сомнение: не поторопился ли он подымать шум? Но тут же его колебания прервала пулеметная очередь.

Эрвин Додж бросился к Президенту, готовый прикрыть его от пуль, понимая, что ничего другого начальник охраны не может сейчас сделать. Вывернется пилот — их общее счастье, а если нет...

Майор не случайно ходил в категории лихих летчиков. Когда он вдруг печенкой-селезенкой почувствовал, что этот «коп», вызвавший у Доджа подозрение, будет стрелять, резко бросил вертолет в сторону, и первая пулеметная очередь прошла мимо. Но второй очередью тот, кто сидел сейчас на пилотском сиденье «банана», достал личный вертолет Президента. Он убил наповал второго пилота, тяжело ранил одного из агентов, зацепил летчику ногу и изуродовал крупнокалиберной пулей «черный ящик».

С трудом управляя вертолетом, пилот повел его к земле, стараясь посадить машину у леса, который подступал к федеральному шоссе, между Ашвиллом и городом Уинстон-Сейлем.

Этот бандит прекрасно видит, куда стреляет, понял

пилот, и пришел, конечно, не за ним, а за тем, чья жизнь понадобилась кому-то в очень-очень большой игре.

«Надо садиться к лесу! — твердил про себя майор, видя боковым зрением, как справа от него завалилось тело второго пилота. — Только к лесу! Сесть у самых деревьев... А там нас не найти...»

Он успел сообщить на Центральный командный пункт о нападении и только усмехнулся, услышав в ответ, что высылают к ним два вертолета с охраной. «Не успеете, парни!» — хотел крикнуть им пилот, но ему некогда было отвлекаться. Вертолет-убийца мчался за ними по пятам, поливая очередями из пулемета.

Корпус президентской машины был изрешечен пулями. Уже погибли один агент и секретарь Президента. Был ранен в плечо генерал Уорднер. Досталось, кажется, и его адъютанту.

Додж, который прикрывал своим телом Президента, уже плохо воспринимал все то, что происходило в салоне. «Только бы не стрелял ракетами!» — молился он. Но всевышний, видать, не захотел принять молитву. Взрыв ракеты отрубил вертолету хвост, и машина рухнула с высоты сорока футов между шоссе и лесом. Сразивший ее «банан» промчался вперед.

Падение оглушило Доджа, но шоковое состояние длилось недолго. Он пришел в себя и увидел Президента: ударом о землю его выбросило, оборвав привязные ремни, из кресла на пол. На сломанном столике лежал генерал Уорднер. Он громко и страшно хрипел.

Додж бросился к Президенту, затормошил его и, едва увидев, что тот открыл глаза, потащил к выходному люку. Но люк заклинило...

— Позвольте мне, шеф, — услышал Эрвин голос Дика Хиллгарта.

Охранник что есть силы пнул тяжелым ботинком с окованным передком дверцу, и та распахнулась.

— Бери генерала! — крикнул Дику начальник секретной службы: он надеялся, что Ричард Уорднер жив. Остальные пассажиры вертолета ни в чьей помощи больше не нуждались. — И поторапливайся, Дик! Тащи его к лесу... Вертолет может вернуться!

Он протащил Президента метров двадцать, и вдруг тот рванулся, уперся в туловище Доджа руками.

— Куда вы меня тащите, Эрвин? — ясным голосом спросил он.

— В укрытие! На нас совершено нападение!

— Русские террористы? — ухмыльнулся Президент и шаловливо погрозил главному охраннику пальцем.

Эрвин Додж с ужасом подумал: «Глава Американского государства сошел с ума...»

— Заткнись! Бегом — марш! — вдруг неожиданно для себя рявкнул Эрвин Додж.

И Президент побежал к пыльным кустам на опушке леса.

Они уже были готовы нырнуть в них, как с севера послышалось стрекотание мотора. Это возвращался «полицейский» вертолет.

— Ложись! — крикнул Додж охраннику, увлекая Президента в кусты.

«Банан»-убийца прошел над местом катастрофы, поливая все вокруг огнем из пулемета. Пули добрались до баков с топливом, и подбитый вертолет с оглушительным грохотом взорвался. Обломки разбросало во все стороны, упали они и рядом с тем местом, где укрылись Додж и Президент.

Когда вертолет нападавших ушел, Дик Хиллгарт поднялся с земли и стоял, пошатываясь. Эрвин Додж подбежал к нему и остановился, увидев рядом тело генерала Уорднера с разбитым черепом.

Начальник охраны не позволил Президенту даже прочитать заупокойную молитву над трупом. Додж хорошо понимал, за кем охотился вертолет. Или сам «банан», или его сообщники на автомобилях примчатся сюда удостовериться в успехе покушения. Скорее подальше от этого места!

Вместе с Диком Хиллгартом он схватил Президента за руки. Все трое побежали к скале у поворота дороги. Там можно перехватить любую машину, и тогда они умчатся в безопасное место, откуда можно будет связаться с Белым домом.

...Вертолет обнаружил их неподалеку от Линкольнтона, сюда свернул Хиллгарт, чтобы по местной дороге выскочить на идущее южнее, в сторону Конкорда, федеральное шоссе. «Неужели все усилия напрасны? — подумал Эрвин Додж и прижал левым локтем кобуру револьвера, висевшую под пиджаком. — Он возьмет нас сверху, как цыплят...»

— Сейчас будет туннель, — подал голос Дик Хиллгарт, сидевший за рулем. — Туннель короткий... А я постараюсь их увести за собой.

— Спасибо, Дик, — просто сказал Президент. Он понимал, на что идет охранник, но какие сейчас нужны слова, чтобы объясниться, если времени им уже не оставлено больше?

— Возьмите, — сказал Хиллгарт и протянул из-за плеча кольт 38-го калибра. — Моя верная подружка Бетси. Возьмите, мистер Президент. На всякий случай.

Едва «шевроле» ворвался в туннель, Дик Хиллгарт резко сбавил ход, и Президент с Эрвином Доджем, рванув по обе стороны дверцы, вывалились из машины.

...В этот момент истекла третья минута того часа, который отводился на подготовку ракет к пуску шифр-приказом, отданным министром обороны Оскаром Перри.

8

Юрий Макаров стоял на парадном плацу военного городка среди офицеров, окружавших генералов, прибывших из Главного штаба. Он хотел выехать в позиционный район пораньше, но вечером позвонил командир Рубежанского ракетного соединения.

— У нас генерал-полковник Гришин, — сообщил он. — И с ним генерал-майор Алиметов из политуправления. Хотят видеть тебя и твоего замполита.

— Шапошников заступает завтра на боевое дежурство, — сообщил командир. — И я сам хотел ехать с утра в район. У меня ведь особый регламент, товарищ генерал-майор.

— Знаю, — спокойно сказал генерал. Он славился невозмутимостью, чем напоминал Юрию старшего брата. — Утром гости будут на разводе дежурных смен. Там, на плацу, они и зададут тебе и твоему комиссару пару-тройку вопросов.

Макарова так и подмывало спросить, о чем их будут спрашивать. Впрочем, ему и так ясно: первый заместитель главнокомандующего Гришин и генерал из политуправления будут говорить с ним, Макаровым, и его заместителем по политической части майором Шапошниковым по поводу их письма в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Естественно, первым его побуждением было предупредить Сергея. Они служили вместе всего второй год, но почувствовали обоюдную симпатию вскоре после того, как

закончивший Военно-политическую академию Шапошников приехал служить в Рубежанск и был назначен замполитом в ракетную часть. Юрий Макаров был тогда здесь же начальником штаба. Ему сразу понравился их новый замполит. Веселый, умеющий разрядить обстановку острым словом, человек одновременно душевный и участливый, а когда надо — строгий и принципиально-непримиримый. Довольно быстро его стали звать в обиходе «комиссаром», как называли в армии тех политработников, которые обладали особыми человеческими качествами предшественников времен гражданской и Великой Отечественной...

Поразмыслив немного, Юрий Макаров не стал звонить замполиту. Поди, и спит он уже, время позднее. А завтра ему на боевое дежурство. Скажешь сейчас — Сергей всю ночь спать не будет. Ладно, он перехватит Шапошникова в части до развода и предупредит его, что их вызывают на ковер. «Плац-ковер», — усмехнулся Макаров, вспомнив, что командир предупредил: быть им с Сергеем на плацу за полчаса до развода.

Укладываясь в постель, Макаров уже вовсе уверился: большие начальники будут беседовать с ними по тому письму. Стараясь не думать о нем, Макаров, давно занимающийся аутогенной тренировкой, пожелал Ларисе, которая сидела у секретера и читала журнал «Цветоводство» — жена работала агрономом по зеленым насаждениям в военном городке, — спокойной ночи. Закрыв глаза, он произнес в уме: «Правая рука тяжелая» — первую фразу из привычной формулы перехода в релаксацию — и тут же погрузился в крепкий, здоровый сон.

Утром поговорить с замполитом Макаров не успел. Когда он появился в казарме, большом кирпичном доме, на четырех этажах которого размещались солдаты и сержанты срочной службы, дежурный по части после обычного рапорта доложил: «Майор Шапошников звонил из автотранспортной службы, просил передать, что занят техническими проблемами, прибудет к разводу — прямо на плац».

Поэтому ему пришлось пока в одиночку тянуться перед двумя большими начальниками.

Когда Юрий представился, генерал-полковник Гришин спросил:

— Вы писали, товарищ Макаров, начальнику Главпура?

— Так точно! — отрубил Макаров.

— А кто, скажите, был инициатором письма? — подчеркнуто вежливо спросил генерал-майор Алиметов. — Вы или ваш замполит? Ведь под письмом значатся две подписи...

Макаров пожал плечами:

— Не все ли равно? Подписи мы поставили согласно алфавиту. Если бы фамилия моего замполита была Алиметов, он подписался бы первым.

Все малость опешили от явной дерзости. Но генерал-майор Алиметов приветливо улыбнулся и легонько похлопал Макарова по плечу.

— Как отвечает, а? — сказал он окружающим. — Генералов не боится, джигит, совсем не боится... И я бы тоже подписался...

Присутствующие знали, что характер у Гаджи Магомедовича непредсказуемый, и пока выжидали, куда повернет Алиметов. Похвальные слова, произнесенные им сейчас, пока еще ничего не означали.

— А вам известно, товарищ майор, что в армии запрещено подавать коллективные жалобы? — спросил Гришин.

— Это была не жалоба, товарищ генерал-полковник, — ответил Макаров. — Это, если хотите, раздумья двух коммунистов, облеченные в форму письма к другому коммунисту...

— Но ведь вы писали на имя самого начальника Главпура, — включился в разговор офицер из политотдела.

— А разве у него партийный билет не такого же образца? — послышался голос Сергея Шапошникова. Майор незаметно подошел к «плац-ковру», на который поставили его командира, и, рискуя нарваться на выговор, не доложил о прибытии сразу, сначала прислушался к разговору.

Теперь, когда генералы повернулись к нему, замполит щелкнул каблуками и с особым изяществом — он это умел — бросил руку к козырьку, доложил: майор имярек... приказанию... и так далее.

— Вольно, — несколько насмешливо, но довольный выправкой политработника, сказал Гришин. — Вот теперь полный комплект. Хороша парочка — гусь да гагарочка.

— В своем письме вы поставили под сомнение целесообразность существования в армии социалистического соревнования в нынешних его формах, — проговорил Алиметов. — Вопрос подняли серьезный, если не сказать —

глобальный. И ваши аргументы довольно основательны. Но почему сразу в Главпур? Есть и ваш политотдел, и политуправление Ракетных войск... Надо было посоветоваться со старшими товарищами, все надлежащим образом обсудить.

— К начальнику политотдела мы обращались, — ответил Шапошников.

— И что же? — спросил генерал-майор Алиметов.

— «Не разводите, парни, анархию, — сказал нам он. — Какого рожна вам еще надобно? И вообще, катитесь по местам. Мне вон еще справку для Гаджи Магомедовича надо сочинять. Об этом самом соцсоревновании...»

Шапошников очень похоже скопировал голос Демидова. Все рассмеялись.

— Мы считаем, — сказал Юрий Макаров, решив, что коль его и Сергея принялись спрашивать в присутствии нескольких старших офицеров, то пусть и те узнают обо всем, — считаем нынешнюю систему соревнования излишне заформализованной. Армейская служба регламентируется уставами, а в главном нашем обязательстве — Военной присяге — есть все, что мы зачастую повторяем затем в своих обязательствах по соревнованию. Зачем? Ведь таким образом мы подменяем присягу, принижаем ее значение...

— И все политработники, сверху донизу, — подхватил Сергей, — заняты составлением отчетов и справок по итогам соцсоревнования, завалены канцелярской перепиской, вместо того чтобы вести задушевные разговоры с солдатами, помогать в их воспитании строевым офицерам. Живое дело подменяется канцелярщиной... Как будто и перестройки не было...

— Вот против этого и надо бороться — против рутины и формализма, — заметил Гришин.

— Не так-то все просто, товарищ генерал-полковник, — отозвался Шапошников. — Существует строгая форма отчетности, вернее, множество различных форм и показателей, масса циркуляров... Они и предписывают нам, кому, куда, когда и какую бумагу необходимо представить. Эти бумаги, исполненные в срок, зачастую и определяют существо и качество работы, проделанной в подразделении. По ним и выводы делаются о командире да замполите...

— А ведь у нас, ракетчиков, политработники, как и строевые офицеры, несут боевое дежурство, — подхватил Юрий Макаров.

— Нет слов, — горячо продолжал замполит, — состязательность, соревновательное начало должны быть в армии. Мы против того, чтобы обязательства спускали нам сверху, чтоб о спортивной подготовке воинов подразделения проверяющие судили по стендам наглядной агитации, а о боевых качествах ракетчиков — по гладким, обтекаемым справкам. А то формализм отучил нас от подлинного соревнования. Разве это обстоятельство не должно заботить всех армейских коммунистов?

Гаджи Магомедович поднял руку.

— Ладно, ладно... Мы просто хотели познакомиться с вами, соавторы, — сказал он. — На первый раз довольно. Начальник Главпура и член Военного совета наших войск поручили мне провести обсуждение вашего письма на собрании коммунистов. Там и скрестим шпаги.

— Разве мы с вами противники, товарищ генерал-майор? — усмехнулся Юрий Макаров.

— Послушайте, командир, — сказал Гришин, — я служил под началом вашего отца. Так вот, Иван Егорович любил говорить: когда яйцо учит курицу, это, может быть, и неплохо... Но яйцу не следует забывать, что клюва у него пока нет.

— Клюв у Макарова уже вырос, товарищ генерал-полковник, — с улыбкой сообщил Сергей Шапошников.

— Оно и видно, — добродушно проворчал Гришин, и окружавшие облегченно рассмеялись.

К группе генералов подлетел высокий голубоглазый полковник с торчащими рыжеватыми стрелками выхоленных усов. Это был заместитель командира соединения. Он заступал сегодня на самую ответственную службу: руководить дежурными сменами.

— Товарищ генерал-полковник! — эхом разнеслось над военным городком. — Разрешите обратиться к командиру соединения!

— Обращайтесь, — кивнул Гришин, слегка улыбнувшись. Вид бравого полковника и позабавил несколько, и порадовал Юрия Александровича: генерал с искренним уважением относился к строевой выправке, справедливо считая, что она необходима каждому офицеру.

Так же звонко полковник спросил разрешения приступить к разводу дежурных смен.

На плацу уже выстроились и застыли в ожидании боевые расчеты. Они расположились у машин, которые доставят их в позиционные районы.

Макаров видел, как отпущенный с миром его зампо-

лит бегом приблизился к колонне своей дежурной смены и занял место среди офицеров...

Теперь Юрий Макаров мог отправиться на «уазике» в свой район и заняться подготовкой к демонтажу пусковой установки. Она была самой дальней, на северо-восток от командного пункта части, выше по течению речки Тигода. Теперь Макаров вспомнил, что обещал захватить с собою врача Гаенкову.

Майор вздохнул и коротко бросил водителю:

— Заскочим к медикам на минутку!

Младший сержант Алик Пулатов, красивый чернявый парень, понимающе кивнул, улыбнулся и резко вывернул баранку.

— Полегче, — проворчал, нахмурившись, Макаров. — Осенью домой поедешь, кости береги.

Против мастерской езды — Алик был чемпионом Дагестана по авторалли на горных дорогах — Макаров вовсе не возражал. Ему сейчас не показалась улыбка водителя. Неужели и солдаты, черт побери, догадываются о той блажи, что засела в голову Зои Федоровны? Это уже ни в какие ворота...

Не успел Пулатов затормозить у подъезда двухэтажного здания медицинской службы гарнизона, в дверях возникла старший лейтенант медицинской службы Гаенкова, обвешанная пакетами.

Юрий Макаров еще додумывал мысль о том, что надо помочь женщине, а проворный Пулатов уже летел навстречу докторше.

Командир вышел из машины и сделал несколько шагов вперед.

«Так вот где таилась погибель моя!» — вспомнил он вещие слова князя Олега, невольно залюбовавшись стройной и чертовски симпатичной молодой женщиной.

Макаров улыбнулся.

— Чему вы улыбаетесь, товарищ майор? — спросила Зоя.

— Стихи Пушкина вспомнил.

— Какие же?

— Разные, — ответил Макаров.

9

— Папа, — сказала Вера Ивановна, осторожно приоткрыв дверь в домашний кабинет отца, — стол накрыт, гости истомились, а Витюшки все нету...

— Ну и ладно, — пробурчал Макаров, не поднимая головы от научной работы, оставленной ему генералом Михайловым.

Он только что подумал о главной идее своего давнего бывшего ученика о необходимости увязывать объективно существующее с частями Сухопутных войск взаимодействие, независимое от нашей воли, с организованным взаимодействием. Вот о том, как организовать его в конкретных условиях, и писал заместитель начальника Главного штаба... Особое внимание он уделял процессу перехода тактических задач, каковыми они являлись по методу действий, в стратегические по результатам...

Генерал Макаров знал условия, которые взял Виталий Михайлович для создания описываемой им модели, и потому читал с большим интересом, покачивая головой, искренне восхищаясь дотошностью, философичностью и углубленностью его теоретического анализа проблемы, умением заглянуть в самую суть исследуемого вопроса.

— Какой молодец вырос! — сказал Иван Егорович, поворачиваясь к дочери. — Умница парень!

— Это вы про Витюшку, папа? — улыбнулась Вера.

— Баловня вашего я еще выдеру, когда явится наконец домой, — нахмурился старый Макаров, нехотя поднимаясь из-за стола. — Мужики все на службе, деда никто в грош не ставит, а женское воспитание... Разве можно доверять вам мальчишек? Да еще таких норовистых, как наш Витька... — Иван Егорович безнадежно махнул рукой.

— Я вот что хотела, папа, — начала, нерешительно улыбаясь, Вера Ивановна. — Предупредить вас хочу...

— Ну что там еще натворил твой баловень?

Макаров думал, что Вера вновь поведет речь о внуке Викторе, который и у деда ходил в любимчиках, хотя Иван Егорович никому, даже себе, в том не признавался. Он всю жизнь следовал принципу: «Командир может кого-либо из подчиненных любить, кого-то недолюбливать — это его личное дело. Но если командир заводит любимчиков — дело его труба». Подобное правило дед Макаров распространял на отношения к детям и внукам. Иначе он просто не мог, считал такое положение единственно справедливым.

И потому его Елена с давних пор взяла за правило, чтобы и сыновья Ивана Егоровича, и дочь, и выросшая в их семье племянница, дочь погибшего в войну старше-

го брата Макарова, обращались к нему на «вы». Впрочем, так было принято и в семье самой Елены, и у Макаровых тоже.

— Ксения приехала, — разом сообщила Вера.

Иван Егорович растерянно смотрел на дочь.

— Как же так? — сказал он. — Говорила, что пришлет Андрея на Витькин день рождения, и все. Уже с год или больше как у нас не была. Ты говорила ей про Маргариту?

— Она знала.

— Ну и как они ладят? — ухмыльнулся Макаров. Он уже овладел собой. Ивана Егоровича стала даже забавлять сложившаяся ситуация — в его доме встретились две жены Василия: первая и вторая.

— Спорят о «Носорогах» Эжена Ионеско...

— О каких еще носорогах? — спросил отец.

— Так называется пьеса французского драматурга, одного из адептов театра абсурда, — ответила Вера. — Когда-то ее даже напечатали в «Иностранной литературе». Ксения утверждает, что театр абсурда — бред, а Рита считает — в нем что-то есть...

— Считает, — фыркнул Макаров, — она считает... А под какой монастырь подвел Василия ее папаша, она высчитала?

Вера молча пожала плечами.

— Еланская не виновата, — осторожно заметила дочь. — Не Рита ведь уезжает в Израиль, а ее отец. Дочь за отца не отвечает.

— Верно, не отвечает. Но Рита твоя не только дочь этого спятившего на старости лет субъекта, но и жена моего сына. А сын, как тебе известно, облечен высшим доверием Отечества, на которое папаша нашей невестушки попросту наплевал с высокой колокольни!

— У них не бывает колоколен, — улыбнулась Вера.

— Ну тогда с крыши храма бога Яхве, который разрушил тьму лет назад римский хулиган Тит Флавий, сын Веспасиана. Теперь мы за его пакости в Иерусалиме отдуваемся, черт бы побрал этого генерала Веспасиана, севшего на императорский трон, и его невоспитанных сыночков!

— Папа, вы неплохо освоили древнюю историю...

— Тут не только древнюю освоишь, но и к неандертальцам заберешься, если твой бывший сослуживец и даже родственник, так сказать по закону, подбрасывает тебе такую бляху-муху.

— Папа! — укоризненно посмотрела на Макарова Вера Ивановна.

Историк по образованию, она директорствовала в Шимолинском доме пионеров. Единственная дочь Веры, названная в честь бабушки Еленой, студентка МГУ, изучающая историю искусств, находилась сейчас в составе археологической экспедиции в Новгороде. Она обещала приехать на пару дней домой, но пока Елены все еще не было.

Сейчас в доме Макарова собрались одни женщины, не считая четырнадцатилетнего Андрея. Он примчался на электричке еще утром. А теперь вот объявилась его мать, Ксения Фроловна.

Итак, появившегося в гостиной генерала Макарова встречали три женщины и внук Андрей.

Иван Егорович поздоровался с одной Ксенией. Маргариту Иосифовну Еланскую, актрису Гремяченского музыкально-драматического театра и вторую жену старшего сына, он уже видел сегодня. И прошел на свое место, к старинному креслу с вырезанным на деревянной спинке Бореем; оно стояло в торце довольно широкого и длинного по нынешним, помешанным на миниатюризации временам стола.

Вера скрылась на кухне: хотела глянуть дозревавшие под сырым полотенцем пироги. Было там «чудо» с осетриной, мясом и шампиньонами, с луком и запеченной картошкой — это любил дед Макаров. Шаньги с творогом и прошлогодней, правда, клюквой и сладкий пирог с изюмом и сушеными абрикосами — заказ Виктора, виновника торжества.

Пока разливали окрошку, Иван Егорович искоса поглядывал на двух невестушек. На Ксению — с любопытством и сожалением: «Ну и чего ты добилась, голубушка, став кандидатом наук и бобылкой»; на Маргариту Иосифовну — с тайным неудовольствием. Не мог он простить финта ее папаши, хотя и понимал, что Еланская к решению отца покинуть Россию непричастна.

«Теперь я и тебе, подружка, не верю, хоть и бабушка твоя, мать Иосифа, и покойная жена его — чистокровные русачки, — думал Иван Егорович. — А что, если взбредет в голову, будто обижают тебя в театре? У вас такое случается, в вашем мире. И вспомнишь тогда про «землю обетованную»?..» Он знал истории, когда и с меньшим количеством еврейской крови в жи-

лах люди вдруг начинали «слышать голос предков», бросали все и вся и устремлялись за кордон.

Этого Иван Егорович не понимал. Какой «голос» мог услышать его сослуживец Иосиф Еланский, человек, рожденный русской женщиной и не знавший никакого другого языка, кроме русского? Макаров помнил толкового офицера Еланского, которого во время войны он учил летать и рекомендовал, уходя из полка, на должность командира эскадрильи. Поначалу не все получалось у Иосифа, но затем он отлично освоил машину, водил ее даже с некоей элегантностью. А уж немцев ненавидел... И вот на́ тебе! Клюнул на какое-то наследство, оставленное ему неким троюродным братом, едет, оформив документы и лишившись, конечно, партийного билета, к тем, кто вызывает у честных людей планеты не меньшую ненависть, нежели фашисты.

Старый генерал вовсе не был противником воссоединения тех семей, которые разбросала мировая война или иные какие обстоятельства по всему свету. Он понимал, какой гуманизм проявляло правительство, не препятствуя людям обрести друг друга. Но история с Иосифом Еланским повергла его в настоящее смятение. Так и сяк раскладывал старый генерал, но в голове у него не умещалось, как э т о могло случиться с бывшим офицером Советской Армии, фронтовиком, а главное, с Васькиным тестем, сидевшим, бывало, и за этим вот столом.

«Васька-то и не знает еще, какая пилюля его ожидает», — незаметно вздохнув, подумал Иван Егорович. Потом усилием воли выбросил из головы дурные мысли, стал прислушиваться к разговору жен старшего сына, которые продолжали спор про абсурдистский театр, поминали некоего Ионеско. С него перешли на Сэмюэля Беккета, его пьесу «В ожидании Годо» видела Ксения в Брюсселе во время научной командировки, спорили о других, не совсем понятных Макарову вещах, и генерал положил себе просветиться у дочери по этой части. Макаров не любил, когда в его присутствии говорили о том, в чем он слабо разбирался, а попросить пояснения мешало присутствие этой «актерки» — так называл про себя Маргариту Иван Егорович.

Покончили с окрошкой, и Вера Ивановна ушла на кухню за пирогами. Тут Иван Егорович заметил, как ерзает на сиденье Андрей, и спросил внука:

— Ты чего вертишься, Андрейка? Что там у тебя под

задницей? Хорошее ты выбрал место для книги... Давай-ка ее сюда.

Андрей покраснел и протянул деду книгу.

— Детектив небось какой? Или фантастика? — спросил Макаров, одной рукой принимая книгу, а другой надевая очки.

Он присвистнул, прочитав на обложке: «Максуэлл Тейлор. Ненадежная стратегия».

— Неужели тебе интересно читать это?

Андрей молча кивнул.

— Он организовал в школе кружок военной истории, — пояснила мать и будто невзначай глянула на Маргариту Еланскую: Ксения знала, что детей у них с Василием не было. — Зачитывается мемуарами полководцев...

— Знаком я с этим «писателем», — задумчиво и несколько иронично произнес генерал, перелистывая страницы. — Заочно, правда... В войну он командовал воздушно-десантной дивизией, на корейской войне возглавлял армию. А с 1955 по 1959 год был начальником штаба армии США, потом личным военным советником у президента Кеннеди. Известная личность... Это ведь он автор стратегии гибкого реагирования, которая сменила доктрину массированного ответного удара. Тейлор считал, что его стратегия пригодится на все случаи жизни, позволяет найти выход из любого положения.

— Он «ястреб», дедушка? — спросил Андрей.

— Особого рода, Андрейка, я бы сказал — из тех, кто и рыбку хочет съесть, и в лодку не сесть. Но книжка эта любопытная, она позволит тебе разобраться в структуре военной машины Америки. Раз уж у тебя к этой теме интерес... Приветствую.

— Не рано ли мальчику читать труды американских генералов? — не сдержалась Маргарита Иосифовна.

— Василий Макаров, — строго глянул на нее Иван Егорович, — осилил книгу Клаузевица «О войне» в четырнадцать лет.

Еланская обиженно поджала губы, промолчала.

— Знал я и другого Тейлора, — как ни в чем не бывало заговорил потеплевшим голосом генерал. — Второго пилота на самолете В-17. Летал к нам в Полтаву. Это когда союзники «челночные» полеты практиковали. Сейчас бы их «шаттлами»[1] назвали... Помог я ему од-

[1] Shuttle — челнок (*англ.*).

нажды, вывез, сбитого немцами, с нейтральной территории. Ричардом его звали... Да, Дик Тейлор. Сколько лет прошло, а как сейчас помню. Серьезная история была.

— Дедушка! — воскликнул Андрей. — Расскажи!

— Вот с пирогами расправимся, — кивнул Макаров в сторону появившейся в дверях дочери Веры.

«Может быть, тогда и этот лоботряс Витька подоспеет», — подумал генерал.

10

Всего пять минут понадобилось Рою Монтгомери, чтобы разобраться, почему министр обороны Оскар Перри отдал самоубийственный приказ. Он понял: одной из важных причин, повлекших за собой описываемые явления, которые были результатом целого комплекса обстоятельств, случайных, но в основе своей организованных, была сама личность министра обороны.

Победив соперников на выборах, нынешний Президент предложил ему этот важнейший в стране пост вовсе не потому, что считал Оскара Перри стратегически мыслящим человеком, обладающим полководческими задатками. В конце концов, и эту должность, и должности министров армии, ВВС и ВМС в Америке всегда занимали гражданские лица, на которых возлагались главным образом функции административного руководства и материально-технического обеспечения, а также вопросы связи с военными фирмами, поставляющими вооружение по заказам Пентагона. Командовали же всеми видами вооруженных сил фактически начальники соответствующих штабов, объединенных в комитет — своего рода генеральный штаб, верховный орган оперативно-стратегического планирования и руководства вооруженными силами.

Вручение портфеля министра обороны Оскару Перри было тем компромиссом, на который пошел Президент в борьбе за право поселиться в Белом доме. Заправилы военно-промышленного комплекса выдвинули это условие через тайных своих лоббистов, которые были внедрены в его окружение. Оскар Перри был верным слугой ВПК, хотя его контакты с ним были более тонкими и, самое главное, никогда не становились предметом обсуждения средствами массовой информации.

В то же время Президенту казалось, что он неплохо знает натуру Оскара Перри. По всем видимым данным,

политическая карьера этого конгрессмена уже не сулила очевидных всплесков. Должность министра здравоохранения, образования и социального обеспечения, которую прежде занимал Перри, казалась пиком его взлета. И пост министра обороны, который после некоторых колебаний Президент предложил Оскару Перри, сделает его относительно верным союзником главы государства.

К сожалению, Президент ошибался. Он совсем не знал настоящего Оскара Перри.

А Оскар Перри искренне считал, что он уселся в кресло министра обороны по праву, осуществления которого злая судьба так долго заставляла его ждать. В то же время новоиспеченный министр отдавал себе отчет в том, кому он на самом деле обязан тем, что стал хозяином в пятиугольном доме на левом берегу Потомака. Он и прежде выполнял роль посредника между лоббистами аэрокосмического бизнеса и теми сенаторами, которые определяли уровень военных заказов Пентагона. Но в силу того что сам никогда не занимался проблемами оборонного бюджета в конгрессе, он представлял для заправил ВПК особый интерес, поскольку в глазах широкой американской общественности выглядел человеком будто бы независимым от могущественных «Локхидов» и «Эйркрафтов».

На самом деле было вовсе не так. И те, кто делал на него ставку, учитывали не только прежнее скрытое сотрудничество. Расчет был сделан и на психологические качества Оскара Перри. В этом человеке уживались безмерное честолюбие, болезненное самомнение и тщательно скрываемый от окружающих комплекс неполноценности. После окончания Мичиганского университета он решительно оставил многообещающую карьеру специалиста по ядерной физике и с головой ушел в политическую деятельность, которая давала реальную власть над людьми. Прослушав ускоренный курс государственного права, Перри защитил магистерскую диссертацию и по рекомендации друзей отца, окружного атторнея, стал советником губернатора, одного из претендентов на должность президента Америки. Босса Оскара главою государства не избрали, но о Перри пошел слух как о большом мастере составлять зажигательные речи, насыщенные метафорами и яркими примерами из не такой уж богатой событиями отечественной истории.

Потом он и сам дважды рискнул баллотироваться в палату представителей. Правда, оба раза неудачно. И

это не могло не сказаться отрицательно на характере конгрессмена, попавшего в Капитолий только с третьего захода. Это обстоятельство сделало его еще более желчным. Да и любовь к человечеству, о которой раньше Оскар Перри мог часами вещать, прибегая к трогательной образности и сентиментальной риторике, изрядно в сознании его поусохла. Но репутация радетеля за судьбы людские, имидж доброго самаритянина, в который облек себя Перри, сохранились. Поэтому именно он получил в свое время пост министра здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Хотя «министр — он и в Африке министр», как выразился его отец, узнав, что сын примкнул к президентской рати, сам Оскар, не проявив — ни боже мой! — ни тени недовольства, был в самых потаенных уголках души оскорблен таким назначением. Тем не менее он с энтузиазмом принялся руководить нелегким и даже кляузным хозяйством, вместе с другими добродушно посмеивался над кличкой Пенсионер, которой его наградил впервые корреспондент газеты «Бостон глоб энд мейл».

Но вот когда нынешний Президент, тогда еще сенатор от штата Миннесота, довольно популярный в стране энергичными попытками объединить все силы консервативного блока, растерявшегося от внутренних и внешних неурядиц Америки, после тайного соглашения с представителями ВПК предложил ему войти в десятку предвыборного комитета, Оскар Перри вздрогнул, как старый боевой конь, услышавший зов трубы. Он понял, что на этот раз его энергию оценят должным образом.

Так оно и получилось. Победив на выборах, Президент, выполняя обещание, которое он дал калифорнийскому аэрокосмическому бизнесу, назначил Оскара Перри министром обороны. Теперь Пенсионер заседал, как равный среди высших, в Совете национальной обороны, принимал решения, от которых зависела судьба человечества.

Вначале в своих суждениях, высказываемых взглядах, взаимоотношениях с заправилами военно-промышленного комплекса, в решении других проблем и вопросов Оскар Перри в главном следовал политике Президента, заметно не отступая от позиции хозяина Белого дома. Но спустя полгода после инаугурации Президент все чаще стал замечать, что Пенсионер оказался несколько более крутым, менее податливым. И хотя министр

обороны не оказывал открытого сопротивления главе администрации, тот ощущал, как Оскар все чаще и чаще добавлял в свой политический наряд ястребиные перья.

Особенно это проявлялось в его личном отношении к русским. Их Перри считал исчадиями ада, сатанинскими слугами, непримиримыми врагами бога, и сама мысль о возможности договориться с ними была, по мнению Пенсионера, греховной.

Конечно, министр обороны не делал подобных заявлений на публике или для прессы, но о высказываниях его в этом духе среди приближенных Президенту было известно. Ирландец по происхождению, глава правительства сам был верующим человеком, традиционно принадлежащим к римской церкви. Но в отличие от Оскара Перри он считал русских такими же христианами, как он сам, его близкие и еще четверть миллиарда американских граждан. Разница лишь в том, что по ряду исторических причин Россия отвернулась от всевышнего. Однако всемогущий рано или поздно вернет их в святое лоно, а для этого ему нужны живые русские, пусть и пребывающие временно в категории безбожников.

Узнав о том, что Перри внушает подчиненным — а среди них хватало парней с ястребиными взглядами — мысль о невозможности примирения с русскими, Президент в конфиденциальном разговоре предупредил Оскара о том, что рано или поздно о таких взглядах министра обороны узнает американская общественность и тогда скандала не миновать.

Оскар Перри даже зубами скрипнул от злости, но, остыв немного, все же заверил шефа, что впредь будет держать собственные соображения при себе.

— Можно бы размышлять и не так каннибальски, — заметил Президент. — Они, русские, хоть и отвернулись от бога, но Создателю угодно воздействовать на детей своих в первую очередь Словом. Ведь «в начале было Слово»...

Министр обороны хотел ответить строчкой из послания апостола Павла к коринфянам: «Если трубный глас прозвучит неуверенно, то кто же станет готовиться к битве?» — но предпочел промолчать.

Президент самонадеянно полагал, что ему все известно о министре обороны, как, впрочем, и о других членах кабинета, высших сотрудниках Белого дома. Составление секретных досье на помощников глубоко верующий Президент считал делом вполне нравственным,

согласующимся с нормами христианской морали. «Если богу угодно сделать меня пастырем миллионных стад американцев, — любил повторять Президент, — я должен позаботиться о том, чтобы мне помогали пасти их верные мне и божьему промыслу овчарки».

Только вот «пастырю» не было известно о том, что его министра обороны в детстве звали Брейв Оси, то есть Храбрый Оси. Прозвище же это прилипло к нему при следующих обстоятельствах.

До двенадцати лет маленького Оскара не отпускали на летние каникулы из дома. Его мать, родившая единственного ребенка не без гинекологических осложнений, оберегала его от любых столкновений с внешним миром, ситуация, к сожалению, не из редких. Поэтому Оси вырастал в тепличной обстановке изматывающего детскую душу педантичного надзора за его здоровьем, эгоистичного стремления матери удержать парнишку возле себя, сформировать из него рафинированного джентльмена, обладающего развитым, утонченным интеллектом. Воспитанная в новоанглийских традициях старинной бостонской семьи, мать Оси пыталась оградить его от культа силы и жестокости, который давно уже заполонил Америку и мог разрушить духовное начало, его она с таким тщанием воспитывала в мальчике.

Одержимая вполне добрыми чувствами, Нэнси Перри забывала старую истину о том, что не уход от действительности, а закаливание в схватках с нею является залогом воспитательного успеха.

Лишенный возможности пробовать собственные силы в спорах с ровесниками, насильственно удаленный из их общества, Оскар вырастал боязливым, мнительным и слабовольным. Сверстники его проводили каникулы в летних спортивных лагерях или специальных пансионатах, с упоением играли в военные игры, имитируя под руководством опытных инструкторов сражения, в которых когда-либо участвовала американская армия, — от первого сражения у города Бостона в 1775 году до захвата острова Гренада в Карибском море и высадки специальных десантов морской пехоты в наши дни. Он же томился в своем дворе.

Первым взбунтовался отец мальчишки, выходец из Монреаля, потомок одного из создателей Королевской конной полиции Канады. Он с великим сомнением наблюдал, как его единственного сына превращают в

бестелесного херувима, но пока молчал, не смея перечить любимой жене.

Наконец отец не выдержал и настоял на том, что парня крайне необходимо отправить на каникулы в летний лагерь бойскаутов «Белоголовые орлы».

«Храбрым» Оси он стал в первую же ночь. После короткого инструктажа его назначили часовым у арсенала, помещения, где хранилось бутафорское оружие «Белоголовых орлов». Среди дикой природы, которая окружала походные палатки, Оскару Перри сделалось, мягко говоря, не по себе. Промаявшись около часа наедине с неосознаваемыми, но вполне подавляющими душу страхами, маленький Оси покинул пост, тихонько пробрался в палатку, уютно устроился меж теплыми телами товарищей и успокоенно уснул.

Обходивший дозоры капитан национальной гвардии, начальник лагеря «Белоголовых орлов» и ветеран Вьетнама, не обнаружил часового у арсенала и поднял лагерь по тревоге...

Перепуганного Оси поставили перед строем, и капитан объявил, что за оставление поста бойскаут Оскар Перри приговаривается к расстрелу.

— Вы предали товарищей, — сказал начальник лагеря, решивший дать питомцам хорошую психологическую встряску, — и потому должны умереть. Вы недостойны звания «Белоголового орла», Храбрый Оси!

Спонтанно возникшее ироническое прозвище подхватил весь строй.

— Брейв Оси! Брейв Оси! — кричали ребята, предвкушая веселое развлечение: ведь сейчас им покажут, как расправляются с трусами в славной американской армии.

И Храброго Оси тут же «расстреляли» перед строем...

Преследуемый злыми насмешками, он сбежал из лагеря в тот же день и двинулся, пересаживаясь с одной попутной машины на другую, от отрогов Скалистых гор, где находился лагерь, в родной Иллинойс. На половине дороги его задержала полиция, она сообщила отцу, и тот примчался выручать несостоявшегося «белоголового орла».

Оскара срочно поместили в другую школу. Затем родители его вообще перебрались в соседний Мичиган. И историю эту Перри считал навсегда похороненной, он даже из собственной памяти старался вытравить ее...

Но спустя полгода после того, как Оскар Перри стал министром обороны, ему позвонил Дональд Крузо, директор ЦРУ.

— Мои сотрудники подготовили интересный доклад о новых стратегических концепциях руководства русскими ракетными войсками, — сообщил Крузо. — Не хотите ли взглянуть, мистер Перри?

— Это любопытно, — отозвался министр.

— Тогда я пришлю вам доклад с одним из начальников отделов, — с готовностью предложил директор ЦРУ.

Фамилия джентльмена, прибывшего из Лэнгли, ничего ему не говорила. Но вот человек из ЦРУ с черным кейс-атташе, пристегнутым к левой руке цепочкой, вошел в кабинет министра обороны. Оглянувшись, он широко улыбнулся, затем, скосив глаза, проверил, вышел ли провожавший его секретарь, и, разведя в стороны руки, воскликнул:

— Храбрый Оси! Какая встреча! Здравствуй, дорогой школьный товарищ!

Потом, анализируя эту встречу, Оскар Перри быстро определил: никакая она не случайная, ее специально организовали. Тогда же, при встрече, министр обороны не позволил гостю углубиться в воспоминания о детстве, принял его сдержанно и сухо. И тот вовсе не обиделся, сделал вид, что понял: он находится у крайне занятого государственного деятеля. Но что с того? Оскару Перри ясно дали понять, что в ЦРУ хорошо знают, почему его назвали так в лагере «Белоголовых орлов». И теперь министр, заседая в Совете национальной обороны, всегда «держал руку» Дональда Крузо, хотя в общем-то и прежде не был его антагонистом, отнюдь. А директор ЦРУ повысил внимание к министру обороны, снабжал его сверхсекретной информацией, которая предназначалась исключительно для Президента. Иногда сообщал и о том, что оставалось неизвестным для главы американского государства.

С одной стороны, это щекотало самолюбие Пенсионера. Но с другой — чувствовал неслучайность такого отношения к нему директора ЦРУ. Он понимал, что рано или поздно от него потребуют чего-либо взамен.

...Резкий зуммер прервал невеселые раздумья министра обороны. Он включил прямую связь с Центральным

командным пунктом КНШ. На экране возникло взволнованное лицо бригадного генерала Монтгомери.

— Шифр-приказ «Идет град» передан в войска, мистер Перри, — доложил он. — Операторы получили подтверждение о том, что приказ принят во всех подразделениях.

— Это хорошо, — сказал Пенсионер. — Что еще? Хотите узнать, что произошло?

Комок застрял в горле Роя Монтгомери, и бригадный генерал только кивнул.

— По сведениям ЦРУ, русские готовят ядерный удар, — сказал Оскар Перри. — Они хотят воспользоваться нашей беспечностью, связанной с недавними переговорами в Москве, и застать нас врасплох...

— Этого не может быть! — воскликнул дежурный генерал.

Министр обороны хмыкнул.

— Может! — отрезал он. — Вам известно, генерал, что две недели назад русские запустили мощные ракеты на окололунную орбиту. Затем объявили: программу исследований Луны ракеты эти выполнили и теперь возвращаются к Земле, чтобы остаться на орбите их околоземной станции «Советский Союз». Эти «лунники» образуют якобы новые блоки. Так вот... Это блеф, генерал! От Луны к нам летят боеголовки их дьявольских ракет! Но это не самое главное... Мне только что сообщили: сбиты два наших спутника! Разве это не означает войну?! Но мы их опередим! Обязательно опередим, генерал!

— Надо срочно связаться с Президентом, мистер Перри!

— На Президента совершено покушение... Сбит его вертолет! Связи с ним нет...

— А с русскими? Необходимо немедленно позвонить в Кре...

Прервав Роя Монтгомери на полуслове, министр обороны отключился.

Оскар Перри всегда бы против использования прямого провода между Москвой и Вашингтоном. Он считал, что связь эта нужна только потенциальному противнику, который не преминет использовать против них, наивных сыновей Нового Света, какую-нибудь азиатскую хитрость.

Поэтому, отдав приказ о нанесении ракетно-ядерного удара по Союзу ровно через час, Оскар Перри

распорядился не отвечать на возможные вызовы Кремля.

Американский филиал Международного центра снижения ядерной опасности был заблокирован...

11

Машина генерал-майора Михайлова преодолела четверть круга кольцевой дороги и свернула вправо, на Северное шоссе. На большой скорости черная «Волга» миновала небольшой старинный городок, он находился в стороне от основной трассы, промчалась еще двенадцать километров, сделала левый поворот, и тогда Виталий Дмитриевич сказал водителю:

— Не гони так, Кузьма Авдеевич...

Носитель эдакого старомодного имени-отчества, год назад ушедший в запас парень двадцати двух лет и оставшийся в штабе работать гражданским водителем, заулыбался и послушно сбросил скорость. Ему нравилось, когда генерал величал его по всей, так сказать, программе.

Через шесть километров подъехали к КПП. Отсюда начиналась территория, примыкавшая к специальному аэродрому. Дежурный узнал по номеру машину генерала Михайлова (тот бывал здесь довольно часто, ибо отвечал в Главном штабе непосредственно за ВКП) и подал сигнал открыть ворота.

«Волга» подъехала к зданию станции наземной привязки летающего командного пункта. У подъезда стояли два полковника и, едва машина остановилась, направились генералу навстречу. Один из них был начальником этого летающего КП, а другой — летчик Гусев, зять Макарова.

— Как готовность экипажа? — спросил Виталий Дмитриевич, пожимая полковникам руки. — Как наш «Дельфин»?

— Жив и здоров, — ответил, улыбаясь, Гусев. — Чего ему сделается... Экипаж готов, товарищ генерал-майор.

— Дежурная смена в полном составе готова к выполнению задания, — доложил полковник Лопусов.

— Добро, — привычно отозвался Михайлов. — Тогда отдавайте швартовы.

В ракетчики он, как и многие из нынешних генералов, попал из моряков, учился в Каспийском высшем во-

енно-морском училище, весьма гордился флотским происхождением и уснащал речь морскими словечками.

— С задачей ознакомились?

— Так точно! — ответил Лопусов.

— Тогда полный вперед, — приказал Михайлов, предвкушая удовольствие, которое всегда испытывал от полетов на «Дельфине».

На сегодня была назначена тренировка по отработке боевой связи с некоторыми штабами. В определенное время давалась вводная: потенциальный противник нанес ядерный удар, от которого не только пострадали пусковые установки, но и потеряно управление войсками с наземных пунктов. Тогда и брал их миссию на себя генерал Михайлов, находящийся в момент удара в воздухе.

— Люди уже в «Дельфине», — сказал полковник Лопусов.

— Поехали и мы к нему, — отозвался генерал, садясь обратно в машину. — А ты, Кузьма Авдеевич, поскучай, пока мы летаем. Почитать-то взял с собой что?

— Фантастику достал, — проговорил водитель, подводя машину к небольшому сооружению — это был вход в подземный ангар «Дельфина». — Роман Сергея Павлова «Лунная радуга».

— Стоящая вещь, — сказал Михайлов. — Большая умница этот Павлов...

Втроем они вошли в помещение, которое представляло собой бокс для кабины лифта, опускающего и поднимающего пассажиров «Дельфина» прямо в гондолу или на поверхность.

— Поехали, — сказал генерал Михайлов, когда захлопнулись двери кабины, и полковник Гусев нажал кнопку.

Оказавшись на «Дельфине», они разделились. Виктор Леонидович Гусев сразу прошел в рубку, где ждал его экипаж. А генерал Михайлов миновал отсек связи, уже заполненный офицерами и прапорщиками, и вошел в просторное помещение.

Каждый раз, оказавшись здесь, Михайлов убеждался в том, что с «Дельфином» никакой из существующих в мире летательных аппаратов сравниться не может: кто еще сможет поднять в воздух две тысячи квадратных метров жилых и рабочих помещений...

Салон генерала Михайлова размещался в кормовой части гондолы. Дизайнеры постарались, чтобы создать

здесь максимальные удобства для длительного полета, ведь «Дельфин» мог практически бесконечно долго оставаться в воздухе.

Генерал Михайлов уселся в командирское кресло, надев на голову наушники с ларингофонами, и подумал, что в них нет особой необходимости: здесь такая тишина, что можно обойтись обычной микрофонной связью.

— Принимаю командование! — вслух сказал он. — Доложить о готовности к полету! Второй? — Первым был он сам.

— Готов, — послышался голос Виктора Леонидовича.

— Третий?

— Готов, — ответил Лопусов. Он сидел напротив Михайлова.

— Четвертый? Готов... Седьмой? Шестнадцатый?.. Двадцать первый?!

...Кузьма Минин отвел «Волгу» на стоянку, оставил машину и быстро поднялся в застекленную башню диспетчерского пункта: отсюда интереснее было смотреть, как взлетает «Дельфин». Водителя генерала Михайлова знали, поэтому никто и не возражал, когда парень скромно устроился на стеклянной галерее, опоясавшей башню.

— Я — «Дельфин», — сообщил динамик. — Прошу разрешения...

Руководитель полета поднес к губам микрофон.

— Есть разрешение! Ангар!

— Есть ангар!

Кузьма увидел, как вдруг там, куда он только что подвозил генерала, образовалась длинная, метров двести пятьдесят, трещина. Часть ровной, заросшей зеленой травой площадки исчезла под землей. Трещина увеличивалась все быстрее.

— Начинаю наддув сферы! — сообщил командир «Дельфина».

По его команде мощные насосы принялись заполнять инертным газом полужесткую оболочку дирижабля. Она принялась обретать рабочие очертания, горбато подниматься над верхней, подвижной крышей ангара, которая уже полностью, вместе с синтетической маскировочной травой, спряталась во внутренние стенки.

— Есть положительная плавучесть! — доложил Гусев. — Отключить магниты!

В мгновение ока исчезла энергия, питающая электромагниты, и мощные «страусы» — их называли так по

аббревиатуре ЭМУ — электромагнитные улавливатели — отпустили рвущееся вверх тело дирижабля.

«Дельфин» медленно выплыл из ангара, и Кузьма Минин, видевший это явление не впервые, не смог сдержать восхищенного вздоха, когда перед ним возникло величественное тело летающего командного пункта.

Дирижабль завис над своим убежищем, пробыв в таком положении некоторое время, будто давал возможность полюбоваться собой. Затем корабль вздрогнул — заработала силовая установка, развернулся, что называется, «на пятке» и полетел, набирая скорость, в восточном направлении.

12

До того как перебраться на остров Святого Симона, где Стратегическое авиационное командование в конце восьмидесятых годов заложило ракетную базу, Джордж Тейлор четыре с половиной года служил на базе Уоррен в штате Вайоминг. За это время он закончил исторический факультет Шайеннского университета. Туда Джордж поступил уже после того, как выпустился из Вест-Пойнта. Потом прошел специальную ракетную подготовку на базе Чаннут, штат Иллинойс.

Поскольку офицером Тейлор считался перспективным, его направили в Максуэлл, штат Алабама, где были организованы четырехмесячные курсы по освоению новой ракетной техники.

После учебы на базу Уоррен капитан Джордж Тейлор не вернулся. На той базе оставили только две, вместо четырех, эскадрильи, развернув более современную технику на острове Святого Симона. Вот сюда и получил назначение Джордж Тейлор. Стал командовать эскадрильей МБР, прикрепив на погоны по золотому кленовому листочку.

Сент-Саймонс-Айленд, остров Святого Симона, где размещался штаб, а также городок для офицеров-операторов, технического персонала, работников вспомогательных служб и военных полицейских, охранявших командные пункты, — этот остров, прибрежная полоса и центральная часть которого покрыты густым лесом, был самым крупным в цепочке островов, вытянувшихся вдоль Атлантического побережья в районе устья реки Олтамахо. Все острова отделялись друг от друга меньшими протоками, самой крупной была Хэмптон, она впадала в

океан севернее острова и доступна была только для малых судов.

Южнее же Святого Симона, на месте старого т-образного бетонного пирса, к которому еще в восьмидесятые годы швартовались рыболовные суда, был построен значительный по размерам ковш, прикрытый со стороны океана брекватером — волноломом. Сюда приходили теперь грузовые суда, доставлявшие на базу Мэсситер необходимые материалы из других портов.

...Тридцатого июня майор Тейлор возвращался на остров с морской прогулки, на которую уговорила выбраться с ребятишками его жена Лу. Яхта «Голден фиш» — «Золотая рыба», принадлежавшая отцу Джорджа, полковнику ВВС в отставке Ричарду Тейлору, вошла в углубленный фарватер, ведущий с океана через отмель в пролив, переходящий затем в реку Брансуик, на берегу которой и расположился одноименный город. Уже хорошо были видны южная и юго-восточная оконечности острова, многочисленные дома на берегу, здание штаба Береговой охраны США, объемистые баки на берегу пролива и высокие заводские трубы Брансуика. База Мэсситер располагалась за лесистыми холмами и с моря не просматривалась. Можно было различить уже и лоцманскую станцию, расположенную на северной стороне входа, на самом южном краю острова. Вот и сейчас навстречу яхте промчался красно-белый лоцманский катер, чтобы встретить сухогруз, остановившийся у входного светящегося буя.

Из рубки высунулся человек и замахал фуражкой «Золотой рыбе».

— Кто это, Джордж? — спросил державшего румпель сына полковник Тейлор, высокий седой человек. Он стоял у мачты, прямой и подтянутый, в длинных, теперь уже старомодных, форменных шортах и армейской рубахе с короткими рукавами. Морской бинокль висел у него на груди, но Ричард Тейлор не воспользовался им.

— Это мой приятель, Том Дженкинс из Береговой охраны, — ответил Джордж, подправляя курс идущей под дизелем яхты так, чтобы маячная башня на южном мысу Святого Симона оставалась правее курса. — Недавно говорил мне, что ребята жалуются: с тех пор как мы заняли остров, Береговую охрану заставляют выходить в море и встречать каждый торговый корабль, идущий в Брансуик.

— Опасаются русских шпионов? — усмехнулся отец.

— Видимо, — сдержанно ответил Джордж.

У него были отличные отношения с отцом, они прекрасно понимали друг друга, но по негласному договору старались не проявлять особых эмоций в общении, будто стеснялись теплых тонов в тех фразах, которыми обменивались наедине и в кругу близких. Уж они-то были настоящими мужчинами, майор и бывший полковник, Джордж и Ричард Тейлоры.

Наступившее молчание нарушил крик Айвена, старшего сына командира эскадрильи:

— Акула, папа, акула!

Слева от яхты, там, где только что прошел лоцманский катер, пересекал фарватер острый край плавника.

Дети Джорджа, их у него было четверо — Айвен, близнецы Мэри и Джоан, маленький Дик, тезка деда, — вскочили на ноги и восторженно завизжали.

На шум высунул голову из рубки капитан Виктор Хансен, дядя Лу, которой он помогал чистить рыбу. Капитан выбрался на палубу. А племянница положила первую партию рыбы на сковородку, и аппетитный запах уже вырывался изнутри яхты, распространяясь над бухтой.

— Кто тут вызвал злого духа моря? — спросил Виктор Хансен, ворочая головой по сторонам. — Ишь ты, дьявол, жареной рыбы ему захотелось...

Капитан Хансен уже с неделю гостил у Тейлоров, после того как сдал в Саванне танкер «Эссо Ричмонд» другому капитану. Родной брат отца Лу, старый холостяк, морской бродяга, всегда заботился о племяннице и ее детях. И в каждый отпуск обязательно навещал Тейлоров, задаривая ребятишек и Джорджа экзотическими презентами.

— Здоровая, тварь, — сказал Хансен, когда Джордж показал ему рукой на плавник акулы. Хищница развернулась и шла сейчас по левому борту, обгоняя яхту. — Погоди-ка... Дай мне пройти, Лу.

Он разминулся с племянницей на узком трапе и исчез в каюте. А Лу с беспокойством глянула в сторону сидящих на баке ребятишек.

— Вы там поосторожнее! — крикнула она. — Не свалитесь в воду...

Дети рассмеялись, а шестилетний Дик проговорил:

— Я вовсе не хочу попасть этой нехорошей рыбке на завтрак.

— Уже давно обед, Дик, — поправила его Джоан и уже другим, несколько капризным тоном сказала, обращаясь к Лу: — Мама, я очень проголодалась.

— Сейчас будет готова рыба, — ответила мать и скрылась внизу.

На трапе возник озабоченный Виктор Хансен с винчестером в руках.

— Где она, морская разбойница? — спросил он, оглядываясь.

Заметив плавник, он выстрелил в том направлении раз и другой, но акула исчезла, чтобы через пару минут возникнуть в другом месте, а затем совсем пропасть из виду.

— Умирать отправилась, — заявил капитан Хансен деланно бодрым тоном.

Все рассмеялись, даже всегда сдержанный, если не сказать — суровый, Ричард Тейлор улыбнулся. При всем несходстве характеров он ладил с капитаном танкера.

А Джордж вспомнил вчерашний вечер, когда дядя Вик поднялся к нему наверх, где между спальней и библиотекой находился домашний кабинет Тейлора, положил на стол несколько номеров журнала «Штерн».

— В рейсе почистил кладовку, знал, что сдам судно другому, — сказал он. — Накопилось макулатуры за несколько лет. Перед тем как отправить за борт, полистал, авось, подумал, найду для тебя любопытное. Кажется, тут что-то есть.

Хансен знал, что муж Лу интересуется историей борьбы за разоружение в мире, даже готовится будто бы написать на эту тему работу, поэтому собирал для него информацию по всему земному шару, куда забрасывала морская судьба.

— Спасибо, Вик, — поблагодарил Джордж.

Сейчас он вспомнил, как нашел в «Штерне» материалы давнишней дискуссии, в ходе которой ученые ФРГ излагали веские аргументы против «стратегической оборонной инициативы» президента Рейгана. «Отличный материал, — подумал Джордж, вкладывая странички из журнала «Штерн» в папку с надписью «Ученые против СОИ». — Спасибо капитану! Надо будет подарить ему бутылку болгарского коньяка, из тех двух, что привез отец из поездки по Дунаю. Мне хватит для коллекции и одной...»

Сам Тейлор давно уже не брал в рот ни капли спиртного. Он последовал примеру отца, разом покончившего с алкоголем, а вот коньяки коллекционировал. Собрал уже более трехсот бутылок со всех концов света. Ричард Тейлор шутил: это же на триста пьяных в мире меньше...

Убирая папку в секретер, Джордж подумал, что эту публикацию надо положить в основу своей работы. Жаль, материала у него маловато. Придется провести отпуск в библиотеке конгресса, запросить из Гуверовского института переводы статей, опубликованных в русской прессе. А как тогда быть с поездкой в Йеллоустонский национальный парк, которую недавно обещал детям? Черт побери, но ведь три года назад он возил их к медведям... Тогда они жили на базе Уоррен, и парк находился в этом же штате Вайоминг! Правда, лучше бы отправиться чуть-чуть к северо-западу, в соседнюю Монтану, тамошняя часть парка и живописнее, и не так заполнена туристами...

Его раздумья, которые не мешали Джорджу исправно вести «Золотую рыбу» по фарватеру, прервал отец.

— Когда ты собираешься в отпуск? — спросил он.

13

«Так вот где таилась погибель моя!» — мысленно продекламировал Юрий Макаров, увидев, как спешит к нему старший лейтенант Гаенкова, и пытаясь привычной иронией, эдаким подтруниванием над самим собой выстроить защитную систему, за которую он научился прятаться, когда узнал о тех чувствах, которые испытывала к нему Зоя Федоровна.

Проще всего, конечно, было бы попросить перевести ее в другую часть. Но какие к тому основания? Медицинская работа у Гаенковой была налажена хорошо, претензий к ней нет. Не будешь ведь мямлить о психологической несовместимости между командиром части и старшим лейтенантом медицинской службы...

Пока на заднее сиденье «уазика» укладывали пакеты с медикаментами, Макаров молчал. Наконец женщина уселась в машину и звонким голосом доложила:

— Все готово, товарищ командир! Можно ехать...

Макаров усмехнулся.

— Теперь вам придется немного поскучать, Зоя Федоровна, — сказал он. — Заедем на пять минут в учебный корпус.

Ефрейтор Пулатов развернулся и помчался в обратную сторону.

«Чуть было не уехал в часть, не «помолившись»,— с насмешливой укоризной подумал о себе Юрий. Это Шапошников прозвал «утренней молитвой» его привычку в обязательном порядке проводить отработку учебной задачи номер один на тренажере учебного командного пункта. Сам Макаров признавался замполиту, что чувствует себя не в своей тарелке, если с утра не поработает на системе «Метель».

День сегодня был не тренировочный, но в учебном центре всегда можно найти офицера-ракетчика, который согласился бы поработать с Макаровым за второго номера. На этот раз он встретил на этаже начальника учебного центра. Тот знал о привычке командира и без лишних слов прошел с ним в класс, где была смонтирована аппаратура.

Оба офицера уселись в кресла перед пультами и, как предписывала инструкция, пристегнулись ремнями. Перед этим начальник центра набрал на имитаторе, отдающем боевые приказы и распоряжения, соответствующую задачу и шифр.

— Начнем, что ли? — спросил он Макарова.

— Начнем, — отозвался Юрий.

Сейчас он получит боевой приказ на выполнение задачи — осуществит запуск ракет подразделения. Это будет, конечно, имитация пуска. Но ради выполнения этой задачи в реальности Юрий Макаров и служит, ради нее действуют его офицеры и сотни других их товарищей в ракетных подразделениях страны. Вот и он, командир части, каждое утро начинает служебный день с отработки этой задачи...

Учебная система находилась в готовности, ждущем режиме. В такой готовности проходит вся служба ракетчиков, с того дня, когда молодые лейтенанты переступают порог части и сдают соответствующий экзамен на допуск к боевому дежурству. В такой готовности они пребывают до выхода в отставку седыми полковниками или генералами, кому как повезет. Только постоянная готовность!

А может случиться, что вспыхнет вдруг тревожным светом красный транспарант! Пока никогда не загорался боевой сигнал на командных пунктах, ибо означает он только одно — война! Все команды, которые приходят на КП, отрабатываются при зеленом свете. Зеленый цвет

жизни... Даже при учебно-боевых пусках ракет, когда джинн покидает бутылку и мчится, чтобы поразить мишень за тысячи километров, даже в этих случаях управление пуском осуществляется при зеленом, учебном свете приборов.

— Поехали, — сказал Макаров, и тут слева на панели вспыхнул красный кружок. Одновременно завыла сирена...

На бесстрастном зеленом табло с неотвратимостью рока возникли вдруг цифры и буквы.

С этого мгновения счет пошел на секунды, отведенные суровым нормативом. И все, что делал сейчас Макаров — уточнял полученный приказ с заложенной в компьютер информацией, отдавал необходимые распоряжения второму номеру, без которого не мог заставить ракеты подняться, а тот проверял готовность пусковых установок, вставлял ключ в безобидную внешне скважину, будто в замок собственной квартиры, а затем синхронно с напарником поворачивал его, — все эти быстрые, доведенные до автоматизма движения командира были в боевой обстановке теми немногими приемами, которые необходимы для запуска всесокрушающих ракет.

— Пуск состоялся!

Послышался характерный звук работающей аппаратуры. Еще мгновение — и ракета начнет путь к цели.

— Спасибо, Леонид, — просто сказал Юрий Макаров, отстегивая ремни и вставая с кресла.

— Не за что, — усмехнулся Нагорный.

14

Дик Хиллгарт резко притормозил, и, едва старенький «шевроле» сбавил скорость, Эрвин Додж с Президентом один за другим покинули машину. Упав от потянувшей их вперед инерции, быстро вскочили на ноги и несколько секунд смотрели вслед исчезнувшим в пасти туннеля красным огонькам.

Первым на этот раз очнулся Президент.

— Куда нам теперь, Эрвин? — спросил он.

— В обратную сторону...

Додж стряхнул пыль с рукавов и штанин брюк, ощупал кобуру револьвера.

— Осмотрите ваше оружие, сэр, — сказал он.

— Оружие?

Президент озадаченно глянул в лицо начальника охраны, белевшее в полумраке туннеля.

— Я про кольт, что дал вам Дик...

Президент чертыхнулся.

— Я оставил его на сиденье, — сказал он.

— Ладно, — спокойно проговорил Додж, — как-нибудь обойдемся моим «Смит-Вессоном». А сейчас надо незаметно выскользнуть из туннеля и убраться подальше от входа. Беднягу Дика наверняка ждут там...

Начальник охраны махнул рукой туда, где пропали уже огоньки, и двинулся к светлому проему начала туннеля.

...Дик Хиллгарт на предельной скорости вырвался на открытое место. Он знал: надо увести вертолет-убийцу, сбить его со следа Президента. Надо прожить как можно дольше, чтобы дать Эрвину Доджу время на поиски выхода из создавшегося положения.

Зависший над выходом из туннеля вертолет заметил «шевроле», когда Дик Хиллгарт сумел уйти мили на полторы. Он мог бы свернуть в сторону и скрыться в лесу по проселочной дороге, которую успел заметить, когда покинул туннель, но спастись самому не было целью агента секретной службы. Ему надо было отвлечь внимание преследователей от тех двоих, что покинули автомобиль. Дик даже сбавил скорость, опасаясь, что слишком вырвался вперед и «летающий банан» потеряет его из виду.

Но Хиллгарт сомневался напрасно: его уже заметили. Вертолет ринулся вниз, потом пошел прямо над дорогой, быстро нагоняя машину. Теперь Дик Хиллгарт добавил хода старенькому «шевроле», выжимая из двигателя все возможное. Он понимал, как много значит сейчас каждая выигранная секунда.

Мимо агента-охранника проносились тяжелый рефрижератор, красная «тойота», желтый «форд»-грузовичок, туристский автобус фирмы «Лаки тревелз», голубой «Де сото»... Их водители видели, как над дорогой несется полицейский вертолет, и весело хмыкали: копы засекли очередного лихача, сейчас его догонят и воздадут должное за превышение скорости.

И его догнали... Пилот вертолета выбрал момент, когда на шоссе вокруг «шевроле» Хиллгарта не стало других машин, подобрался ближе и выпустил в упор оче-

редь из пулемета. Но Хиллгарт чувствовал, что он цел и невредим, хотя очередь буквально прошила автомобиль от багажника до переднего бампера. Через отверстие в капоте потянул дым.

Вертолет отвернул вправо, сделал круг над обрывом вдоль дороги и снова пошел на обреченную, но продолжавшую двигаться машину.

«Сейчас они добьют меня»,—подумал Дик Хиллгарт, с трудом удерживая машину. Ее упрямо заносило влево, на склон, вдоль которого шла дорога. Дик отстраненно, будто бы все это происходило вовсе не с ним, удивлялся, что «шевроле» еще продолжает ему подчиняться.

«Плохо будет, если я ткнусь влево и останусь стоять на шоссе... Надо по-другому!»

Когда вертолет приблизился к преследуемому автомобилю и готовился всадить в него новую порцию свинца, Дик Хиллгарт вдруг резко вывернул рулевое колесо вправо, подавляя упорное желание «шевроле» уйти в противоположном направлении.

А справа от дороги тянулся крутой обрыв... Автомобиль пересек бровку, колеса на секунду зависли в воздухе. В следующий момент он, клюнув носом, перевернулся и стал падать вниз, беспомощно кувыркаясь.

Водителя, судорожно схватившего рулевое колесо, выбросило через отскочившую за мгновение до этого левую дверцу. Тело его пролетело кубарем по склону, затем агент секретной службы ударился головой о торчавший гранитный выступ и лег подле него бездыханным.

А «шевроле» скатился еще ниже, постепенно разваливаясь. Дальше всех частей забросило тяжелый двигатель автомобиля.

Вертолет завис над местом катастрофы. Сидевший на месте второго пилота человек тщательно обследовал обломки «шевроле», внимательно всмотрелся в труп водителя. Затем передал по радио:

— В машине был только один. Нет, это не наш объект... Да, приказ принял! Выполняю, сэр!

Вертолет набрал высоту и полетел в направлении, обратном тому, по которому только что мчался Дик Хиллгарт.

15

Он служил в Группе советских войск в Германии, когда его вызвал к себе Министр обороны.

— Хотим перевести вас на другую должность, — сказал маршал, испытующе глянув на сорокапятилетнего генерала.

Тот едва заметно пожал плечами, лицо его оставалось бесстрастным.

Маршал любил сдержанных людей, но тут слегка засомневался: не слишком ли сдержан этот танкист-фронтовик, не от душевного ли холода, некоей психологической усталости эта невозмутимость у него? Тогда надо давать отбой, на э т о м деле равнодушных быть не должно... Хотя Митрофан Иванович стоит за генерала горой, воевал с ним вместе с сорок четвертого года до самой победы. Нередко и встречались они, когда отрабатывали детали взаимодействия по вводу в сражение подвижной группы фронта.

Маршал нетерпеливо хмыкнул.

— Чего ж вы не спрашиваете, куда вас метим? — спросил он наконец сам.

Генерал снова, теперь уже откровенно, пожал плечами.

— Меньше дивизии, наверно, не дадите, — просто ответил он.

— Да, — согласился, помягчев, министр.

Нет, не ошибся он, это у генерала от личной скромности, врожденного такта. Правы те, кто говорил, что он попросту не в состоянии, ф и з и ч е с к и не может относиться равнодушно к тому, что его окружает и тем более составляет предмет служебных обязанностей.

— Дело мы определим для вас большое. И новое...

Генерал с уважительным вниманием смотрел на Министра обороны.

— Пойдете первым замом к Неделину, — не стал тянуть тот, — в Ракетные войска стратегического назначения. Митрофан Иванович в курсе. Нет возражений?

— Никак нет, товарищ Маршал Советского Союза, — спокойно ответил генерал.

— Тогда ждите приказа о новом назначении. Создавайте с Неделиным новый вид вооруженных сил. Дело предстоит серьезное, генерал! Трудное!

...Ракетные войска стратегического назначения как самостоятельный вид вооруженных сил были образованы решением Советского правительства 17 декабря 1959 года.

Конечно, ракетные подразделения к тому времени уже существовали в нашей армии.

Советские военачальники были прекрасно осведомлены о том, что их союзники по второй мировой войне вывезли из Германии все, относящееся к ракетному оружию, над которым немецкие ученые и конструкторы напряженно трудились уже с двадцатых годов. К стоившей два миллиарда долларов атомной бомбе, которую дал «Манхеттен Дистрикт», добавились бесплатные головы гитлеровских ракетчиков, пообещавших новым хозяевам в кратчайший срок создать средство доставки последующих братьев «Малыша» и «Толстяка», испытанных уже на жителях японских городов.

К тому же теперь у потенциального противника была та самая ядерная начинка для ракет, которую тщетно пытались создать нацисты.

Правда, с 1949 года американцы утратили ядерную монополию, но зато они безмерно увеличили средства доставки атомного оружия к жизненно важным центрам Советского государства. К концу пятидесятых годов на вооружении ВВС Америки находились 1654 стратегических бомбардировщика, которые могли нести девяносто пять процентов всех ядерных зарядов. Уже поднимались в воздух реактивные «суперкрепости» Б-52, в океанах шныряли атомные подводные лодки с ракетами «Поларис» на борту.

Но, как говорится, на то и щука в море, чтобы карась не дремал... Советское руководство учитывало опасность. Еще в октябре 1947 года в СССР была запущена первая баллистическая ракета, которая показала отменные качества, подтвердила правильность того принципиального пути, который был выбран ракетостроителями.

Тогда же из гвардейского минометного полка, который особо отличился в боях Великой Отечественной войны, была создана первая ракетная воинская часть.

Прошло без малого десять лет, и в августе 1957 года поднялась в воздух первая в мире межконтинентальная баллистическая многоступенчатая ракета, способная поразить агрессора в любой точке земного шара.

Тогда стратегическое ракетно-ядерное оружие превратилось в важнейший фактор сдерживания империалистов. Ведь они уже спустя несколько недель после второй мировой войны принялись разрабатывать планы атомной бомбардировки русских городов. Советское руководство решило создать мощные силы и средства, ко-

торые были бы сконцентрированы под единым командованием. Это позволяло оперативно решать сложнейшие организационные и технические задачи.

Так появились Ракетные войска стратегического назначения. Первым их главнокомандующим стал Герой Советского Союза Главный маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин.

«Как давно это было, — подумал Главком, наблюдая из иллюминатора вертолета, как приближается к ним стартовая площадка с квадратом люка шахты, который едва выделялся на сером бетонном фоне. — Нет, давно, если судить по времени. По ощущениям моим, будто и не было этих лет, они пронеслись как один день...»

— Будем садиться, товарищ Главнокомандующий?— спросил командир соединения, молодой еще полковник. Ему недавно присвоили генеральское звание, с этим и поздравил его Главком, когда прилетел сегодня утром сюда, на станцию Морозная. Но командир ходил еще в старых погонах, и это понравилось Главнокомандующему. У себя в Шимолине он знавал штабистов, которые на другой день после присвоения звания появлялись на людях в полном генеральском наряде. Про таких говорили, что они запираются дома в спальне и часами торчат перед трюмо, любуясь собой в форме, которую тайком шили задолго до того, как получили на нее право.

— Не стоит, — ответил Главком на вопрос бывшего полковника. — Облетим площадку — и на командный пункт. Посмотрим, как там твои питомцы приготовились к мероприятию.

Вертолет слегка накренился, он закладывал вираж, чтобы пройти над пусковой площадкой по кругу.

— Как с дорогами в позиционном районе? — спросил Главком у командира ракетной части, немолодого уже офицера, явно задержавшегося на этом посту. Главком прикинул: в последней должности он уже около десяти лет. Не годится такое... Тем более что из года в год часть занимает первые места. Надо сегодня же, когда они вернутся после пуска в городок, поговорить с кем надо да и передвинуть офицера ступенькой повыше.

— Дороги в полном порядке, товарищ Главнокомандующий! — ответил командир.

— А в распутицу? Вертолетами смены не приходится возить?

— Никак нет! Только автотранспортом. Покрытие на дорогах твердое, да и следим постоянно за состоянием: подсыпаем щебенку, заливаем асфальт...

— Дорожники трудятся исправно, — заметил командир соединения, — подгонять не приходится, дело свое знают.

— О дорогах не забывайте, — наказал Главком.

Сам он всегда ими интересовался. Хорошо помнил, как в свое время мучились ракетчики с дорогами. А сколько они проложили их по всей стране! От жилых городков к позиционным районам и к станциям железных дорог, откуда поступали строительные материалы и вооружение, от командных пунктов к пусковым установкам, к тем населенным пунктам, которые существовали здесь до появления ракетчиков.

В тайге и пустыне возникали новые благоустроенные военные городки с добротными условиями жизни. И конечно, всюду дороги... Хорошо тогда потрудились военные строители. А чего это стоило, помнит лишь он да его помощники-ветераны. Сейчас молодого офицера, прибывшего из училища, ждет по месту службы благоустроенная квартира, современный Дом офицеров, зимний плавательный бассейн, для ребятишек — средняя школа, ясли-сад, музыкальные и художественные школы.

А начинали в палатках... Ракеты были установлены, а жить пока негде. По утрам, бывало, освобождали друг другу волосы, примерзшие к подушкам. Жены с ребятишками размещались на постое в окрестных деревнях, а мужья жили будто на передовой.

Да, лишения и тяготы того времени не были напрасными. Возникновение грозных, а потом и хорошо защищенных Ракетных войск остудило горячие головы вашингтонских экстремистов...

— Будем возвращаться, — сказал Главком.

Вертолет взял курс на командный пункт, в котором по составленному графику сегодня проводился учебно-боевой пуск ракеты. Ведь необходимо проверять техническое состояние самих «изделий», готовность, боевую слаженность систем управления ракетного комплекса, выучку личного состава.

...Вертолет завис над наземными строениями командного пункта, примериваясь к посадочной площадке. Главком бывал здесь, но довольно давно. Сейчас он с интересом рассматривал новое здание со служебными поме-

щениями, от которого укрытая потерна вела к подземному лифту, ярко раскрашенный, похожий сверху на игрушечный коттедж — в нем отдыхали после дежурства под землей офицеры-операторы. Была в том коттедже и уютная комната отдыха, и сауна с небольшим бассейном. Сам большой любитель плавать, Главком следил за тем, чтоб ракетчики могли купаться во всякое время года и на любой широте: лучшего средства для снятия стрессовых напряжений, нежели водные процедуры, не найти.

— Обратно поедем на машине, — сказал Главком командиру, выбираясь по легкому трапику из вертолета. — Заодно и дороги ваши посмотрю. Спасибо за полет, сынок. Вез ты нас хорошо, все ухабы стороной обошел... Можешь возвращаться.

Последнее относилось к авиатору, который управлял вертолетом в этом ответственном рейсе. Сейчас он стоял, вытянувшись, у машины, рука его, вскинутая к козырьку фуражки, чуть подрагивала. Главком, чтобы избавить пилота от скованности, дружески протянул ему руку.

К вертолету мягко подкатила «Волга».

— Когда же ты успел автомобиль перегнать? — удивился Главком.

— Дороги, товарищ Главнокомандующий, — улыбнулся командир. — Это они способствуют...

— Хитро, — покачав головой, отметил Главком. — Небось заранее выслали... Но пока она ни к чему. Давайте пешочком повсюду походим. Нам, ракетчикам, лишний раз ногами подвигать только на пользу.

16

— Прошло уже семь минут, — посмотрел на циферблат наручных часов Чарльз Маккарти. Для верности он глянул также на большое табло электронных часов над главными экранами, по которым члены Комитета семи могли постоянно держать зрительную связь друг с другом, а также следить за тем, как проводится в жизнь их сверхсекретный стратегический план «Миннесота». — Семь минут с тех пор, как приказ Оскара Перри ушел в войска... А нам ничего не известно о судьбе Президента.

Чарльз Маккарти, главный босс-координатор северо-западных штатов, выразительно уставился на Эдгара Гэйвина, который вместе с Уильямом Годфри, ведавшим связями с вооруженными силами и разведкой, отвечал за ту часть плана, которая была связана с устранением

Президента. Ведь эта операция проводилась на территории Северной Каролины, штата, входившего в юго-западную вотчину Гэйвина. Когда-то предки их воевали друг с другом в войне Севера против Юга, и Маккарти коробили, выводили из себя аристократические замашки Гэйвина, потомка генералов и южных плантаторов. Ведь его-то дед был всего лишь средней руки фермером, и только отец, удачно начавший торговать оружием после второй мировой войны, приблизился к высшим эшелонам экономической и политической власти. Остальное доделал Чарльз Маккарти-младший, который и гордился тем, что он self made man — человек, сделавший себя сам, и втайне страдал от того, что не может похвастать предком, прибывшим к берегам Нового Света на первом корабле с переселенцами из Англии.

— Его вертолет уничтожен, — заметил Уильям Годфри, не отрывая глаз от экрана видеосвязи.

Канал был постоянно включен, но изображение появлялось, когда помощник Годфри хотел что-то сообщить шефу. Поэтому Чарльзу Маккарти, который на одном из шести экранов, связывающих его с остальными членами комитета, видел только лицо Годфри, казалось, что тот нарочито отвернулся от него.

— Только сам он, джентльмены, непостижимым образом уцелел, увы...

— А ваш человек, Билл? Тот, что внедрен в охрану Президента?

Этот вопрос задал Джон Галпер, главный идеолог Комитета семи. Его подземная штаб-квартира находилась неподалеку от Гаррисберга, столицы штата Пенсильвания, в глубине горного кряжа. Владелец двух крупнейших телевизионных компаний, информационного агентства, формирующего общественное мнение едва ли не всех западных стран, фактический хозяин знаменитой телефонной и телеграфной компании, Джон Галпер осуществлял мероприятия, связанные с промыванием мозгов населения Соединенных Штатов, создавал паблисити для тех, кто был угоден комитету.

Так и не повернувшись лицом к остальным джентльменам из комитета, Уильям Годфри тихо спросил о чем-то помощника; никто не расслышал его слов.

Но за него ответил Эдгар Гэйвин:

— Он погиб в вертолете Президента...

— Зачем поручать такие дела человеку, который был

обречен до того, как выполнит свой долг? — заметил Питер Розенфельд, укрывшийся сейчас где-то в верховьях реки Коннектикут. Как член тайного Комитета семи, он ведал северо-восточными штатами Америки.

Ему никто не ответил. В этот момент Уильям Годфри повернулся к остальным членам комитета и сообщил:

— Наш вертолет обследовал машину, на которой ушел Президент. Этот «шевроле» упал с обрыва. Водитель мертв. Больше никого там не оказалось.

— Час от часу не легче, черт возьми! — воскликнул экспансивный техасец Энтони Свейн, он был сейчас где-то в районе Большого Каньона. — Кто же с ним остался еще?

— Их сейчас только двое, — сообщил Эдгар Гэйвин. — Сам Президент и начальник его охраны, тот самый Эрвин Додж.

— Которого вы так и не сумели купить? — усмехнулся Питер Розенфельд.

В свое время он упорно настаивал, чтобы Виргиния — родина американской демократии, на земле которой возникла первая английская колония, осталась в его сфере влияния. Но все члены комитета, в том числе и Джон Галпер, решили, что колыбель Великой Америки должна находиться в ведении потомка капитана Кристофера Ньюпорта, который солнечным апрельским утром 1607 года вошел в Чесапикский залив и бросил здесь якорь.

Эдгар Гэйвин посмотрел на экран, передававший изображение Патрика Холла, который руководил комитетом и одновременно отвечал за службу безопасности в организации, и пожал плечами. Сам Патрик, он находился в штате Небраска, относительно неподалеку от Оффут-Филда, бывший начальник штаба ВВС и нынешний президент аэрокосмического консорциума, после того как министр обороны по рекомендации комитета отдал приказ о ракетно-ядерном ударе по русским, не проронил пока ни слова. Он только внимательно следил за репликами членов комитета — лица их видел на экранах, размещенных полукругом за столом-пультом, у которого сидел сам. Такие же устройства, позволявшие создать иллюзию, что все они находятся вместе, были у каждого в их подземных убежищах, разбросанных по всей Америке.

Генерал Патрик Холл еще во времена президентства Рональда Рейгана выступал с ярыми нападками на но-

вый либерализм, который после своего поражения в начале восьмидесятых годов стал вновь обретать влияние как альтернатива внешней и внутренней политики тогдашней вашингтонской администрации. Являясь одним из руководителей Пентагона, Патрик Холл, опираясь на средства массовой информации Галпера, развернул немыслимую для находящегося на военной службе генерала политическую кампанию. Он обвинил новых либералов в поразительной мягкотелости во внешней политике и национальной безопасности. «Американский либерализм, — утверждал начальник штаба ВВС, — всегда обнаруживал в своих рядах пацифистское, соглашательское и даже просоветское крыло, которое разделяет мировоззрение и задачи левых марксистских группировок. Прежде ортодоксальный либерализм всегда проявлял несгибаемую твердость в вопросах внешней и военной политики, особенно в послевоенный период. Теперь же положение драматически изменилось. Анемичные оборонные бюджеты, которые принимались под руководством либералов в дорейгановскую эпоху, позволили русским догнать или даже превзойти Соединенные Штаты по всем важным параметрам военного потенциала».

Затем Патрик Холл выдвигал обвинения в адрес правительства. Оно, дескать, позволило либералам опутать себя пацифистскими сетями, которые заставили администрацию идти на переговоры с русскими, усиленно демонстрируя тем самым национальный мазохизм. «Ведь именно либералы, — восклицал генерал Холл, — выхолостили деятельность ФБР и ЦРУ, и прежде всего их способность противостоять советским разведывательным и аналогичным операциям! Американская разведка стала настолько ненадежной, что союзники фактически отказались сотрудничать с нею, перестали делиться конфиденциальной информацией».

Разразился скандал, и начальнику штаба ВВС пришлось подать в отставку. Тогда он и возглавил так называемый Комитет семи, уже сформированный раньше заправилами военно-промышленного комплекса. Но пока заговорщики не приступали еще к планомерным и целенаправленным действиям по организации заговоров для захвата государственной власти. К лихорадочной активности Комитет семи подтолкнула поездка Президента в Москву...

— Дело серьезнее, нежели вы все предполагаете, джентльмены, — спокойным тоном произнес наконец

Патрик Холл. — Министр обороны отдал приказ с часовым интервалом. По имеющимся у меня данным, он спешно ищет дополнительные подтверждения об угрозе русского нападения. Это раз. К этим поискам — об этом мне тоже сообщили наши люди — подключился дежурный генерал Рой Монтгомери. Это человек Дика Уорднера, значит, опасный человек. И третье: мы потеряли след Президента. Если он уцелеет и сумеет выйти на связь с Белым домом, то, не задумываясь, отменит приказ Оскара Перри. В нашем распоряжении осталось пятьдесят две минуты, джентльмены.

— Уже введен в действие отряд «синих волков», — сообщил Эдгар Гэйвин.

— Хорошо, — кивнул бывший генерал Холл.

17

Президент и начальник его охраны выпрыгнули из машины, вскочили на ноги и несколько секунд смотрели, как уходят в глубь туннеля красные огоньки. Затем побежали к выходу. Двигались они навстречу потоку машин, прижимаясь к правой стенке и задыхаясь от выхлопных газов.

Выбравшись из туннеля, они проследовали вдоль дороги еще метров триста. Затем Эрвин Додж махнул бежавшему за ним Президенту, быстро пересек шоссе и увлек его вправо, к подступившим вплотную к асфальту зарослям дрока.

Едва они отдышались, как мимо них с ревом промчался двенадцатицилиндровый голубой «феррари» полугоночного типа. За рулем открытой машины сидел молодой парень со светлыми развевающимися волосами.

— Этот нам все равно бы не подошел, — улыбнулся Эрвин Додж, заметив сожаление во взгляде Президента. — Такого лихача остановит первый же пост дорожной полиции... — Он помрачнел, вспомнив напавший на них «банан». — Только полиция эта занимается вовсе другими делами...

— Полиция? — встрепенулся Президент. — Так нам как раз ее и нужно, Эрвин! Любая полицейская машина... Ведь на каждой из них есть рация! Я должен немедленно связаться с Белым домом... Ведь там бог знает что уже думают!

«Там думают, что вы на небесах», — хотел ответить

начальник охраны, но счел такой ответ неподобающим и промолчал.

— Полиция? — переспросил он и с сомнением поджал губы. — Что ж, посмотрим...

Президент уже отдышался и несколько пришел в себя. Он стал вспоминать события истекших минут, и цепочка представлений неожиданно привела к одной из первых в новом качестве поездок по стране. Вскоре после принятия присяги он отправился в Калифорнию, чтобы посетить радиационную лабораторию имени Лоуренса в Ливерморе — она была организована доктором Эдвардом Теллером, пресловутым отцом водородной бомбы.

Президент знал, что еще в 1967 году лабораторию Лоуренса посетил Рональд Рейган, тогдашний губернатор штата Калифорния. Потом он, будучи уже президентом США, еще не раз встречался с Эдвардом Теллером. Советы и многообещающие научные посулы его подвигли Рейгана на печально знаменитое выступление, когда он предложил миру программу «звездных войн». При этом он ориентировался на результаты первых испытаний рентгеновского лазера с ядерной накачкой, которые в ноябре 1980 года были проведены на атомном полигоне в штате Невада.

Перед тем как отправиться в Ливермор, Президент ознакомился с подборкой материалов по данной проблеме. С интересом узнал он о создании в Лос-Аламосской национальной лаборатории коротковолнового лазера на свободных электронах, а также проведенных там же испытаниях генератора пучков нейтральных частиц...

— Работы по программе «Антигона», — объяснил доктор Пол Туайнинг Президенту, когда тот прибыл наконец в Ливермор, где и загорелся весь этот оборонно-космический сыр-бор, — мы начали в 1985 финансовом году, уже тогда израсходовав вдвое больше тех семи миллионов долларов, которые нам выделили. На восемьдесят шестой год мы запросили уже сорок миллионов... Потом эта сумма увеличилась десятикратно.

— Игра стоила свеч? — спросил Президент.

— О да, конечно, сэр! Посмотрите сюда... Это камера ускорителя длиною пятьсот футов, она заполнена разреженным газом. И вот в этой камере пучок электронов мощностью двадцать киловатт без потерь распространяется по всей ее длине!

Из объяснений доктора Туайнинга Президент понял, что в основу концепции пучкового оружия ученые поло-

жили способность электронного пучка следовать по ионизированному каналу, созданному лучом лазера в разреженном воздухе. В этом случае пучок не отклоняется под воздействием магнитного поля планеты...

— Мы посчитали, — сказал Пол Туайнинг, — что поражающая сила пучка будет достаточной для уничтожения ракет и отделившихся ступеней разведения на расстоянии более полутора тысяч километров.

— Но вот согласно заявлению начальника управления перспективных проблем министерства обороны русские разработали специальное покрытие для своих ракет. Оно выдерживает на два порядка более высокую температуру, чем наши теплозащитные покрытия, и теперь им никакие лазеры не страшны. Что вы на это скажете, док?

Пол Туайнинг вздохнул.

— Еще один аргумент против создания ПРО с элементами космического базирования, — сказал он.

— Самый большой аргумент в том, что русские запретили ставить на стационарных орбитах эти самые элементы, распространив государственный суверенитет над своей территорией вплоть до туманности Андромеды и дальше, — процедил сквозь зубы Президент. — Поэтому пучкам вашим, доктор Туайнинг, нет места в космосе. Подумайте над тем, как использовать новое оружие, чтобы оно могло действовать с поверхности Соединенных Штатов.

Потом они все же показали ему, как работают электронные пучки...

«Бог мой! — мысленно воскликнул Президент, торопливо прячась в кустах при дороге. — Чего только не придумал человек против человека!.. Зачем, Создатель, ты наделил нас разумом, позволив использовать его во зло высшему творению?»

Он представил вдруг генерала Ричарда Уорднера и увидел прямо перед собой его разбитый череп, серо-розовые комочки мыслящей — в таком недавнем прошлом! — материи, вывалившейся наружу. «Как мало нужно, чтобы лишить человека жизни! — воскликнул про себя Президент. — Электронные пучки, бинарный газ, напалм и лазер... А можно и проще: ударом дубины по голове. Или несколько свинцовых граммов в сердце...»

От туннеля пошли машины, но Эрвин Додж не торопился выходить на обочину и останавливать их, хотя Президент нетерпеливо поглядывал на него.

Но вот показалась полицейская патрульная машина.

Не успел начальник охраны остановить Президента, как тот выскочил из зарослей дрока и встал на краю дороги с поднятым большим пальцем правой руки. «Будто всю жизнь разъезжал на попутных машинах, — успел подумать Эрвин Додж. — Не Президент, а заправский «хичхайкер» [1].

18

...Они только что довольно удачно пересекли линию фронта, и командир американской эскадрильи бомбардировщиков B-17 облегченно вздохнул: на этот раз «челночный» полет прошел успешно. Удачно отбомбились по намеченным объектам в Германии и летели теперь над Россией. Они должны были сесть на аэродроме у Полтавы, заправиться горючим, бомбами и снова лететь с «гостинцами» для чертовых «джерри», которые продолжают драться, будто озверевшие.

Едва комэск получил по внутренней связи рапорт кормового стрелка, пересчитавшего идущие за флагманом самолеты, слева вдруг возникла пара «мессершмиттов». То ли они караулили американцев, то ли вырвались на территорию противника для вольной охоты, но, обнаружив бомбардировщики, летящие без сопровождения истребителей, бросились в атаку. Гитлеровцам удалось сразу же подбить один из неповоротливых, громоздких бомбовозов. Когда его самолет загорелся, командир отдал приказ экипажу покинуть B-17, а сам попытался оторваться от насевших на него «мессершмиттов». Но те уже отогнали его от эскадрильи и безжалостно расстреливали огромную машину, не обращая пока внимания на вываливающиеся из фюзеляжа комочки, которые превращались в медленно плывущие одуванчики парашютов.

Правый пилот подбитого бомбардировщика первый лейтенант Дик Тейлор попытался было остаться в самолете, но обычно выдержанный командир покрыл его матом так изощренно, что Дик очумело выбросился из люка и пришел в себя, когда увидел стремительно летящую к нему землю.

— Его самолет сбили уже за линией фронта, над нашей территорией, — рассказывал Иван Егорович. — Остальных спасли наши истребители, которые подоспели к

[1] Тот, кто бесплатно путешествует по дорогам Америки.

месту воздушного боя. А Дику Тейлору не повезло. Он приземлился в районе, который пока еще не находился под полным нашим контролем, в нем шастали разрозненные группы солдат и офицеров вермахта. Вот в это место и угодил незадачливый Дик Тейлор. Тогда я не знал его имени... Армейская разведка сообщила только квадрат, в котором, возможно, приземлились американские летчики. И тогда я получил приказ вылететь туда на «кукурузнике», попробовать обнаружить их и навести поисковые группы на попавших в беду союзников.

— На вертолете было бы сподручнее, — заметил Андрей.

— Вертолетов тогда еще не было, — отозвался генерал Макаров. — Только и мой По-2 был, как бы сейчас сказали, многоцелевым самолетом... И сесть мог почти где угодно. Разве что зависать не мог над землею, как вертолет. Вообще-то лично мне никто лететь не приказывал. Я мог послать на поиски любого летчика полка. Но какой тогдашний командир, а все мы были по теперешним меркам юнцами, отказался бы сам выполнить подобное задание — помочь союзникам! А тогда уже третий месяц американцы и англичане дрались с фрицами на Западном фронте.

С американцами я уже встречался до того. Ведь наш полк базировался по соседству с тем аэродромом, который принимал «летающие крепости». Они стартовали в Англии, шли бомбить Германию, пересекали ее напролет и в зависимости от обстановки уходили на итальянские аэродромы или к нам, в Полтаву. И едва первые экипажи американских летчиков появились в наших краях, командование организовало вечер встречи советских летчиков и союзников.

— Какие они, папа? — спросила Вера Ивановна.

— Обыкновенные... Может быть, посытее наших были, хотя авиацию у нас пайком не обижали. Но война все равно смотрела из наших глаз, а вот у американцев на лицах ее не было видно.

— Они ведь тоже гибли в полетах, — заметила Маргарита.

— Верно, — согласился Иван Егорович, — гибли... Хотя и не так уж часто. Хорошее вооружение на борту, истребительное прикрытие... Их В-17 или английские «Ланкастеры» — это вам не наши ТБ, которых в сорок первом нечем было прикрыть. Сколько наших бедолаг сожгли в самом начале войны, да и позднее, «юнкерсы»

и «мессершмитты»! В сорок четвертом было уже вовсе по-другому. И толковых летчиков у фрицев мы повыбили, и было кому защищать наши бомбардировщики. Но я о другом хотел... Война, конечно, каждого метит. Но больше тех, кто близких потерял или оставил их под супостатом, воюет в неведенье: живы ли, на месте, а может, рабами их угнали в неметчину. И тогда неизбывной тоской запечатывает солдату глаза... Такого у наших гостей — янки не было видно. Каждый из них рисковал только собой...

Генерал Макаров вздохнул, вспоминая то нелегкое время, затем улыбнулся.

— Вот меняться они любили, — сказал он. — Тогда-то я впервые и услышал слово «сувенир», прежде его не было в русском обиходе. Что б ни увидели эти парни, сразу: «Сувенир!» А затем: «Чейндж?» Меняемся, значит... Менялись, конечно. Трофейные немецкие часы на американские зажигалки, наши самоделки из патронов на сигареты... Один мой командир звена, стервец, свой ТТ на ихний армейский кольт 38-го калибра выменял. Так этого звеньевого полковой особист взял на цугундер: боевое оружие, мол, утратил. Пришлось парня выручать...

— И выручили?

Макаров усмехнулся:

— В конце концов, я был командиром полка... Вызвал к себе и того и другого, говорю: «Утрата боевого оружия — дело, конечно, кислое, хотя безоружным его не назовешь, вон какую пушку выменял у союзника. Нештатный пистоль? Верно... Поэтому оставляю его себе, а мой ТТ пусть забирает... Нет возражений?»

Тут особист улыбнулся, он был толковым парнем, с пониманием, и говорит: «Возражений нет, командир. Есть вопрос: как боезапас добывать? Таких калибров у нас нету...» А мой меняла обиженно так сообщает: «Дурных нема. Я за бутылку водки уже две сотни патронов к кольту спроворил. Теперь отдам их майору». Это мне, значит... На том и поладили.

— А что потом с этим кольтом было? — осмелился спросить внук.

— Пригодился. Им же того американца, Дика Тейлора, от фрицев отбивал, когда сел на лесной поляне.

...Тогда он увидел шелк парашюта у кромки леса. Прошел на бреющем, покачивая крыльями: дескать, заметил тебя, парень, сейчас развернусь и попробую сесть, забрать с собою из неуютного места, где можешь угодить

гитлеровцам в лапы. Ведь они сами мечутся здесь, загнанные волки, потому и возиться с тобой не будут, шлепнут за милую душу. По письмам из фатерланда им хорошо известно, как посыпают ваши молодцы их дома «гостинцами» с неба.

Иван Макаров хорошо понимал, что его не только американец видит, спрятавшись где-то в лесу. Его и фрицы усматривают, и наши солдаты тоже. Но вот эти-то, наверно, не поспели туда, где сел летчик, иначе б дали ему, Макарову, знак с земли. Надо побыстрее садиться...

Он развернулся и стал снижаться на лужок, стараясь сесть так, чтоб осталось ему места для взлетного пробега — может случиться, что сразу и взлететь придется. «Кукурузник» попрыгал, попрыгал и остановился с работающим двигателем почти у самого парашюта. Макаров приподнялся, цепляясь за стенки узкой кабины парашютом, который служил ему в полете вместо сиденья. Стал всматриваться в лес: не покажется ли там союзник, вряд ли он успел уйти отсюда далеко.

Но вначале Макаров увидел, как от перелеска, что был по другую сторону поляны, бегут к нему немцы. Командир полка выругался и хотел было дать газ, как вдруг сквозь тарахтенье двигателя услыхал — его зовут по имени.

— Иван! — донеслось до него. — Иван!

Макаров повернул голову влево.

Из-под смятого парашютного полотнища выбрался длинный парень в комбинезоне и, прихрамывая, стал приближаться к самолету.

Потом Дик Тейлор объяснил русскому майору, что неудачно приземлился, потерял сознание и лежал на поляне, накрытый парашютом. Звук авиационного двигателя привел его в чувство, он освободился от строп, вылез из-под полотнища, увидел русский самолет, вспомнил, что всех союзников называют «Иванами», вот и окликнул летчика его настоящим именем.

«Откуда он меня знает?» — удивился тогда Макаров и выхватил кольт. Надо было задержать немцев. Они приближались спереди и справа, а союзник — слева и чуть позади. Он с хвоста догонял машину командира полка, крича «Иван!», и размахивал некоей штукой, вроде пистолета, что ли...

Американец подбежал к стабилизатору и хотел обогнуть его, чтобы приблизиться к кабине летчика справа. И тут увидел приближающихся немцев. Быстро вскинув

левую руку, он положил на нее странное оружие и выстрелил.

Макаров увидел, как из-за хвоста его машины пронеслась ракета. Она шла прямо к толпе бегущих немецких солдат, и те бросились, спасаясь от нее, на землю.

«Дает союзник!» — весело подумал Макаров, выцеливая из непривычного пока еще оружия одного из врагов. Кольт стрелял неплохо. Кое-кто из фрицев уже ткнулся носом в плодородный украинский чернозем.

Макаров повернулся и увидел, что американский летчик перезаряжает ракетницу.

— Давай сюда! — крикнул Иван и махнул рукой.

Дик Тейлор покивал и снова выбросил руку, прицеливаясь.

— Садись скорей, мать твою туда и обратно! — заорал командир полка.

«Тоже мне, — подумал он, — снайпер нашелся... Решил, что в тире развлекается».

Затявкал пулемет, длинная очередь зацепила верхнюю правую плоскость. «Сейчас он подправит прицел и жахнет по двигателю и кабине!»

Союзник не стал больше стрелять. Он забежал слева от кабины Макарова и прыгнул на нижнюю плоскость, не выпуская ракетницы из рук.

— Forward! — крикнул он. — Вперед!

«Силен бродяга!» — крутнул головой майор и дал двигателю полные обороны.

«Кукурузник» сорвался с места и побежал прямо на немцев. Они, беспорядочно стреляя, стали разбегаться, чтобы не попасть под винт.

Метров через сто Иван Макаров потянул рычаг управления на себя и оторвал машину от земли. А забравшийся во вторую кабину Дик Тейлор выпустил еще одну ракету по оставшимся внизу немцам.

19

— Ты когда собираешься в отпуск? — спросил сына Ричард Тейлор, когда яхта подходила к южной оконечности Сент-Саймонс-Айленда.

— Не знаю, па, — ответил Джордж. — Хотелось повезти Лу и ребятишек к Желтым Камням, пусть побалуют медведей сладкой кукурузой. Но Айвену давно обещана Ниагара. Видно, придется побывать и там тоже. Мой заместитель, капитан Генри Хукер, вернулся на прошлой

неделе с Гавайских островов и никак не может настроиться на армейский лад, отвыкает от райской жизни в стране вечной молодости... А ты почему спросил меня об этом, па?

— Мне нужно с тобой съездить кое-куда, — ответил Ричард Тейлор. — Ты мог бы уделить мне три-четыре дня?

— Конечно, — сказал Джордж. — Я могу взять эти дни в счет отпуска. Когда ты хотел поехать?

— Я скажу тебе об этом дома. Вечером мне должны позвонить.

На этом разговор отца и сына прервался.

«Золотая рыба» шла к причалам небольшого залива, принадлежавшего прежде рыбакам, которых после развертывания на острове ракетной базы переместили в другое место.

Поодаль от причала семейный экипаж яхты «Голден фиш» ждали двухместный гоночный «ягуар» красного цвета, который принадлежал Джорджу Тейлору, и мощный «форд» последнего выпуска его отца. Полковник остался приверженцем машин старого доброго типа, не признавал новомодных малолитражек, заявляя в шутку, что его «двойной сыч» может позволить ему перерасход бензина. «Сычом» фамильярно называли в армии США орла на государственном гербе и полковника, на погонах которого красовался тот же самый орел. «Сычом» называли и документ об увольнении из армии.

Полковник усадил четверых внуков на заднее сиденье вместительного «форда», Лу села рядом со свекром. А Джордж с капитаном Хансеном уже сорвались с места и скрылись из виду в красном «ягуаре».

Ужинали в гостевом бунгало. Небольшой летний домик стоял в саду, который примыкал одной стороной к коттеджу Тейлоров, а другой упирался в подножие холма, заросшего лесом. Холм этот вместе с вереницей таких же лесистых бугров прикрывал от моря жилой городок ракетной базы. Зеленые холмы тянулись от южного берега пролива Сент-Саймонс-Саунд до Форт-Фредерика на севере острова. Форт этот считался национальным историческим памятником.

Вся территория, занятая строениями базы Мэсситер, была обнесена двумя рядами бетонных столбов с натянутой между ними колючей проволокой. К базе подхо-

дили три дороги — с севера, юга и запада. Они упирались в ворота, каждый проход на базу был украшен щитом с надписью: «Собственность ВВС США».

Сама база разделялась на три неравные по площади части. Ближе к проливу, отторгнувшему остров Святого Симона от восточного побережья, находились служебные помещения. Затем шла территория, отведенная для отдыха, совместного общения военнослужащих и членов их семей. Гольф-клуб, стадион, салун «Хижина капитана Кидда», комбинированный супермаркет, где помимо привычных для таких заведений продуктов имелись предметы первой необходимости для домашней и военной обиходности. Была здесь и аптека — драг-стор, владелец которой, отставной военный фармацевт, успешно торговал мороженым, фруктовыми соками со льдом и молочными коктейлями.

Центром комплекса, предназначенного для ублажения души и тела, был молельный дом. Он представлял собой круглую трехэтажную башню с куполом без креста, на манер мусульманской мечети. К этому главному корпусу примыкали четыре пристройки. Каждая из них была в ведении одного из четырех помощников главного капеллана базы. Ими были католик, протестант, иудей и приверженец Магомета. В пристройках находились предметы культа каждой из религий, здесь же капелланы вели индивидуальную борьбу за души подопечных, а для общих богослужений использовалась поочередно центральная башня.

Помимо основного здания в различных уголках базы размещались специальные уголки капелланов. Их называли «домами уединения» или «молитвенными приютами». Там военные священники организовывали религиозные песнопения и диспуты, прослушивали совместно с паствой радиопередачи и смотрели телевизионные шоу, в которых участвовали известные в Америке проповедники.

Жилая часть базы была смещена в глубь острова, ее отделяла от Атлантического океана гряда невысоких холмов, заросших лесом.

Пусковые установки крыла МБР располагались в основном на материковой территории. На острове, в северной его части, были только два пункта управления пуском — из пяти отрядов первой эскадрильи. Шахты с ракетами, входящими во вторую эскадрилью Джорджа Тейлора, были размещены по ту сторону пролива, на острове Джекилл. Ракетные расчеты летали на боевое дежурство

вертолетами, посадочная площадка которых находилась у южных ворот базы; через них и проехали Тейлоры после океанской прогулки.

Накрывать на стол матери помогал четырнадцатилетний Айвен. Он учился в колледже Дурхэм, неподалеку от Саванны, и прошлое лето работал ассистентом официанта в кафе. Нынешним летом парень уже отработал две недели на пляжах Си-Саймонс-Бич. Там он разносил мороженое и пепси-колу, копил деньги на ружье для подводной охоты, до которой был великий любитель.

На кухне хозяйничала Пегги, добрейшая, хотя и любившая поворчать на ребятишек, сорокалетняя бездетная негритянка. Она служила у Тейлоров, исполняя обязанности кухарки и горничной, со дня их переезда сюда. Муж ее, Чарли Купер, бывший морской пехотинец, ветеран вьетнамской войны, потерявший там два пальца левой руки и три ребра, был в доме Тейлоров садовником и кем-то вроде механика. Купер умел и за «ягуаром» хозяина присмотреть, и мотор «шевроле» миссис Тейлор отладить, и сделать так, чтобы санитарно-техническая система (она была в каждом офицерском коттедже автономной) работала безотказно.

Едва все сели за стол, замигал зеленый плафон над дверью бунгало: кто-то открыл калитку и прошел во двор.

— Гость к ужину, — заметила Лу. — Надо проводить его сюда, Джо... Он может подумать, что мы все в доме.

— Почему «он»? — возразил, улыбаясь, Тейлор, поднимаясь. — Мне кажется, что к нам пожаловала прекрасная фея...

При этом он взглянул на отца и заметил, как затвердело вдруг и напряглось лицо Ричарда Тейлора. «Он ждет кого-нибудь?» — подумал Джордж, выходя из бунгало.

— Фея! — захлопал в ладоши маленький Тейлор. — Она принесла мне подарки...

— Но ведь сейчас не рождество, — возразила Дику Мэри. — И фея вовсе не Санта Клаус...

— Она приносит волшебные свойства, — уточнила Джоан. — Может сделать тебя, например, невидимкой.

— Не хочу быть невидимкой, — насупился вдруг маленький Дик, и все рассмеялись.

За дверью послышались голоса.

Джордж Тейлор показался в дверях, посторонился и пропустил вперед высокого, довольно красивого мужчину средних лет в форме офицера морской пехоты, но с эмблемами, которые свидетельствовали о том, что их хозяин состоит на службе по духовному ведомству.

— Всем привет и божье благословение! — воскликнул с насмешливой ухмылкой вошедший и небрежно помахал рукой, потом поднял и потряс объемистым саквояжем, который нес в правой руке.

Это был младший брат полковника — Филип, военный священник бригады морской пехоты, заядлый выпивоха, циник и балагур.

Старший брат при виде пастыря «дубленых затылков» изобразил на лице неопределенную гримасу. Ее можно было принять и за проявление родственного чувства, основанного на скептическом отношении к младшему брату, и за удивление от неожиданного возникновения Филипа — его не ждали у Тейлоров, — и даже за некоторую досаду: уютный семейный вечер наверняка сорвет громогласный и беспардонный Фил, любитель анекдотов и обильной выпивки.

А вот дети просто завизжали от восторга, увидев дядю Фила, веселого и разбитного, умеющего быть своим парнем и для старающегося уже казаться взрослым Айвена, и для маленького Дика, и для Мэри с Джоан.

— Здесь небольшие презенты для всех! — провозгласил капеллан, водружая саквояж на свободный стул. — И даже бутылка для капитана Вика. А то он вовсе высох в вашем святом семействе. Небось и рюмочки ему не поднесли? Точно! Одни соки на столе.

В доме Тейлоров вот уже несколько лет не держали спиртного. Почин положил старый полковник. Однажды на коктейль-парти, устроенном по случаю дня рождения Лу, среди гостей зашел разговор о борьбе с пьянством, которая велась в России. Большинство мужчин не верило в результативность принимаемых за океаном мер, ссылались на печальную судьбу «сухого закона» в их собственной стране.

— У русских получится, — уверенно сказал Ричард Тейлор. — Они люди упорные, все делают с размахом. Любой человек может обойтись без вина или виски. Взять в один прекрасный момент — и бросить... Да что это я вам толкую!

С этими словами Ричард Тейлор подошел к открытому окну и выплеснул содержимое бокала.

— Вот и все, — сказал он. — По крайней мере, я лично со спиртным покончил...

И с тех пор полковник-«сыч» ни разу даже не пригубил бокала. Постепенно, не так демонстративно, исключил алкоголь из житейской практики и его сын.

Правда, когда приезжал Виктор Хансен, Лу покупала пару бутылок виски. Но в одиночку капитан никогда не пил. И теперь откровенно радовался появлению забубенного собутыльника.

— Одной бутылки вам двоим будет мало, — насмешливо заметил Ричард Тейлор. — Тебе самому, Фил, бутылка как фитиль к пороховой бочке Великого Пьянства.

— Ага! — завопил Филип и стал свирепо вращать глазами, отчего ребятишки чуть не попадали со стульев от смеха. — Вот тут ты и попался, братец Старший Кролик! Перед тобою главный трезвенник морской пехоты и всех вооруженных сил, преподобный отец Филип, враг виски, рома, бренди и прочих искусительных напитков!

Когда улеглось общее возбуждение, связанное с появлением капеллана, Филип Тейлор рассказал, что к трезвенникам он присоединился отнюдь не по собственному желанию, а исключительно по приказу церковных властей и высшего командования.

— И по гласу всевышнего, разумеется, — присовокупил он, ухмыляясь.

Филип Тейлор находился некоторое время в учебном центре Ньюпорт, штат Род-Айленд, где на курсах переподготовки гражданских священников для военно-морского флота читал лекции по военной гомилетике[1]. На эти курсы принимали тех, кто уже имел законченное трехгодичное теологическое образование, звание бакалавра богословских наук, исповедовал одну из ста двадцати религий, принятых в американской армии, ВВС и флоте, и был не старше тридцати лет.

— Едва я успел натаскать желторотиков, как меня вызвали в Пентагон, в совет капелланов при министре обороны, — рассказывал доктор теологии Тейлор. — Главный военно-морской капеллан контр-адмирал Даниэл Робинсон представил меня совету... Там я и узнал, что подвигнут на мученический путь: бороться с пьянством в вооруженных силах святой Америки.

— Но почему именно ты? — спросил старший брат. — Или они...

---

[1] Гомилетика — наука о проповедничестве.

— Знают, — утвердительно кивнул Филип. — Прекрасно знают... Но было решено, что я найду в себе силы и явлю пример для подражания. Короче: при совете капелланов создается отдел для пропаганды трезвости среди военнослужащих, во главе его — капеллан-полковник. Вот он-то и сидит сейчас среди вас, этот сумасшедший, который решил попробовать прожить остаток бренной жизни без спиртного.

— Ты уже полковник, дядя Фил? — спросил Айвен.

— Увы, по новой, трезвой должности, — жалобно поморгал Филип. — Приказ сегодня подписан, и обратного хода нет. — Он сложил руки и поднял глаза к потолку. — Неисповедимы пути твои, о господи! — со вздохом произнес капеллан. — А все они виноваты, эти русские! Твои заокеанские дружки, братец Старший Кролик...

— При чем тут русские? — нахмурился Ричард Тейлор.

Полковник не любил шуток на эту тему.

— А при том, что они вновь навязали нам соревнование. Теперь по части того, кто меньше выпьет... Контр-адмирал Робинсон сообщил мне, что в России стали потреблять спиртного в несколько раз меньше. А в армии и флоте практически действует «сухой закон». Вот у нашего Пенсионера и взыграло ретивое... «Не дадим обогнать нас русским!» — сказал Оскар Перри и обязал совет капелланов развернуть антиалкогольное движение в войсках и на кораблях. Каково, а?

— Но ведь еще в 1985 году тогдашний министр обороны Уайнбергер издал приказ о борьбе с пьянством в вооруженных силах, — заметил Джордж Тейлор. — И согласно ему, до сих пор никем не отмененному, запрещается употреблять спиртное тем военнослужащим, кому нет двадцати одного года, пить пиво за рулем, держать алкоголь в казармах и на кораблях...

— Верно, — согласился духовник морских пехотинцев. — Но уже тогда спецы-психологи отмечали ущербность этого приказа, направленного против следствия, а не причины. Русский опыт оказался удачнее. За океаном принялись бороться за всеобщую трезвость, продолжая вытеснять пьянство и сокращением производства алкоголя, и административными мерами. Вот и в Пентагоне задумали нечто подобное, а отдуваться бедному дядюшке Филу...

Ричард Тейлор хмыкнул:

— Оказывается, ваши «медные лбы» в состоянии еще

рождать светлые идеи... Впрочем, и на это вас надоумили русские ребята.

Филип хотел ответить старшему брату, но тут в дверях возникла Пегги.

— В гостиной звонит телефон, — сообщила она. — Спрашивают мистера Ричарда.

Старший Тейлор порывисто встал и вышел, но быстро вернулся.

— Извините, — сказал он, обведя глазами сидевших за столом, — но я должен вас покинуть.

Джордж встревоженно посмотрел на отца:

— Что-нибудь случилось, па?

— Мой старый фронтовой друг попал в автомобильную катастрофу. Это неподалеку от Майами. Звонила его жена... Он еще жив. Хочет проститься...

— Ты поедешь на машине? — спросил Филип.

— До Джексонвилла. Оттуда самолетом до Майами. Я уже заказал билет. Извините, но мне надо спешить.

Он внимательно осмотрел всех, будто прощался. Задержал взгляд на старшем внуке, своем любимце, которого назвал в честь русского друга, спасшего когда-то ему жизнь [1].

— Думаю, что завтра к ужину я вернусь. Прощайте!

Бывший полковник ВВС выехал с базы Мэсситер через южные ворота. Но двинулся вовсе не в сторону города Джексонвилла, где будто бы ждал его самолет, а повернул на север, где дорога № 17 пересекала Олтомаха-ривер. Перемахнув мост, Тейлор развил предельную скорость и вскоре уже подъезжал к городу Саванна. Именно отсюда он вылетел самолетом, который взял курс не на юг, в Майами, а в противоположную сторону. В Ричмонде, штат Виргиния, полковника встретил высокий негр в форме уорент-офицера ВВС. Они молчаливо обменялись рукопожатием и, не сказав друг другу ни слова, прошли на автомобильную стоянку. Седой негр распахнул правую переднюю дверцу точно такого же «форда», какой Тейлор оставил в аэропорту Саванны.

Едва полковник оказался в кабине, «форд» сорвался с места. Они быстро пересекли город, проехав неподалеку от знаменитого исторического памятника — церкви святого Джона. Тейлор еще подумал, что, если бы не срочный вызов, обязательно заехал бы сюда... Нет, не помолиться,

---

[1] Русское имя Иван читается в английском произношении как Айвен.

полковник не был набожным человеком. Просто его крестили в этом храме, так сказать, благословили в жизнь. А теперь он хотел бы получить там иное напутствие. От господа бога? Нет, от Патрика Генри... Его дух навсегда остался в этой церкви. Ведь именно здесь огласили в 1775 году Виргинскую конвенцию, призвавшую к борьбе с английским королем, именно здесь произнес Патрик Генри знаменитые слова: «Свобода или смерть».

Но седой негр быстро вел машину по улицам Ричмонда. Он увидел, как шевельнулся его пассажир, вопросительно глянул на него: может быть, что не так...

— Свобода или смерть! — сказал негромко Ричард Тейлор.

— Совершенно верно, сэр, — улыбнулся уорент-офицер. — Понял вас, сэр...

Больше они не разговаривали.

При выезде из Ричмонда полковник загадал: «Если свернем вправо, на шоссе номер 301, то я буду завтра есть рыбу, которую добудет в океане Айвен. А если влево, на федеральную дорогу номер один...»

Обе дороги шли параллельно и вели к одной цели — в Вашингтон. Тейлор не захотел даже в мыслях прикидывать, что стоит за вторым «если».

Они свернули влево, на Первое федеральное шоссе. И тогда водитель впервые заговорил со своим пассажиром:

— Я с вами только до Фредериксбурга, мистер Сэмпсон. Там вас ждет другая машина, сэр.

Пассажир молча кивнул.

Все правильно, черт побери. Они мчатся во весь дух по Первой федеральной дороге, а во Фредериксбурге он пересядет в новый автомобиль — так диктуют законы конспирации. Завтра вечером он, Ричард Тейлор, будет есть жареную рыбу в доме сына, но сейчас его зовут «мистер Сэмпсон», и это тоже необходимо. У него были и другие имена, у полковника Тейлора, одного из руководителей тайной «Лиги седых тигров».

20

— Шесть месяцев осталось, — сказала Зоя Гаенкова и придвинулась к спинке сиденья командира.

Юрий Макаров повернулся к ней.

— Это вы о чем, Зоя Федоровна? — спросил он.

Гаенкова вздохнула.

— До Нового года, Юрий Иванович...

Макаров хотел рассмеяться, но в последнее мгновение сдержал себя, понял, что обидит ее. Хоть он и командир, да только все равно женщина, она и есть женщина, для них впору и уставы особые писать. Непорядок это — женщина в армии, да что поделаешь... Хотя вон у тех же янки женский вспомогательный корпус составляет одну десятую часть всех вооруженных сил. У нас в армии их значительно меньше. Но, видимо, армия все-таки не место для женщин.

— Не слишком ли рано думать о Новом годе? — сказал Макаров. Их «уазик» подобрался уже к реке и въезжал на мост, выстроенный недавно ракетчиками.

— Да нет, просто вспомнилось кое-что, — неопределенно ответила Гаенкова и, помолчав немного, спросила: — А вы, Юрий Иванович, видели когда-нибудь, как апельсины растут на елках?

Он удивленно взглянул на женщину, пожал плечами:

— Нет, не приходилось...

Впереди показался поворот влево. Туда шла позиционная дорога, она вела к пусковой установке, и Альберт вопросительно глянул на командира.

— Прямо, — сказал Макаров. — Сначала заедем на командный пункт.

— Мне, знаете, что хотелось бы... — начала Зоя и не договорила. Ей показалось, что Юрий только из вежливости поддерживает разговор, ему нет дела до ее чувств, до ее любви к нему. Не нуждается Макаров, чтобы его любила еще какая-нибудь женщина, кроме одной-единственной, той, что осталась сейчас в военном городке... Лариса и только Лариса — вот кто нужен Макарову.

«А на что ты надеялась, голубушка? — спросила себя Зоя Гаенкова. — Даже если б и дрогнуло у него сердце, он усмирил бы любое чувство ко мне. Или к другой женщине... Да ведь я и сама замужем, жена офицера. Значит, как бы смертельная зона для таких, как Макаров. Честь и долг для него дороже самой жизни. И не понять Юрию, что апельсины могут расти даже на елках...»

А Макаров думал о том, что наступает особое время, оно, конечно, войдет в историю. Человечество еще раз продемонстрирует зрелость и умение в критический момент избрать разумную альтернативу. Ведь только безумец в состоянии рассчитывать уцелеть в ядерной войне. Уж кто-кто, а он-то хорошо знает, какое ужасающее, пе-

постижимое для человеческого воображения оружие находится в его руках. И разве только у него одного... Кажется, теперь и за океаном поняли: иного выхода, кроме полного ядерного разоружения, нет и быть не может. До конца ли поняли?

Еще несколько лет назад девяносто процентов граждан Соединенных Штатов считали, что в ядерной войне не может быть победителей, а девяносто шесть процентов утверждали — только безрассудные авантюристы могут идти на дальнейшее обострение отношений с Россией. Он вспомнил, как, оценивая новые аспекты во внешней политике Америки и России, газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Все реалистически мыслящие люди понимают, что ядерные переговоры — это не какая-то уступка русским, а объективная необходимость, порожденная нашей общей заинтересованностью в том, чтобы выжить».

«Именно так, — мысленно произнес Юрий Макаров, — выжить. Другого не дано. Люди планеты повсеместно ощутили: человечество дошло до порога, за которым война становится самоубийством для того, кто рискнет ее развязать...»

Зеленый «уазик» мчал их к развернутой ракетной установке, которой надлежало вскоре исчезнуть как боевой единице РВСН. И командир части вспоминал, как вовсе не просто приняли он и его коллеги весть о подписании Вашингтонского договора по ракетам средней и меньшей дальности. Юрий Макаров не служил в подразделениях, вооруженных СС-4 и СС-20, их по старой привычке звали в войсках «пистолетчиками». Сразу после училища Макаров попал на другие комплексы. О них разговор в 1987 году пока только начинался... А судьба РСД была уже решена. После ратификации Договора в конгрессе Соединенных Штатов и Верховном Совете СССР по сто ракет убрали путем их запуска, а остальные принялись планомерно уничтожать, ибо дело это оказалось далеко не простым. Ведь помимо самих развернутых «изделий» ликвидации подлежали ракетные вспомогательные объекты, перепрофилировались и заводы-изготовители.

Еще во время переговоров американцы настаивали, чтобы мощные тягачи для СС-20 были разрезаны по оси и превращены в металлолом. Это было бы неоправданным вандализмом, возражали русские эксперты. Зачем губить добрые машины, на которых можно перевозить, например, лес или газовые трубы...

Словом, едва приступили к уничтожению двух классов ракет, как возникли непредвиденные трудности. Конечно, они успешно преодолевались в процессе совместной работы экспертных групп обеих сторон, но само появление технологических проблем обусловило возникновение предварительного соглашения. Заключенное непосредственно перед подписанием Договора о ликвидации тяжелых ракет, оно предусматривало проведение опытного демонтажа «Громобоев» и «Хранителей мира». Этот эксперимент и должен был лечь в основу конкретной, исполнительной части будущего Договора, который лидеры Америки и России готовились подписать в скором времени.

...Зоя Гаенкова получила ту страшную телеграмму на второй день после выпускного бала в медицинском институте. Тогда она и не Гаенкова была еще... Шесть лет назад.

«Люба погибла катастрофе».

Всего три слова... Даже подписаться забыл ее убитый горем зять, Алексей Ермакович. Только поняла Зоя, что он зовет ее, младшую сестру жены, на помощь.

Когда похоронили Любу — в машину, на которой она ехала по грибы, врезался пьяный тракторист, — Гаенков сказал свояченице:

— Если тебе все равно куда ехать по распределению, перебирайся в Рубежанск. Оформим направление в наш госпиталь. И за моими парнями порой доглядишь, ты ж им родная кровь все-таки...

У Гаенковых было двое мальчиков. Василий перешел в восьмой класс, а Лёнчик закончил третий.

— А куда мне еще ехать? — спросила и себя, и подполковника Зоя. — Правда, распределили меня в Свердловскую область... Но можно и к вам в Рубежанск податься.

А через полгода она увидела, как в Новый год растут апельсины на елках... Вот уж не думала, что замотанный служебными делами, немногословный и будто бы бесчувственный сухарь-человек Гаенков окажется таким романтиком. Этим он и взял ее, апельсинами на елках.

Вскоре после Нового года они потихоньку, без громкой свадьбы, поженились, и все в городке — главное, жены офицеров и прапорщиков, формирующие особое общественное мнение, — приняли это как должное. Зоя была хорошей матерью и доброй женой. Вот только детей своих заводить не стала. Она довольно скоро поняла, что

в основе их союза с Гаенковым лежала жалость, несколько расцвеченная, подкрашенная той самой новогодней ночью, когда Алексей Ермакович пригласил ее пойти на лыжах в тайгу и вывел к ели, на которой горели свечи и оранжево сверкали апельсины.

«Жалость не должна лежать в основе чувства к мужчине, — подумала Зоя, внешне безучастно смотревшая, как убегают сейчас назад выстроившиеся вдоль дороги темно-зеленые ели с притулившимися к ним небольшими березками. — Жалость не укрепляет союза, слабый она фундамент для любви...»

Усыновленные ею дети сестры выросли. Василий пошел по стопам отца и учился в военном училище. Лёнчик презрел сухопутную службу и пробился в нахимовское, в Ленинград. Они остались вдвоем. Алексей Ермакович вроде бы искренне любил молодую жену, но сама Зоя обостренным женским чутьем улавливала, что Гаенков больше любит в ней погибшую Любу. А кого ей было любить в нем?

Все вокруг по-хорошему им завидовали и радовались, глядя на их безоблачную семейную жизнь. Никто и не догадывался, и не должен был догадываться, что Зоя давно уже сохнет по Макарову, безнадежно сохнет. Только Юрий Макаров знал об этом, хотя напрямую не было у них никаких там намеков-разговоров. Да вот еще замполит Шапошников, судя по всему, догадался. У него будто по рентгеновскому аппарату в каждом глазу.

Машина приближалась к командному пункту. А Макаров некстати вроде вспомнил разговор, затеянный замполитом об их с Зоей отношениях. Тогда Юрий сразу же твердо определил линию поведения, не называя вещи своими именами, конечно: мол, тревогу поднимать не стоит, в назревшей ситуации нет у сторон обоюдности. А чувствовать никому не заказано, лишь бы другим не было нанесено ущерба, а это он, Макаров, комиссару гарантирует. И кадровую перестановку не стоит затевать... В конце концов, офицеры они или нет? О службе надо помышлять, а не о лирических рокировках.

На том разговор и кончился. Но сейчас Макаров, видимо от близкого соседства с этой обворожительной женщиной, вдруг поймал себя на греховной мыслишке: «А что, если бы...» Тут он смущенно рассмеялся, поняв, что не так-то уж хорошо и забронирован от искушений.

«Как бы мне не пришлось палец себе, подобно отцу Сергию, рубить, — невесело подумал Макаров. — Впрочем, на худой конец при подобной ситуации могу заставить старшего лейтенанта медицинской службы встать по стойке «смирно»...»

— Чему вы смеетесь, Юрий Иванович? — спросила Зоя.

— Хочу заняться с вами строевой подготовкой, старший лейтенант, — повернулся он к ней, приветливо улыбаясь. — Нет возражений?

— Господи, — серьезно ответила Гаенкова, — да с вами я хоть марафонским бегом займусь.

21

После ужина все, кроме детей, отправленных к себе, наверх, перешли в гостиную.

Лу предложила мужчинам чай. Его и прежде подавали в их доме, а теперь, когда спиртное исчезло в семье из обихода, чай у Тейлоров стал на ракетной базе притчей во языцех. Кое-кто даже пытался подражать им. В конце концов, в старой доброй Англии всегда пили чай и только чай, эта традиция как будто бы и родовые корни укрепляет...

Правда, Филип Тейлор, старый холостяк, одинокий в принципе человек, часто навещавший семью племянника, где его любили за легкий и веселый нрав, сокрушался по поводу «сухого закона» в доме Тейлоров, приговаривая:

— Как вы можете глотать красную пыль Джорджии и не смачивать глотки добрым бербоном, хотя бы и с содовой пополам? Ведь в штате, где зимой вязнешь по пояс в грязи, а летом плаваешь в облаках пыли, попросту нельзя обходиться без спиртного...

...Джордж направился к себе в кабинет, чтобы принести сигарный ящик. Сам он сигар не курил, предпочитая иногда под настроение сигарету, но помнил, что прежде любил побаловаться настоящей гаваной дядя Фил. Когда майор Тейлор взял сигарный ящик, в кабинет вошел Виктор Хансен.

— Филип рассказывает Лу анекдоты на библейские темы, — улыбнулся Хансен, и тут майор Тейлор понял, что Виктор хочет поговорить с ним.

— Садитесь, капитан, — предложил Джордж. — Хотите сигару?

— Благодарю... Раскурю ее за чаем, после. Вот я о чем, Джо. Не случайно ведь оставил свой танкер...

— А что случилось?

— Мне предложили войти в док военного завода в Саванне. Цель: оборудовать в переднем, носовом танке одну штучку, вроде тех, которыми ты командуешь.

— Поставить ракету на торговое судно?!

— Вот именно. Открыто мне об этом не сказали, но дали понять: работа секретная, заказ Пентагона, который и стартовую команду нам потом организует, под видом членов экипажа. Никогда не думал, что такая старая добрая фирма, как наша «Эссо Петролеум», поступится честью и авторитетом ради грязного дела.

— Погодите, Вик... Идея оборудовать торговые суда пусковыми установками — это старая идея... Но ведь сейчас иное время, мы собираемся ликвидировать стратегическое ракетное вооружение! Может быть, речь идет о чем-то другом?

— Главный механик показал мне прикидочные чертежи той штуки, которая займет наш передний танк. Не весь танк, конечно, часть. Но нефть мой «Эссо Ричмонд» возить в нем больше не будет: надо же компенсировать вес установки.

— Вот так новость, — медленно проговорил Джордж. — Знает ли об этом Президент?

Хансен пожал плечами.

— Пока об этом узнал я... И тут же попросил отпуск, сослался на пошатнувшееся здоровье. Впрочем, это и в самом деле так. От раздумий по поводу нечистых затей начинает шалить сердце.

«Торговые суда с ракетами на борту, — размышлял Джордж, машинально вертя в пальцах сигару. — Особые маршруты передвижения в океане, специальная связь с боевыми расчетами, замаскированными под торговых моряков... И никакого контроля, если потенциальный противник не знает местонахождения судна. Да, но и контроль самого командования за этими носителями ядерной смерти будет затруднен!»

— Договорим утром, — сказал он Виктору Хансену, который растерянно и грустно улыбался. — Завтра у меня свободный день... Утром, правда, я покажусь на службе, а вечером вернется из Майами отец. Он до сих пор, кажется, связан неофициально с Пентагоном, да и председателя КНШ, генерала Уордпера, знает лично.

Расскажем об этом полковнику. А пока пойдем в гостиную, Вик...

Они вернулись к Лу и пастырю морских пехотинцев. Фил Тейлор пил чай из блюдечка, водрузив его на все пять пальцев.

— Этому меня научил в Ньюпорте молодой капеллан славянского происхождения, — пояснил Фил изумленным Хансену и Джорджу. — Он утверждал, что этот способ вывез из России его прадед... Чертовски удобный способ, когда питье горячее, а пить тем не менее хочется. Жаль, что я дал слово главному капеллану и всевышнему воздерживаться от алкоголя. Не то научил бы так пить виски коллег-капелланов да и кое-кого из паствы, наиболее достойных, разумеется.

Он театрально вздохнул и томно закатил глаза, вызвав у остальных улыбку.

— Кстати, Джордж, — обратился Филип Тейлор к племяннику, раскуривая сигару, — где ты достаешь эти совсем настоящие гаваны?

— Мне их присылает друг из Форт-Лодердейла. Он служит во флоридском округе Береговой охраны.

— Тогда все ясно. Как отвечают политические боссы, загнанные журналистами в угол: «Без комментариев!» О'кей, Джо, — сказал капеллан, поставив блюдце на стол и поднимаясь. — Уже поздно, а я проделал длинный путь, пока добрался до вашего острова. Где ты меня разместишь сегодня, Лу? Помнишь ли о том, что я безбожно храплю? Все живое замирает в радиусе трехсот футов, хотя каждый раз, засыпая, я молюсь господу и прошу его избавить меня от свойства, которое демаскирует военного человека.

— Не беспокойтесь, Фил, — проговорила Лу. — Русские слишком далеко от Святого Симона, они вас не услышат. И мы тоже, поскольку Пегги постелила вам в бунгало.

— Тогда я пошел, — сказал Филип Тейлор. — Ах, сколько было выпито там виски, в этом бунгало!.. Спокойной ночи, дети мои!

22

До учебно-боевого пуска оставалось четыре часа.

— Где будете обедать, товарищ Главнокомандующий? — спросил командир соединения.

— А там, где стол накроете, — улыбнулся Главком.

Хоть и не отпускало его грустное настроение от осознания того, что все это он видит в последний раз, Главком испытывал удовлетворение: порядок всюду был образцовый. Он придирчиво осмотрел помещение для отдыха дежурных смен, поинтересовался набором лекарств и медикаментов в лазарете.

Потом спросил у командира части, как тот относится к идее безлюдной охраны пусковых установок.

— Вон ведь как у противника организовано: все за счет техники, — сказал Главком. — Радары, засекающие приближение любого предмета к ракетной шахте, электрозащитная изгородь, мины направленного действия. И еще военная полиция, которая прибывает на вертолете через пять — семь минут после сигнала тревоги...

— Техника и у нас неплохая, — неторопливо, тщательно подбирая слова, сказал командир части. — Не в этом дело. Тут ведь и психологический момент присутствует. У нас ведь патриоты служат, а не наемники, товарищ Главнокомандующий. И наши парни всю жизнь будут помнить, что именно им доверено охранять Родину. Я уж не говорю о том, что всегда возможны нестандартные ситуации, разрешение которых мы не имеем права доверить технике.

— Правильно мыслите, — сказал Главком и с чувством пожал командиру руку.

Повернулся к сержанту и солдату, стоявшим тут же, в караульном помещении.

— А вы как считаете, парни? Можем мы в Ракетных войсках обойтись без таких вот часовых, как вы?

— Никак нет, товарищ Главный маршал! — дружно ответили ребята, а сержант хитровато прищурился и добавил:

— Никак не обойтись...

И теперь, спросив Главкома, где тот будет обедать, и узнав, что решать сие предстоит ему самому, новоиспеченный генерал-майор в полковничьих пока погонах немного растерялся.

— Можно и здесь, — неуверенно сказал он. — Но вообще-то обед заказан в городке. Нечто вроде банкета по случаю присвоения нового звания. С фруктовыми соками, конечно...

— Ну что ж, не возражаю.

— Тогда я позвоню, чтоб нас ждали в городке?

— Зачем звонить, если команда была уже отдана, — возразил Главком. — Приучайтесь, генерал-майор, и на-

ставляйте в том подчиненных — нельзя распоряжение повторять дважды. От повторений сила приказа снижается. Поскольку время еще позволяет, давайте спустимся на КП. Во время пуска я буду неподалеку от шахты, из которой пойдет ракета. Вот и хочу посмотреть то место, откуда ее запустят. Возьмем с собой командира части и отправимся вниз втроем.

— Хорошо, — просто сказал командир.

А маршал вдруг вспомнил давнюю историю про нынешнего командира соединения — он еще командовал ракетной частью. Случилась тогда у него крупная неприятность. Подвели офицера его подчиненные. Собрались, как бывало, выдать командиру по первое число, чтоб остальные, так сказать, на ус мотали.

Помощники Главкома собирались обрушить громы и молнии на голову командира: что ни на есть грозный приказ. Но сам, так сказать, громовержец осудил подобную практику.

— Считаю неправильным всегда наказывать командиров за проступки подчиненных, — сказал маршал на Военном совете. — Это порождает укрывательство, приводит к тому, что командиры и политработники стремятся не выносить сор из избы. А ведь вовремя невскрытая опухоль не рассосется сама по себе, она перерастет в злокачественную, и отрицательные последствия просто непредсказуемы. Не страхом перед наказанием воспитывать ответственность у офицеров за порученных их заботам людей, нет! Совесть должна быть в основе. Совесть... Это куда более прочная нравственная категория!

«Да, — подумал сейчас маршал, глядя на стоявшего перед ним ладного командира, — поступи мы тогда иначе — у нас не было бы этого отличного генерала...»

— Не будем терять времени, — сказал он.

Подземным коридором они прошли к тому месту, откуда начинался спуск в командный пункт. В заглубленной потерне, освещенной рядом мощных люминесцентных ламп, было тихо и неуютно. Наверно, так и подобает быть в подземелье... В этой тишине гулко отдавались шаги идущих. Хозяин шел впереди, за ним — маршал, замыкающим — молодой генерал.

«Вот и пришло время последнего посещения КП, — подумал Главком. — Бог ты мой, на скольких командных пунктах мне пришлось побывать в жизни! И на мирных, довоенных, во время учений, и в Великую Отечественную, и на таких вот, как этот, ракетный...»

Вот и поворот. Идущий впереди командир части чуть замедлил шаги, повернулся.

Главком ободряюще кивнул ему.

«И приходит время, когда человеку надо покинуть командный пункт, — рассуждал про себя маршал. — А кому хочется его покидать? То-то и оно, что в этот последний поступок надо вложить не меньше мужества, чем в те времена, когда ты принимал решения. Вовремя понять, что рано или поздно ты право это утратишь... И тогда уступи место другому, тому, кто моложе: у него больше сил, он пойдет дальше. Никому из смертных не дано пренебречь вечным законом. Только в длящейся всегда цепи поколений обретаем бессмертие, в цепи, где ты лишь звено... Ведь и само Время состоит из череды наших представлений о нем. Время — это наше осознание всего сущего, и вне времени нет человеческого сознания...»

— Пришли, — сказал командир части.

Он стоял перед бронированной дверью. Слева от нее — кнопки с цифрами. Командир набрал код, щелкнул динамик — это отозвался снизу номер дежурного расчета. Назван пароль — и дверь медленно сдвинулась вправо. За нею были переходной тамбур и еще одна преграда в виде тяжелой бронированной двери. Когда миновали и ее, ощутили перепад давления — здесь была автономная атмосфера командного пункта с его собственной системой жизнеобеспечения.

Наконец открылась третья дверь, и все оказались перед кабиной лифта. Это была так называемая нулевая отметка. Если проводить аналогию с ракетной шахтой, то ее оголовок, до предела заполненный всевозможными техническими устройствами... Впрочем, этих устройств хватало на всех этажах шахты, по которой двигается кабина лифта.

— Поехали, — сказал Главком.

Спускаясь на этаж, где располагался подземный командный пункт, маршал вспомнил недавний разговор на испытательном полигоне, после удачного запуска космического транспортного корабля нового поколения. Генеральный конструктор доказывал представителю ракетостроительной промышленности, что если удлинить сопла их стартовых ускорителей, то полезную нагрузку можно было бы увеличить еще на десять тонн.

— Вам ведь известно, что в связи с созданием орби-

тальной суперстанции поток грузов в космос резко возрастет, — добавил Генеральный.

— Это мне, конечно, известно, — сказал «промышленник». — Космические грузы — главная, так сказать, тяжесть для нашей шеи. Но в удлиненном сопле придется делать прорези для опор на стартовой позиции. Новые технологические трудности...

— А вы хотели и рыбку съесть, и икоркой закусить? — взвился порывистый и легковозбудимый конструктор.

Главный маршал поднял руку, давая понять, что и у него есть соображения на этот счет.

— А как быть с топливом? — спросил он. — Даже если вы примените новое вещество на основе полибутадиена с концевой гидроксильной группой, которое характеризуется более высоким содержанием твердой фазы, как в американских ракетах MX, то эффект будет незначительным.

Все посмотрели на специалиста, который занимался топливными вопросами.

— Верно, — сказал тот, — навара будет маловато. Улучшение энергетических характеристик станет довольно скромным, это так. Но у нас, товарищ Главный маршал, есть кое-что получше... Высокое содержание твердой фазы обещаем.

— Тогда мы еще кое-что сделаем от себя, — сказал Генеральный. — Дополнительно увеличим удельный импульс за счет сопловой насадки, которая будет развертываться в полете.

Представитель промышленности вздохнул.

23

Едва Президент Соединенных Штатов выскочил из зарослей дрока и поднял правую руку с торчащим вверх большим пальцем, полицейская машина, которая шла от туннеля, где совсем еще недавно они покинули «шевроле», стала притормаживать. Эрвин Додж стоял рядом с Президентом, который так и не опустил руки, хотя было ясно, что водитель полицейской машины намерен выполнить просьбу неизвестно откуда возникшего вдруг человека.

Новенький «форд» последней модели с мигалкой на крыше приближался. Начальник охраны быстро оглядел его со всех сторон, отметил, что номер автомобиля при-

надлежит соседнему штату Теннесси. «Как они попали сюда?» — успел подумать Эрвин. Машина была уже рядом, и Президент, не дожидаясь, пока она совсем остановится, на ходу стал открывать заднюю дверцу. Он пырнул в кабину, тяжело плюхнулся на сиденье и крикнул Доджу:

— Быстро, Эрвин!

Прижав левым локтем кобуру револьвера, висевшую под мышкой, начальник охраны, несколько удивляясь тому, как Президент резво перехватил у него инициативу, сел рядом и захлопнул дверцу.

Полицейские сидели неподвижно и почему-то молчали. «Странно, — подумал Додж. — Слишком деликатны для наших копов... К ним ввалились некие бездельники, а эти ребята не оказывают им никаких «почестей»...»

Президент меж тем справился с волнением и с достоинством спросил:

— Вы узнаете меня, парни?

— Конечно, сэр, — сказал тот, что с сержантскими знаками различия и сидел справа от водителя. — Мы к вашим услугам... Хотя и, прямо скажем, обалдели немного.

При этих словах он повернулся к хозяину Белого дома, быстро мазнув цепким взглядом по лицу Эрвина Доджа.

Водитель даже не шелохнулся.

— Представьтесь, — буркнул начальник охраны.

— Да-да, — неестественно радостно осклабился сержант и вдруг затараторил скороговоркой, что так не вязалось с его начальной неразговорчивостью: — Извините, сэр... Все так неожиданно... Не каждый день встречаешь на дороге живого Президента. Да еще в нашем захолустье! Джон Виккерс, сэр, сержант Виккерс, начальник патруля дорожной полиции штата Теннесси. А это мой напарник. К вашим услугам, сэр... Чем можем помочь?

— Связь, мне нужна связь! Немедленно соедините меня с Белым домом! — крикнул Президент.

Полицейские переглянулись.

— Видите ли, сэр, — растерянно произнес сержант, — наша рация связана только с постом дорожного участка... И конечно, с другими патрулями. Мы ведь дежурили у себя в штате, на федеральной дороге № 19, между Эрвином и Джонсон-Сити, когда получили приказ срочно

перебраться в этот район штата Северная Каролина и ждать дальнейших указаний.

— Считайте, что вы их уже получили, — сказал Президент. — Вызовите вашего начальника или ближайший полицейский пост!

Сидевший теперь к пассажирам вполоборота коп смешно заморгал белесыми ресницами.

— Но это невозможно, сэр!

— Почему? — рявкнул у него под ухом начальник охраны.

Сержант вздрогнул и повернулся к нему, еще больше изогнувшись. Был он, видимо, длинным, гораздо выше стандартного для обычного американца, шестифутового, роста, обладал гибким, тренированным телом.

— Простите, мистер, не знаю вашего имени, но рация у нас вышла из строя. Тут нас тряхнуло немного на повороте, видно, обрыв или разъем контактов... Извините, сэр.

— Это на подъезде к туннелю? — небрежно спросил Эрвин Додж.

— Совершенно точно, сэр! — обрадовался Виккерс. — Ремонтные работы, сэр, кусок гудрона под колесо... Разрешите осмотреть рацию, мистер Президент? Может быть...

— Хватит болтать! — оборвал его Эрвин Додж. — Я — начальник охраны Белого дома. На Президента совершено покушение. Вы оба поступаете в мое распоряжение. Поезжайте вперед до первого дорожного поста или бензоколонки. Вперед!

— Есть, сэр! — выкрикнул с готовностью сержант и кивнул водителю.

Тот легко тронул «форд» с места и принялся набирать скорость.

— Включите радио! — распорядился Президент.

«Может быть, передают какие-либо новости, — подумал он. — Неужели в Вашингтоне еще не знают о приключившемся с нами?»

Водитель коснулся сенсорного переключателя радиоприемника, и в салон «форда» ворвалась музыка. Следующая станция передавала рекламу. Третья гремела танцевальными ритмами, перемежая их жизнерадостными воплями диск-жокея.

Вот прорезался голос Эдди Принса, который исполнял популярную песенку.

— Оставьте, — сказал Президент.

Равнодушный к модным певцам, он слышал от жены Глории, занимавшейся общественной работой в молодежных организациях, о широкой известности Принса среди американских парней и девушек.

Видно устав от бесконечных повторений «голубой, голубой», певец вдруг сорвался в визгливый речитатив и выдал в эфир такое, что Президент покраснел. Из радиоприемника неслась откровенная апология отвратительных извращений, типичный порнорок, по поводу которого были уже слушания в конгрессе. И под давлением общественности сенат и палата представителей приняли закон, обязывающий владельцев фирм звукозаписи наклеивать на диски и кассеты с такой «музыкой» этикетки: «Родители! Внимание! Откровенная лирика!»

— Уберите эту пакость! — крикнул Президент, и голос «голубого» Принса исчез.

«Но как проникло это в эфир? — спросил себя Президент. — Этикетки, конечно, фиговый листок. Нужна жесткая цензура и в музыке. Вроде полиции нравственности».

Он, вздохнув, подумал о том, сколько еще проблем предстоит ему решить. «Если выберусь из этой переделки целым», — усмехнулся Президент. Он вспомнил о совещании в Вашингтоне, куда так торопился сегодня утром вместе с генералом Уорднером. «Бедный Дик!»

А на конец нынешнего дня Президент пригласил на ужин государственного секретаря и одного из сенаторов. Это были люди, на которых он мог до конца положиться. Именно с ними хотел посоветоваться Президент по весьма щекотливому вопросу: как попридержать натиск израильского лобби в конгрессе, которое распоясалось еще во времена правления Рональда Рейгана, да и предыдущих хозяев Белого дома.

Президент отдавал себе отчет в том, что всерьез утихомирить лоббистов Тель-Авива ему не удастся, но что-то предпринять было необходимо. Иначе никогда не выпутаться из паутины ближневосточных проблем. Да и вообще не утихнут бури на Средиземном море, если не умерить экспансионистские аппетиты Израиля. Сделать это могли бы только сами Соединенные Штаты, но печальный парадокс состоит в том, что именно могучая сверхдержава сделать этого не в состоянии. Не страна, вернее, нет, а те, кто управляет ею.

Президент невольно подумал о печальной судьбе генерала Джона Брауна, который занимал высокий пост

председателя Комитета начальников штабов еще до Уорднера. Однажды, выступая перед американскими студентами, генерал Браун сказал молодым соотечественникам:

— Вы не можете себе представить, насколько могущественно израильское лобби в нашем конгрессе. Израильтяне приезжают в Пентагон и требуют для себя самую современную военную технику. Мы отвечаем им, что нам не удастся уговорить конгресс согласиться на подобные поставки. Тогда нам отвечают: «Конгресс — не ваша забота. С конгрессом мы справимся сами». Это люди из другой страны, только они всегда добиваются своего.

И какой разразился после этого скандал! Президент, тогда еще начинающий сенатор, хорошо помнил, как все газеты и телевизионные компании, контролируемые сионистами, обрушили ушаты грязи и помоев на председателя Комитета начальников штабов. Бедного Брауна дружно обвиняли в антисемитизме и влиятельная «Нью-Йорк таймс», и пытающаяся выглядеть объективной и независимой от администрации Белого дома «Вашингтон пост». Против неосторожного генерала, возмутившегося засильем израильской агентуры в его собственной стране, начали разнузданную травлю три главные телевизионные компании Америки: «Америкен бродкастинг систем», «Коламбия бродкастинг систем» и «Нэйшнл бродкастинг систем». Все они принадлежат бизнесменам еврейского происхождения. Жаждали крови Брауна и местные средства массовой информации.

И тогдашний президент Картер, который хорошо знал, что без их поддержки не сможет долго удержаться в доме № 1600 по улице Пенсильвания, всегда помнивший, как, впрочем, и его предшественники и преемники, что предвыборные фонды «слонов»-республиканцев на сорок процентов, а «ослов»-демократов на две трети состоят из еврейских капиталов, был вынужден вызвать генерала Брауна в каменный вигвам с колоннами. Там он устроил ему жесткий разнос и заставил Брауна всенародно заявить, что он искренне сожалеет о случившемся, берет свои слова обратно, извиняется за ту несусветную чушь, которой пытался забить светлые головы молодых американцев. А вскоре председатель КНШ был отправлен в отставку.

Да что там генерал Браун! Сам Джимми Картер не посмел противиться нажиму посла Израиля в Вашинг-

тоне, когда тому стало известно, что при голосовании в ООН резолюции, осуждающей политику геноцида, которую сионисты проводят на оккупированных ими арабских территориях, представитель Америки вдруг подал за нее голос. Только не тут-то было! Израильский посол срочно потребовал встречи с Картером. Какие доводы он приводил — трудно сказать: встреча была секретной. Но результат ее общеизвестен: представитель в ООН получил головомойку вместе с новыми четкими инструкциями. А сам президент немедленно выступил перед муниципалитетом Нью-Йорка и объявил голосование печальной, случайной, но вполне поправимой ошибкой.

А вспомнить только, какой вой подняли в конце 1987 года правые сионисты в связи с подписанием в Вашингтоне Договора о ликвидации РСД и РМД! Они демагогически связывали этот первый прорыв к новому мышлению с мифическими «нарушениями» прав человека в России, требованиями отпустить евреев из Советского Союза, хотя тех, кому не разрешали выехать из страны проживания, было чуть более двух сотен и все они задерживались властями временно, до истечения срока действия их допусков к секретной работе.

Да и сенат Соединенных Штатов подвергся атакам сионистского лобби, которое всячески препятствовало ратификации Договора...

— Не найдется ли чего выпить, парни? — раздался вдруг голос Эрвина Доджа, наклонившегося к полицейским.

— Поищем, — отозвался Виккерс. Сержант открыл ящичек справа от приборной доски, вытянул оттуда плоскую бутылку и протянул ее начальнику охраны.

— О, знаменитый бербон «Джек Даниэл»! — воскликнул Додж. — Отличное кукурузное виски! Старая добрая фирма из города Линчберг, в вашем славном штате Теннесси... Вы так и возите его с собой как символ, не правда ли, ребята? Уже век с четвертью этой фирме, только она никак не поддается влиянию быстротекущего времени. Мне доводилось бывать в тех местах, и на винокуренном заводе тоже. Чудные места, приятные люди, вроде вас, парни!

Болтая без умолку, начальник охраны отвинтил пробку и едва ли не после каждого слова прикладывался

к горлышку. Президент, знавший Эрвина как убежденного трезвенника и молчуна, просто диву давался.

— М-м... Какая прелесть этот кукурузный бербон!.. Еще глоток... Черт! Я уронил пробку... Надо завернуть бутылку, а то я опорожню ее всю...

— Пейте на здоровье, — ухмыльнулся полицейский.

— Нет, сейчас достану... Подержите бутылку, сержант.

Начальник охраны нагнулся и принялся шарить левой рукой по полу. А правой незаметно достал из кобуры под мышкой безотказную, с укороченным стволом модель «357 комбат-магнум», рассчитанную на мощный патрон.

Когда он выпрямился, в левой руке у него была пробка, а правую, с зажатым в ней револьвером, спрятал за коленом.

— Вот и пробка, — сказал Эрвин Додж, протягивая ее сержанту. — Надо закрыть бутылку.

Тот взял пробку, и в этот момент Президент вскрикнул от боли: начальник охраны ударил его носком ботинка по косточке правой ноги.

— Президенту плохо! — заорал Эрвин Додж и схватил свободной рукой водителя за плечо. — Сверни с дороги и остановись!

Все это произошло так быстро и неожиданно, что полицейский, повинуясь стальному тону приказа, свернул направо, на проселочную дорогу.

Но едва полицейский «форд» замедлил движение, Додж выстрелил в водителя. Стрелял он снизу вверх. Пуля снесла тому затылок, пробила крышу автомобиля и ушла в небо.

Руки сержанта были заняты бутылкой теннессийского виски, и тот не успел даже коснуться своего оружия. Начальник охраны убил его, экономя движения: повернув «магнум» правее и выстрелив для надежности дважды в спинку сиденья.

Затем Эрвин Додж рывком распахнул дверь, выскочил на обочину и коротко бросил:

— Выходите!

Президент равнодушно смотрел на револьвер в руках Эрвина Доджа. Невероятная усталость и безразличие ко всему, и к собственной судьбе тоже, охватили его. «Вот и пришла моя очередь, — будто о чем-то постороннем, подумал Президент, медленно выбираясь из маши-

ны. — Сколько человек погибло на моих глазах сегодня...»

— Поторопитесь! — крикнул начальник охраны.

Ствол его револьвера приподнялся.

24

Тот, кто впервые попадал в квартиру Макаровых, невольно ахал от изумления: он оказывался в сказочном лесу, переполненном необычными растениями. И в то же время жилье Юрия и Ларисы, в котором они обитали с тремя ребятишками, не казалось тесным от обилия цветов и даже деревьев. В доме прекрасно сосуществовали бразильский фикус с карликовыми кедрами, выращенными Ларисой по японской методике «бонсай». Крохотные, в полметра, березки уживались с величественной китайской розой, занимавшей место у огромного, во всю стену, окна гостиной, выходящего в сад, где хозяйка дома продолжала заниматься своим благородным увлечением.

Кстати, это увлечение было профессией жены командира. Лариса окончила в свое время ландшафтный факультет архитектурного института и сейчас ведала озеленением военного городка. По совместительству она консультировала такие же работы и в городе.

Вместе с семьей замполита Шапошникова Лариса и Юрий занимали двухэтажный коттедж, состоявший из примыкавших друг к другу квартир. В каждой из них были просторная кухня с подсобными помещениями, небольшой, но довольно уютный домашний кабинет главы семейства. Из гостиной-холла поднималась изящно изогнутая деревянная лестница с резной балюстрадой. Она вела на второй этаж, где располагались спальни супругов, девочки Арины и мальчишек.

На приусадебном участке у таких домиков хватало места для сада-огорода и просторного сарая. Здесь офицеры-умельцы ладили мастерские, устраивали гаражи для автомобилей, кое-кто держал кроликов или кур, на вкус хозяек.

Как правило, в одном доме жили командир части и заместитель его по политической части. Такой порядок завел начальник гарнизона, когда несколько лет назад наряду с многоквартирными домами стали завозить в ракетные городки строительные детали и таких вот коттеджей.

— Пусть и после службы не расстаются, — сказал он. — Войска у нас особые, надоесть друг другу мы просто не имеем права.

В этот день Лариса Семеновна Макарова на работу не пошла. В два часа дня ее ждал начальник одного из отделений поликлиники, а визит к нему был ответственным, хотелось морально подготовиться, что ли, собраться с силами...

Но встала женщина сегодня рано, как обычно; а что делать? Мужа надо завтраком покормить, день у него будет тяжелый. Потом Арину в садик отвезти, Юрашке «неприкосновенный запас» выдать — парень в таежный поход собрался с сыном Шапошниковых.

Оставшись одна, Лариса неторопливо достала электрическую кофемолку, стеклянную банку из-под бразильского кофе, в которой теперь она хранила покупаемый в магазине военторга кофе в зернах. Испытывая удовольствие от того, что сегодня не надо «гнать лошадей», как это бывало каждое утро, Лариса, тщательно соблюдая выработанные ею самой правила, сварила кофе в медной турке. Ее купил Юрий в художественном салоне Каменогорска. Работа была редкая, штучная. Хитрец Юрка сообразил, что так заставит Ларису каждый день вспоминать мужа, который угодил ей с этим приобретением.

К дорогим вещам Лариса была равнодушна. «Ты не баба вовсе, — говорила ей Светлана, ее соседка, жена Сергея Шапошникова. — Ни одной золотинки в доме... Даже обручальных колец у вас с Юрой нет». Это верно, нет у них колец. Так уж вышло, что поженились они рано: он курсантом был, она студенткой, откуда взять деньги на золотые колечки? Просить же у отцов — а те оба были генералами — не стали, характеры не позволяли... Не дело это — начинать семейную жизнь с выклянчивания денег у родителей. Ничего, обошлись и так. Смеялись даже: «Про нас никто не скажет, что «брак — это кольцо на руке, а потом на шее».

И свадьбы не было, такой, как сейчас еще закатывают иногда, с купеческой помпой, по принципу: «Чтоб не хуже было, нежели у других». И опять же кутят за счет родителей... Они собрались тогда как бы на вечеринку. Две бутылки шампанского разделили на всех, досталось по наперстку. Потом пили чай с вареньем и кричали «Сладко!» — ведь оно и в самом деле так... Потом с

аппетитом ели студенческий винегрет и жареную треску с картошкой.

Ни копейки не взяли молодые у отца с матерью на торжество, как ни настаивали те, особенно мамы. Генералы только головами крутили от удивления, но перечить не пытались — зауважали жениха и невесту.

Да разве в золоте счастье? Лариса так и не завела его в доме, золото, а вот счастье как будто навсегда — тьфу-тьфу! — поселилось у них...

Тут Лариса вспомнила, куда собралась после обеда, и доброе настроение враз улетучилось. И чтобы отвлечься, нашла в ящике кухонного стола письмо от старшего брата, полковника Полухина. Вчера она его уже прочитала, а вот за чашкой кофе перечтет снова, не торопясь, вдумываясь в каждую строчку. Он писал ей из Вашингтона, куда полгода назад был назначен военным атташе.

Сейчас Юрий Семенович с юмором описывал, как привыкает к американскому образу жизни: прежде он бывал в Штатах только в командировках. Рассказывал, что попал недавно впросак, пригласив гостей — новых вашингтонских знакомых — после ужина прогуляться за город. Пригласил, а в ответ услышал громкий хохот. В чем дело? И тут выяснилось, что это невинное приглашение на жаргоне американских гангстеров означает ни больше ни меньше как «похищение жертвы» и к тому же «с последующим убийством за городом». «Смеяться-то они смеялись, но мне показалось: смотреть на меня стали не без опаски... Поэтому, если будешь в этой земле обетованной в качестве туристки и некий джентльмен предложит тебе прогуляться за город, беги от него как черт от ладана. Или стреляй в физиономию из газового пистолета, тут их носят в сумочках ихние мадамы...»

Лариса, улыбаясь, дважды перечитала письмо — оно развлекло ее на несколько минут. Но тут она подумала о том, про что старалась забыть до урочного часа, и, не в силах больше сдерживаться, постучала медным пестиком в стенку. В ответ раздался звук ударов по водопроводной трубе — это отзывалась Светлана Шапошникова. Она была вольным теперь казаком по случаю каникул в школе, где преподавала историю.

Вскоре появилась и соседка, красивая и стройная блондинка, любившая нарядно и даже эффектно одеваться, чем иногда приводила в смущение Сергея. Он считал, что жене надо выглядеть поскромнее. Но, при-

знанная законодательница мод в городке, Светлана говорила Шапошникову с обезоруживающей улыбкой:

— Дорогой мой комиссар! Миновало время красных галифе и военных тужурок. Ну зачем же мне казаться в глазах людей хуже, чем я есть на самом деле? Ты хочешь, чтобы я одевалась как баба-яга? Ага, ты этого не хочешь! Кстати, моя агентура донесла, что в магазин военторга поступили кожаные пальто, турецкие вроде, с воротником из меха ламы. Ты не против, если я сбегаю примерить?

Замполит сокрушенно разводил руками и конечно же был не против. Он и сам хороший транжира, но по другой части: свободные деньги тратил на книги, вел переписку с десятками книголюбов в других гарнизонах, добывая нужный ему экземпляр.

— Гуляешь сегодня, подружка? — спросила соседка, появившись в гостиной Макаровых. — Что, или заболела? Тогда давай выясним истоки, или, как говорит наш завуч, этиологию, болезни. Она думает, что быть женой врача — значит переносить в педагогику жаргон эскулапов. Ну так что же стряслось? Выкладывай! Или просто пригласила на кофе? Тогда ставь воду на огонь и неси-ка мои сигареты.

Светлана изредка покуривала, но делала это украдкой от мужа. Лариса по ее просьбе и держала у себя в доме пачку сигарет, пряча в укромном уголке.

— Так что с тобою, милая? — снова спросила Шапошникова, устроившись у открытого окна.

— Договорилась о встрече с гинекологом...

— Так-так-так... Подзалетела, значит, голубушка? И сколько времени уже?

— Недель шесть будет. А может быть, и больше.

— И ты на предмет... Назначение хочешь получить?

Лариса опустила голову.

— Куда же еще? — тихо проговорила она. — Ведь и так трое. Хватит.

— А кто определил, когда хватит? — неожиданно зло спросила Светлана. — Что это еще за разговоры тоже? «Хватит», «достаточно», «нечего нищету плодить»... Тьфу! Да у нас еще ни один ребенок или взрослый с голоду не умер! Все только и носятся с диетами, квохчут: «Ах, как бы мне похудеть!» Разъелись! И про долг перед человечеством, перед народом своим забыли. Ведь вырождаемся, Лариска, черт бы нас побрал! А ты: «хватит»...

— На меня-то что набросилась? — обиделась Лариса. — Я троих родила, а у тебя только один Георгий...

Светлана вздрогнула, лицо ее залилось краской. Женщина вдруг безвольно опустила плечи, на глазах появились слезы. Она отвернулась, поднесла передник к глазам, плечи дернулись раз и другой...

— Ты что это, Светлана? — всполошилась хозяйка. — Прости меня, если что не так... Не по себе мне стало от твоих упреков... Ну, перестань же, право, успокойся...

Светлана подняла мокрое лицо.

— Не извиняйся, Лара. Верно ты сказала, целиком и под завязку... А я дрянь, дрянь! На тебя накричала, а сама... Юра знает?

— Не говорила ему... Ведь он и не разрешит к гинекологу идти.

— И правильно, что не разрешит! Мой Сережка разрешил, так теперь всю жизнь себя кляну.

Она подошла к раковине, пустила воду и плеснула себе на лицо, вытерлась кухонным полотенцем.

— Никому никогда не говорила... Только тебе признаюсь, в назидание, что ли... В педагогических целях. Так вот, Лариса, если б я могла — каждый год рожала. Ну, не год, а через два-три года — это точно. Только бесплодная я, вроде той смоковницы из Библии, сухая...

— Да что ты?! — искренне ужаснулась подруга и со страхом посмотрела на Светлану, будто та объявила, что больна проказой.

— Если б ты знала, как я плачу, когда слышу за стенкой возню твоих ребятишек. А все оттого, что разок сходила туда. Куда ты вот сейчас собираешься. Да...

Она судорожно вздохнула, всхлипнула, но сдержала себя и потянула из пачки сигарету.

Лариса поднесла ей спичку.

— Сергея в академию собирались отправить, дело было уже решенное, а у меня восемь недель... Впереди Москва, с жильем не ясно, как устроимся, если и дадут что — временное. Три года на перекладных. Да и Гошка у нас растет. Куда тут с новым младенцем — не до него. Я еще молодая, твержу себе, подожду. Закончит Сергей академию, получит назначение, там и заведу второго. Вот и завела...

— А что врачи? — с надеждой спросила Лариса. — Может быть, полечиться...

— Все курорты объездила. Приговор окончательный

и обжалованию не подлежит. Все, сказали мне, Светлана Викторовна, оставайтесь полуженщиной до гробовой доски.

— Какой ужас! — широко раскрыла глаза Лариса.

— Вот тебе и «ужас»... А все он, аборт проклятый! Это же как лотерея, только никто в ней не выигрывает. Понимаешь, никто! А можно и жестоко проиграть, как в моем случае. Так что выбрось из головы доктора. Специалист он отличный, но ты к нему не ходи.

— Бог мой! — воскликнула, засветившись, Лариса.— Четверо детей...

— Ну и что? У тебя негде люльку поставить? Или Макаров твой на молоко не заработает своей службой? Кстати, он уже на полковничьей должности. И еще генералом будет. И маршалом!

— Так ведь вдруг начнем уничтожать ракеты? — остановила ее, улыбаясь, Лариса. — Могут в запас уволить...

— Еще лучше! — воскликнула Светлана. — Пойдет к нам в школу директором вместо этой мымры, Нинель Варфоломеевны, которая нам всю плешь проела. А что ядерных ракет не станет — это же замечательно! Нам, педагогам, зарплату прибавят.

Лариса засмеялась.

«Все правильно, — подумала она. — Когда она уйдет, я позвоню гинекологу, извинюсь за беспокойство... Муж, скажу, не разрешил. А как сам Юра? Что он скажет?»

— Надо Юре сегодня сообщить, — вслух подумала она.

— И не откладывай. Он у тебя тонкий мужик, с понятием. И любит тебя, будто ненормальный. Никого не видит вокруг, даже зло на него берет: смотрит на других женщин как на пустое место. В этом смысле ты спи спокойно.

— Кумой будешь у нас? — спросила Лариса.

— С нашим полным удовольствием! — тут же согласилась Светлана.

25

Интервью с Президентом Соединенных Штатов, опубликованное в газете «Сент-Пол трибюн».

Корреспондент Эдвард Стивенс встретился вчера с нашим земляком, Президентом Америки, и попросил его ответить на ряд вопросов, они особенно волнуют в эти дни всех читателей газеты.

— Как известно, мистер Президент, вы только что вернулись из поездки в Москву, где договорились с советским лидером о будущем договоре. Ваше основное впечатление, которое вы привезли из России?

— Я не обнаружил у русских никаких рогов на голове, и никто из них не ходит в одинаковой одежде, исключая, разумеется, военных... Это, конечно, шутка, но, к сожалению, у части американцев довольно извращенное представление об этих людях за океаном.

А если говорить серьезно, то отличительная черта русских — гостеприимство. И еще — стремление понять нас, американцев, разобраться в причинах неприязни, которую испытывают мои соотечественники к русским, сваливая на них вину за все те беды, в которых виноваты мы сами.

— Что вы скажете о планах русских полностью ликвидировать ракетно-ядерное оружие?

— Серьезное и конструктивное предложение. Кстати, с подобными они выходят уже не впервые. Боюсь, что русские поставили нашу администрацию в сложное положение: от нас ждут такого же ясного и реалистического ответа, с учетом, конечно, их новых, дополнительных предложений.

В переговорах со мной русские уточнили, что период, ведущий к полной ликвидации ядерных вооружений, достигающих территории России и соответственно нашей Америки, может быть пройден за пять—восемь лет. Или даже раньше... При этом не забывайте и о прекращении испытаний ядерного оружия. Эта мера законсервирует развитие новых средств массового уничтожения людей.

— А как же быть с программой «звездных войн», мистер Президент?

— Мы говорили об этом с советским лидером. Уверенность, с которой он рассказывал мне о планируемых советами контрмерах, не раскрывая, разумеется, военных секретов, внушила мне мысль о том, что русские искренни в стремлении не создавать космического прецедента. И искренность эта не от страха перед «стратегической оборонной инициативой», а от беспокойства за судьбу всего мира.

— Вы, мистер Президент, вернулись из Москвы настоящим «голубем»...

— А я никогда и не был «ястребом». Во всяком случае, будучи еще сенатором, при голосовании в конгрессе

всегда выступал против финансирования программы «Strategic Defense Initiative», хотя и оставался в меньшинстве... Но представьте себе на мгновение, что на Луне живут некие существа, назовем их селенитами, которые накопили столько взрывчатых веществ, что могут десять—пятнадцать раз уничтожить нашу славную спутницу. Вызовет ли это у вас беспокойство?

— Вне всякого сомнения, мистер Президент.

— Так вот и наша планета стала взрывоопасным объектом космического порядка. Мало того, что готовы перебить друг друга, мы в состоянии причинить вред околоземному пространству. И с выводом ядерного оружия за пределы Земли опасность эта увеличится многократно.

— Допустим, мы и Советы сделали первый шаг. Как увлечь за собой остальных?

— На это рассчитан второй этап. Я думаю, что у Америки достаточно авторитета, который поможет убедить ядерных союзников подключиться к всеобщему разоружению. Заодно придем к повсеместному, общепланетному прекращению испытаний всех и всяческих видов ядерного оружия и других страшных для человечества видов вооружения, напридумано его на наши головы предостаточно.

— Как вы понимаете дебаты о выработке универсальной договоренности о том, чтобы ядерное оружие больше никогда не возродилось? Был ли поднят именно этот вопрос при вашей беседе с русским лидером?

— Вы обратили внимание на тот знаменательный факт, что Советы согласны на любые способы контроля и проверки, включая и инспекции на местах, вплоть до ревизий деятельности научно-исследовательских лабораторий? Это серьезный шаг вперед, символизирующий добрую волю русских, их готовность к конструктивным действиям. В Москве мне еще раз повторили, что на последнем этапе можно будет разработать специальные процедуры уничтожения стратегического ядерного оружия, а также демонтажа, переоборудования или уничтожения тяжелых носителей. Советский лидер прямо сказал, что они готовы к созданию обоюдоприемлемой системы контроля за уничтожаемыми ракетными комплексами. И пусть эта система включает в себя не только национальные средства, но и взаимные инспекции на местах вкупе с любыми другими видами контроля, которые предложим мы, американцы. И тогда, согласно программе

русских, вскоре на Земле не останется ни одной ракеты, оснащенной ядерной боеголовкой...

Мне думается, что Всевышний на стороне именно этой альтернативы.

Армагеддон, равно как и апокалиптические видения Иоанна Богослова, внедрен в наше сознание как предупреждение против дьявольского искушения освободить чудовищные силы, врученные человечеству Провидением.

Надеюсь, добрые христиане, к числу которых смею относить и самого себя, простят меня, если я позволю провести аналогию между плодом познания, который вкусили наши прародители в саду Эдема, и «Эйч»-бомбой. Бесчисленные потомки Адама и Евы испытываются сейчас на зрелость... Хватит ли у нас мудрости, чтобы устоять перед искушением взорвать такой прекрасный мир, который подарил нам Господь, несмотря на согрешивших Адама и Еву? Боюсь, что, если мы все-таки впадем в коллективный грех ядерного самоубийства, у Всевышнего не окажется подобных миров, куда он мог бы переселить оставшийся после нас радиоактивный пепел.

26

Последняя машина с ракетчиками обогнула площадь, на которой только что был проведен развод дежурных смен, и вслед за остальными расчетами отправилась в район расположения пусковых установок.

— Прошу в штаб, — предложил командир соединения Вощинский генералам Гришину и Алиметову.

— Да, — согласился Гришин, — там и прикинем еще раз сегодняшние дела.

Они направились было к машинам, стоявшим поодаль, и командир уже гостеприимно показал рукой: прошу, мол, садиться. Но Гришин, взглянув вопросительно на Алиметова, сказал:

— Пешком пройдемся... Как вы, Гаджи Магомедович?

— У меня работа кабинетная, потому поддерживаю. Конечно, я бы верхом лучше, но где тут лошадь возьмешь?

— Могу и лошадь предложить, товарищ генерал-майор. И не одну, — нашелся Вощинский.

— Это откуда же у тебя? — с любопытством осведомился Алиметов.

— В совхозе «Тайуский» раздобыл. Добрые кони. Уже и приплод есть. Целая ферма, одним словом.

— Ракеты на них в позиционные районы доставляете? — насмешливо спросил генерал-полковник.

— Зачем же? — обиженно возразил тот: эта тема была его больным местом. — На конеферме создали детскую военно-спортивную школу. Теперь у нас в городке попросту нет двоечников или трудных подростков. И потом, кумыс идет для поликлиники... Сплошная польза, товарищ генерал-полковник.

— Что ж, дело хорошее, — согласился Гришин. — Нам-то с Гаджи Магомедовичем разрешишь погарцевать? Я ведь сам из казаков, по отцовской линии.

— Какого войска?

— Дончак, — с гордостью сообщил первый заместитель главкома. — Станицы Зимовейской. Отец, конечно. Я уже в Москве родился.

— А я родом с Кубани, из Усть-Лабинской, — невольно похвастался генерал-майор Вощинский.

— Теперь мне остается сообщить о том, что мой отец — красный дагестанский партизан, славный джигит из аула Касумкент. Тогда нас всех троих переведут из Ракетных войск в кавалерию...

Все трое искренне рассмеялись, и на душе у каждого посветлело. Вот вроде и ничего особенного не случилось, узнали эти генералы, что отцы их были кавалеристами, и вдруг почувствовали, будто они стали ближе друг другу, роднее, что ли.

Они шли по главной аллее, разделявшей военный городок на две неравные части. Бóльшую занимали жилые дома для офицеров и прапорщиков, магазины, спортивный центр, зимний плавательный бассейн, школа, детские сады. В другой части находились штабные помещения и солдатские казармы улучшенного, специально для ракетчиков, типа, клуб, кафе для сержантов и рядовых, стадион. Здесь было все более строгим и рациональным — в конце концов, служба в армии не двухлетняя путевка в санаторий.

Но по всему городку, в обеих его половинах, росли цветы. Их было так много — красных, желтых, белых, голубых, — что Юрий Александрович Гришин, человек, тонко понимающий красоту, но старающийся скрывать это, напуская на себя некоторую искусственную грубоватость, невольно залюбовался прекрасными клумбами.

— Да, — говорил, озираясь, Алиметов, — просто рай,

понимаешь, развели... Эдем какой-то, а не военный городок.

Вощинский оглянулся, будто хотел тут же подозвать и представить цветочную фею генералам, но позади никого не было. Даже его замов и помов, которых он отослал еще на плацу, поскольку знал, что Гришин не любит эдаких парадных обходов со свитой в хвосте.

— Есть у нас чудесница, — сказал командир, — с высшим дипломом по всем подобным делам. Ландшафтный архитектор!

— Где же вы раздобыли такого профессионала? — спросил Юрий Александрович. — Нам бы в Шимолино, в поселок Главного штаба, эту вашу фею заполучить. Природа там богатая, а вот до конца территорию не обиходили, чтоб, значит, всем законам эстетики соответствовала.

— Тогда не скажу! — полушутливо-полусерьезно запротивился Вощинский. — Ведь вы ее — раз... и вместе с мужем к себе в метрополию.

— Так муж у нее военный? — подал голос Алиметов. — Тогда обязательно переведем к нам обоих. Не так уж часто встречаются, увы, ландшафтные архитекторы!

— Караул! — шутливо воскликнул командир. — Грабют!..

— Ладно-ладно, не темни, дорогой, — остановил его Гаджи Магомедович. — У первого же солдата спрошу.

— Лариса Семеновна ее зовут, — сдался тот. — Макарова она. Жена того командира, который утром представлялся вам перед разводом.

— Ага, — кивнул генерал-полковник, — того самого экстремиста, который со своим комиссаром бумагу, значит, в Главпур... Пусть тогда здесь и остается макаровский сынок. Он только-только часть принял. Служить ему тут как медному котелку. Не бойся за свои цветики-самоцветики, Кирилл Сергеевич.

— Нет, Макаров не экстремист, — вскинулся вдруг Алиметов. — Они против формализма в важнейшем деле выступили. Помните, когда юбилей стахановского движения отмечали, что сказал о соревновании Генеральный секретарь?

— Не припоминаю что-то...

— А я помню! Он сказал, что формализм — заклятый враг соревнования как непосредственного творчества масс. Обязательства порой пишутся под копирку и участникам даются только на подпись. Показатели со-

ревнования устанавливаются без учета специфики предприятия, отрасли... А у нас в армии вообще все отлично от гражданской жизни. Разве не так? Генеральный тогда подчеркнул, что само по себе это дело хорошее, но зачем рабочему, инженеру переписывать, по сути, свои прямые служебные обязанности и давать слово их выполнять? Ведь это извращение самой идеи соревнования... Это прямо-таки про нас сказано, у которых одна святая обязанность — выполнять присягу!

— Светлая у вас голова, Гаджи Магомедович. И все-то вы помните, — с легкой иронией заметил генерал-полковник. — Да я и сам разве не вижу, как частенько профанируют такую благородную идею?! В это вклад свой вносят и командиры, и политработники.

— Перегибщиков у нас хватает, — усмехнулся Алиметов.

— А где их нет? — философски заметил Вощинский.

— Помню, как говорил нам генерал Макаров, отец этого офицера, — продолжал Юрий Александрович. — «Если пушка не заряжена, пушка не стреляет. Если солдат или офицер не знает присягу назубок, то это не военный человек».

— У вас, Юрий Александрович, голова тоже, того... светлая, — поддел генерал-полковника Алиметов. — Столько лет прошло, а высказывания своего командира помните.

— Так это же настоящие афоризмы! Образно изъяснялся Иван Егорович. Любил, знаешь, слово, понимал его силу. Помню, собрал нас однажды в Каменогорске на совещание: генерал, мол, хочет выступить перед офицерами. Я тогда уже соединение получил... Да... Объявили: слово для доклада имеет генерал-лейтенант Макаров. Вышел Иван Егорович, оглядел всех поверх очков, потом в бумаги уткнулся, шелестит ими, бормочет что-то, потом вообще притих. Минута прошла, вторая, третья... Мы — в недоумении, шушукаться стали. И вдруг тот как рявкнет во всю мощь — голосок у него дай бог каждому: «Стой! Кто идет?» Мы едва в осадок не выпали от неожиданности... «Ага, — злорадно ухмыляясь, сказал командующий, — вздрогнули, товарищи офицеры... Такой именно голос должен быть у солдата, стоящего на посту, у подлинного часового». И прочитал собравшимся короткий, но весьма емкий, с конкретными примерами, доклад об организации караульной службы в ракетных подразделениях.

— Силен дед Макаров! — сказал Алиметов. — Мне с ним служить не довелось, но слышать о нем слыхал немало. Надо его пригласить осенью на партийную конференцию, пусть выступит, как ветеран.

— Пригласите, конечно, — хмыкнул Гришин. — Он вам тоже сюрприз преподнесет. Сынок, видать, по характеру в батю вышел.

— А что, — воодушевился Алиметов, — он мне понравился, этот командир. И замполит ему под стать. Смелые ребята! Взяли и бабахнули письмо начальнику Главпура. Не побоялись. Я вон генерал, но писать в Главпур не решился бы...

— Потому и не решился, что генерал, — не сдержался и съязвил Юрий Александрович.

Он повернулся к Вощинскому.

— А городок у тебя, Кирилл Сергеевич, прямо-таки на удивление... Не стыдно и американских контролеров на такую ракетную операционную базу пригласить, пусть поглядят... У них тоже на базах порядок, но красоты подобной не бывает.

— Случалось посещать? — спросил Алиметов.

— Бывал-с, — усмехнулся генерал-полковник. — Они к нам в удмуртский город Воткинск, а я в составе группы военных экспертов в ютовскую Магну. А потом янки любезно показали нам ракетную базу в штате Вайоминг. Ихние ракетчики прием нам закатили. Между прочим, с фруктовыми соками.

— Да ну?! — недоверчиво воскликнул Вощинский.

— Именно так... И сами ни боже мой. Из уважения к новым традициям русских военных, подчеркнул командир базы, бригадный генерал.

Кирилл Сергеевич вздохнул.

— Чему печалишься? — спросил его генерал-майор Алиметов. — Жалко такую красоту другому дяде отдавать? Да, здесь можно классный санаторий оборудовать... А тебя, Вощинский, директором. Пойдешь?

— На меня еще ракетных дел с лихвой достанет, — возразил командир соединения. — Даже по предстоящему договору лет восемь на демонтаж уйдет... И потом — помните, что говорил Генеральный в Вашингтоне? Не будем торопиться, не будем впадать в эйфорию, будем ответственными... И у нас в стране первый антиракетный договор прошел нелегко. Опрос общественного мнения, как известно, показал, что многие соотечественники опасались, и вполне резонно, не нанесет ли Договор по

РСД-РМД ущерба безопасности Советскому Союзу. Ведь мы тогда уничтожили ядерного оружия больше, чем американцы...

— Мне особенно жалко было СС-20, — признался Алиметов. — Разумом приемлю, надо... Первый шаг, прорыв, почин дороже денег — всё так. А военная душа не на месте.

— Старое, понимаешь, у тебя мышление, дорогой, — голосом Алиметова поддел спутника Гришин.

— Имело место, товарищ генерал-полковник... В безвозвратном, конечно, прошлом. Искренне в этом каюсь...

Генералы рассмеялись.

27

Лу Тейлор легла в этот вечер поздно — не могла она уснуть, если домашняя работа оставалась незавершенной. Джордж в первые годы их супружества часто сердился, спорил с женой, доказывал, что нельзя так перетруждать себя. Сам он умел мгновенно отключаться от любых занятий для короткого отдыха, но сладить с упрямой Луизой так и не сумел. Смирился, стараясь, правда, помогать ей иногда. Джордж никакой физический труд не считал зазорным, а уж в саду возился с цветами и деревьями с особой охотой.

Когда Лу, отпустив Пегги и обойдя, стараясь делать это бесшумно, весь дом, поднялась в спальню, майор Тейлор уже спал. Она юркнула в кровать, с наслаждением вытянулась и вздохнула. «Вот и прожит еще один день, — подумала женщина. — Что он принес нового мне? Моей семье? Джорджу? Детям?»

К такому анализу событий прошедшего дня и своего места в них ее приучила мать, преподаватель философии Виргинского университета. Она жила вместе со своим вторым мужем — профессором — в Шарлотсвилле. Отец Лу расстался с ее матерью — «сбежал от чересчур занудливой ученой жены», как посмеивалась миссис Хансен, — когда девочке едва исполнилось семь лет.

Оставшись без мужа, энергичная Мэри Пъюлетт, она вернула себе девичью фамилию, занялась наукой и воспитанием Луизы. Прежде всего она считала необходимым оградить девочку от чрезмерного увлечения науками, чтобы совершенствовать в ней женское начало, без которого самая выдающаяся деятельница в области общественной, государственной, научной области и даже

искусства все равно останется лично несчастной. В то же время мать Лу ограждала дочь и от носящихся в воздухе феминистских идей, суть которых заключалась в утверждении: «Если свобода — то свобода во всем, в первую очередь — в сексе». Именно здесь видели ультрасовременные женщины США реальный шаг к раскрепощению.

— Это вовсе не так, — говорила Мэри Пьюлетт дочери, когда та, естественно, подросла для этих разговоров. — Подобная свобода в отношениях между мужчиной и женщиной всегда оборачивается непоправимыми издержками, свободой от любви, ответственности друг за друга, элементарных обязанностей, которые природа и социум возложили на женщину и мужчину. Пройдет еще немного времени, и ты сама увидишь, как наши женщины, вкусив от запретного плода, объевшись наконец сексом, быстро почувствуют, что понятия «любовь» и «секс» не синонимы. И на смену половой революции придет сексуальная контрреволюция, когда нам, женщинам, захочется ветхозаветных отношений, на которые Ева подбила однажды Адама, ибо то, чем они занимались в Эдеме, было основано на истинности чувства. Вот эту истинность, можешь называть ее и таинством, сохрани, моя девочка, когда придет твой черед...

Этот черед наступил менее чем полгода спустя... Лу перешла тогда на второй курс колледжа и летом работала подавальщицей в кафе для туристов на территории Йеллоустонского национального парка. Здесь вот, у знаменитых Желтых Камней, которые входят в семь патриотических символов Прекрасной Америки, она и встретилась с Джорджем. Он был годом ее постарше и учился тогда в Вест-Пойнте.

Тейлор-старший не раз советовал сыну: женись не раньше, чем станешь первым лейтенантом или капитаном, иначе не сможешь создать для семьи тот жизненный уровень, который достоин офицера.

— Ты знаешь, Джо, я ухожу в отставку, — напомнил Ричард Тейлор. — Эти «медные лбы» не могут простить мне выступления против войны во Вьетнаме и закрыли дорогу на генеральскую должность в Пентагоне, куда рекомендовал меня командующий. «Сыч», правда, обещан мне с золотыми перьями, но пенсия, она и есть пенсия... Правда, получил приглашение от аэрокосмической компании «Локхид». Предлагают мне должность эксперта и членство в научно-техническом офисе. А по-

просту говоря, хотят купить. Но мне с этими «ястребами» не по пути...

Полковник Ричард Тейлор был уже к тому времени членом «Лиги седых тигров».

— Я о том, парень, что не смогу взять на себя ваше содержание... Хотя конечно же буду помогать вам, если ты все-таки настаиваешь на немедленной женитьбе. Или вы просто не можете взять и отложить ее?.. Тогда другое дело, Джордж.

Молодой Тейлор густо покраснел.

— Этого пока нет, па, но... Понимаешь, Лу... она такая... Словом... мне кажется, что никогда такой не встречу. Я не хочу рисковать, па.

— Тогда женись, — просто сказал полковник.

И вскоре Лу стала доброй женой Джорджу.

«Так что же произошло за сегодняшний день? Приехал Фил Тейлор, и папа Дик так неожиданно собрался к другу, с которым случилось несчастье в Майами, — вспоминала Лу, глядя в темноту и прислушиваясь к мерному дыханию мужа. — Что же еще? Да, прекрасная прогулка на яхте, дети были так рады. И дядя Вик... Как хорошо, что он приехал в гости! Не забыть с утра сказать Пегги: пусть ее сержант съездит в Брансуик и пригонит из мастерской мою машину. И еще...»

Она силилась вспомнить о чем-то весьма важном, но сон уже сморил ее, и нахлынули видения.

...«Я никогда не была на этом берегу», — подумала Лу, вдруг оказавшись на песчаном пляже. Пляж тянулся от горизонта до горизонта, море было тихим, необычайно ласковым, и женщина зашла в теплую воду по щиколотки.

Она стояла лицом к северу и видела, как справа от нее поднимается из моря солнце. А по левую руку синели близкие горы. Лу никогда не была здесь, но сразу узнала эти места, в которых родился ее легендарный дед Хаджи-Мурат Пулатов.

— Это же Каспийское море! — радостно воскликнула Лу, она столько читала о нем и о Дагестане, так мечтала побывать в этой стране, о которой рассказывал старый Эйдж Пьюлетт — так трансформировалось имя Пулатова в Америке. «Может быть, и его увижу здесь», — нелогично подумала Лу, будто забыла, что дед умер пять лет назад в штате Калифорния и похоронен к югу от Санта-Барбары, где жил в последние годы, так как тамошние места напоминали ему Дагестан.

Пляж был пустынным, и Лу двинулась вперед, шлепая босыми ногами по теплой воде, радуясь тому, как расскажет детям, что побывала на экзотической родине их прадедушки. И вдруг она почувствовала, что море и берег переменились. Вода стала вязкой, Лу с трудом вытаскивала ноги из нее, горы исчезли, она видела слева заросшие деревьями холмы. «Да это же наш Сент-Саймонс-Айленд! — ничуть не удивилась своему перемещению за тысячи миль Лу. — Но что случилось с водой? Разбился танкер дяди Вика?»

Едва она подумала об этом, море почернело и в лицо ей подул горячий ветер. Лу попыталась выйти на берег, но вода не отпускала ее, и тогда женщина, уже начавшая ощущать беспокойство, переходящее в страх, остановилась. Она увидела на пляже нечто вроде колодца с низким, выложенным из неотесанных камней круглым барьером.

— А это еще что?! — воскликнула Лу.

Она услышала нарастающий гул. Из колодца потянулись струйки оранжевого дыма, над барьером стало медленно высовываться нечто такое знакомое, округлоконической формы. Да, где-то она видела уже подобную штуку...

«Это же ракета «Минитмен»! — с ужасом подумала Лу. — Неужели...»

Безумный страх охватил ее. «Остановись! — мысленно закричала она. — Остановись!» Ракета перестала выдвигаться. Дым, выливший из колодца, внезапно исчез, боеголовка «Минитмена» несколько изменилась, и теперь Луиза Тейлор увидела в ней оконечность гигантского фаллоса.

«Что за чушь мне снится?!» — сердито подумала Лу, силясь сбросить наваждение. Она четко осознавала, что спит и это вовсе не наяву маячит над каменным барьером фантастического колодца огромный и потому безобразный фаллос.

Снова повалил дым, возникла новая метаморфоза: чудовище, что выдвигалось из отверстия, увенчивалось теперь головой капитана Хукера, заместителя Джорджа.

«Как вам не стыдно, Генри?» — хотела крикнуть Лу, почувствовала, что не может произнести ни слова, и проснулась.

С легким стоном повернулась на другой бок и услышала, как Джордж спросил ее:

— Что случилось, малыш?

— Прости, я разбудила тебя...

— Ничего, Лу... Показалось, будто ты зовешь меня.

Луиза рассмеялась и вспомнила вдруг главное событие минувшего дня.

— Что же снилось тебе? — спросил Джордж, подвигаясь к ней и осторожно протягивая руку, немного неуверенную и задрожавшую в ожидании.

«Сказать ему сейчас или дождаться утра?»

— Мне снилось, будто купаюсь в Каспийском море.

— Но это ведь так далеко, Лу... На другой стороне планеты. И что ты там видела, малышка Лу?

«Подожду до утра, — решила Лу. — Пусть пока спит спокойно. Интересно, кто у нас будет на этот раз? Если опять мальчишка, назову его в честь прадеда именем пророка. Хотя дед и был коммунистом, его предки верили в Магомета».

— Я видела твоего Хукера, — весело сообщила Лу.

О ракете «Минитмен» и фаллосе она решила мужу не говорить, интуитивно сообразив о неприятных для него ассоциациях.

— Счастливчик Генри, черт бы его побрал, — шутливо рассердился Джордж. Рука уже встретилась с телом Лу, ласкала его. — Что он там делал, в России?

— Не успела рассмотреть. Ты ведь так быстро пришел ко мне на помощь.

Джордж тихо рассмеялся, а потом внезапно смолк.

— Вспомнил забавную историю, Лу, — принялся он объяснять свой смех. — Отец рассказывал... Когда началась корейская война и генерал Макартур после первых недель поражений, высадив огромный десант, двинулся на север, к реке Ялту, 15 октября 1950 года президент Трумэн прилетел на остров Уэйк в Тихом океане. На встречу с президентом Мак явился в таком виде, будто его задержали в дымину пьяным ребята из «гестапо» [1], подбросили и выкинули вон. Небритый, растрепанные волосы, измятая фуражка, в которой он, наверно, выпустился из Вест-Пойнта, такой старой она выглядела, рубаха с расстегнутым воротником... Словом, не пятизвездный генерал, а настоящий гопник.

О чем они говорили, так никто и не узнал, но отец — он командовал тогда эскадрильей и находился с нею на Уэйке — сам слышал, как Гарри Трумэн, простившись

---

[1] Этим одиозным именем называют в американской армии военную полицию.

с Маком, плюнул ему вслед и сказал начальнику охраны: «Если бы он был лейтенантом в моей части и шлялся по гарнизону в подобном виде, я бы ему так врезал, что он бы с копыт свалился!» Ну как?

— Президент Америки тоже хорош: изъяснялся на языке отъявленной шпаны, — заметила Лу. — Каких только типов не выбираем мы для проживания в Белом доме...

— Никсон похлеще выражался, хотя и знал, что каждое слово записывается по его же приказу.

— Верно, — согласилась Лу. — Ричард Уотергейтский перещеголял всех по части похабщины и цинизма. Но какая связь, Джордж, между гопником Макартуром и моим сном?

— Не знаю, — растерянно проговорил Джордж.

Лу нащупала волосы на голове мужа, взъерошила их, легонько потянула Джорджа к себе.

— Непостижимые цепочки представлений, — в темноте улыбнулся он.

28

— Зачем у тебя этот чертик, Кирилл Сергеевич? — спросил первый заместитель главкома у командира соединения. — Или хобби завел, каслинское литье собираешь?

Он взял с письменного стола небольшого, но длиннохвостого чугунного черта, который, едко и дерзко улыбаясь, наставлял генерал-полковнику нос.

Вощинский улыбнулся.

— Это мой заместитель, — сказал он.

— Не понял...

— Помогает в беседах с отдельными лицами, — пояснил тот. — Порой исчерпаешь запас нормальных выражений и думаешь: «Ах, как бы сейчас тебя покрепче, голубчик...» А не моги, надо с ним цензурно говорить. И вот когда все мои приличные аргументы кончаются, хватаю черта и ставлю перед ним. Для того и держу на столе.

Гаджи Магомедович от души расхохотался.

— Ну ты даешь, Кирилл Сергеевич, — сказал Гришин, продолжая вертеть в пальцах фигурку; черт ему еще больше понравился. — И действует?

— Еще как... Все ведь знают смысл моего жеста. Так потом и говорят: «Дошел я, братцы, до ручки. Полковник мне черта поставил...»

— Такой помощник и мне бы пригодился, — задумчиво произнес генерал-полковник, потом широко улыбнулся, лицо его стало доверчивым и простодушным.

— Возьмите его себе, — предложил Вощинский. — Дарю на память.

— Спасибо. — Гришин опустил черта в карман генеральского кителя. — А как же ты один останешься?

— Я предусмотрительный, — отозвался Кирилл Сергеевич, подходя к сейфу. Он открыл его и достал оттуда двойника того чертика, который спрятался уже в кармане Гришина. — Запасся ими, когда в отпуск в этом году в Касли ездил. Вам не надо, Гаджи Магомедович?

— Мне легче, — ответил Алиметов. — Когда крепкое словцо сказать хочется, я на лезгинский язык перехожу.

Генералы расселись за столом для совещаний, и Гришин попросил распорядиться, чтоб принесли чаю.

— Да покрепче, — сказал он.

...— Кстати, — сказал Вощинский, когда они пили чай. — Вспомнил... По поводу соревнования.

— Что именно? — заинтересовался Гаджи Магомедович.

Гришин снял очки и внимательно посмотрел на командира соединения.

— Во время войны «Красная звезда» выступила против фронтовых и даже некоторых центральных газет, которые требовали развернуть социалистическое соревнование в действующей армии...

— Неужели находились такие «умники»?! — воскликнул генерал-полковник.

— Были, — кивнул Алиметов. — Я тоже читал об этом. Кажется, в воспоминаниях редактора «Звездочки».

— Ну и чем дело кончилось? — спросил Гришин.

— Сталин поддержал «Красную звезду», а газета выдала по первое число горе-инициаторам за недомыслие,— сказал Кирилл Сергеевич.

— И правильно, — проговорил Гришин. — Ведь это что же получается? Если...

Договорить ему не дал низкий зуммер телефона правительственной связи. Генералы переглянулись, Вощинский сорвался со стула и схватил трубку.

— Слушаю! — крикнул он. — Генерал-майор Вощинский! Да... Здравия желаю, Евгений Александрович!

Он прикрыл трубку рукой и громко шепнул: «Федоров на проводе!»

— Первый секретарь обкома, — пояснил Гаджи Магомедович генерал-полковнику, хотя Гришин и сам хорошо знал Федорова, возглавлявшего партийную организацию Каменогорской области.

— Он здесь, Евгений Александрович, — продолжал тем временем командир. — Передаю трубку...

Алиметов подошел к телефону.

— Здравствуй, Гаджи Магомедович, — услышал генерал энергичный голос первого секретаря обкома. — Знаю, что тебе не до моих болячек. Только у нас в области ЧП.

— Что случилось? — встревоженно спросил Алиметов.

— Может быть, и ничего серьезного, не разобрались еще до конца, — сказал Федоров. — Землетрясение в горах, в районе озера Лебяжьего.

— Это рядом с Рубежанском, — немного растерянно произнес Гаджи Магомедович. — Но у Вощинского мне не докладывали...

— Точечный удар в кору — так говорят специалисты, — объяснил секретарь обкома. — Подземный толчок пришелся на дно Лебяжьего, его зафиксировала высокогорная обсерватория, у сопки Грановитой. А ниже, как тебе известно, атомная станция... Улавливаешь?

— Конечно, — сказал Алиметов.

Он почувствовал, как ладонь, державшая телефонную трубку, вспотела, и перехватил трубку другой рукой.

— Я лечу сейчас с компетентными товарищами в район Лебяжьего, — сообщил Федоров. — Надо бы и тебе присоединиться к нам... Как считаешь?

— Вместе с командиром будем, — сказал Гаджи Магомедович.

— Нет-нет, — возразил Евгений Александрович, — Вощинского оставь дома, у него свои задачи. К вам залетать не буду, надо беречь время. Так что ты подавайся прямо туда, к обсерватории Института солнца. Посмотрим вместе, что зафиксировали ученые, какое на данный момент положение. Договорились?

— Договорились, Евгений Александрович!

— Тогда до встречи.

Алиметов положил трубку на рычаг аппарата, перед этим зачем-то дунув в нее.

— Землетрясение в горах, — объяснил Алиметов. — Федоров просит вылететь на озеро Лебяжье.

— Я лечу тоже, — сказал Гришин.

29

Узнав от министра обороны о покушении, Рой Монтгомери сразу подумал: «Ведь вместе с Президентом должен был лететь в Вашингтон и генерал Ричард Уордиер. Что с ним? Неужели накрыли и его? Это же самый настоящий заговор, черт возьми!»

Поначалу ошеломленный известием, дежурный генерал мгновенно собрался, памятуя, что именно на нем лежит ответственность за происходящее в стране, ведь в ведении его вся система связи Пентагона. Главное — надо быстрее прояснить обстановку, да так, чтобы не вспологнить заговорщиков, как бы дотянуться к дальнему яблочку и не обломать при этом ветвей.

— Свяжите меня с дежурным генералом командного центра в горе Митчелл, — приказал Монтгомери оператору. — И сразу вызывайте ЦКП Стратегического авиационного командования, штаб НОРАД и Объединенное космическое командование. Найдите также в Оттаве генерального директора гражданской обороны Канады, оповестите их правительственный командный пункт. Наша служба ФЕМА [1] извещена?

— Да, сэр, — отозвался оператор, отвечающий за связь с руководством гражданской обороны. — Они знают и постоянно спрашивают: не объявить ли уже сейчас атомную тревогу...

Рой и сам думал об этом, но Оскар Перри медлил отдавать приказ о тревоге.

На экране дальней телесвязи высветилось озабоченное лицо коллеги Роя Монтгомери на ЦКП в горе Митчелл.

— Есть ли известия о судьбе Президента? — спросил Рой. — Как это все случилось?

— Не успел во всем разобраться, — хмуро ответил генерал-майор Никсон. — Пока известно вот что. Кто-то авиационное сопровождение выслал с опозданием и на другой маршрут. Вертолет Президента летел какое-то время без охраны. Его пилот успел только сообщить, что их атакует полицейский вертолет. На этом связь прервалась. К месту предполагаемого падения, а может быть и посадки вертолета, вылетела военная полиция, люди нашей охраны. Сведений от них пока нет.

---

[1] Федеральное управление по действиям в чрезвычайных условиях.

— Немедленно свяжитесь со мной, когда появится любая информация! — сказал Рой, отключаясь.

Дежурный по Центральному командному пункту САК снова подтвердил приведение ракетно-ядерных сил Соединенных Штатов в боевую готовность военного времени с часовым интервалом до ракетного залпа. Пусковые установки разблокированы; когда истечет время, операторы повернут стартовые ключи...

«Они ведь только исполнители, — с горечью подумал Монтгомери. — Их дело — повернуть ключи... А не был ли и я в их числе еще совсем недавно? Надо искать подтверждение тому, что сказал мне Пенсионер...»

Он вызвал начальников дежурных смен и потребовал продолжать усиленное наблюдение за изменением обстановки в ракетоопасных направлениях, а также со стороны космоса.

— Необходимо вести тщательное слежение всеми постами вашей службы, — сказал он начальнику управления, разместившего современные радиолокационные станции не только на юге США, но и на восточном и западном побережье, в Тихом океане, на западном и восточном побережье Африки, в Австралии и Южной Америке.

Рой понимал, что ему необходимо срочно проверить сообщение о том, что русские направили ракеты с орбиты Луны к территории Штатов. Монтгомери не верил этому, как не верил Оскару Перри. «Но как случилось, что два разведывательных спутника оказались уничтоженными? Эта информация уже подтвердилась... Роковая случайность?.. Был бы на месте генерал Уорднер... Его убрали именно тогда, когда он должен быть здесь, в эту трудную минуту, — сообразил вдруг дежурный генерал.— Снова позвонить министру обороны? А что я ему скажу? Не способны, мол, русские на такое коварство? Он тут же снимет меня с боевого дежурства и арестует. Ведь тем приказом объявлено военное положение, и наш Пенсионер теперь на коне».

— Снова штаб гражданской обороны, сэр, — обратился к нему офицер-оператор. — Насчет атомной тревоги...

— Пусть подождут, — ответил Монтгомери. — Объявление тревоги вызовет панику среди населения. Кроме того, мы не одни в Вашингтоне, здесь русские...

— Как — русские? — вздрогнул оператор.

— Я имею в виду посольство Москвы.

Он был военным человеком и понимал, что объявить тревогу в столице — означает выдать противнику свои далеко идущие намерения. «Москва сразу вызовет по прямому проводу Белый дом, а там никого нет, — метались лихорадочные мысли. — Москва... Погоди, погоди... А если?.. Выяснить, что они там затеяли с этими «лунниками» у Джорджа Полухина, узнать и про сбитые спутники тоже, потом сообщить министру... Но кто тебя уполномочивал на переговоры с военным атташе потенциального противника? То, что вы бывали друг у друга в гостях и ваши жены подружились, еще не аргумент для выдачи военной тайны тому, кто наверняка знает об этих ракетах. Или Джордж ничего не знает?»

Монтгомери хорошо знал, сколько уже раз в его стране объявлялась ракетно-ядерная тревога по причинам, которые не имели ничего общего с русской опасностью. То локаторщики примут стаю журавлей за неопознанные летающие объекты и поднимут панику. То пожары в тропических лесах Флориды сочтут атомным ударом, который нанес потенциальный противник. В одну из недель Центральная электронно-вычислительная машина Пентагона дважды выдавала сигналы о ракетной атаке Советов. И дважды мчался приказ на командные пункты «Минитменов», к субмаринам с «Трайдентами» на борту, стратегические бомбардировщики запускали двигатели, выруливали на взлетные полосы.

На новой службе Рой Монтгомери имел возможность быть в курсе чрезвычайных происшествий в любой точке не только Соединенных Штатов, но и заморских территорий, где находились подразделения армии и ВВС Америки, а также корабли военно-морского флота. И бригадный генерал хорошо видел, какой все более громоздкой и трудноуправляемой становится гигантская военная машина его родины. На помощь людям приходят новые и новые поколения компьютеров и систем связи, но вся система в целом становится еще более неустойчивой. Создалось парадоксальное положение, когда наращиваемое количество переходило не в качество, а в его противоположность.

Рой Монтгомери понимал, что опасность ядерного удара будет существовать до тех пор, пока у каждой из сторон сохранится хотя бы по десятку ракет с атомными зарядами. А ныне их пока не десятки — сотни и тысячи... Когда Рональд Рейган был еще только губернатором штата Калифорния, он заявил: «Каждую ночь

потенциальный противник должен засыпать в страхе, опасаясь, что мы прибегнем к ядерному оружию». Но ведь это самый настоящий шантаж!

Когда всех американцев, да и не только их, потрясла катастрофа, произошедшая с «Челленджером», Рой Монтгомери со всей очевидностью постиг абсурдность «стратегической оборонной инициативы», в которую, может быть, поверил Рональд Рейган и которая стала для одних сотрудников его администрации средством сомнительного самоутверждения, для других возможностью втянуть Россию в экономическое состязание, для третьих, связанных с аэрокосмическим бизнесом, реальным шансом крупно нажиться на страхе соотечественников перед ужасом ядерной войны.

«А русская беда в Чернобыле? — не раз задавал себе вопрос Рой Монтгомери. — Разве не заставляет она подумать всех нас о том, с какой осторожностью необходимо относиться к чудовищным силам? Мирный ядерный котел, всего лишь три процента выброшенного из него топлива — и миллиарды убытков, человеческие жертвы. Что же будет тогда от взрыва даже одного десятка «Минитменов» или «Громобоев» на той и другой стороне?»

Бригадный генерал не верил, что русские только и ждут подходящего момента, чтобы напасть на Соединенные Штаты. Ведь в конце концов он был доктором политологии и имел доступ к внешним источникам информации. Имелись у него друзья и в разведывательном управлении министерства обороны, а также в службе национальной безопасности. Они в приватных беседах утверждали, что все действия русских, а эти ребята коечто знали о них, соответствуют принятому ими обязательству не применять первыми ядерное оружие.

«РУМО! — осенило Монтгомери. — Я должен связаться с Сэмом!»

Генерал-майор Сэмюэль Питкин был заместителем начальника разведывательного управления и старым другом Роя еще по Вест-Пойнту. «Надо позвонить ему, надо позвонить!» — лихорадочно думал дежурный генерал.

Он окинул глазами огромный операционный зал, на стенах которого были размещены экраны для отображения информации коллективного пользования. Зал заполняли ряды столов, за каждым из них сидел офицер-оператор, работающий с устройством отображения инфор-

мации индивидуального пользования, поток ее ограничивался тем направлением, за которое отвечал офицер.

«Нет, отсюда вести такой разговор нельзя — слишком много посторонних глаз и ушей. Откуда же тогда? Откуда? Из кабинета председателя КНШ! — осенило наконец дежурного генерала. — Надо вызвать Сэма оттуда.. Сейчас он должен находиться в Национальном разведывательном центре».

«Решено!» — сказал себе Монтгомери и поднялся с кресла, в котором сидел перед центральным пультом управления общей стратегической обстановки.

— Эти парни из ФЕМА, — снова напомнил ему оператор.

— Пусть свяжутся с нами через пять минут, — сказал дежурный генерал. — Я сейчас приду...

«Знает ли Сэм о приказе Оскара Перри?» — подумал он, снимая пломбу с секретной двери и одновременно вставляя ключ в ее замок.

До момента вступления в силу приказа о ракетно-ядерном ударе по Советскому Союзу оставалось сорок две минуты.

30

Командир подводной лодки «Сибирский комсомолец» не знал еще о том, что его «подопечная», шныряющая в глубинах Атлантики американская атомная субмарина, восемнадцать минут назад получила приказ, снимавший блокировку с пусковых устройств баллистических ракет «Трайдент». Василий Макаров сидел в кабинете просторной и уютной каюты и, прихлебывая из бокала ледяной коктейль из фруктовых соков, писал письмо жене своей Маргарите. Никуда отправить его командир атомохода не мог, почтовой связи с берегом, далеким Гремяченском, где находился сухопутный дом, не будет до конца этой службы в океане. И все же письма близким, а также товарищам по училищу (их осталось совсем немного, кому писал он и получал ответы) — всем этим людям капитан 1 ранга Макаров писал, находясь в плавании, чтобы скрасить душевное одиночество, которое неизменно в практической реализации такого романтического понятия, как командир корабля.

Только в письмах Василий Иванович имел право посетовать на некое недомогание, правда, пока оно носило характер некоторой раздражительности, которую командир всегда умело скрывал. Ну кому, скажите на ми-

лость, мог рассказать он на корабле о приходящей порой хандре и душевном беспокойстве? Доктору? Старпому? Замполиту? Или кому-нибудь еще?.. Исключается. А все потому, что каждый член экипажа должен быть на все сто с гаком уверен в командире, полагая, что все эти вполне естественные человеческие слабости допустимы для любого матроса или офицера, только не для того, кого английские, скажем, моряки называют первым после бога... А поскольку все мы атеисты, тем более для нас командир корабля, плывущего в океане, суть единственный и неопровержимый авторитет.

Но ведь и Василий Макаров, невозмутимый, никогда не повышающий голоса Макаров, всего лишь человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Вот и утоляет он одиночество, коротая свободное время за длинными письмами. Они были своего рода волнующими монологами, с которыми этот капитан Немо конца двадцатого века обращался из океанской пучины к близким.

И еще Василий Макаров коротал свободное время над книгами. На что хорошая была библиотека на «Сибирском комсомольце» (списки подбираемых замполитом книг он всегда просматривал, вносил добавления, корректировал), все равно в каждый поход приносил два чемодана книг из тех, что были у него дома, что сумела приобрести новенького Маргарита Иосифовна, пока муж находился в плаванье.

Сегодня он закончил читать эссе Марселя Пруста «О чтении» — его рекомендовала посмотреть жена. Писатель трудный для восприятия, Макаров признавался, что его роман «Содом и Гоморра» из знаменитого цикла «В поисках утраченного времени» он сумел прочитать только в море, на берегу недостало терпения. Но в этой небольшой работе писатель был непривычно ясен и по-хорошему прост. Его воспоминания о чтении в детские годы, трепетное и едва ли не религиозно-почтительное отношение к книге заставили командира подводного атомохода мысленно уйти в то далекое время, когда он открыл для себя чудесный мир «Вечеров на хуторе близ Диканьки», терских казаков Льва Толстого, познакомился с бесшабашной девочкой Алисой и таинственным островом, поднятым над океанской поверхностью воображением Жюля Верна. А тот поистине мистический ужас, который Василий испытал, когда вместе с уэллсовским героем встретился с морлоками? Легенды о магацитлах из такой поэтической «Аэлиты», мятущиеся герои «Уг-

рюм-реки», булгаковский Воланд и его жуткая свита, печальные, вовсе не смешные герои Антона Павловича...

«У Марселя Пруста я прочитал, — сообщал Василий Иванович жене, — что «мы хорошо чувствуем: наша мудрость начинается там, где она кончается у автора, и мы хотели бы, чтобы он дал нам ответы, тогда как все, что он может сделать, — это пробудить в нас желание». Как это верно! Все, что я делал в жизни, определили хорошие книги. И когда нахожу у автора особо талантливое место, меня охватывает некое чувство вины за то, что в данный момент не свершаю ничего нужного, полезного людям и себе, конечно, ибо давно уже слил эти два понятия. Усилия для себя у меня всегда трансформируются в конечном итоге в пользу для всех. Душу охватывает тогда необозримая потребность деятельности, руки, как говорят, начинают чесаться, просят дать им работу. Словом, чтение всегда заражает меня энергией и оптимизмом, не говоря уж о его информационном и интеллектуальном воздействии...

Как жаль, — продолжал он, — что не смогу сегодня же отправить тебе это письмо. Видимо, оно так и проплавает со мною весь поход и будет передано адресату самим отправителем из рук в руки».

Он посмотрел в подволок каюты, представил себе многометровую толщу соленой воды над собой и усмехнулся. Как много желающих сейчас увидеть его на поверхности океана... И бесчисленные противолодочные корабельные вертолеты, оснащенные гидроакустическими станциями, и эскадренные миноносцы, и дальняя, средняя и ближняя гидролокационные системы обнаружения, и глазастые спутники, обшаривающие океан с околоземных орбит. Много чего навыдумано американскими специалистами, чтобы поймать в ловушку «Сибирский комсомолец» и других «комсомольцев», которые тоже ведь не лаптем щи хлебают, умеют уходить и прятаться в пучине.

«Хорошо, что я не храплю во сне, — усмехнулся Макаров. — А то ведь скоро и храп причислят к демаскирующим факторам. И тогда деться будет некуда бедным подводникам!»

Да, непросто стало современным капитанам Немо водить советские «Наутилусы» в океанских глубинах, где они руководствуются теми же общечеловеческими принципами, что и легендарный индийский принц Дакар...

«Интересная параллель, — усмехнулся Василий Макаров, встал из-за стола, потянулся, разминая затекшие мышцы. — Надо написать об этом Андрейке».

Он подумал, не сходить ли поплавать в бассейне, но тут в дверь постучали, и, получив разрешение, в дверях показался заместитель командира корабля по политической части капитан 2 ранга Шиповский.

— Кстати пришел, Андрей Максимович, — обрадовался Макаров. — Пойдем-ка нырнем в бассейн, мяч покидаем в ворота.

Бассейн на подводной лодке был небольшим, всего шесть на двенадцать метров, но в водное поло моряки играть в нем ухитрялись.

— Я по поводу лейтенанта Пахомова, — сказал замполит.

— Что-нибудь опять? — нахмурился командир. — Неужели сорвался?

— Нет, — улыбнулся Андрей Максимович. — Совсем даже наоборот... Написал заявление, просит принять его в комсомол.

— Да ну?! — сказал Макаров.

31

... — Дедушка, — спросил Андрейка. — А вы больше не встречались с ним?

— С кем это, парень, я не встречался? — улыбнулся Иван Егорович.

— С летчиком, которого вы спасли? — вежливо спросил внук. — Тем американцем.

Он был хорошо воспитан, этот не по годам развитой парень. Наверно, и это тоже интуитивно не принимал старый генерал, хотя, конечно, ни за что бы не признался и самому себе. Просто у него было иное детство, у пятого ребенка в семье путевого обходчика Егора Макарова, выходца из небольшого сельца близ владимирского города Вязники.

Всего их, выживших в голодные и холодные годы «макарят», как называл ребятишек отец, было восемь. А минувшая война разом споловинила выводок путевого обходчика. На троих братьев и сестру Нюрку, санинструктора роты, пришли похоронки. Сам же Егор Макаров-старший обихаживал раненых в санитарном поезде. Считалось это дело службой по второй категории, для первой у бывшего матроса с бронепоезда гражданской

войны годы и здоровье были не те. Только вот и в поезда с ранеными попадали бомбы, их тоже расстреливали «мессеры». О гибели отца в Восточной Пруссии Иван Макаров узнал в середине мая сорок пятого года. Чуток не дотянул до святого Дня Победы.

Порою раскидывал генерал умом: почему это его больше к Витьке тянет, нежели к Андрейке? Ведь все это чушь, будто внуки, как и дети, для отца с матерью и деда с бабкой все одинаковы. Не так это вовсе... Конечно, в том смысле, что готовы в огонь и в воду за любого из них — это да. Но чтобы чувство к разным существам ничем не разнилось — нет, так не бывает.

Просто Витька напоминал деду его самого, каким он был в детстве. Потому и отличал его. Что ж, Виктор, он ведь тоже не оболтус какой безответственный, хотя и может, вот как сегодня, забыть и про гостей, и про свой день рождения. Опять же парень не менее развитой, чем Андрейка, хотя и по-своему. Ум у Виктора более природный, что ли, слившийся с его натурой, органичный. А Андрейка — этот раскладистый какой-то, разделено у него все по сусекам: здесь для баловства и детских шалостей, а вот для умных разговоров со взрослыми, а там — для школьных дел. Рациональный какой-то парень.

«Может быть, так и надо, — думал генерал Макаров. — В наш век глобальной информации по-другому попросту нельзя. Не успеешь освоить решенное человечеством до тебя, как наступит вечер, когда самому что-то решать поздно. Не знаю. Только в атаках на «мессеров» я полагался именно на таких вот Витек, которые не станут размышлять и прикидывать, взвешивать все «за» и «против» в оставшиеся мгновения, когда решается судьба боевого товарища».

Конечно, никому Иван Егорович мыслей этих не доверял и с ребятами держался ровно: не дай бог выделить кого-то. Это было бы в высшей степени несправедливо. А несправедливость старый генерал почитал самым большим злом.

— Тогда я доставил Дика Тейлора в Полтаву живым и невредимым, — сказал, приветливо улыбнувшись Андрею, генерал-лейтенант. — До сих пор помню, как лихо он стрелял по фрицам из ракетницы.

— И больше вы не виделись? — заинтересованно спросила Ксения.

— Виделись, — ответил Макаров. — Еще два раза.

На следующий день он пришел ко мне со своим командиром эскадрильи, фамилию его запамятовал. Ну, мы, конечно, лицом в грязь не ударили...

Потом, через месяц, Дик снова прилетел в Полтаву. Тут мы с ним обменялись адресами, фотокарточками. Кстати, фото его у меня сохранилось. Буду разбирать бумаги — найду.

— И покажете? — загорелся Андрейка.

— Отчего же не показать! Напомни мне только, хорошо? Сам понимаешь — дед твой уже в том возрасте, когда... Склероз, одним словом.

— Для укрепления памяти надо больше рыбы есть, — сказала Маргарита Иосифовна и положила себе кусок пирога с палтусом. — Морской особенно. В ней фосфора много. И еще, говорят, тертую морковь. С подсолнечным маслом.

— Морковь улучшает зрение, — уточнила Ксения.

— И зрение тоже, — не стала прекословить Маргарита.

Генералу Макарову ситуация эта показалась комичной, он фыркнул. Все повернулись к нему, и Иван Егорович несколько смутился, настолько, насколько его вообще что-либо могло смутить. Любимым его выражением было: «Краснеют только девицы, настоящий мужчина только бледнеет от ярости к врагу».

— Больше мы с Тейлором не встречались. Спрашивал других американских летчиков о нем, — продолжал как ни в чем не бывало Макаров. — И мне объяснили, что он вылетал боевую норму и отправлен в Соединенные Штаты.

— Какую норму? — не поняла Вера.

— Такие у союзников были порядки. Отлетал сколько тебе положено над Германией, остался жив — и отдыхай на здоровье, пусть другие теперь рискуют. Не ручаюсь за точность, но, кажется, в американской авиации заведено было так: сделал ты двадцать пять боевых вылетов, покидал бомбы на Германию — и баста. Свободный от войны человек.

— Но война-то еще продолжалась! — воскликнула Маргарита Иосифовна.

— Ну и что? Это для нас с вами. А для американского летчика, выполнившего норму, она была позади. Да что там авиация! У них за каждое ранение полагалась медаль «Пурпурное сердце», за участие в одном бою — бронзовая медаль, за пять — серебряная... А ес-

ли в боях не участвовал, но был во время войны в Европе — медаль за присутствие на Европейском театре военных действий. И так далее.

— А как они воевали, дедушка? — спросил Андрей.

— По-всякому. Часто излишне полагались на технику. Но сами-то американские солдаты и офицеры тут ни при чем. Ведь едва началась война, президент Рузвельт, которого потом в нашей литературе стали уж слишком идеализировать, выдвинул стратегию «непрямого действия». В переводе на обычный язык это означало: вы, русские, проливайте кровь, а Америка добьется победы над гитлеровской Германией без широкого использования вооруженных сил. Мы дрались под Сталинградом, а союзники высадились в Северной Африке, где военные действия оказывали незначительное влияние на ход войны. А в Европе янки делали ставку на стратегическую авиацию. Однако Черчилль возмущался в мемуарах тем, что в течение последних шести месяцев 1942 года ни одна американская бомба не была сброшена на Германию. Конечно, бомбардировки союзников наносили ущерб нацистам, только, по свидетельству многих специалистов, того же Фуллера, третий рейх продолжал восстанавливать заводы. Больше страдало мирное население — это да. В июле 1943 года одна бомбардировка Гамбурга принесла шестьдесят тысяч жертв. Я уже не говорю про совершенно бессмысленный налет на Дрезден в конце войны, когда за одну ночь погибло больше людей, чем в Хиросиме...

Иван Егорович замолчал.

Наступила минутная тишина.

— Странно как-то все это, — задумчиво проговорила Вера. — Вместе воевали против Гитлера, спасали друг друга от смерти... А потом — «образ врага»...

Она замолчала.

Все, сидевшие сейчас за столом, думали о войне. Кроме генерала, никто в ней не участвовал. Не встречался и с теми, кто помогал нам драться. А вот теплое чувство к союзникам сохранилось у каждого из них.

— Это дедушка их спасал, — подал голос Андрейка.

Ксения недовольно подняла брови: реплика сына показалась ей неуместной, ведь Вера не закончила мысль, да и весь разговор взрослый, сыну-то впору только слушать да самому помалкивать. А дед одобрительно хмыкнул: молодец, дескать, парень, уточнил ты, как говорится, в самую точку.

— Сколько живу, — заговорил он, помедлив, — столько и голову ломаю над феноменом: как может такой талантливый и великий народ, как американский, позволять морочить себе голову? Вот давайте сравним их с нами. Давно ведь знаем, что Соединенные Штаты — главный для нашего Отечества супостат. Или, как мы выражаемся дипломатически, черт побери, потенциальный противник. Всю жизнь мы только и занимаемся тем, что держим меч наготове на случай, если этот потенциальный противник обалдеет и сдуру полезет на нас. И что же? Есть у нас хоть капля ненависти к американскому народу? Именно к народу — фермерам, рабочим, инженерам, творческой интеллигенции? Нету такой ненависти.

— Может быть, это и плохо, — заметила Маргарита. — Я читала, что в первые дни войны мы и к немцам чуть ли не добрые чувства питали. Надеялись, что рабочий класс Германии вот-вот восстанет против Гитлера, который осмелился напасть на первое в мире трудовое государство. Что вы на это скажете, товарищ генерал?

Макаров нахмурился. «Права, чертова актерка, — подумал он. — Было такое попервости... С сентября тридцать девятого исчезла со страниц наших газет любая критика фашистского режима. Люди и знать ничего не знали, что творится в третьем рейхе».

— Нельзя нам сейчас смотреть друг на друга волками, — сказал Иван Егорович. — Слишком чудовищные силы в руках и тех и других. Непозволительная это роскошь — давать волю чувствам. Каким я вижу американский народ? Здоровенный он, наделенный недюжинной силой подросток... Ну, вроде наших двухметровых акселератов. Знает, что никто его не обидит, силушкой бог не обделил, впрочем, сам без причины не задирист... Американский народ в принципе питает отвращение к милитаризму, к житейской перспективе носить солдатский мундир. Во время второй мировой войны простые американцы сражались из патриотических побуждений — они защищали родину, которой, правда, в далекой перспективе, но угрожало вторжение японцев и «джерри», как они называли гитлеровцев. Но вскоре после того как была подписана капитуляция Японии, американские солдаты, расквартированные по всему миру, вышли на улицы с требованием отправить их домой. Дело доходило до настоящих бунтов и мятежей. Так

было в Париже, во Франкфурте-на-Майне, на Филиппинах, в Токио. Солдаты хором кричали: «Хотим домой!», «Служба — да, рабство — нет!». Напрасно президент Гарри Трумэн пытался ввести всеобщую воинскую повинность. Конгресс должен был считаться с гласом облаченного в униформу народа, он отверг предложение главы государства. Тогдашний главком в Европе генерал Эйзенхауэр докладывал в Капитолии: ему необходимо полтора миллиона солдат, а добровольцев не набирается и четырехсот тысяч... Таким было тогда отношение американцев к военной службе.

— И тем не менее сейчас они исправно служат в армии, ВВС и флоте, — подала голос Вера Ивановна.

— Служат за доллары, — жестко отрубил отец. — Мало общего между солдатами армии Эйзенхауэра, которая высаживалась в сорок четвертом году на французский берег, и теми, кто вторгся в беззащитную Гренаду.

Ксения поняла вдруг, почему Иван Егорович затеял этот разговор, и сердце ее переполнилось чувством благодарности к старому генералу. Она всегда уважительно относилась к Макарову-старшему, не испытывая при этом никакого комплекса вины за то, что оставила в свое время Василия в Гремяченске и увезла маленького Андрея в Москву. Ксения относилась к разряду тех женщин, которые убеждены: их положение в этом мире должно быть реально равноправным с мужчинами, а не декларируемым только на бумаге или в официальных докладах. Да, она проявила слабость, когда бросила перспективную работу в области теории управляемой генетики и подалась на край света за Василием Макаровым. А тот вскоре оставил ее с младенцем, чтобы уйти в океан на долгие месяцы. Конечно, она могла ждать его, не мучаясь особенно в физиологическом плане: Ксения умела подавлять в себе женское начало. Но во имя чего? На что ей тратить интеллект, природные дарования исследователя в условиях военно-морской базы? Крупное денежное содержание, полагавшееся мужу, ее не волновало — Ксения выросла в детском доме, привыкла обходиться самым необходимым. Андрейка вырастет без отца? Но ведь сын и так не видит его, пропадающего месяцами в плаванье...

Вот так и получилось у Ксении и старшего сына Ивана Егоровича. И теперь Ксения, с холодным любопытством разглядывая вторую жену Василия, с удов-

летворением заключила: вовсе не трогает, не задевает душу осознание факта — эта женщина заняла ее прежнее место. У Ксении тоже был друг-приятель, врач-психиатр, с которым она познакомилась года четыре назад в Дубултах, где оба отдыхали в Доме творчества писателей: психиатр подвизался на литературном поприще, а ей путевка досталась по случаю, сезон был мертвым.

Отношения у них были ровные, без проявления бурных страстей и эмоциональных всплесков. Общались они регулярно, с соблюдением «приличий»: психиатр был женат. «Для здоровья», — с усмешкой говорила себе Ксения, соглашаясь на очередную встречу. Именно это выражение употребил психиатр, предложив ей сблизиться после недельного периода интеллектуального флирта, во время которого психиатр-литератор пытался обаять Ксению рассуждениями о фрейдизме в западной литературе.

В этом общении «для здоровья» наиболее ярко проявилась суховатая, рационалистическая натура Ксении. Надо сказать, что она интуитивно чувствовала некий психологический недобор в личности и даже определенную искривленность психики, что ли, и старалась оградить сына с этой стороны от своего влияния. Поэтому Ксения всячески поощряла общение Андрейки с его отцом, дружбу с двоюродными братьями, в первую очередь с Виктором. И конечно же, с дедом Иваном, хотя тот не был — и Ксения это понимала — так расположен к ее сыну, как к внуку из Рубежанска.

32

— Знаете, ребята, чему я сейчас радуюсь? — спросил Валерий Бут, бортинженер орбитальной станции «Россия».

Два остальных члена экипажа, услыхав его риторический вопрос, заинтересованности особой в том, чтобы узнать причины радостного настроения Бута, не проявили. Они выжидательно помолчали. Но Валера понимал, что поданная им заявка-реплика в салоне станции не повиснет, как висело в нем в состоянии невесомости решительно все, что не было закреплено к переборкам и потолку-полу.

«Сейчас они созреют и полюбопытствуют-таки», — усмехнулся Бут, возясь с установкой для электрофореза и делая вид, будто забыл о своем вопросе.

Первым не выдержал Олсуфьев, человек, как сказал бы классик, доживи он до космических полетов, приятный во всех отношениях. И даже обаятельный, если это определение годится не только применительно к прекрасному полу. Фадей Ефремович, или попросту (для друзей, конечно) Федюня, неизменно включался в состав тех экипажей, где был перебор, скажем, по части суровости командира, излишней его замкнутости, что ли. Тут и подключали к нему второго пилота Олсуфьева как второй сообщающийся для душевного равновесия на корабле сосуд.

И сейчас Фадей хорошо понимал, что полковник Митрофанов ни за какие коврижки не спросит Бута о причинах его радости. Виктор Анатольевич вообще задавал вопросы только служебного характера, считая, что все остальное — треп, недостойный мужчины, и тем более космонавта. Такой уж он был человек, исключительно находчивый и железно собранный в любых экстремальных ситуациях.

— И чего это ты такой веселый? — стараясь передать интонацию киноартиста из старой популярной комедии, вопросом на вопрос, совсем на одесский манер, отозвался Олсуфьев.

— А с того, что нам, граждане, не надоть будет приземляться на мысе Канаверал, в ихнем космоцентре имени Кеннеди. И как говорят у нас в Ростове-папе, деньги ваши будут наши...

Фадей Олсуфьев хотел ответить ему, но услыхал, как закряхтел командир «России»: это означало, что Виктор Анатольевич заинтересовался словами Бута, уловил в них, видимо, некий для себя интерес.

— Нас, кажется, туда не приглашали, — сказал он. — Или у тебя, Валерий, имеется адресок старых друзей?

Год назад инженер Валерий Бут участвовал в совместной советско-американской программе по отработке спасательных операций в космосе. Буту довелось играть роль спасаемого космонавта. Вот в связи с этим, так сказать, интернациональным обстоятельством Валерий Николаевич восемь месяцев прожил в Соединенных Штатах, осваивал тамошнюю космическую технику в рамках программы в центре Кеннеди, штат Флорида, о котором он сейчас намекнул.

— Крокодилы, — сказал Валера Бут, — страшно бо-

юсь крокодилов. У меня на них аллергия. Или... Как ее? Забыл. Идиосинкразия! Во!

Олсуфьев мельком взглянул на командира, улыбнулся, заметив, что полковник нахмурился. Значит, понял, что началась обычная Бутова «заливка», а он-то думал...

— Ты что, Валерий, крокодила в иллюминатор заметил? — спросил Фадей.

— На земле они ползают, Фадеюшка, в джунглях. А когда ихний «Шаттл» идет на посадку, готовится плюхнуться на полосу Канаверала, эти самые земноводные твари выбегают на бетонку. Представляешь?

— И что же? — спросил, посмеиваясь, Олсуфьев.

— Целый взвод, а то и рота военной полиции ревностно бдит, чтоб ни единый крокодил на полосу не вылез. А также дикие свиньи. Те тоже страсть как мечтают столкнуться со «Спейс шаттлом». Мне ребята — ну, те, кто летает на «челноках», — рассказывали, что кабаны и крокодилы им в кошмарных снах снятся. Только нам, дорогие товарищи, это вовсе не угрожает, поскольку крокодилов у нас нету даже в «Красной книге». Был один-единственный, и того вконец замордовали, довели до полного распада психики и добровольного самоубийства на почве полного осознания своей никчемности в жизни общества.

«Ему бы во флоте служить, — подумал второй пилот. — Да и здесь, в космосе, такому балагуру цены нет. Особенно когда наша «Россия» расширится многократно и примет десятки космонавтов сразу».

— А это ты про кого? — спросил Олсуфьев, сообразив, что Валера незаметно перебрался на рельсы новой травли.

— Как про кого? — возмутился Валерий Бут. — Про зеленого змия!

— Так он же змий, а не крокодил!

— Не скажи, Федюня. Крокодил он был на самом деле, скрытый, правда, подпольный. Иначе б не бегал так быстро от властей и милиции, пока ему ослабленку давали. А вот про настоящую змею мне в Бразилии...

— Внимание! — сказал полковник Митрофанов. — К нам, кажется, гости...

Олсуфьев и Бут посмотрели в указанном направлении и увидели, как к ним слева, если считать направление от условного носа модуля «Россия», приближался космический корабль.

— Американцы, — осевшим почему-то голосом сказал Валерий Бут.

33

— Так, говоришь, заявление подал? — переспросил Василий Иванович Макаров.

— А чего вы удивляетесь? — пожал плечами замполит. — Сами ведь доказывали, что Пахомова можно спасти для флота, сердцевина, мол, в нем здоровая. Вот и получилось по-вашему, командир. Хотите с ним поговорить?

— Погоди, Андрей Максимович. Дай с мыслями собраться.

«Значит, дозрел парень, — подумал он. — Не зря мы с ним так возились».

Больше всех, конечно, с ним возился он, Макаров. Нравился ему чем-то этот лейтенант Пахомов, хоть и разгильдяй был из разгильдяев и при этом себе на уме: как бы схимичить какую для себя пользу. А началось все вскоре после того, как Пахомова зачислили на лодку. Уже через неделю он — лодка тогда стояла у пирса — явился к начальнику отдела кадров и попросил подыскать должность па берегу. «Конечно, чтоб оклад был приличный, — предупредил Пахомов, — и служба не суматошная. А на таком месте я хоть до пенсии стану служить. И мне толково, и вам хорошо: ведь вы тоже заинтересованы в постоянных кадрах».

Кадровик пристыдил его и выгнал, а вечером не поленился зайти к Макарову домой и рассказал о визите молодого лейтенанта.

— Нет, — горячился он, — вы только посмотрите, Василий Иванович, каков гусь-то?! Спокойную службу ему подавай! Тьфу!.. Может быть, уберу я его с лодки, как считаете? Отправлю на дальние посты, на мыс Поморский или в бухту Трех скелетов, пусть кейфует с белыми медведями....

Макаров от души посмеялся и успокоил кадровика.

— Бросьте, не берите в голову, — сказал он. — Он же вас попросту разыграл. Никогда не поверю, что лейтенант, едва вылупившись из училища, не рвется в океан. Пошутил парень.

Однако дело оказалось нешуточным. Довольно скоро стало заметно, что Сергей Пахомов систематически увиливает от службы, манкирует обязанностями и вовсе не жаждет овладеть новой штурманской техникой, навига-

ционными приборами, которыми обильно была оснащена подводная лодка. Недоумевающие взгляды офицеров, а затем и прямые замечания старших он попросту игнорировал, сверстников сторонился. Жизнь экипажа, да и сама служба его будто бы не касалась. На него посыпались взыскания. Когда же пришло время представлять его к званию «старший лейтенант», Макаров отказался подписать необходимые документы, вызвал Пахомова на беседу.

— Рука не поднимается подписывать на вас представление, лейтенант, — сказал капитан 1 ранга. — Плохой вы моряк, Пахомов, и не стремитесь, к сожалению, стать хорошим.

— Значит, плохо меня воспитываете, товарищ командир, — дерзко усмехнувшись, ответил молодой офицер.

— Возможно, — спокойно согласился командир. — Я пересмотрю свои педагогические позиции. А пока, в воспитательных целях конечно, оставлю вас в прежнем звании. Идите!

Пахомов ушел и тут же... написал письмо в «Комсомольскую правду». Меня, дескать, обошли с присвоением очередного звания, командир излишне придирчив, товарищи не понимают, на корабле обижают, не дают ходу, третируют всячески, а я ведь добрый и хороший человек, страдающий от вопиющей несправедливости... И все в таком же роде, до того жалостливо, что растрогал редакцию, паршивец, и «Комсомолка» срочно выслала в Гремяченск корреспондента, большого спеца по моральным проблемам.

— А мы сделаем просто, — сказал замполит Шиповский, когда его и Макарова вызвали в политотдел. — Соберем на лодке комсомольское собрание, пригласим товарища из «Комсомольской правды», пусть и скажут сами ребята, почему они «обижают» Пахомова. А для объективности собрание проведут одни комсомольцы. Ни меня, ни командира там не будет.

Так и порешили. Комсомольцы лодки обсудили письмо Пахомова в редакцию, крупно и нелицеприятно поговорили с ним. А потом единогласно... исключили лейтенанта из комсомола, оговорив в решении просьбу к командованию: не списывать Сергея на берег, дать возможность исправиться.

Атомоход стоял тогда в доке, экипаж жил в кубриках и каютах плавучей базы для атомных субмарин.

Когда Макаров узнал о решении комсомольцев, зашел

в каюту, в которой жил лейтенант Пахомов. Сергей лежал на койке, забросив ноги в ботинках на коечное ограждение. Увидев командира, резво вскочил, вытянулся, растерянно заморгал. Василию Ивановичу показалось, что парень вот-вот расплачется.

«Еще чего не хватало, — с некоторым смятением подумал он. — Растрясло, кажись, лейтенанта».

— Пойдем ко мне, — просто сказал Макаров и увел Пахомова в командирские апартаменты.

— Будем пить чай, — объявил капитан 1 ранга. — Великое это дело — чаепитие. Самая русская традиция. Жаль только, что самовар у меня электрический, а это уже имитация, подделка. Да если бы и натуральный был самовар, у нас с тобой сапога нет старого, чтоб голенищем огонь в самоваре раздувать. Не положены нам с тобой, Сережа, сапоги.

Он говорил с лейтенантом так, будто бы и не знал о случившемся. Пахомов и сам об этом подумал: «Во какое гадство получается! Я с командиром чаи гоняю, а меня коленкой под зад надо. Зайдет сейчас замполит, сообщит ему, и тогда каперанг мне ... коленкой».

Пахомов ерзал, ерзал на стуле, потом не выдержал.

— Вы знаете, товарищ командир, что меня... значит... того, — сказал он.

— Знаю, — спокойно ответил Макаров. — Ты давай еще стаканчик налей. И лимоннику пару ложек добавь. Это мне однокашник прислал, на Тихом океане служит.

Они пили чай и мирно говорили о жизни. Макаров расспрашивал Сергея о детстве, о матери, которая воспитывала его одна, о дедушке, известном подводнике, герое Великой Отечественной, о школе, в которой учился Пахомов. И конечно, толковали про общую для них альма-матер — училище подводного плавания, которое окончили в разные, правда, сроки.

— Когда я выпускался, плавали мы мало, — рассказывал Макаров, — все больше у баз своих толкались. А ведь мы, русские люди, исконные и прирожденные моряки. И Арктика кочам землепроходцев была нипочем, и к Антарктиде первыми в истории мореплавания пробились, и вокруг планеты под водой, подобно «Наутилусу» капитана Немо, прошли. Теперь никакие океаны нам не страшны.

Пахомов пил чай, помалкивал.

«Типичный случай, — подумал командир. — Один парнишка у любвеобильной мамы. И ее можно понять, толь-

ко не оправдать. Эгоцентризм, воспитанный матерью в ребенке, переоценка личности, неумение бороться с трудностями плюс болезненное самолюбие. Это вроде кори, ею должен, чтобы стать взрослым, переболеть каждый еще в раннем детстве. Беда в том, что сейчас повышается возрастной барьер этой болезни. А некоторые так и не становятся взрослыми, доживая до седых волос».

— Остаешься на лодке, — сказал Сергею командир на прощание. — С комсомолом — решать твоим товарищам, это их право. А мое — в том, чтобы тебе поверить, лейтенант. Хоть ты и разгильдяй, прости на резком слове, но доброе начало у тебя есть. Должно быть! Ведь унаследовал же ты что-то от деда, портрет которого висит в актовом зале училища!

...— А как ребята настроены? — спросил он сейчас замполита. — Вдруг откажут в доверии?

— Теперь, надеюсь, не откажут. Будете с ним говорить?

— Надо бы, — сказал Василий Иванович и с тоской посмотрел на письменный стол: собирался поработать над докладной запиской об использовании подводными лодками привязных и автономных аэростатов в качестве носителей средств радиосвязи и радиоразведки. — Ладно, — сказал он, махнув рукой: в конце концов, человеческая судьба выше любых математических расчетов. — Зови Пахомова.

«Как утверждал Лейбниц, нравственность важнее арифметики», — подумал Макаров.

Но разговору этому не суждено было состояться. По кораблю раздался звук колоколов громкого боя. Вслед за ними завыла пронзительная сирена.

Командир и замполит тревожно переглянулись.

Прямо перед письменным столом Макарова вспыхнул экран телесвязи с центральным постом субмарины. На нем возникло взволнованное лицо старшего помощника капитана 2 ранга Ростова.

— Товарищ командир! — крикнул старпом. — Поступил боевой приказ!

...С момента отдачи министром обороны США приказа о нанесении ядерного удара по СССР истекло двадцать минут...

— Что случилось, Рой? — ухмыляясь во весь экран, спросил Сэмюэль Питкин. — Ты стал большой шишкой, подсидев старика Уорднера? Пользуешься его личной связью.

«Ничего не знает?! — мелькнуло в сознании Монтгомери. — Но как же так? Ведь Сэм, как заместитель начальника РУМО, ведает зарубежной разведкой. Ему, как говорится, и карты в руки».

Дежурный генерал хорошо знал, что управление зарубежной разведки в составе РУМО делится еще на семь отделов: общего обеспечения, сбора и обработки разведывательных данных, оперативного планирования, оценок и анализа, руководства аппаратами военных атташе, научно-технической разведки... И вся эта армия высококвалифицированных разведчиков гнездилась в одном с Роем Монтгомери пятиугольном здании на берегу Потомака. Пять с лишним тысяч человек тратили более двухсот миллионов долларов.

Что и говорить, серьезная машина в руках Сэма Питкина, закадычного дружка Роя Монтгомери во времена Вест-Пойнта. И не может такого случиться, чтобы стратегически важная информация о коварном намерении русских застать Америку врасплох, нанести ядерный удар, не попала к Сэмюэлю Питкину. Да он первым должен был получить ее!

— Здравствуй, Сэм, — неловко улыбнувшись, сказал дежурный генерал. — Как поживаешь?

Питкин удивленно поднял брови. Звонить по суперзакрытой связи, пользоваться которой имеют право только члены Совета национальной безопасности, чтобы спросить о здоровье? Профессиональный разведчик, он нутром почуял: здесь что-то не так...

— Хорошо живу, — ответил он, пытливо всматриваясь в лицо Монтгомери на экране, — и у Мэри здоровье в полном порядке. Ты это тоже хотел узнать?

— Понимаешь... — сказал Рой и остановился.

«Я рискую, — подумал он. — Если Сэму ничего не известно, он просто обязан сообщить о том, что я скажу ему, своему шефу, а тот — заместителю Оскара Перри по разведке, а заместитель... Черт побери, опять все упирается в проклятого Пенсионера! Рискую... Но что такое риск для военного человека, если не разумные сами по себе действия, которые противоречат субординации и глу-

ности отдельных командиров? А сейчас такие глупости, если это не заговор вообще, погубят человечество. В конце концов, я скажу о своих сомнениях не первому встречному».

— Скажи, Сэм, что тебе известно о русских? — разом решившись, выпалил Монтгомери.

Питкин пожал плечами.

— А что я должен о них знать сверх того, что знаю? Там все тихо — с нашей точки зрения, разумеется. А вообще, русские, кажется, довольны: скоро не станет этого атомного дерьма. А вот ты, судя по физиономии, в некоем трауре. Жалеешь, что на бывшей твоей базе Мэситер начинается опытный демонтаж пусковых установок? Не горюй: еще останется достаточно ракет, чтобы стереть ими друг друга с лица Земли.

— В том-то и дело, Сэм! — вырвалось у Роя. — Я не имею права... Но ты должен знать: Перри отдал Hail — приказ!

Сэмюэль Питкин вздрогнул и быстро взглянул на часы.

— Когда? — отрывисто спросил он.

Рой в двух словах объяснил ситуацию, рассказал и про русские ракеты, которые, по словам министра обороны, направлены не для стыковки с новой орбитальной станцией, а в американские центры управления стратегическим оружием. И эта странная гибель двух разведчиков-сателлитов на орбите.

— Осталось тридцать девять минут, Сэм... Сделай что-нибудь! Может быть, про русских знают в ЦРУ? Или в...? Свяжись... Ведь ты это можешь. Президента и Дика Уорднера, кажется, нет больше в живых...

— Что ты мелешь! — воскликнул Питкин, приготовившийся уже подключиться к секретному каналу связи со службой национальной безопасности.

— Так сказал Оскар Перри. Их вертолет сбит. Погоди! — в ужасе воскликнул Рой Монтгомери. — Ты и этого не знаешь?!

35

Майор Шапошников принял боевое дежурство и отправил в Рубежанск освободившиеся смены. «Сегодня для всех будет трудный день, — подумал Сергей, заполняя на командном пункте журнал текущей обстановки,

куда заносились сведения о запланированных на время дежурства мероприятиях. — Скоро придет командир... Но здесь долго не задержится, отправится в позиционный район, на регламентную установку».

Об этом майор Шапошников тоже записал в журнал и спрятал его в сейф. Потом оглядел просторное и уютное помещение, в котором располагался командный пункт. Операторы сидели в удобных креслах, напоминавших гибрид самолетных сидений с креслами из парикмахерских. В поясе офицеры были прихвачены к сиденьям широкими ремнями — так полагалось по инструкции, на случай, если КП подвергается резкому и сильному толчку в результате близкого атомного взрыва.

Первым номером сейчас заступил старший лейтенант Иван Владыкин, а ему, так сказать, ассистировал молодой офицер, совсем еще «зеленый» лейтенант Федор Лаптев, который в прошлом году закончил военно-политическое училище, а потом сдал особый экзамен на право несения боевого дежурства. Лаптев и политработником был толковым, Шапошников особо Федора выпасал, имел на него виды. А пока Лаптев успешно осваивал сугубо ракетную службу, ведь в РВСН политработники наряду со строевыми офицерами несут самостоятельную боевую вахту. Вот и сам он, Шапошников, на вахте.

Операторы видели, что замполит собрался на поверхность, но виду не показали. Если что нужно — скажет...

Сергей еще раз огляделся, в который раз с удовлетворением отмечая удачную компоновку приборов и агрегатов жизнеобеспечения на КП этого ракетного комплекса. Когда он начинал службу, далеко не везде так заботились о том, в какой обстановке придется обитать операторам-ракетчикам все эти долгие часы боевого дежурства. А ведь часы складывались в сутки, недели, месяцы, годы службы. Как-то Шапошников подсчитал, сколько проводит в среднем офицер-ракетчик под землей за определенные ему законом сроки армейской службы. Получилось внушительно, и замполит не стал обнародовать расчеты в части. Зачем? Ребята и так знают, что жизнь у них вовсе не сахар. Но что делать... Кому-то надо брать на свои плечи эту тяжелейшую ответственность, подобной которой не было ни у кого в истории человечества.

«Поистине мы дошли до края, — подумал Сергей. — Ведь это надо же: от одного человека зависит судьба

мира! Какую нравственную силу надо иметь, чтобы жить просто, как все люди, и в то же время осознавать это...»

В последние годы конструкторы ракетных комплексов стали широко привлекать к оборудованию командных пунктов дизайнеров. Разрабатывались образцы мебели, которая принимала форму человеческого тела, подстраивалась к тому, кто ею пользовался. Под контролем корифеев инженерной психологии и эргономики проектировались панели и пульты управления. Опытные специалисты заботились о том, чтоб у операторов не возникало сенсорное голодание, а попросту говоря, не приедался интерьер КП. Уходили в прошлое серые бетонные стены, которые еще успел застать кое-где Шапошников.

Теперь в помещениях для отдыха на командных пунктах было изобилие цветов. Они не только утоляли эстетическое чувство, ослабляли постоянное напряжение, в котором находились офицеры, но и очищали воздух. Сам воздух, его состав, не только идеально дозировался, но и сдабривался соответствующими запахами. Простым поворотом тумблера можно было перенестись то в тайгу, то в степь поры весеннего цветения, то на морской берег. Иллюзии перемещения в пространстве способствовали большие цветные витрины со сменяемыми слайдами разнообразных пейзажей.

«Даже грустно как-то будет расставаться с этим,— усмехнулся замполит.— Когда нас совсем ликвидируют. Ничего, найдем технике хорошее применение в мирных целях. А ракетные шахты превратим в силосные ямы. Недаром ведь поначалу эти шахты американцы прозвали именно так—silo[1]. Сначала это был армейский сленг, а теперь официальный термин. Они и про нас так пишут: способ базирования «Громобоев» — in silos. В ямах, значит...»

— Пойду наверх, ребята,— буднично, домашним тоном сказал замполит.

Здесь, под многометровой толщей земли и горной породы, казенный тон как-то не вязался с обстановкой.

Иван Владыкин кивнул, а Федя Лаптев улыбнулся наставнику и сказал:

— Передайте привет солнышку, товарищ майор.

— Передам,— серьезно пообещал замполит и вышел в соседнее помещение с агрегатами жизнеобеспечения. Здесь же находился и отсек, куда прибывала с нулевой

---

[1] На английском языке «сайло» — «силос»

отметки кабина лифта. Внизу кабины не было. Ее оставила на нулевке отдежурившая смена. Майор вызвал лифт и, пока тот спускался, подумал о том, что надо заглянуть в караульный отсек, где так же, как и здесь, заступила на вахту еще одна пара воинов — сержант Сергей Шиповский и рядовой Аполлон Гуков. С этим Аполлоном выдались у замполита свои трудности. Когда солдат прибыл в часть, над ним начались подначки, связанные с его божественным именем. Ребята в ракетных войсках грамотные, без среднего образования нет никого, а иные из вузов, по два-три курса закончили, знают, что Аполлон был красавцем в олимпийском масштабе, а вот тезка его, прямо скажем, с внешностью подкачал.

Долго ломал голову Шапошников: как тут быть? Не будешь же объяснять каждому, что хоть и архаичное, но вполне русское имя, в святцы занесено. Прежде довольно часто родители называли так младенцев. Потом осенило замполита. Пришел он в библиотеку Дома офицеров, поговорил с тамошними женщинами, Светлану свою подключил и организовал в части литературный вечер, посвященный творчеству известного русского поэта Аполлона Григорьева.

Никто так и не узнал о тайных причинах, побудивших Сергея Николаевича выбрать именно этого поэта. Только насмешки над доморощенным Аполлоном прекратились и возникло побочное явление: парни увлеклись поэзией, пришлось создавать при клубе части литературное объединение «Старт».

...Лифт медленно поднимался к нулевой отметке и вскоре застыл напротив переходного шлюза. Шапошников миновал все герметические защитные двери, которые изолировали собственную атмосферу командного пункта от внешнего мира, и размеренным шагом направился подземным коридором к основному сооружению комплекса, находящемуся на поверхности. Там были кабинеты его и командира, ленинская комната, столовая, бытовые помещения и медицинский отсек.

Настроение у Сергея было приподнятое, он двигался, как и привык на дежурстве, размеренным шагом и вполголоса напевал:

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
Про войну будут детские игры с названьями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов...

Последние две строчки майор пропел дважды и подумал, что именно эту песню споет он под гитару, когда закончит беседу на тему: «Американцы... Какие они?»

Это его музыкальное сопровождение, которым замполит иногда оживлял беседы, не находило порой понимания у начальства. Оно видело в том, что политработник поет и играет на гитаре, некое уклонение от канонов, подрыв авторитета и самого офицера, и проводимого мероприятия.

В свое время поддержали было Шапошникова в академии, где он стал душою факультета и секретарем партбюро. Но и здесь не рискнули рекомендовать его опыт для распространения в войсках. Правда, в резонах их была своя логика: где наберешься замполитов, которые бы так сердечно, едва ли не профессионально, пели и на гитаре играли? Сам Шапошников пылко утверждал: чтобы быть хорошим армейским политработником, нужно особое призвание, и людей с этим призванием следует еще в школе нащупывать среди парнишек. Но эти доводы сочли утопичными.

Теперь ему препятствий не чинили, хотя нынешний начальник политотдела неопределенно хмыкал, когда видел, как после беседы о международном положении майор Шапошников перебирал струны, исполняя перед восторженной аудиторией песни протеста Дина Рида, Ганса Вальдорфа или Себастьяна Рикардо. Не укладывался в привычном ряду представлений такой необычный замполит, не было полочки, на которую можно было поместить Сергея.

...До выхода на поверхность майор Шапошников не дошел пятидесяти шагов. В этом месте коридор расширялся, образуя помещение, в котором стояли походные койки с матрасами, застеленные солдатскими серыми одеялами. На прошлой неделе в полку проводились учения по развертыванию подземного лазарета, и вот койки до сих пор не убрали. Сейчас он поднимется наверх и сделает замечание доктору — Гаенкова приедет вместе с командиром.

Замполит остановился, помедлил чуть-чуть и решительно свернул направо, туда, где располагался караульный пост.

— Как там ваши «синие волки»? — спросил Энтони Свейн, босс-координатор Юго-Запада, взглянув на экран с изображением Уильяма Годфри, который отвечал за связь с вооруженными силами страны и ведал разведкой.

— Это люди Эдгара, — буркнул в ответ Годфри.

— Но разве не вы лично отвечаете перед комитетом за проведение операции «Миннесота»? — поддержал Свейна Чарльз Маккарти.

— Я осуществляю общее руководство, — отозвался Годфри, — а на том отрезке дежурят люди Эдгара Гэйвина. Вам, Чарли, не надо напоминать, что штат Северная Каролина входит в его зону.

— Джентльмены! — вернул к деловому тону сообщников Патрик Холл, председатель комитета. — Что там у вас, Эдди?

— «Синие волки» вышли на объект, — сказал Гэйвин.

— Об этом мы уже слышали. Что же дальше?

— Минутку, джентльмены...

Юго-восточный босс приподнял голову и стал смотреть поверх экрана, который передавал его изображение. Там, за пределами видимости, находился помощник Гэйвина, который, судя по всему, поддерживал прямую связь с «синими волками».

Остальные члены Комитета терпеливо ждали новостей. Каждый из этих семерых начинал уже испытывать некое беспокойство от того, что так великолепно разработанный и успешно начавший осуществляться план действий, имевший целью раз и навсегда покончить с хаосом и беспорядком в Прекрасной Америке, этот план стал пробуксовывать.

«Легенда», изящно сочиненная Патриком Холлом и его людьми в ЦРУ, сработала так, что лучше не надо. Министр обороны поверил в бред о русских ракетах, летящих на Америку. Поверил потому, что Оскару Перри намекнули, откуда дует ветер, и ему просто необходимо принять дезинформацию ЦРУ за чистую монету. Ведь Комитет семи знал, что Брейв Оси — человек ВПК, но сейчас работал с ним втемную. Так было надежнее. И давало хорошую возможность остаться в стороне, свалить все на простака Перри в случае неудачи...

Но главным, неопровержимым аргументом для министра обороны было уничтожение двух разведывательных

спутников, висевших на геостационарных орбитах вблизи западной и восточной границ Советского Союза. Когда русские объявили весь космос над их территорией суверенным пространством, что в свою очередь привело к провалу самой идеи СОИ, Соединенные Штаты все-таки разместили несколько наблюдателей-шпионов на высоте тридцать шесть тысяч километров над нейтральным океаном, надеясь хоть «заглянуть» с этой высоты вовнутрь пространства СССР. И когда задумывался дьявольский проект «Миннесота», было решено собственными руками сбить парочку «спейс спаев» — космических шпионов. Люди Комитета семи в ВВС подняли в воздух самолеты, вооруженные ракетами «Киллер». Они довели этих «убийц» до высоты семьдесят тысяч футов и запустили их в самостоятельный полет...

Оскар Перри даже не пытался выяснить, кто уничтожил спутники. Достоверность же информации об их гибели была стопроцентной...

Сейчас проходил оптимальный вариант плана «Миннесота» с минимальными потерями. Но в любом случае успех заговора гарантирован только тогда, если покушение на Президента пройдет успешно. Но Президент все еще жив, черт бы его побрал, этого миннесотского адвокатишку! Ведь давным-давно стало политической аксиомой: Белый дом не место для интеллектуалов. Не случайно все, кто боролся с паршивыми либералами, тянувшими Америку в болото всепрощенчества и слюнтяйства, написали на своих знаменах слова Старого Солдата номер один, славного Айка Эйзенхауэра: «Интеллигент — это человек, которому требуется больше слов, чем необходимо, чтобы рассказать, что он знает».

Да, болтать эти «длинноволосые» доброхоты за чужой, настоящих американцев, счет умеют ох как здорово. И этот новый хозяин Белого дома взял избирателей болтовней, заставил теперь их, людей дела, спасать Америку.

Враги американских интеллектуалов, члены комитета не были вовсе пещерными людьми в смысле умственных способностей и образования. Тот же Галпер считался способным журналистом и был также писателем-фантастом, выпустил с полдюжины сборников рассказов и нашумевший даже остросюжетный роман «Око Персея» о нашествии инопланетян, читай — «красных», и порабощении ими Соединенных Штатов. Да и остальные получили приличествующее их социальному положению образование. Их нельзя даже сравнивать с сенатором Мак-

карти, хулиганом, сквернословом и стойким потребителем алкоголя, от которого он в конце концов и погиб.

Дело было вовсе в другом. Интеллектуалы в представлении членов комитета и их многочисленных сторонников, рекрутируемых из среды правых радикалов, олицетворяли собой ненавистных им сердобольных либералов, которые ратовали за социальные программы помощи тем, кто находился за пределами среднего общества. «Они плодят в Америке лодырей, бездельников, которые погубят страну» — вот главное обвинение, которое выдвигали правые радикалы, экстремистское крыло которых и превратилось в тайную организацию, затеявшую заговор с целью захвата власти.

Комитет семи сформировался и перешел к активным действиям как выразитель воли нового, относительно молодого еще и потому более нетерпеливого, агрессивного капитала, который сложился во время и после второй мировой войны. Этот военно-промышленный комплекс быстро продвинулся вперед на гребне научно-технической революции и жаждал сбить с передовых позиций традиционные буржуазные династии Рокфеллеров, Морганов, Дюпонов... Хантеры из Техаса, Армстронги из Чикаго, Дэйвины из Сиэтла, Лазарусы из Лос-Анджелеса, а также семейные кланы, которые представляли в комитете зональные боссы-координаторы Свейн и Маккарти, Гэйвин и Розенфельд, считали несправедливым сложившееся положение и требовали иного дележа яблочного пирога, который назывался Америкой.

В то же время новый капитал не рискнул пойти в свой «последний и решительный», как любил острить циник Галпер, не заручившись, пусть и пассивной, поддержкой уолл-стритовских акул, занявших выжидательную позицию. Правда, их и не посвящали в основную суть проекта «Миннесота».

Члены комитета людьми были разными. По происхождению и личным качествам. Но их объединяла лютая, фанатическая ненависть к Советской России и к ее политике мира. Общим лозунгом комитета стал первый параграф устава морской пехоты США: «Помни! Ты должен не только победить противника, но и убить его!»

Выслушав доклад невидимого помощника, Эдгар Гэйвин повернулся к камере, которая передавала его изображение остальным.

— Все в порядке, джентльмены, — сказал он. — Объект в руках «синих волков», теперь никуда от нас не денется...

— Так кончайте с ним поскорее, Гэйвин! — вскричал Чарльз Маккарти.

В отличие от большинства американцев ирландского происхождения, Чарльз не был католиком, а принадлежал к евангелической церкви, отличающейся ярко выраженными настроениями апокалиптического толка. Маккарти был искренне верующим человеком, признающим христианские догматы, предписывающие миролюбие, непротивление злу насилием, любовь к ближнему, осуждал ненависть и убийство. Но в то же время он считал главным долгом любого христианина борьбу со вселенским злом и с его воплощением — дьяволом. Но это исчадие ада всегда вселяется в других людей, которых делает сосудом зла и всяческих бед для верных слуг господа. «Значит, — убеждал себя Чарльз, — борясь против таких людей, которыми овладел дьявол, мы совершаем богоугодное, святое дело. И вообще, сам принцип любви к ближнему, ненасилия распространяется только на людей своей веры. А какая любовь может быть по отношению к кремлевским слугам сатаны?»

— Видите ли, Чарли, — пояснил Эдгар Гэйвин, — «синие волки» не имеют инструкций на проведение акции. Их задача — не дать объекту выйти на связь с кем-либо, блокировать его. Это они уже сделали.

— Спасибо, Гэйвин, — подал голос генерал Холл.

Маккарти выругался.

— Нет ли у вас кого, кто доделал бы остальное? — спросил он.

— Есть, — ответил Уильям Годфри. — И нами уже отданы соответствующие распоряжения.

Выругавшись и облегчив тем душу, Маккарти посмотрел на портрет покойного сенатора Маккарти, висевший в кабинете его подземного бункера. Северо-западный босс не был родственником печально известного организатора расследований антиамериканской деятельности, но, когда его спрашивали об этом, он загадочно, с нарочитой скромностью отвечал:

— Мы с ним из одного клана...

Это можно было понимать как угодно, но культ Джозефа Маккарти его однофамилец поддерживал неукоснительно. Он любил рассказывать о подвигах Маккарти, о том, как на митинге в защиту генерала Макартура, от-

ставленного Трумэном за своеволие в Корее, сенатор объявил, что президент окружен прихвостнями, «опившимися виски и ликерами», развернул против них боевые действия, не пренебрегая и кулачной расправой. О том, что Джозеф Маккарти в 1950 году, перед тем как начать «крестовый поход» против «яйцеголовых профессоров, продавшихся коммунистам», по оценке опрошенных в Вашингтоне журналистов, занимал первое место как «самый плохой сенатор», о том, что он восторгался Гитлером и штудировал «Майн кампф», а «боевое ранение» получил, сломав ногу при падении с трапа во время попойки на военном транспорте, — обо всем этом Чарльз Маккарти предпочитал помалкивать.

Зато с удовольствием цитировал его знаменитое выступление в клубе домохозяек в Уилинге, заштатном городишке Западной Виргинии, речь, которая сделала сенатора самым популярным человеком в Америке: «Хотя у меня нет времени, чтобы перечислять всех сотрудников государственного департамента, известных как члены коммунистической партии и участники шпионской организации, у меня в руках список, в нем числятся 205 человек, известных государственному секретарю членов коммунистической партии, которые все еще работают и определяют политику государственного департамента».

Когда Чарльз Маккарти спросил Гэйвина и Годфри, есть ли у них кому доделать все остальное, ответа услышать ему не было суждено. Все шесть экранов, на которых Маккарти видел остальных членов комитета, разом вдруг погасли.

— В чем дело, Эйб? — рявкнул босс.

— Минутку терпения, сэр...

Личный секретарь и ближайший помощник Чарльза Маккарти поднялся из-за стола, установленного справа от экранов видеофона, и направился к панели управления, которая находилась за спиною шефа. Не доходя до панели, он развернулся лицом к Маккарти, отступил на два шага назад, неторопливо закладывая правую руку под левую полу пиджака.

— Долго я буду...

Босс Северо-Запада стал поворачиваться вместе с креслом, но договорить не успел. Секретарь выхватил пистолет с глушителем и мгновенно выстрелил Маккарти в голову...

37

Дирижабль «Дельфин» со скоростью пятьсот километров в час мчался в восточном направлении.

Генерал Михайлов посмотрел на часы. Тридцать минут назад те штабы, с которыми он отрабатывает сегодня комплексную тренировку, были приведены в установленную готовность. Начальник боевого расчета воздушного командного пункта — ВКП — уже доложил ему, что связь с участниками тренировки установлена.

«До появления «Скелета» еще пятнадцать минут, — прикинул Михайлов. — Надо обойти посты, и к Гусеву успею заглянуть...»

Он поднялся из кресла, кивнул своему заместителю полковнику Лопусову: гляди, дескать, тут, — и вышел из салона, который и был командным пунктом.

Сразу за переборкой располагался отсек операторов. Все видели, как генерал появился в отсеке, но никто, как говорится, и ухом не повел. По инструкции операторам разрешалось не реагировать на появление начальства по-уставному: вставать, принимать положение «смирно», докладывать... Каждый из них занимался своим делом, они только боковым зрением следили за тем, как Виталий Дмитриевич прошел их отсек-зал и скрылся в противоположных дверях.

За ними был просторный холл с мягкими креслами, цветным телевизором, экраном для демонстрации кинофильмов, аквариумами с золотыми рыбками вдоль переборок. Отсюда можно было выйти на прогулочную веранду, она располагалась ниже, или подняться по винтовой лестнице на второй этаж, где имелись каюты для экипажа и офицеров, камбуз и кают-компания: на «Дельфине» была в обиходе морская терминология.

Генерал Михайлов пересек холл и открыл дверь в отделение связистов, которые еще раз тщательно проверяли надежность связи со штабами, разбросанными по огромной территории.

Еще немного — и Виталий Дмитриевич в кабине экипажа.

— Летим, Виктор Леонидович? — спросил генерал у полковника Гусева.

— Летим, — в тон ответил командир дирижабля. — А что делать? Надо... Вот и летим.

— Да уж, — сказал Михайлов. — Скоро начнем... Значит, как условлено: два часа идешь на восток, потом при-

вяжешься к Хуртамышу, сделаешь над ним кружочек. Этак примерно с час полетаем — и сразу на обратный курс. Улавливаешь?

— Уже уловил, товарищ генерал-майор, — улыбнулся Гусев. — Сделаю все по науке, как учили...

— Тогда ладненько, — удовлетворенно кивнул Виталий Дмитриевич. — Давай полный вперед, а я буду командовать землею.

Ровно в назначенное время к ракетчикам, участвующим в тренировке, пришел учебный сигнал «Скелет». Согласно замыслу тренировки он означал, что отрабатывается сложная ситуация начального периода войны.

Операторы, каждый из которых отвечал за отдельное подразделение, в спешном порядке — хоть и учебная, а война! — уточняли обстановку. При этом предполагалось, что основные наземные пункты управления могут быть выведены из строя. Для того и существовал их «Дельфин», чтоб взять командование на себя.

Когда сведения были собраны и обобщены на центральной бортовой вычислительной машине, Виталий Дмитриевич определил порядок дальнейших действий.

А обстановка все усложнялась. Операторы работали в напряженном ритме. Доклады следовали один за другим. И вот уже взлетают ракеты — тоже условно, в сознании операторов «Дельфина», офицеров штабов, которые докладывают сейчас генералу Михайлову о результатах пуска. И на бумаге, конечно, для последующего разбора военной игры.

«Молодцы, — подумал Виталий Дмитриевич о своих людях, — крепко держат связь».

Он принимал донесения операторов о состоянии боеспособности войск, а сам пил вкусный, крепко заваренный чай, куда, зная его слабость, полковник Лопусов добавил «золотого корня» — ведь Михайлов служил в тех краях, где растет эта целебная Радиола розовая. Самые лучшие годы службы Михайлов провел в Каменогорске. Он был заядлым охотником и рыболовом, а в тех божественных местах и дичи было еще много, и в реках водились таймени, ленки, хариусы, не говоря уже о фантастических размеров карасях, которые так хороши поджаренные в сметане.

«Обед, что ли, скоро? — подумал Михайлов. — Иначе чего б это я о карасях завспоминал...»

Генерал встал из-за пульта управления и подошел к голографическому изображению полушарий Земли, запе-

чатленных так, как если бы Михайлов смотрел на планету из иллюминатора космического корабля типа «Буран». Эти транспортные лайнеры теперь регулярно взлетали в космос и возвращались обратно с посадкой на воду больших озер или в степях Казахстана — разные были варианты.

Виталий Дмитриевич смотрел на Евразийский материк, размахнувшийся больше чем на все Восточное полушарие — Чукотка выползала за 180-й меридиан и лежала в западной долготе, — и думал о разнице во времени полета ракет, запущенных из точек с такими разными географическими координатами.

«Помешался я на этих взаимодействиях, — полушутливо-полусерьезно подумал о себе генерал. — Может быть, анахронизм уже все то, над чем сам ломаю голову и профессорам в академии мозги морочу?»

«Может, скоро ты вообще никому не будешь нужен, генерал-ракетчик, — подначил Михайлова внутренний голос. — Время такое... Ко всеобщему разоружению идем».

«Не пропаду, — возразил Виталий Дмитриевич. — Чай, больше четверти века честно служил Родине. Право на пенсию заработал...»

«И такой бугай будет «козла» во дворе забивать... Или малину на даче выращивать?..»

«Дачи у меня нет, — обиделся Михайлов. — Да и я ведь по натуре лесной человек... Вот выйду в отставку — тогда и поеду в Каменогорск, поступлю лесником на таежный кордон. Там, кстати, сейчас заповедник на реке Шамаре завели. Вот и буду охранять природу, зверье всякое от недобрых людей. Самое занятие для стратегического ракетчика».

«Мария Степановна из Москвы за тобой не поедет», — не унимался голос.

«Пусть остается... Письма будем друг другу писать, в гости ездить... Впрочем, как это не поедет?! Да она всю жизнь за мной, как нитка за иголкой! Ишь ты — не поедет...»

Генерал Михайлов громко рассмеялся: надо же, так увлекся спором с самим собой...

«Не рано ли ты о лесной жизни размечтался? — насмешливо спросил себя Виталий Дмитриевич. — Не так-то просто Западу преодолеть стереотипы старого мышления... За океаном уже в декабре восемьдесят седьмого, еще чернила на Договоре РСД-РМД не высохли, принялись вовсю шуметь о необходимости компенсации. Ульт-

раконсерваторы на все голоса завопили о новом Мюнхене, поражении, которое якобы потерпела администрация Белого дома. И вообще, антисоветизм, как систему негативных представлений о России и ее народах, никто не отменял, гигантский пропагандистский механизм внедрения в массовое сознание тех же американцев образа врага сохранился почти в том же виде».

Генерал Михайлов вздохнул. Он вспомнил, что при хваленой на все лады западной «гласности» широкие круги американской общественности так и не узнали, что ракеты «Першинг-2», размещенные на территории ФРГ, были нацелены на Москву. Правда, сообщение об этом проскользнуло в «Дифенс электроник», но кто читает этот технический журнал, предназначенный только для специалистов в области вооружения?

«Так-то вот, — сказал себе Виталий Дмитриевич, — с амплуа лесника-анахорета придется погодить, генерал...»

Он повернулся к полковнику Лопусову и хотел его о чем-то спросить, но низкий зуммер, зазвучавший в динамике, заставил генерала броситься к пульту управления.

— Слушаю! — хриплым голосом сказал Виталий Дмитриевич. — Генерал Михайлов!

Их вызывал на связь один из наземных пунктов управления.

«Батюшки! — мысленно ахнул полковник Лопусов.— Не напортачили мы чего с игрой?»

— Да! Так точно! Есть! — отрывисто отвечал Михайлов и сразу сообщил по внутренней связи: — Второй — «Игрек»! Второй — «Игрек»! Как поняли?

— Я — Второй, — отозвался полковник Гусев. — Вас понял. «Игрек»!

Не дожидаясь команды генерала, полковник Лопусов схватил микрофон.

Он хорошо знал, что такое «Игрек»...

— Всем постам! — крикнул Лопусов. — Боевая тревога! Боевая тревога!

Командир «Дельфина» получил боевой приказ, по которому он, полковник Гусев, должен был лечь на новый курс. Так предписывалось на случай возникновения чрезвычайного положения.

Оно наступило.

38

— Пароль? — спросили из-за бронированной двери через микрофон.

Майор Шапошников ответил, за дверью помедлили, потом раздался щелчок автоматического замка, и дверь стала отворяться, пропуская замполита в помещение караула.

Встретил его тезка поэта Григорьева, рядовой Гуков. Вытянулся, кинул руку к пилотке:

— Товарищ майор! Караульный поста номер...

— Вольно, — сказал Шапошников. — А где сержант?

— Завтрак готовит, — кивнул Аполлон в сторону бытовой комнаты, которая служила для караульных еще и кухней.

Оттуда уже появился Сергей Шиповский, принялся было докладывать, но Шапошников и ему махнул: отставить, дескать...

— Как с продуктами? Строго по рациону? Или чего недодали? — спросил майор.

— Полный порядок, — ответил старший наряда. — Всего хватает, даже остается после дежурства.

— А остатки куда? — спросил замполит, улыбаясь.

— Остатки доедаем, товарищ майор, — подхватив старую байку, ответил Шиповский.

Все трое рассмеялись.

— Как обстановка? — поинтересовался Сергей Николаевич, поднимаясь по металлическому трапу в сторожевую башенку, которая венчала караулку, придавая ей снаружи обличье небольшой часовни.

Сергей Шапошников покрутился наверху вместе с башней, оглядел подходы через прицел пулемета (внизу во все стороны света были еще и бойницы для стрельбы из автоматов), примерился, удобно ли вести огонь, проверил ориентиры, вздохнул. Пора уже побывать на стрельбище и дать там себе полную нагрузку: пострелять из пистолета, автомата, пулемета, да и гранаты давно не бросал.

Он спустился к ребятам, спросил сержанта Шиповского:

— Что из дома пишут?

— Мать сообщает: Ленка, сестренка, школу с золотой медалью закончила. Будет в университет поступать.

— Молодец! Поздравляю. А родитель?

— Он в море сейчас, товарищ майор.
— Погоди, ведь отец у тебя политработник, кажется?
— Так точно! Замполит на подводной лодке «Сибирский комсомолец».
— А ты знаешь, что там командиром старший брат нашего командира?
— Конечно, знаю. Мне отец сразу сообщил, как только я написал домой, что у нас майор Макаров главный...
— Что же ты молчал?
Сержант смутился:
— Не хотел... ну, чтоб подумали... разное там...
— Чудак-человек! Хотя за скромность хвалю. Просто подумал сейчас, что, знай я об этом раньше, мы б твоего батю к нам в часть пригласили, именно как комиссара с лодки. Улавливаешь?
— Так точно! — ответил Сергей.
— И вы бы повидались. Хотя в отпуске ты ведь уже был.
— Я домой приехал, а отец неделей раньше ушел в океан.
— Вот видишь! Ну да ладно, осенью встретитесь. Пойду я... Вопросы есть?
Аполлон Гуков кашлянул.
— Давай, сынок, не стесняйся, — поощрил его замполит.
Слово «сынок» в Ракетных войсках давно уже с легкой руки Главкома стало формой неофициального обращения офицеров и прапорщиков к солдатам, даже если последние были на три-четыре года младше «папаш».
— Есенина читаю, товарищ майор, — немного запинаясь, сообщил Гуков. — Хорошие у него стихи. И хотел вот спросить... Как вы думаете...
— Так о чем же ты хотел меня спросить? Я ведь тоже люблю Есенина, — сказал замполит.
— Я вот о чем, — решительно заявил Аполлон. — Есенин обязательно пошел бы в космонавты. Если б жил вместе с нами. Уверен!
— Ну, ты даешь! — закрутил головой сержант.
— Почему ты решил? — улыбнулся Шапошников.
— Ну как же, товарищ майор! Помните его строчку: «проскакал на розовом коне...» Ведь это же образ нашей ракеты! Метафора, значит, поэтическая... А верхом на ракете — это и есть космонавт. Разве не так? И вообще, стихи у Есенина запредельны. В смысле — мало им

места на земле. Так и рвутся они в иные галактики. А вот Шиповский со мной спорит. Говорит, что Есенин самый земной человек на планете...

— И человеческий еще, — добавил сержант.

— Вы оба правы, друзья, — растроганно сказал замполит. — Сергей Есенин и то, и другое. В том-то и гений его. В соединении земного и небесного, космического, если хотите, начала. У меня есть книги о его творчестве. После дежурства принесу в казарму, полюбопытствуйте. А лучше просто стихи его читать. Большего, что в них есть, все равно никому не удастся о поэте сказать. Но книги все-таки принесу.

— Спасибо, товарищ майор, — в один голос ответили сержант Шиповский и Аполлон Гуков.

«Выходит так, что беседа о творчестве Аполлона Григорьева дала и побочный эффект, — думал замполит, шагая от караульного поста по подземному коридору. — Тезка-то его поэзией увлекся. Ему б достать самого Григорьева стихи, да где там! Нашей библиотеке пришлось для того вечера из Каменогорска выписывать. Мало издают у нас поэтов прошлого века, тех, кто, как говорится, из второго эшелона. Но разве можно обеднять представление о золотом веке русской литературы двумя-тремя именами классиков, которых проходят в школе по обязательной программе? В Воениздат, что ли, написать? Нет, откажут, не нашего, ответят, профиля эти поэты. Будто военным людям только и читать, что про армию да солдатскую жизнь».

Он вспомнил разговор об отце Сергея Шиповского и снова пожалел, что не успеет пригласить его в Рубежанск. Вот это была бы встреча! Если бы морской комиссар еще и пару ракетчиков с субмарины прихватил. От таких вот приездов родителей великая польза. Не то что ставшие модными кавалерийские налеты папаш, а особенно мамаш, в день принятия их чадами военной присяги.

Не нравилась Сергею Шапошникову эта неведомо как возникшая традиция. Не успел парень курс молодого бойца пройти, он и не солдат еще, присягу-то не принял, и вот едут со всех концов страны родители в часть. Поднимает ли это значение *самой* присяги? Вовсе нет. А командирам, коим сейчас-то и заниматься молодыми бойцами, всяческие хлопоты от многочисленных гостей. И парни ведь совсем недавно из дому. Мама с гостинцами — это хорошо, но ее визит отбрасывает молодого пар-

ня в безмятежное, привольное житье на гражданке, где никто ему был не указ. Да и не ко всем могут приехать — значит, кому-то тошно от наплыва чужих родителей. Уже изъян для армейской службы, где среди сверстников полагается быть абсолютному равенству.

А наше телевидение, вместо того чтобы по-умному разъяснять это в передаче «Служу Советскому Союзу», всячески рекламирует приезды мамаш и папаш, показывает на экранах на площади военного городка толпу родителей, которых больше, нежели молодых солдат, принимающих присягу.

«Почему они с нами не советуются, эти люди с телевидения?» — задал риторический вопрос замполит.

Мысли о присяге вызвали у него из памяти утренний разговор с высоким начальством по поводу письма начальнику Главпура. «Сегодня хотят беседовать с коммунистами, — подумал Сергей, — а я на боевом дежурстве. Ну да ладно, командир там будет, разъяснит нашу принципиальную позицию. Макарова количеством звезд на беспросветных погонах не смутишь».

...Первыми, кого Шапошников встретил, оказавшись в надземном сооружении, были подполковник Вологодский и майор Ислам Казиев, заместитель командира ракетной части. «Ну, с Иваном Петровичем все ясно, на его плечах инженерное хозяйство. А чего здесь делает Казиев, которому давно пора отдыхать после боевого дежурства?»

— Командира ждал, понимаешь, Сергей Николаевич, — несколько смущенно объяснил майор. — Хочу попросить его, чтоб разрешил мне остаться.

— Зачем ты тут нужен? — возразил замполит. — Твое время истекло, ты на законном отдыхе. Что тебе положено на данном отрезке времени?

— Сеньор! — смешно изменив голос, забасил Вологодский. — Лягим у койку...

— Вот-вот! Что мы тут, не справимся без тебя? Обижаешь, начальник...

— Да я не в том смысле! — загорячился Казиев. — Такие события, понимаешь, назревают, а мимо меня пройдут!

— Ты чудак, дорогой, — вмешался в разговор Вологодский. — Никогда расстыковки боеголовки не видел?

— Почему не видел? Сто раз, тысячу раз видел! Но тут символ особый! Может, именно с нашей части вечный мир наступит! Понимаешь, после расстыковки нач-

нется первый в истории демонтаж МКР... Как такое пропустишь?!

— Тогда другое дело, — улыбнулся Шапошников.— Прости, не понял твоего порыва, Ислам. Оставайся, конечно... Вон, кстати, и командир приехал. Пошли встречать.

— Ты один, Юрий Иванович? — спросил замполит Макарова, выбравшегося из «уазика».

— Как видишь... Хотя нет, со мной Зоя Федоровна приехала. Ты это хотел узнать?

Гаенкова замешкалась у машины, выгружая вместе с Альбертом Пулатовым пакеты с медикаментами.

— Здравствуйте, Зоя Федоровна, — сказал Шапошников. — Вам помочь?

— Спасибо, товарищ майор... Мы с Аликом управимся.

Старший лейтенант медицинской службы благодарно, но с неуловимым, тонким кокетством улыбнулась замполиту и, грациозно изогнувшись, прошла мимо посторонившихся мужчин.

Сергей проводил ее взглядом и вздохнул.

— Ты чего это? — пристально посмотрел на него Макаров.

— Где мои семнадцать лет? — спросил Шапошников и тут же ответил: — На Большом Каретном! А я думал, что высокие гости к нам приедут на расстыковку и демонтаж. Ведь какое событие! Первая тренировка перед будущим разоружением. Вон Казиев, так тот даже спать отказывается: хочу, говорит, лично присутствовать.

— Они поедут в часть полковника Лебедева, к зачинателям почина, в отличное подразделение.

— А мы разве не отличники?! — возмутился замполит.

— Мы, так сказать, просто хорошие. А те с почином еще, про них «Красная звезда» писала, и даже заметили в газете для соотечественников, которые за рубежом. У наших соседей популярность планетарного масштаба. Да чего ты переживаешь, комиссар? Знаешь ведь, что без генералов спокойнее.

— Так-то оно так. А может быть, мне тоже хочется того же самого... В планетарном масштабе, — засмеялся Сергей.

— Будешь еще и в международном, и даже в галактическом. Где наши друзья из инженерной службы, Иван Петрович?

— Они в коттедже дежурных операторов, Юрий Иванович, — ответил Вологодский.

— Приглашайте их в мой кабинет. А ты, комиссар, пойдем со мной. Сейчас еще раз обсудим порядок проведения работ.

Проходя мимо заместителя, Макаров пожал майору Казиеву руку — не виделись сегодня.

— Так я останусь, командир? — спросил Казиев.

— Оставайтесь, — просто сказал Макаров.

В кабинет они вошли с Сергеем Шапошниковым вдвоем.

— Как тебе утренний «ковер-плац»? — спросил Сергей командира.

— Это была разминка. Главный «ковер» предстоит вечером, на партийном собрании, — отозвался Макаров.

— «Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги, — значит, скоро и нам — уходить и прощаться без слов. По нехоженым тропам протопали лошади, лошади, неизвестно к какому концу унося седоков», — пропел вдруг замполит.

— Чего это ты такой, мягко говоря, веселый? — спросил Юрий у Сергея, улыбнувшись. — Чему радуешься, комиссар?

— Как же мне не радоваться, командир! — отозвался Шапошников. — Какие события назревают! Подпишем в США договор, снова сокращаться будем. Авось доживу до того дня, когда последнюю ракету разоружим...

39

Ричард Тейлор, он же мистер Сэмпсон, мчался в автомобиле, который вел высокий седой негр в форме уорент-офицера авиации, по Первой федеральной дороге.

Время было позднее, и машин на шоссе стало гораздо меньше, нежели тогда, когда они выехали из Ричмонда. Во Фредериксбург, который стоял на половине пути до Вашингтона, они приехали уже ночью. Здесь молчаливый водитель затормозил у бензоколонки, стоявшей на выезде из города, протянул полковнику ключи и показал на «форд» той же самой марки, на котором ехали они.

Тейлор кивком поблагодарил уорент-офицера и пересел в автомобиль. Теперь он поведет машину сам.

Ему предстояло пересечь территорию трех графств и через Лесной Мост, Александрию въехать в столицу Сое-

диненных Штатов с южного, «нижнего», конца ромба, который образовывали границы федерального округа.

Ричард Тейлор въехал в Александрию по Джефферсон Дэйвис хайвею, в который перешла дорога номер один в районе аэропорта Бикон Филд. Оставив слева Хантингтон, «форд» промчался по дамбе, затем миновал кварталы одинаковых домиков. И вот уже справа потянулись рельсовые пути пригородных поездов, слившиеся перед 11-й улицей в единый железнодорожный путь, идущий из Ричмонда по берегу Потомака.

Ричард Тейлор гнал машину на предельной скорости. Он опаздывал. Вот возник слева и остался в полумиле от шоссе приземистый Пентагон. «Форд» выскочил на мост, который вынес его на левый берег реки. Тейлору нужно было в Джорджтаун, в дом на углу Думбартон-стрит и 36-й улицы. Поэтому полковник развернулся у величественного мемориала, водруженного в честь Томаса Джефферсона, автора Декларации независимости, — в этом Тейлор видел сегодня особый смысл, — а затем помчался у самой воды, мимо Западного парка на Потомаке, оставив справа мавзолей Линкольна, вдоль ставшего печально знаменитым на весь мир Уотергейта.

Промелькнула белая колоннада Линкольновского мемориала, освещенная прожекторами, всегда вызывавшая у Тейлора воспоминания об Акрополе, остались за спиной фонари пустынного теперь Арлингтонского моста, который соединял мавзолей с мемориальными воротами на кладбище. Мимо памятника Брайанту, за которым угадывалось в глубине сквера военно-морское министерство, миновав комплекс Уотергейт, полковник приблизился к району Джорджтаун и, повернув направо, въехал в него. Затем он пересек «М»-стрит, миновал три квартала и свернул влево, на Думбартон-стрит, которая рассекала Джорджтаун на две равные половины. По этой улице, сбавив скорость до двадцати миль в час, он приблизился к угловому дому и остановил «форд».

Едва автомобиль потерял скорость, от стены отделилась человеческая тень. Тень быстро скользнула к передней дверце, открыла ее, и рядом с Тейлором оказался молодой человек в легком темно-сером костюме и широкополой шляпе такого же цвета, надвинутой на глаза.

— Вперед, мистер Сэмпсон, — негромко сказал он.

Полковник проехал еще один квартал, до 37-й улицы. Дальше проезда не было: Думбартон-стрит упиралась в строения Джорджтаунского университета.

— Направо, — сказал проводник, — и еще раз направо, по улице «Р».

Они остановились на углу 33-й улицы и «О»-стрит. Здесь их встречали двое.

Молодой человек остался в машине. А Ричард Тейлор, увлекаемый незнакомыми людьми в подъезд ничем не примечательного дома, услышал, как за спиной взревел мотор угоняемого «форда».

Впрочем, полковника это уже не волновало. Сейчас он хотел знать одно: зачем его так срочно, соблюдая все предосторожности, вызвали сюда, на конспиративную явку «Лиги седых тигров»?

В сопровождении тех, кто встретил его у входа, полковник Тейлор поднялся на третий этаж и вошел в квартиру под номером «девять». В прихожей его приветствовал капитан 1 ранга Лерой Сэксер, и, увидев его, Тейлор понял, что вызван в Вашингтон к адмиралу Редфорду, председателю лиги.

— Здравствуйте, Дик, — сердечно сказал Сэксер: они давно, еще с войны в Корее, знали друг друга. — С приездом. Зеленый Вождь беспокоился уже. Вы опоздали на пятнадцать минут.

Зеленым Вождем называли адмирала Редфорда, конечно, за глаза. При рождении его нарекли Патриком, а день тезки-святого приходился на 17 марта, когда добропорядочным мирянам полагалось носить в одежде нечто зеленое, украшать этим цветом жизни дома. Зеленый — цвет святого Патрика.

— Ехал по левому берегу Потомака, — объяснил Ричард Тейлор. — Зачем меня вызвали, Лерой?

— Адмирал скажет тебе это сам. Сдай мне оружие и проходи.

Подчиняясь заведенному правилу, полковник Тейлор вынул из-под пиджака увесистый «Смит-Вессон» с удлиненным магазином на полторы дюжины патронов (такие традиционно носили офицеры ВВС) и подал его Сэксеру.

Когда адмирал увидел «седого тигра», который являлся шефом-координатором лиги в штатах Джорджия и Флорида, он поднялся из-за стола и пошел Тейлору навстречу, протягивая руку.

— Наконец-то вы здесь, полковник, — взволнованным голосом произнес Патрик Редфорд. — Здравствуйте, и садитесь. Выпьете чего-нибудь с дороги?

— Спасибо. Только кофе, если позволите.

— Кофе я приготовлю сам, — сказал Редфорд, отходя к стене, у которой были оборудованы бар и электрожаровня с песком, в нем и готовили кофе.

Полковник Тейлор подошел ближе и стал рассматривать на стене карту-схему столицы Соединенных Штатов с маршрутами, по которым надлежало эвакуироваться в случае объявления атомной тревоги. Рядом висела карта зон рассредоточения жителей Вашингтона из федерального округа в графстве штатов Виргиния и Мэриленд.

— Не расстаюсь с этим «сувениром» с сорок девятого года, — усмехнулся адмирал, заметив, как Тейлор рассматривает карты. — Вы, конечно, помните, что они, эти карты, появились, как только стало известно, что у русских есть атомная бомба. Тогда нашей имперской невозмутимости пришел конец, спать спокойно мы больше не могли. Именно тогда и задумался над тем, что безумцы не только те, кто размахивает «Эйч»-бомбой и призывает к Армагеддону, но и те, кто сидит сложа руки, безропотно ждет, когда его затопчут и белый, и красный, и черный кони Апокалипсиса. А вы, Тейлор, когда прозрели?

— Немного позднее, сэр. Когда водил эскадрилью бомбить Пхеньян, — ответил полковник. — Моя роль, как и других летчиков «летающих крепостей», сводилась тогда лишь к тому, чтобы довести самолет до объекта. Нам не доверяли даже рычаги бомбосбрасывателей. Или берегли нашу психику?

Адмирал налил две чашки кофе, которым тотчас вкусно запахло в просторной комнате, и вернулся к столу.

— Мы оказывались в перекрестке радарных лучей, идущих из Сеула и Японии, — продолжал Тейлор, — и тогда срабатывало электронное устройство. Оно открывало бомбовые люки и сбрасывало «подарки дяди Сэма» на головы северных корейцев, вся вина которых состояла в том, что их в сорок пятом освободили не бравые «оцинкованные» парни из США, а русские солдаты. Тогда я и понял, сэр, что такое быть марионеткой. От нас абсолютно не зависело, бросать бомбы или не бросать. И можно ли было считать меня прямым убийцей? Или ограничиться обвинением в соучастии? Но прошли еще годы, прежде чем я стал «седым тигром», сэр. Как жаль, что мудрость появляется, когда уже идет снег...

— Как бы то ни было, а теперь мы единомышленники, полковник. Пейте кофе — и к делу.

Адмирал Редфорд отставил чашку, раскрыл кожаную папку, нашел необходимый документ и положил перед Тейлором.

— Прочтите, — сказал он. — Это донесение нашего человека в ЦРУ.

40

Генерал-майор Вощинский оставался в Рубежанске— доглядать за сложным хозяйством, в котором начинались сегодня такие важные события. Именно в эту ракетную часть, оснащенную самыми мощными «изделиями», должны были приехать военные эксперты из Пентагона, о чем договорились в Москве советский и американский лидеры.

А вертолет принял на борт генералов Гришина и Алиметова, тут же взлетел над военным городком, повисел-повисел в воздухе, будто примериваясь, и резво понесся на северо-запад, оставляя Рубежанск справа от курса.

Сопровождал генералов полковник Гайдук, заместитель Вощинского: совсем без проводников отпускать начальство нельзя.

Гришин и Алиметов сидели в креслах друг против друга, их разделял изящный полированный столик, на который расторопный сопровождающий уже поставил термос, куда был налит фирменный чай.

— С лимонником, — сообщил Гайдук, — и еще кое с чем...

Услышав это «кое с чем», Юрий Александрович вопросительно поднял брови, глядя на полковника. Тот хорошо знал, что у генерал-полковника не проходят этакие сюрпризы, и тут же успокоил его:

— Набор местных трав, товарищ генерал-полковник. Тонизируют, укрепляют и тут же успокаивают.

— Тогда наливай! — весело сказал Алиметов. — Спасибо тому, кто чай впервые у нас в Отечестве заварил. Добрая штука! Знаете, какой сейчас самый ценный подарок у нас на Кавказе?

— Кинжал, наверное, — предположил Гришин. — Без кинжала нет джигита.

— Без коня, — поправил его Гаджи Магомедович. — Но самую большую честь окажешь горцу, если подаришь ему самовар. В большой сейчас моде это изделие в Дагестане.

— И вина вовсе не пьют? — поинтересовался Гай-

дук. — У вас же такие коньяки! Я как-то пробовал. «Нарын-Кала» называется.

— Это дербентский, — пояснил Алиметов. — Но «Россия», кизлярский, из винограда, который растет на плантациях, когда-то принадлежавших князю Багратиону, еще вкуснее. Был...

— Почему «был»? — спросил Гришин.

— Почти перестали употреблять дагестанцы. Чай пьют, национальные напитки возродились. Виноград сушат, мед делают, соки, бекмес, рахат-лукум. А коньяки в основном на экспорт идут. Не везде в мире такие сознательные люди, как мои земляки.

Гришин улыбнулся и с некоей опаской взял в руки стакан с чаем.

«Когда буду писать отчет о сегодняшнем партийном собрании, — подумал Алиметов, сделав глоток терпкого и кисло-сладкого чая, — то напишу и отдельно от себя. Собственные соображения. Надо только аргументировать позицию конкретными примерами. Да за ними дело не станет, жизнь порождает их постоянно».

Пока все молчали, дегустируя фирменный напиток, Гаджи Магомедович мысленно перебирал доводы, приводившиеся в письме Макарова и Шапошникова начальнику Главпура. Он помнил текст письма едва ли не наизусть. Да и сам мог добавить немало такого, о чем просто не могли знать авторы, ибо с его, генеральской, колокольни кое-что виднее.

Алиметов и сам считал, что формализма в организации социалистического соревнования в армии хоть отбавляй. Генерал-майор, да и другие политработники, с которыми ему доводилось обмениваться мыслями в неофициальной обстановке, были убеждены, что оценивать деятельность командиров всех рангов надо по фактическому состоянию дел в части, а не по отчетам. Отчеты-то многие научились ловко писать. Если судить по ним, то всегда все в ажуре, проблем нет. А в жизни...

«И так еще у нас бывает, — раздумывал Гаджи Магомедович. — Приезжает в часть проверяющий, спрашивает: «Как учите операторов боевых расчетов? Покажите план!» А планов-то можно насоставлять таких, что ахнешь... Оцениваем качество работы по галочкам. Есть они в графе «Проведено» — все, значит, в порядке. А реальные результаты? Они остаются за кадром. А как подводятся итоги соцсоревнования? Опять же с помощью статистики, создаваемой теми, кто отчитывается.

Пишет, например, бумагу замполит части в политотдел и видит: по этой самой статистике у него совершено двенадцать проступков. Чешет в затылке: многовато, скажут. Раз! Зачеркнул «двенадцать», и теперь уже у него только «шесть». Вот и в передовики вышел. Надо же, видимо, несколько сместить центр соревнования.

Проводить его по конкретным показателям, таким, например, как выполнение и перевыполнение нормативов действий воинов у оружия. Тут результаты видны налицо, их сравнить можно. А раз так, то и дух состязательности у людей появляется».

— О чем задумался, Гаджи Магомедович? — спросил Гришин. — Или этот колдовской чай и грезы навевает?

— Про письмо тех офицеров думаю, — ответил генерал-майор. — Нам ведь вечером сегодня обсуждать его с коммунистами. Тут действительно есть над чем подумать. Вот, смотрите, Юрий Александрович...

Генерал Алиметов поделился возникшими у него мыслями.

— Думаю, ты прав, Гаджи Магомедович, — задумчиво произнес Гришин. — Во многом правы и авторы письма.

А эти офицеры, которых он видел на плацу, откровенно говоря, ему понравились. Гришин тогда же решил, что поддержит их на партийном собрании.

— Наделали шуму много, — продолжал он. — Теперь мы с тобой, Гаджи Магомедович, отдувайся за их стратегическую инициативу.

— Да, — согласился Алиметов, — инициатива у них, прямо скажем, серьезная. Впрочем, в духе перестройки.

— А я все отца командира части — Макарова-старшего вспоминаю, — сказал генерал-полковник. — Это же мой командир, я у него рос, как говорят, на глазах. Помню такой случай. Приехал Макаров ко мне в часть инкогнито — он любил такие проделки. Машину оставил у проходной, а сам двинулся по городку. Идет по гарнизону и собирает «сынков», которые попадаются ему на глаза: всегда можно набрести на одного-двух солдат, которых направили «туда не знаю куда и за тем не знаю за чем». И любое оправдание у их начальников по этому поводу найдется. А Иван Егорович страх как не любил, когда солдат отрывали от боевой подготовки и использовали для разных там бытовых целей и житейских поручений.

Словом, насобирал он группу и ведет их, голубчиков, к зданию штаба. А там уже все об этом знают, начальство высыпало, рапортует. «Погодите, — им генерал Макаров говорит, — остальное потом. А сейчас мне командиров сюда». Вызвали, конечно, всех по-срочному. Вашего покорного слугу в том числе. Расставил нас Макаров с интервалом и приказывает тем, кого насобирал в городке: «В затылок своим командирам становись!» Разом решил определить, кто от кого. Разбежались, голубчики, и, как цыплята, каждый примкнул к своей наседке...

— Оригинальный старик.

— Да, оригинал, — согласился, улыбаясь, генерал-полковник. — А вот и атомная...

Вертолет поравнялся с комплексом внушительных зданий атомной электростанции, сооруженной в той же долине реки, только повыше Рубежанска. Слева тянулся горный кряж.

— За этими сопками — установки Макарова, — сказал сопровождающий полковник, показывая рукой в иллюминатор. — Такая же долина, как и эта, только поуже. И течет по ней приток Шамары — Тигода. Впадает в Шамару за нашим городком.

— На обратном пути завернем к нему, — сказал Гришин.

— Но ведь мы намечали побывать в другой части, — напомнил Алиметов.

— И туда успеем, — упрямо сказал первый заместитель главкома. — Вот встретимся с партийным начальником области и — к Макарову.

— Странный случай, — проговорил задумчиво Алиметов. — Я про землетрясение. Никогда здесь этого не бывало... И местная летопись не упоминает, и наука не фиксировала. Вовсе не сейсмический район. Плохое для нас дело.

— Хуже не придумаешь, — согласился Юрий Александрович. — В любой момент может ударить снизу по «силосным ямам». Пострадают пусковые установки. Ведь когда мы принялись размещать здесь наши «изделия», ученые на сто процентов гарантировали сейсмическую безопасность.

— А тут — на́ тебе! — недоумевал Алиметов. — Какой-то узко направленный удар в район озера. Отчего эта напасть? И надо же...

— Постой, постой, Гаджи Магомедович, — перебил Гришин. — Ведь это же вовсе не озеро!

— Как — не озеро? Тут такой Севан в горах отгрохали.

— Именно, — сказал генерал-полковник, — отгрохали... Это же водохранилище!

— А какая разница? Искусственное, значит, озеро, рукотворное...

— В этом вся и суть, дорогой комиссар. Ведь что там прежде было?

— Небольшой водоем, по колено воробью, а синичкам и того меньше, — ответил Гаджи Магомедович. — Когда начали строить Рубежанскую атомную, решили создать для нее запас воды в горах. Закрыли выходы в две-три долины дамбами и повернули в маленькое озеро реку Седанку. Она и наполнила естественный котлован до нынешнего уровня. Я говорю: маленький Байкал создали в горах...

— И сделали этот район сейсмически опасным, — заключил Гришин.

— Какая связь, не понимаю...

— А самая прямая. Вот ты, Гаджи Магомедович, родился в Дагестане. Скажи, помнишь ли ты, чтоб у вас в республике были землетрясения? — спросил Юрий Александрович.

— Нет, не было. Если не считать того самого... Ну, что в Буйнакске и Махачкале...

— А гидроэлектростанции с водохранилищами тогда уже были построены?

— Конечно, На реке Сулак, неподалеку.

— Вот вам и причина. Многие ученые считают — есть прямая связь между созданием крупных водохранилищ и возникновением, так сказать, земных судорог там, где они прежде не наблюдались вовсе. Прокатилась серия землетрясений в Северной Италии. О них там прежде, до создания водохранилищ, и слыхом не слыхивали. Подобное было в ряде других мест, в том числе и у нас в Средней Азии. Мы ведь привыкли к представлению о земной коре как о чем-то незыблемом, монолитном. И забываем, что оболочка планеты состоит из сочетания малых и больших плит, их толщина, по-моему, колеблется от пятидесяти до трехсот километров.

— Слоеный пирог, — заметил заместитель Вощинского.

— Верно, полковник. Только в пироге слои непод-

вижны относительно друг друга, а в земной коре они перемещаются. Теперь представьте себе, что на один из этих базальтовых или из чего другого испеченных природой «блинов» положили вдруг тяжесть в миллионы тонн — это самое рукотворное озеро-водохранилище. Что произойдет с «блином»?

— Прогнется, — быстро ответил Алиметов.

— Прогнется, — согласился Гришин. — А движущийся снизу слой наткнется на этот изгиб, ударит по нему и подбросит вверх. Вот вам и землетрясение готово.

— Понимаю, — задумчиво произнес Гаджи Магомедович. — На землю давят, ей становится больно, и тогда она вздрагивает... Как все просто! Так что же, отказаться от строительства гидроэлектростанций?

— В горных районах — может быть. Во всяком случае, тщательнее вести геофизическую разведку в районе, где планируется такое строительство, скрупулезно взвешивать все «за» и «против». Больше ответственности за будущее...

В дверях, ведущих в пилотскую кабину, показался один из летчиков, одетый в светло-желтую робу поверх офицерской формы.

— Подлетаем к обсерватории, товарищ генерал-полковник, — доложил он. — Командир спрашивает, будем ли садиться.

— Будем, — сказал Гришин.

41

— В ЦРУ? — переспросил Ричард Тейлор, беря в руки листок и поднося его к глазам. — Ну да, конечно...

«Разумеется, — подумал он, переложив листок в левую руку, а правой отыскивая очки в кармане пиджака, — наши люди должны быть и в ЦРУ тоже. А как же иначе?»

Засекреченный информатор сообщал, что Центральное разведывательное управление по негласному указанию Комитета семи подготовило весьма опасную акцию в отношении важных государственных деятелей страны.

— Кого они хотят уничтожить? — спросил полковник Тейлор.

— Увы, узнать нам этого пока не удалось, — сказал адмирал Редфорд. — Но утром получим дополнительную информацию. Этот заговор, как и должно, осуществляется в обстановке строжайшей секретности. Поэтому на-

ша лига приняла решение быть готовой к худшим вариантам, на которые могут пойти комитет и директор ЦРУ, его они сумели-таки подчинить своему влиянию. А ведь это не удавалось никому, даже президентам Соединенных Штатов.

Ричард Тейлор в знак согласия кивнул. Оба они слишком хорошо знали о фантастическом и пугающе-опасном могуществе этого «невидимого правительства» Америки, созданного в 1947 году, когда президент Гарри Трумэн подписал 15 сентября Закон о национальной безопасности. Сто восьмая статья его и определяла создание ЦРУ.

Новая разведывательная организация должна была действовать под эгидой Совета национальной безопасности, консультировать его и представлять рекомендации. Ей вменялось в обязанность также сопоставлять и оценивать разведданные и выполнять другие функции, связанные с разведкой и касающиеся национальной безопасности. Эти функции вскоре превратились в «тайные операции» — covert action и «операции по уничтожению» — executive action, в результате которых погибло свыше трех миллионов человек.

Уже создатель этой «фирмы» Гарри Трумэн чувствовал, что она ускользает из-под его влияния. А Дуайт Эйзенхауэр, который питал явную слабость к «рыцарям плаща и кинжала» и выдал санкции на операции ЦРУ в Иране и Гватемале, сам оказался в ловушке и был выставлен посмешищем на весь мир в истории с самолетом-разведчиком У-2 и летчиком-шпионом Г. Пауэрсом в 1960 году. В то время президент запретил разведывательные полеты над территорией России, он готовился к встрече в верхах, укладывал чемоданы, чтоб ехать в Москву. Но ЦРУ без ведома Эйзенхауэра и вопреки его приказу отправило самолет У-2 из Пакистана в Норвегию через Среднюю Азию и Урал. Приказ президента был нарушен. Кто-то расстроил встречу его с Хрущевым.

Ричард Никсон, начиная предвыборную борьбу с Джоном Кеннеди за право ночевать в доме рядом с круглой лужайкой на Пенсильвания-авеню, учитывал печальный опыт шефа — он был у Айка вице-президентом — и лучше, чем кто-либо, знал, как погорел Эйзенхауэр. Никсон вынашивал планы реорганизации ЦРУ, которые намеревался осуществить, когда поселится в Белом доме. И тут, как говорится, на старуху случилась проруха. Хитроумный Дик в ответ на просьбу соперника, Джона Кеннеди, высказаться относительно ЦРУ вдруг разоткровенничал-

ся. Вот как он об этом вспоминал потом: «Что касается ЦРУ, я считал, что в настоящее время его функции чересчур широки. Оно должно продолжать нести главную ответственность за сбор и оценку разведывательных данных; на этом участке оно работало хорошо. Но я сказал, что намереваюсь в случае избрания меня президентом создать новую и независимую организацию для осуществления тайных полувоенных операций».

Эта откровенность стала роковой для кандидата в президенты. Началась тайная война против Никсона. ЦРУ работало на его соперника, всячески раздувая пущенный Пентагоном слух о ракетном отставании Америки от России, который как раз и опровергала вашингтонская администрация, куда в качестве вице-президента входил Никсон. А Джон Кеннеди, спровоцированный ЦРУ, клялся и божился — он ликвидирует отставание, когда войдет в Белый дом как хозяин. И вошел...

Но после провала ЦРУ в заливе Свиней новый президент отказался поддержать высадку кубинских «гусанос» и начать крупномасштабное вторжение войск США на остров, как ни просил об этом Даллес и его заместитель Биссел. Более того, Кеннеди потребовал изучить возможности налаживания с Кубой нормальных государственных отношений и произнес в запальчивости роковые слова: «Я разнесу ЦРУ на тысячу кусков».

Как только люди управления поняли, что Кеннеди опасен для них, в штате Техас произошло убийство века.

Поэтому «Лига седых тигров» была не на шутку встревожена тем, что Комитет семи сумел найти рычаги, с помощью которых заставил эту организацию работать на себя. Учитывала она и то, что от тех, кто входил в комитет, можно ожидать крайних действий, вплоть до попытки провозглашения диктатуры. Поэтому руководство лиги всячески укрепляло свою агентуру внутри ЦРУ, не спускало глаз с директора и его ближайшего окружения.

— Видите ли, полковник, — сказал Патрик Редфорд, — завтра, вернее, уже сегодня утром мы ждем сообщения о важных и — увы! — невероятных событиях. К восьми часам поступит новая и более подробная информация. Если они пойдут ва-банк, придется нам действовать их же оружием.

Ричард Тейлор поджал губы, и это не ускользнуло от адмирала. Он понимающе улыбнулся, покачал головой.

— Я знаю, Ричард, что вы противник террористических актов, смыкаетесь в этом отношении с марксистами, которые уповают только на классовую борьбу. Но, поймите, у нас нет времени для духовного или, если хотите, революционного воспитания простых американцев. Да и не наше это дело, старых военных. Ведь мы даже не партия, а лига чудаков, умеющих, слава богу, еще и стрелять. Мы группа старых солдат, сохранивших порох в пороховницах и защищающих Америку от разнузданных маньяков, вроде моего тезки, генерала Холла. Впрочем, мы знаем о ваших убеждениях, Тейлор, поэтому, если понадобится разнести башку Холлу и остальным молодчикам, это сделают другие. Вы же...

— Готов служить делу лиги, сэр, — твердо сказал полковник.

— Делу Америки и всего человечества, — поправил его Редфорд. — У нас есть подозрение, что Комитет семи вместе с ЦРУ предпримут сегодня действия, которые должны спровоцировать русских. Надо готовиться ко всему. Вам, Тейлор, поручается быть нашими глазами и ушами в Пентагоне. Вот пропуск к министру обороны. Он выписан на ваше имя, ведь там вы можете встретить старых знакомых. Пропуск подлинный.

— Хорошо, — кивнул полковник и взял из рук Редфорда запаянный в пластик кусок картона с его фотографией.

— А с этим документом вы попадете в Центральный командный пункт Комитета начальников штабов. Дежурный генерал с восьми часов — Рой Монтгомери. Вы знаете этого человека?

— Да, сэр, — коротко ответил Тейлор.

— На это мы тоже рассчитывали. Окончательные инструкции получите в восемь утра, когда у нас будут новости. А сейчас отправляйтесь спать. Может быть, хотите перекусить что-либо?

— Благодарю, сэр, я не голоден.

— Хорошо. — Адмирал устало вздохнул и улыбнулся, лицо его посветлело, морщинки разгладились. — Сейчас я подумал, Ричард... Знаете, странно получается. Вы — представитель ВВС, а авиаторы всегда были за широкое применение ядерного оружия, не хотели видеть разницы между «Эйч»-бомбой и классическими средствами ведения войны. Я же — представитель флота. А моряки вместе с армейскими офицерами всегда считали, что силу надо применять только в пределах разумного. И

вот мы с вами вместе, в одной упряжке. Это глубоко символично, Тейлор.

— Согласен с вами, сэр.

Дверь отворилась, вошел Лерой Сэксер.

— Определите полковника, — сказал ему председатель лиги. — Ровно в восемь утра жду вас здесь.

Лерой Сэксер проводил Тейлора в комнату, где стояли широкая кровать с резными спинками и небольшой старинный стол-бюро.

— Располагайтесь, Дик, — сказал капитан 1 ранга. — Я разбужу вас за пятнадцать минут до восьми. Завтракать будете во время совещания у адмирала. Туалет за этой дверью.

Дорога утомила полковника, а разговор с адмиралом взбудоражил его. «Надо уснуть, — сказал он себе. — Днем будет трудная работа. Как там это место, в «Книге Иова»: «Редеет облако и уходит; так нисшедший не выйдет, не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его...»

42

Утро обещало безветренный и жаркий день.

Над океаном возник конвекционный туман, когда воздух с быстро остывшей суши перевалил холмистую гряду острова Святого Симона и растекся на медленно отдававшей тепло водной поверхности. Но стоило родившемуся в Атлантике солнцу приподняться над горизонтом, как его пронзительные лучи быстро съели туман, высушили капельки утренней росы на листьях деревьев и лепестках цветов, заполнивших сад Тейлоров.

Лу Тейлор проснулась рано и, не открывая глаз, почувствовала, что Джорджа уже нет рядом с нею. Она знала, что муж любит вставать рано и во всякое время года бегает до завтрака. Лу пыталась подкараулить Джорджа, подняться с постели прежде, чем он тихонько выскользнет из спальни в одних шортах, наденет внизу спортивные туфли и начнет мерить свои неизменные две мили. Но удавалось ей это только в те времена, когда Лу кормила ребенка грудью — а все ее дети, будто сговорившись, требовали материнского молока именно на рассвете. Когда период этот проходил, Лу отсыпалась за бессонные ночи и всегда пропускала момент пробуждения мужа.

Вот и сегодня его уже не было рядом...

«Пусть бегает, — с улыбкой подумала Луиза Тейлор, не открывая глаз. Так приятно было понежиться хоть пять минут после пробуждения, будто в детские годы на рождество или пасху, когда не надо идти в школу. — Далеко не убежит. Мы ведь на острове».

Когда она была маленькой, то мечтала оказаться вдруг Робинзоном и жить на острове. Только чтоб рядом с нею обязательно находился Пятница. А Пятницей становились очередная «самая-самая» подруга или тот парнишка, которого мысленно выбирала первая красавица класса Лу. «Теперь Пятницей стала я, — она весело усмехнулась, — при Робинзоне Тейлоре. Кстати, сегодня он собирался на остров Джекилл. А вечером вернется из Майами па Ричард. Пора вставать. Надо привыкать к тому, что будущий маленький Тейлор унаследует дурную привычку есть по ночам. А согласится ли Джорджи назвать его в честь деда Магометом? У нас любят сокращать имена, и тогда имя парня будет звучать «Мэйдж», задразнят мальчика. Нет, «Маг» не годится... О! Назову его Ислам. Тогда сокращенно моего сына будут звать «Айс». Совсем неплохо для мужчины».

С этими мыслями Луиза сладко потянулась и вспомнила сон.

Сначала Лу подумала о наследственной памяти, которая живет в ней, генетической памяти, унаследованной от деда, Хаджи-Мурата Пулатова. Ведь она никогда не была в России, не видела Дагестанских гор, у подножия которых, на берегу Каспия, в старинном городе Дербенте, родился и вырос ее дед.

История Хэйджа Пъюлетта, обраставшая со временем романтическими подробностями, жила в семье Тейлоров как фамильная реликвия. Хаджи-Мурат потерял родителей, когда ему было двенадцать лет, и перебрался к дяде в Баку, где сначала был боем в лавке, а затем стал работать на нефтепромыслах, вступил в марксистский кружок, был арестован за участие в революционной борьбе, судим и отправлен в Сибирь. Из ссылки молодой кавказец бежал, но отправился не на запад, где его ждали полицейские агенты, а на восток. Добрался до Чукотки. Отсюда на шхуне торговца пушниной перебрался на Аляску. Хотел с восточного побережья США уйти морем в Россию — уже шла мировая война. Потом революция, годы интервенции.

Пулатов к тому времени установил связи с социалистами Америки, потом вступил во вновь образован-

ную компартию. И на собственном опыте убедился, что американская полиция вовсе не либеральнее царских жандармов...

«С дедом Хэйджем все ясно. Но почему мне снился Генри Хукер?» — недоуменно спросила себя Лу и выпрыгнула из постели. Через минуту она уже плескалась под струями прохладного душа, с силой проводя ладонями по ладному телу, которое только укрепили предыдущие роды, и с нежностью оглаживая место, где затеплилась новая жизнь.

Потом Луиза спустилась на кухню, там хлопотала неутомимая Пегги, и принялась готовить вместе с нею завтрак. А вернувшийся с пробежки Джордж Тейлор завернул в сад и нашел там Виктора Хансена с лопатой в руках.

— Вот, — сказал капитан, смущенно улыбнувшись и отставив лопату, — покопался немного в земле с разрешения старины Чарли.

Сам Чарли Купер выглянул из раскрытых ворот гаража, весело осклабился и приглушенно приветствовал майора Тейлора боевым кличем морских пехотинцев: в доме не все еще поднялись.

— Люблю, знаете, Джордж, все, что связано с землею, — сказал Виктор Хансен. — Мои предки — крестьяне из Ютландии. И вот именно во мне так громко зазвучал их призыв вернуться к началу начал.

— А в детстве он разве не был слышен? — спросил, улыбаясь, Джордж.

— Звучал и в детстве. Но так уж случилось, что родились мы с братом, отцом Лу, в семье капитана дальнего плаванья, которого почти не видели дома. Мать, конечно, не могла нам заменить его, да и не может женщина воспитать в мальчишках подлинное мужское начало. Это противоестественно. Потому-то парни, выросшие без отцов, всегда испытывают некую ущербность. Хотя и по-разному пытаются преодолеть ее. Словом, Джордж, некому было направить меня по стопам предков. А ближайший пример — отцовский — был рядом. Вот и отправился я, едва подрос, в морской колледж — хотелось поскорее стать мужчиной, избавиться от опеки ма... А сейчас порой ее так не хватает.

— Ма Полли? — спросил Тейлор. Он хорошо знал миссис Хансен, бабушку Луизы по отцовской линии, ко-

торая умерла пять лет назад в небольшом городке южнее Крискент-Сити, штат Калифорния, где поселилась под старость лет у северного побережья знаменитых Красных Лесов. Джордж ездил вместе с Лу хоронить бабушку Полли и был потрясен видом удивительных красных стволов, пронизанных горячим, несмотря на близость Орегона, калифорнийским солнцем.

— Нет, — улыбнулся Хансен, — попросту чьей-нибудь опеки. Всю жизнь я заботился о других людях, командовал ими на корабле. Но так хочется теперь, чтоб кто-то приручил меня самого.

— Вы еще молодой парень, Вик! — энергично воскликнул Тейлор, ему стало жаль Хансена. — Вам всего лишь пятьдесят лет. Хотите, мы с Лу подыщем вам невесту?

— Пока рано бросать море, — сказал капитан. — До пенсии мне осталось пять лет. Кое-что накоплю — куплю ферму и стану выращивать фрукты.

— И арахис, — подхватил Тейлор.

— А может быть, нам купить ферму вместе? — предложил Хансен. — Я вполне серьезно, Джордж. Ведь и вы, я давно это понял, любите землю.

— Моим кумиром детства был Лютер Бербанк, — грустно произнес Тейлор. — Хотел по примеру волшебника из Калифорнии выращивать необыкновенные растения, которые за недостатком времени не успел создать всевышний.

— Опасно соревноваться с господом богом! — раздался насмешливый голос Филипа Тейлора, который незамеченным подошел к ним со стороны дома. — Большой Лорд не любит, когда его подправляют... Доброе утро, парни! Вы не знаете, когда нам предложат завтрак?

— Мне кажется, что Пегги и Лу вот-вот позовут нас к столу, — сказал Джордж Тейлор. — Извините меня, джентльмены, я должен еще поднять свой выводок и выпустить ребятишек для небольшой разминки.

На кухне тем временем Пегги рассказывала Лу, при этом не переставая ловко орудовать у плиты, поджаривая кукурузные оладьи к завтраку, о том, как ездила вчера со своим Чарли в Брансуик и побывала там в новом продуктовом магазине фирмы «Чемберлен Нэчурал фуд». Эта фирма была создана лет десять назад в штате

Флорида и, постепенно вытеснив конкурентов, не уловивших тенденции потребителей к переходу на натуральную пищу, принялась строить магазины в Алабаме, Луизиане и Джорджии.

— Представляете, мэм, — рассказывала Пегги, закатывая глаза от восторга и сверкая при этом белками, которые так контрастировали с ее темным лицом, — там было мясо от скота, выращенного без этих хитрых штучек, которые стимулируют гормоны или что-то там еще у бедных коровок! Овощи и фрукты, не знающие, что такое химические удобрения и всяческие клопоморы. И хлеб! Какой хлеб! Из чистой пшеницы, без примесей! Я купила булку и вчера подала к ужину.

— Все обратили внимание на него, — сказала Лу. — Но я не знала, что вы, Пегги, привезли его из Брансуика, и сказала, будто испекли его сами. Мы так привыкли к вашим чудесам, что и не удивились.

— Спасибо, мэм, — смущенно потупилась Пегги. — Я не заслужила таких похвал. Просто это был хлеб из настоящей пшеницы. Кстати, новая фирма всюду указывает, что в ее продуктах меньше жиров, соли, сахара, нежели у других.

— Это еще в восемьдесят пятом году постановил конгресс: сообщать на упаковках любых пищевых товаров содержание в них натрия, — заметила Лу. — Ведь для одной молекулы натрия, попавшей в наш организм, надо четыреста молекул воды, Пегги. Поэтому мы так пьем после соленого.

— Ой! — вскрикнула Пегги. — Мужчины идут в гостиную, а у нас еще не все готово!

— Ничего, — успокоила ее хозяйка. — Давайте накормим мистера Тейлора, ему скоро на службу, а потом, когда будут готовы дети, сядем все вместе за стол.

Джордж Тейлор любил вареную кукурузу и сейчас с аппетитом ел горячие, слегка присоленные початки — на близлежащих фермах зрелость кукурузы уже достигла молочно-восковой стадии, такую только и подавать в сваренном виде.

— На ваш вопрос, дорогой капитан, я отвечу односложно: да, — проговорил майор, откладывая пустую кукурузную кочерыжку в сторону. — Мне, как и вам, осталось пять лет до окончания контракта с ВВС. Продлевать его не буду, хотя стану к этому времени, по всем

прогнозам, командиром крыла в звании полковника или бригадного генерала. Если, конечно, не ликвидируют ракеты. Впрочем, это маловероятно.

— На твой век хватит, племянник, — сказал отец Филип.

— Хватит, — согласился командир эскадрильи, — только остальные пусть уничтожают без меня. Предпочитаю выращивать с нашим кэпом цветы на ферме. И первый новый сорт чайных роз назовем «Трезвый Филип».

Капитан Хансен расхохотался, а капеллан морской пехоты погрозил племяннику пальцем.

— А второй мой вопрос? — сказал Виктор Хансен. — Точнее, первый. Я задал его еще вчера. Про русский «ход конем».

— Мы знали о нем как о возможном варианте еще до того, как русские поставили вопрос ребром. Да это только опоссуму было бы невдомек...

— Спасибо, Джордж, — усмехнулся преподобный Филип. — А то я гляжу на моего старого друга Вика и никак не пойму: кого же мне напоминает этот морской волк?

— Дядя Фил, — укоризненно сказал Джордж, — Виктор Хансен чемпион морского колледжа по боксу.

— А я — морской пехотинец, — отпарировал капеллан. — И — у-у-а-вэй!

Он издал такой воинствующий клич, что Лу и Пегги испуганно выглянули из кухни, а наверху в спальнях восторженно затопали возбужденные ребятишки.

— Я спешу на службу, — сказал майор. — И если вы не перестанете дурачиться, дядя Вик останется без ответов на свои вопросы.

— Извини, Джордж, — сказал дядя Филип. — Я посерьезнел вчера в Вашингтоне, в Большом Вигваме бледнолицых воинов. Больше не буду. Вик, прими от меня трубку мира.

Он шутливо протянул капитану Хансену гаванскую сигару.

— А с идеей русских очень просто, — доедая оладьи с вареньем из ежевики, сказал командир эскадрильи. — Чтобы космическая ПРО действовала, надо повесить над территорией России дополнительно военные спутники-наблюдатели. На геостационарные орбиты, на высоту тридцать шесть тысяч километров. Тогда они будут вращаться за тот же период, что и планета, и ос-

таваться практически висящими над одной и той же точкой территории потенциального противника. Ведь ему надо засечь газовую струю русской ракеты, едва вырвавшейся из шахты. Только русские заявили, что не дадут вешать эти спутники. Мирные спутники — да, военные — к Берри-Мэри...[1]

С этими словами майор Тейлор поблагодарил жену и Пегги, поднялся из-за стола.

— Сейчас я отправлюсь на остров Джекилл, чтобы готовиться к возможному приезду русских на базу Мэсситер, — сказал командир эскадрильи. — Может быть, на этот раз мы сумеем дойти с ними до безъядерного порога. Иного выхода у нас нет. — Он взглянул на часы. — Вертолет будет через тридцать минут. Я пройду к посадочной площадке пешком.

— Провожу вас, Джордж, — сказал капитан Хансен.

Он был человеком загорающимся, импульсивным, и капитану так не хотелось сейчас расставаться с Джорджем. Поговорить бы с ним еще о планах, которые осуществятся только через долгие недели и месяцы, из которых сложатся эти пять лет.

Но майор Тейлор, пока они шли от дома по улицам ракетной базы, заговорил вовсе о другом, и капитан Хансен не осмелился его перебить.

— И вчера, и сегодня, дорогой капитан, я думал о месте человека в этом мире, о системе координат, в которой он существует. Ибо вне пространства и времени само понятие «хомо сапиенс» становится фикцией.

— Хорошая мысль, — одобрительно отозвался Виктор Хансен.

— Общая особенность людей в том, что они существуют в основном в плоскостном измерении, — продолжал Джордж Тейлор, когда они проходили мимо синтетического храма четырех религий, напоминавшего первую баллистическую ракету ФАУ-2 с непомерно развитой хвостовой частью и укороченным туловищем. — Кстати, здесь командует Стэн Гриффин, главный капеллан базы, закадычный друг нашего Фила. Как они теперь будут общаться на трезвой основе? Бедный отец Стэн! Потерял заправского собутыльника. Да, о чем мы?

— О плоскостном измерении, — напомнил капитан.

---

[1] «К Ягодке-Мэри». Непереводимая игра слов, вроде русского выражения «к едрене фене».

— Да-да... Вот и вы, моряки, знаете только две системы координат: широту и долготу. Перемещаетесь по плоскости океана. У нас, ракетчиков, уже три измерения, мы определяем положение ракеты в пространстве тремя линейными координатами — икс, игрек, зет — и тремя угловыми. У нас есть угол тангажа, который определяет, как наклонена ось ракеты к горизонту. Есть и угол рыскания — он показывает, как отклонилась ось ракеты от той вертикальной плоскости, что проходит через точку старта и цель.

— Отклонение от проложенного курса, — уточнил по-своему капитан Хансен.

— Именно так, дорогой дядюшка Вик! И наконец, угол крена. Угол поворота ракеты относительно продольной ее оси. И чем больше осей координат, по которым живет человек, тем больше у него прав на это беспримерное звание. И двух, и трех измерений недостаточно! Надо жизнь соизмерять еще с четвертой координатой.

— Что же это, по-вашему, Джордж?

— Наверно, совесть, — ответил Тейлор. — Это то самое, что даже тогда, когда никто тебя не видит, заставляет не делать все, что противно совести. Или наоборот... Тебя не заставляют, а ты делаешь, хотя поступок, на который ты решился во имя совести, может перечеркнуть всю сетку твоих координат, в системе которых ты, личность, существуешь.

— Когда-нибудь у людей появятся и пятое, и шестое, и другие измерения, — задумчиво произнес Виктор Хансен.

— Когда-нибудь появятся, — отозвался майор Тейлор.

Навстречу им мчался джип командира крыла МБР. За рулем сидел сержант, выполнявший обязанности адъютанта командира ракетной базы.

— Доброе утро, сэр! — заорал «зебра» [1], резко затормозив против Тейлора и капитана. — Наш «цыпленок» послал за вами, он тоже летит на Джекилл и ждет на площадке у вертолета.

— Благодарю вас, Бен, — сказал майор Тейлор и полез в машину. — До вечера, Вик! И не забудьте про шестое измерение. Вместе подумаем, в чем же его суть.

---

[1] Так в армии зовут сержантов из-за нашивных полосок на рукаве.

— Что вы собираетесь делать сегодня, сэр? — спросила Лу у Филипа Тейлора.

— Навещу отца Стэна. Надо ему рассказать, как наши духовные боссы затеяли состязаться с русскими в трезвости.

— Это будет для него сюрпризом, — заметила Лу.

— Приятным он его вряд ли назовет, но что сюрприз, то это уж точно. А затем подамся па рыбалку.

— Вместе с дядей Виком и Айвеном?

— Нет, я хочу поохотиться на меч-рыбу, а эта рыба не подходит к берегу близко. Отправлюсь к Тому Дженкинсу. И если он все еще служит в Береговой охране, то устроит мне репетицию к фильму «Старик и море».

— Мы видели Тома вчера, когда возвращались с морской прогулки на «Золотой рыбе». Дженкинс шел на рейд проверять пришедшее судно. И попался навстречу, как раз перед тем, как увидели акулу.

— Акулу? — переспросил, остановившись, Филип Тейлор. — Это меняет дело. Обожаю вылавливать дьяволов моря. Думаю, и богу угодно, чтобы я как можно чаще приканчивал этих тварей. И крупная была хищница?

— Большая и страшная, — ответила Лу. — Капитан Хансен стрелял в нее, но, кажется, промахнулся.

— Капитан Вик не служил в морской пехоте, — усмехнулся преподобный Фил.

43

— Поторопитесь! — крикнул Эрвин Додж Президенту, вылезавшему из полицейского «форда».

Ствол револьвера в его руке приподнялся.

«Настал и мой черед», — равнодушно и даже с неким облегчением подумал хозяин Белого дома.

Он дьявольски устал от множества смертей, которые случились на его глазах сегодня. Сколько погибло людей! А ведь метили только в него одного, это Президент осознавал теперь достаточно четко.

...Однажды, тогда он был еще сенатором, ему предложили выступить с лекцией в связи с годовщиной со дня смерти Авраама Линкольна, застреленного в вашингтонском театре Форда. Тогда его друг, профессор Ларри Холмс, теперь он стал помощником Президента по национальной безопасности, подготовил для доклада удивительные факты-совпадения.

Будущий президент узнал, что убийца Линкольна актер Бут родился в 1839 году, а ровно через сто лет появился на свет Ли Харви Освальд — убийца президента Кеннеди. Самого Линкольна избрали президентом в 1860 году, а Джона Кеннеди — в 1960-м, и именно секретарь Кеннеди по фамилии Линкольн был против поездки шефа в роковой Даллас. Оба убийцы, и Бут, и Освальд, не дождались суда: их застрелили при таинственных, так и не выясненных до сих пор обстоятельствах.

Кстати, вице-президентами у обоих знаменитых покойников были Джонсоны — Эндрю и Линдон. Первый родился в 1808 году, а второй — сто лет спустя, в девятьсот восьмом...

«В 1881 году застрелили президента Джеймса Хартфилда, а в 1981 году Джон Хинкли стреляет в Рейгана, — успел подумать Президент. — Сегодня какое число?.. Интересно, а что было сто лет назад?»

Чувства страха он, как ни странно, не испытал. Но Эрвин Додж увидел гримасу на лице Президента, перевел взгляд на револьвер, направленный на главу государства, и нервно рассмеялся.

— Ради бога, извините меня, сэр, — сказал начальник охраны и быстро убрал оружие в кобуру. — Пожалуйста, помогите... Надо убрать этих типов, а самим укрыться в машине. Их наверняка страхует с воздуха тот самый вертолет.

Он обогнул со стороны двигателя полицейский «форд», стоявший на обочине проселочной дороги, и открыл дверцу водителя. Тело человека повалилось, и начальник охраны осторожно, чтоб не испачкаться в крови, придержал убитого за плечо.

— Сейчас проверим, не ошибся ли я, — с застывшей на лице кривой ухмылкой проговорил Эрвин Додж и сунул руку в нагрудный карман полицейской рубахи водителя. — А вы откройте ту дверцу, сэр...

Президент потянул на себя правую переднюю дверцу — она не поддавалась, видимо, была застопорена изнутри. Он просунул руку под откинутую на спинку голову мертвого сержанта и освободил от запора дверь.

В это время начальник охраны воскликнул с облегчением:

— Так и есть! Никакой это не полицейский! Агент ФБР, номер ноль шестьсот двадцать первый. Все ясно, мистер Президент! Я тащу его через дорогу в эту сто-

ропу, а вы своего выволакивайте из машины — и вон в те кусты, чтоб не было видно с воздуха и с дороги.

Тело сержанта Джона Виккерса, или как там его звали на самом делё, оказалось не таким уж и тяжелым. Вот только сноровки управляться с трупами у Президента не было. Он едва дотащил мертвеца до кустов, которые обрамляли начинавшийся подле самой дороги лес, как рядом возник Эрвин Додж. Тот справился со своей частью операции гораздо быстрее.

— Надо спешить, сэр, — сказал начальник охраны. — Вы уже обыскали его?

Президент хотел ответить, но язык плохо слушался его. Тогда он отрицательно покачал головой.

— Эдвард Кейси, — прочитал Додж на карточке, которую извлек из нагрудного кармана «сержанта». — Из ЦРУ, мистер Президент. Тут еще пометка: V. I. P. Особо важное лицо.

— Очень интересное открытие, — заметил, усмехнувшись, Президент.

Душевное равновесие возвращалось к нему. Президент больше не сомневался: заговор имел целью не только его устранение, а нечто более жуткое. К дьяволу животные страхи! Ему нельзя умирать не потому, что с этим не хочет смириться природное естество, а потому, что за его смертью глыбится нечто апокалиптическое.

— Да, — сказал Эрвин Додж, пряча удостоверение личности агента ЦРУ в карман, — если две эти фирмы объединяются для того, чтобы убрать одного человека, то шансы остаться в живых для него почти равны нулю.

— Даже если он — Президент Соединенных Штатов. Вы это хотите сказать, Эрвин?

— Увы, сэр... Не буду морочить вам голову: вы попали в самую точку. Но у меня есть еще дюжина патронов к револьверу и пара добрых кулаков. Вы, конечно, не обременяете себя тетушкой Бетси... [1]

Он вспомнил, как Президент забыл оружие в «шевроле», прикусил было язык, но Президент развел руками, и Додж продолжал как ни в чем не бывало:

— Ну, разумеется, зачем таскать с собой оружие самому могущественному человеку на планете... Так... Хорошо... Отсюда этого Эдварда Кейси видно не будет.

Начальник охраны подтащил труп «важной персоны» из ЦРУ к кустам — они надежно закрыли его.

---

[1] Пистолет (*арм. сленг*).

— Не родственника ли Билла Кейси, бывшего директора ЦРУ, вы подстрелили, Эрвин? — спросил Президент.

— Все может быть, сэр. Но поторопимся, нам надо удирать. Сейчас появится вертолет. Эти молодцы из «дорожного патруля» слишком долго не были на связи с теми, кто руководит операцией. Идемте в машину, мистер Президент.

Когда садились в «форд», Президент чуть помедлил, прежде чем опуститься на залитое кровью место рядом с водителем.

— Извините, сэр, — сказал Додж, заметив колебания Президента. — Не было времени сделать э т о аккуратно. Только мы недолго останемся в этой машине.

Он включил двигатель и рванул с места.

— Почему? — спросил Президент.

— На ней смонтирован датчик, который подает сигналы, а по ним пеленгуют полицейскую машину. Противоугонное средство, сэр.

— А рация? Она в самом деле неисправна?

— Была в работе, когда они увидели нас. Я заметил, как этот ряженый цэрэушник взял микрофон, поднес ко рту и что-то сказал. Ну, видимо, дал знать, что обнаружил вас. Это, кстати, один из моментов, возбудивших мое подозрение.

— Нельзя же по одной, даже такой, причине стрелять в людей.

— Номер штата Теннесси на машине. Никак не могли они патрулировать на дороге участок между Эруином и Джонсон-Сити и тут же после сигнала тревоги оказаться неподалеку от места гибели нашего вертолета. Наверно, их готовили на случай, если мы полетим над теннессийской территорией, а потом развернули здесь... Словом, кто-то допустил накладку, они всегда случаются в таких т о н к и х делах, как заговор с целью убийства.

— И все? Маловато, Эрвин. Хотя вы и попали в яблочко. Как Вильгельм Телль.

— Не надо быть швейцарским стрелком, чтобы с двух футов попасть в башку этого парня из ФБР. Яблочко, прямо скажем, крупного размера... Тут вот что. Манеры у них были не те, мистер Президент. Эти парни нисколько не походили на обычных полицейских из дорожного патруля. И выговор у этого типа из ЦРУ был типично калифорнийский, его ни за что не взяли бы в полицию штата Теннесси. Там не любят пижонов с За-

пада. А главное — профессиональное чутье. Сначала первое подозрение — где-то что-то не складывается. Потом вспомнился «летающий банан», который погубил наш вертолет, он ведь тоже из дорожного патруля. Тут я все прикинул и понял: эти «полицейские» везут нас полным ходом на убой. А может быть, у них был приказ и живьем вас доставить...

Президента передернуло.

— Но пока меня никто не сместил с должности начальника секретной службы Белого дома, — продолжал Эрвин Додж, — я обязан охранять вас от любых неприятностей. И мне показалось — эти шустрые ребята не те, за кого себя выдают, надо действовать. Остальное видели сами, сэр.

Помолчав немного, Додж добавил:

— И еще, сэр... Помните, я спросил цэрэушника, переодетого сержантом, со стороны ли туннеля он едет? Впрочем, им просто неоткуда больше было ехать. Так вот, будь это на самом деле патруль, они столкнулись бы с нашим Диком, живым или уже мертвым. И тогда этим «полицейским» было бы что сказать нам. Но только они не проронили ни звука. Хотя наверняка знали о гибели Хиллгарта.

— Вы уверены, что Дик...

— Конечно же, мертв. Он ведь взялся отвлекать от нас этих подонков. И перекрашенный вертолет первым делом должен был уничтожить автомобиль, рассчитывая, что именно в нем находитесь вы, сэр. А Дик принял огонь на себя. У него осталось двое ребятишек...

Президенту стало вдруг зябко, он снова передернул плечами, хотел произнести слова сочувствия, но сразу понял, что слов никаких произносить сейчас не надо.

— Куда мы едем, Эрвин? — спустя несколько минут спросил Президент.

— Дорога уходит в лес, а за ним должен быть хайвэй, идущий параллельно тому, где нас взяли в машину. Машину наверняка сейчас пеленгуют, и я хочу бросить ее в лесу. Потом под прикрытием деревьев мы выберемся к бензоколонке, а там есть телефон, который свяжет нас с Белым домом.

«Положение явно незавидное, — с горечью подумал Президент. — Если бы не Эрвин Додж, то с а м ы й могущественный человек Земли был бы сейчас мертвее дохлого осла, к партии которого он имеет сомнительную честь принадлежать...»

Как-то его конфиденциально познакомили с дневниками покойного Гарри Трумэна. После того как президентом избрали нелюбимого им Джона Кеннеди — Трумэн называл его «незрелым демократом», — преемник Рузвельта записал: «Мы ныне величайшая республика в истории мира. Мы должны сохранить ее. Я отдаю немногие годы, оставшиеся мне, разъяснению подрастающему поколению, что оно имеет и что должно сохранить. Стоило римлянам начать откупаться от службы республике, ожиреть, облениться и поручать рабам делать то, что надлежит делать гражданину, как пришли Цезарь, Помпей, великий Август, и для Римской республики наступил конец... Мы ее наследники. Что нам сделать, чтобы избежать ее судьбы?.. Избрать достойного правителя, ибо институт нашего президентства величайший в истории мира. Ни один из восточных владык, римские императоры, французские короли, Наполеон, королева Великобритании Виктория, Чингисхан, Тамерлан, императоры Моголы, великий багдадский Халиф не имели половины власти и влияния, какими нынче располагает президент США».

Президент сердито хмыкнул: «А каким могуществом обладаю сейчас я? У меня даже нет завалящего «прутика» [1] в кармане...»

— Вертолет! — неожиданно вскрикнул Додж.

44

— Что нам делать с вертолетом? — спросил Патрик Холл, председатель Комитета семи.

Этот вопрос он задал сразу после того, как улеглась небольшая суматоха, вызванная погасшим экраном Маккарти.

Джон Галпер немедленно соединился с его резиденцией — узнал о том, что возникла минутная неисправность и скоро лицо босса появится на экране видеофона.

Разговаривал с Галпером личный секретарь Маккарти. Это предусматривала инструкция «Лиги седых тигров» — потянуть время. Чем позже они узнают о смерти Маккарти, тем лучше.

Но руководители лиги не знали одного крайне важного обстоятельства. Именно Маккарти был определен

---

[1] Rod — прут (*англ.*) и пистолет на армейском жаргоне.

Комитетом семи на роль предохранительного клапана, который должен выпустить нагнетаемый ими пар в критическую минуту. Заговорщики, поставившие перед собой цель захвата власти в Соединенных Штатах, установление в стране диктатуры, вовсе не были спятившими маньяками, они хорошо понимали: исполни Оскар Перри ядерный приказ реально — тысячи «Громобоев» в два счета уничтожат Америку. Поэтому был предусмотрен канал, по которому босс-координатор Маккарти должен был связаться с русскими, объяснить им внутренний характер экстремальных событий, происходящих в Соединенных Штатах. Именно Маккарти располагал информацией, которая убедила бы русских в том, что подлинной опасности атомной войны не существует...

Этого не знали ни адмирал Редфорд, ни исполнитель лиги, выстреливший Маккарти в затылок. И с этого момента события в мире становились неуправляемыми.

...Теперь секретарю надо было поставить на десятиминутный интервал таймер взрывателя фугаса, заложенного в подземном кабинете шефа, и попытаться выбраться за это время на поверхность. И конечно, обвести вокруг пальца охрану, если той взбредет в голову позвонить Маккарти и спросить, почему его секретарь упорно стремится покинуть их надежное подземное логово.

— Да-да, — встрепенулся Питер Розенфельд, — вертолет становится опасным. Ведь тот их летчик успел сообщить, кто именно атаковал президентскую машину.

— Мы учли это обстоятельство, Пит, — ответил сообщнику Эдгар Гэйвин и посмотрел на Годфри — в конце концов он отвечал за акцию.

— Сейчас мы подняли в воздух второй вертолет, экипажу его не известны предыдущие события, мистер Холл, — доложил Годфри, обращаясь к председателю. Патрик Холл был единственным профессиональным военным среди них, если не считать непродолжительной службы в подразделении «зеленых беретов», которую проходил Энтони Свейн ради сильных ощущений. — Они уже в радиоконтакте с машиной «синих волков».

— Нас интересует судьба первого вертолета, — сухо произнес Холл.

— Она будет решена... — Уильям Годфри посмотрел на часы, — через тридцать секунд, — сказал он.

... — Вертолет! — крикнул Эрвин Додж, прибавляя скорости полицейскому «форду». Он стремился войти в ту часть леса, где кроны высоких деревьев смыкались над дорогой. Это позволило бы им с Президентом незаметно покинуть машину и, пробившись через чащобу, выйти к заправочной станции.

Вертолет появился над ними в тот момент, когда Додж успел уже уйти в тень больших деревьев. Он пронесся вдоль дороги, затем сделал правый разворот и, снижаясь, направился в их сторону.

— Он держит нас на радиопривязи! — сказал начальник охраны. — Надо бросать жестянку, она становится ловушкой, мы не выберемся из этой «кучи» [1], сэр.

— Вам лучше знать, Эрвин, — ответил Президент. — Для меня теперь вы самый могущественный человек на свете.

«Из этого положения не нашли бы выхода и лучшие стратегические умы Пентагона», — усмехнулся хозяин Белого дома.

...В первые недели пребывания в доме № 1600 он постигал азы военного искусства. Три раза в неделю спускался в подвал резиденции, где располагался Ларри Холмс, его помощник по национальной безопасности. «Какое счастье, что у Ларри случился приступ аппендицита! Ведь он так хотел полететь со мной к горе Митчелл...»

Рядом с кабинетом Холмса находилась знаменитая «ситуационная комната» — набитое радиоэлектроникой помещение, где Президент выслушивал доклады директора ЦРУ, государственного секретаря и председателя КНШ, изучал секретные карты дислокации американских войск и схемы-варианты возможных операций против потенциального противника. Именно здесь проигрывались кризисные ситуации, прикидывались действия в случае локальных и планетарных конфликтов, которые могут быть развязаны коммунистическим сообществом.

В этой самой комнате, где, без преувеличения сказать, решалась судьба мира, Президент впервые показал зубы, подвергнув критике натовскую концепцию «глубоко эшелонированного удара», именуемую в обиходе «Пла-

---

[1] Игра слов. Heap — куча, груда, а также «автомобиль» на армейском сленге.

ном Роджерса», по имени бывшего главнокомандующего вооруженными силами НАТО генерала Бернарда Роджерса.

В основу этого плана легла идея «воздушно-наземной операции», которую стратеги США считали основной формой, способом ведения боевых действий в Западной Европе. Смысл идеи был в том, чтобы не только разгромить противника перед фронтом двух войсковых контингентов, но и одновременно уничтожить людские и технические резервы на большую глубину вражеской территории. При этом апологеты «Плана Роджерса» утверждали, что принятие его повысит ядерный порог, поскольку эта стратегическая концепция предусматривает применение неядерных средств поражения, делает ставку на новое высокоточное и эффективное оружие обычного типа.

Тщательно изучив саму концепцию и сопутствующие ей материалы, Президент увидел слабость и уязвимость «Плана Роджерса».

— Теперь нет смысла, — сказал он, собрав в «ситуационной комнате» своих стратегов, — покрывать нашим ядерным оружием мнимое советское превосходство в Европе. Пора сказать самим себе, о чем мы пытаемся умолчать. О самом главном, что не дает нам покоя, что сделало прежде недоступную для нападения Америку такой беззащитной и уязвимой. Вы понимаете, что я говорю о русских ракетных подлодках, которые держат под прицелом Североамериканский континент. Вот о чем надо думать, а не об играх в солдатики в Европе!

Президент добавил также, что возникновение конфликта в Европе между Североатлантическим союзом и странами Варшавского Договора даже в очень скромных масштабах, если вообще какие-либо вооруженные конфликты можно назвать «скромными», нанесет острейший удар по всей системе мирового равновесия. А если военные действия станут расширяться, то ядерный порог в этом случае не поднимется, а станет предельно низким и может оказаться легкопреодолимым.

— Вот вы толкуете, — сказал Президент, — о том, что планируется нанесение ракетных ударов по вторым эшелонам, тыловым объектам, резервам противника. Но как вы мыслите сообщить той стороне, что ваша ракета, летящая в цель, снабжена обычным ВВ, а не ядерной боеголовкой? Представьте себя на месте русских. Вы, как и они, будете исходить из худшего варианта, неминуемо

решите, что подверглись атомному удару, и ответите соответствующим образом.

— Но ведь мы теперь тоже собираемся принять обязательство не применять первыми ядерное оружие, — заметил директор ЦРУ.

— Вы тут же откажетесь от этого обязательства, если вам вдруг сообщат, что русские запустили ракеты. Или собираются это сделать в ближайшие часы-минуты...

И тогда, в «ситуационной комнате», и сейчас, преследуемый неизвестными заговорщиками, среди которых были и люди Дональда Крузо, Президент никак не мог предположить, что именно эта его фраза натолкнула директора ЦРУ на разработку плана, нужного для Комитета семи.

— Все, — сказал начальник секретной службы, останавливая машину, — приехали, сэр... Следующая остановка — Бруклинский мост. Только нам туда пока не надо.

Он быстро выскочил из «форда», обогнул его сзади и помог оставившему автомобиль Президенту перебраться через полутораметровую изгородь: она проходила между лесом и проселочной дорогой, не позволяя оленям перебираться на другой участок.

— Теперь мы еще и за изгородью, — пошутил Президент.

— Ничего, — успокоил его Эрвин Додж, — пройдем по этой стороне, потом переберемся на другую.

«Только бы не пустили по следу собак, — подумал он. — Если у них есть собаки, нам не уйти».

— Послушайте, Эрвин,— сказал Президент, когда они углубились в лес ярдов на полтораста, — этот проклятый вертолет тарахтит прямо над нашим «фордом».

— Здесь он не сможет сесть, — отозвался начальник охраны, он шел впереди, исследуя дорогу, — деревья помешают. Но может вызвать другую машину. Поторопитесь, мистер Президент. Прибавьте скорости...

Они прошли еще тридцать — сорок шагов, когда наверху вдруг оглушительно треснуло и на кроны деревьев рухнули горящие обломки вертолета.

45

Обедали в офицерском зале военторговского кафе «Галактика», потолок которого был искусно расписан под звездное небо, а на стенах продолжали космический мотив прекрасные фрески.

— Чья работа? — спросил Главком у командира соединения, когда рассаживались за банкетным столом овальной формы. — С хорошим вкусом художник. Со стороны приглашали?

— Никак нет, товарищ Главный маршал, — ответил, горделиво улыбаясь, новоиспеченный генерал. — Свой умелец. Парнишка из Строгановки вызвался учинить все это. Срочную службу проходит у нас. Подобрал помощников из таких же рядовых — и вот... Всем нравится.

— Мне тоже, — сказал Главком, глядя, как командир соединения разливает в бокалы гранатовый сок.

«А ведь всегда утверждали, что дурные традиции более живучи, чем добрые, — подумал он. — Чепуха все это. Само добро более жизнестойко, нежели зло. Стоит лишь добру объединиться, ему никакие темные силы не страшны. Поднялись всем миром против пьянства и одолеют его. А манера пить соки за здоровье хоть и со скрипом, но приживается».

Обо всем этом он и сказал в коротком тосте, когда поздравлял командира с первым генеральским чином.

— Может быть, отдохнете, товарищ Главный маршал? — предложил ему командир соединения после обеда. — В домике все приготовлено.

— Ладно, — согласился маршал, — пожалуй, и в самом деле можно немного передохнуть.

«Там тихо, — подумал он, зная, что этот гостевой коттеджик стоит в лесу на отшибе. — Посижу да поработаю над тем материалом».

Собираясь в командировку, Главком не успел познакомиться с текстом беседы, которую провел с ним давнишний его знакомец писатель Скуратов. Собеседник просил прочитать то, что он написал со слов маршала, побыстрее. Ждут, дескать, в журнале. Вот Главком и взял рукопись в дорогу.

В гостевом домике он расположился за письменным столом, стоящим у окна. Сюда не давали проникнуть июльскому солнцу голубые канадские ели — их посадили лет двадцать назад, и деревья давно уже поднялись над крышей.

Его беседа с писателем начиналась с разговора о формировании личности маршала.

Маршал внимательно прочитал страницы, посвященные его детству и юности, тому времени, когда он был сельским учителем на Харьковщине, службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Потом бронетанковое учи-

лище, академия... Он закончил ее в сорок первом и 5 мая был на приеме в Кремле, слышал, как Сталин говорил о том, что война с гитлеровской Германией неизбежна и большим счастьем будет, если удастся отсрочить хоть ненадолго.

И долгие четыре года войны, да и всю остальную жизнь, вплоть до нынешнего дня, маршал не мог постичь парадоксальность удивительного психологического феномена. Не укладывалось у него это в сознании. Ведь он сам слышал, как Сталин призывал выпускников военных академий быть готовыми к ближайшему и неминуемому нападению Германии и в то же время отвергал просьбы некоторых командующих приграничными округами разрешить им заблаговременно выдвинуть войска на оборонительные рубежи вблизи западной границы, привести их в боевую готовность.

«Мы победили, — подумал Главком. — Но та дорогая цена, которую заплатили за эту победу, требует еще и еще раз обращаться к начальному периоду войны, передать наследникам вечный ратный завет: держите порох сухим! Но **вечный** ли? Неужели человечество никогда не сумеет создать на планете мир без оружия?»

А писатель спрашивал его о первых днях войны, которую маршал встретил на Черной речке, под Ленинградом.

— Первые дни войны запомнились мне, как и всем ветеранам, на всю жизнь. За неделю до 22 июня в Ленинградском округе началось окружное командно-штабное учение. Утром 21 июня учение внезапно прервалось, и все разъехались к местам постоянной дислокации. В субботу я вернулся в гарнизон. Старшие командиры жили в городе, в штабе находился один. Ночью — тревожный звонок из округа: «На границе неспокойно. Возможны конфликты». А танки все стоят в парках. Принимай, думаю про себя, решение, старший лейтенант! И приказываю на свой страх и риск готовить танки.

— Чувство предосторожности?.. — тихо спросил писатель.

— Оно никогда не должно оставлять ни маршала, ни солдата.

Навсегда запомнил он эти первые недели и месяцы войны. Великие Луки, Дно, Новгород, Чудово, Лодва, волховские рубежи. Потом Калининский фронт...

— Мои коллеги — литераторы, — сказал тогда Скуратов, — которые писали и пишут о современной армии,

нередко жалуются на трудности освещения темы. Писать о войне нелегко — знаю по собственному опыту. Но в боевых действиях характеры чаще всего проявляются сразу же, в первом бою. Писать об армии мирного времени труднее. На мой взгляд, потому, что писателю, живущему вне армейской действительности, недостает информации о ней. Скажем, хорошо известно, что основой художественного произведения является конфликт. Но может ли присутствовать, например, в романе о современной армии острый конфликт?! Все-таки армия — это строгий регламент уставных положений, сознательная, но железная дисциплина, высокий уровень товарищества, воинского братства...

«Советский солдат — не раб устава, — прочитал сейчас свой ответ маршал. — Его воспитание должно идти таким образом, чтобы приказ командира солдат воспринимал как необходимость: «Так надо!» Разве эта, одна из самых главных, но и самых трудных задач воинского воспитания — не интереснейшая тема для современной литературы?! К тому же и конфликтов в армии достаточно. И серьезных. Есть у нас и перестраховщики, и карьеристы, и нарушители требований тех же уставов...»

Они помолчали.

— Порой бывает так, что сама армия неохотно знакомит общество с тем, что внутри ее происходит, — снова заговорил писатель. — Особенно с негативными явлениями, они ведь тоже есть?

— Подлинный демократизм общества заключен в широкой гласности по поводу того, что в этом обществе происходит. Армия же — только часть общества. Его особая, со специальной целью защиты государства созданная, но все-таки только часть... И поэтому, на мой взгляд, законы общества — это и законы, которые должна исповедовать армия. Хотя, конечно, без уставов и требования их строгого исполнения у нас, в армии, не обойтись.

— Еще один, так сказать, литературно-теоретический вопрос, — продолжил Скуратов. — Некоторых авторов, пишущих о войне, редакторы упрекают за показ непомерной, дескать, жестокости при описании боевых эпизодов, натурализм в изображении самого тяжелого испытания в жизни нашего народа. Мне лично представляется это неправильным. Я бы даже сказал — кощунственным. Ведь ни один писатель не может написать о войне страшнее, чем она есть на самом деле.

— Воистину так! Приходится только пожимать плечами, когда читаешь о «красивой», эдакой театральной смерти героя, не можешь дочитать иную книжку о войне — ее страницы прямо-таки склеились от патоки умилительного, сюсюкающего тона, каким автор решил рассказать о жестоких событиях, которые пережили фронтовики. А кто-то не пережил...

Понимаю, мне могут возразить: у искусства свои законы. Это так. Но без правды нет настоящего искусства.

Если мы будем показывать нашему солдату войну как приключение, как увлекательную игру, он будет морально не готов вступить в настоящее сражение. Нет! Пусть видит пот и кровь, пусть знает, что война — не только мгновенный подвиг. Это еще и каждодневный архитяжелый труд, это потеря товарищей, с которыми ты делил место в землянке, кусок хлеба, щепоть махорки. Это разоренное врагом жилище твоих родителей, разрушенные города, трупы женщин и детей. Словом, страшное, жестокое явление. Ни одному здравомыслящему человеку не хочется, чтобы такое пришлось увидеть и пережить вновь. «Война не игрушка, — говорил Ленин, — война — неслыханная вещь, война стоит миллионов жертв...»

Хорошо зная о том, что безумцы не перевелись в мире, наши ракетчики всегда находятся в постоянной высокой боевой готовности. Солдат, воспитанный на правильном восприятии прошлой войны, скорее и осознаннее примет требования уставов и командиров. Он поймет, что в войне выживает и побеждает наиболее идейно закаленный, профессионально подготовленный, организованный человек. Это именно и есть то, чего мы добиваемся...

Остались последние страницы беседы, в которых писатель связывал духовность современной армии с художественной литературой, а маршал рассказывал о лучших людях Ракетных войск стратегического назначения.

«Теперь надо просмотреть завершающие фразы», — подумал маршал.

«Когда я думаю о предмете нашей беседы, — говорил Главнокомандующий, — то всегда вспоминаю слова Виссариона Григорьевича Белинского: «...Литература есть сознание народа». У нас с вами разные средства, но цель одна — возвысить общество до идеала, которого истинно заслуживает человечество. Вы, писатели, решаете нравственные и эстетические проблемы. Мы, воины, обеспечиваем нашему народу мирное, в звездных алмазах небо.

Принципы добра и зла ныне приобретают планетарное значение. Наша позиция общеизвестна — всеобщий мир и разоружение. Но должен заявить для тех, кто думает, что мы забыли уроки сорок первого года: врасплох нас никому застать не удастся. Девизом ракетчиков стали пророческие, столько раз оправдавшие себя слова Александра Невского: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет!»

Маршал удовлетворенно хмыкнул, потом улыбнулся: слова князя Александра вставил от себя писатель. Аккуратно сложил листки, отодвинул в сторону, поднялся из-за стола, устало потянулся, подумал, что беседа получилась; вернется в Шимолино и сразу позвонит писателю.

Вдруг он услышал резкий звук автомобильного двигателя — к крыльцу домика подскочил «уазик».

«За мной? — подумал Главнокомандующий. — Вроде бы еще рановато...»

И тут в комнату ворвался командир соединения.

— Получен приказ! — выпалил он, переведя дыхание, и потом уже, через паузу, добавил: — Товарищ маршал...

— Надеюсь, учебный? — спросил Главком и ощутил вдруг, как заныло и противно потянуло в левой части груди.

— Боевой! — выдохнул генерал.

46

Комната, в которой устроили полковника Тейлора на ночлег, точнее, на короткий отдых, выходила во двор, куда почти не доносились шумы просыпающейся столицы. Впрочем, Джорджтаун — прибежище наиболее старинных, аристократических, если так можно сказать о потомках бывших колонистов, американских семейств — всегда отличался относительной тишиной и патриархальностью быта. Эта часть Вашингтона, между Потомаком и его рукавом, окруженная вереницей парков, среди которых был и знаменитый Думбартон-Оукс, где в 1944 году министры иностранных дел Америки, Англии, России и Китая договорились о создании Организации Объединенных Наций, существовала еще до того, как Джордж Вашингтон определил здесь место для новой столицы республики. Тенистые улицы, застроенные старинными домами, и тихая набережная канала с медленно текущей водой. Университет, военно-морская обсерватория и па

скрещении улиц Массачусетс и Висконсин кафедральный собор — его кичливые вашингтонцы сравнивают порой с Вестминстерским аббатством.

Джорджтаун считался оплотом американских либералов, выступавших за трезвую и разумную внешнюю политику и необходимость реформ внутри страны для смягчения острых социальных противоречий, которые с тревожащей очевидностью раздирали Америку. Именно здесь жили те, кто поддержал Президента в его предвыборной борьбе с кандидатом от правых консервативных кругов, в политике которых разочаровалась немалая часть американцев. Многие джорджтаунцы входили и в нынешнюю администрацию.

Лерой Сэксер привел полковника Тейлора в небольшую комнату, занятую широкой кроватью с резными спинками и небольшим старинным столом-бюро у изголовья. Оглядев обстановку, тот невольно улыбнулся: так эта комната напоминала ему его собственную спальню из счастливых детских времен, когда он безмятежно существовал в уютном и таком защищенном от несуразностей бытия двухэтажном доме родителей, не подозревая, что за пределами их небольшого городка существует сам по себе огромный и беспощадный о с т а л ь н о й мир.

Уснул он сразу, едва опустил голову на подушку, и увидел, как выходит из главного здания Виргинского университета, в котором учился перед тем, как уйти после Пёрл-Харбора на призывной пункт. Дик Тейлор чувствовал себя молодым и здоровым, полным энергии и решимости отомстить «джапам» за американских парней на Гавайях. Уже были известны подробности вероломного нападения японских самолетов с подкравшихся к островам авианосцев. Это и определило намерение студента юридического факультета пойти служить в авиацию. Сейчас он торопился к давней подружке, чтобы сообщить о принятом решении. Странное дело, Тейлор хорошо знал, что терпения у нее хватит только на три месяца, а потом она выйдет замуж за его друга, который тоже был призван в армию, но, как бывший студент факультета журналистики, устроился в Вашингтоне в центре по обработке военной информации. Но вот во сне Дик будто забыл об этом и быстро шагал по улицам университетского городка.

— Подождите, мистер Тейлор! — окликнул его вдруг

звучный мужской голос, в котором чувствовались сила и некая ирония, насмешливость, что ли.

Дик повернулся. Он увидел, что стоит подле огромного мраморного кресла, а в кресле сидит и, улыбаясь, смотрит на него Авраам Линкольн. Он был точно таким, как в мавзолее напротив Арлингтонского моста, но только не из белого камня, а совсем-совсем живой.

— Куда вы так торопитесь, Дик? — спросил Линкольн.

— На войну, мистер президент! — бодро ответил Тейлор.

— Но ведь там убивают!

— Совершенно верно, сэр!

— И вы не боитесь того, что вас убьют на войне, молодой человек? Не страшитесь «отправиться на Запад»?

Тейлор уже знал, что на языке американских солдат это выражение означает «погибнуть». Оно возникло среди предков-колонистов, охотников и ковбоев, отправляющихся осваивать неведомые, полные непредвиденных опасностей земли к з а п а д у от Миссисипи. Он хотел ответить президенту, что происходит из славного американского рода, в котором несколько поколений, родившихся в Новом Свете. Но промолчал.

А Линкольн выпрямился в мраморном кресле и проговорил суровым голосом:

Слышен гром тревожных колоколов —
медных колоколов!
Они об ужасе гремят, непокорные,
рокочат!
И в страхе собственном пронзительно кричат
в испуганное ухо ночи!

Ричард Тейлор хорошо помнил, что стихи эти написал Эдгар По, но сейчас он воспринимал их как некое предостережение, исходящее от самого президента.

— Не дрогнешь ли ты в бою, Ричард Тейлор? — спросил Линкольн.

— Никогда! — ответил будущий пилот и проснулся.

Он понял, что уже самое настоящее утро, и, почувствовав себя вполне отдохнувшим, глянул на часы — сейчас придет будить его Сэксер. «Я не доставлю удовольствия старине Лерою видеть меня безмятежно спящим», — усмехнулся полковник и быстро поднялся, прошел через узкую дверь в ванную.

Едва он умылся, в спальную комнату вошел Сэксер,

поздоровался и сказал, что адмирал ждет его через четверть часа.

— Есть новости? — спросил Тейлор, ответив на приветствие.

— Будут, — лаконично ответил Сэксер и удалился.

В кабинете адмирал Редфорд был, как и прежде, один. Он увидел, как полковник несколько недоуменно огляделся, и сказал, кивнув приветственно:

— Сейчас соберутся члены совета. Выпейте со мной сока, Ричард.

Когда полковник взял бокал со столика (на нем находилось еще с дюжину таких бокалов, в которых уже плавали кубики льда), он подумал, что Редфорд вряд ли ложился в эту ночь.

— Штудировал Клаузевица, — улыбнулся адмирал, будто отвечая на мысли Тейлора. — Знаете, я всегда нахожу какой-нибудь новый поворот в мышлении этого удивительного пруссака.

— Библия военного человека, — усмехнулся полковник. — Я тоже изредка заглядываю в это сочинение, хотя авиации во времена Клаузевица не существовало.

— Его книга дожила до нашего времени потому, что она написана не столько солдатом, сколько философом, Тейлор. Вот послушайте: «...Война относится не к области искусства и наук, а к области общественной жизни. Она есть конфликт крупных интересов, который решается кровопролитием... Политика есть лоно, — продолжал адмирал, — вынашивающее войну. В политике уже заключаются в скрытом виде основные очертания войны, подобно тому как облик живого существа кроется в его зародыше».

Редфорд закончил читать и захлопнул книгу.

— Вот так-то, Тейлор... Пока все в мире развивается по Клаузевицу. Недурным диалектиком был этот прусский генерал, участник битвы при Ватерлоо. «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики другими средствами». Коротко и ясно.

— Но сейчас, когда война равносильна самоубийству обеих сторон, положение Клаузевица потеряло смысл, — возразил полковник.

— Как знать, — покачал головой Патрик Редфорд. — Если наши худшие опасения оправдаются... Через пять — десять минут узнаем, устарел ли Карл Клаузевиц. А вот и генерал Макклюр. Входите, Джейк, и берите свой оранджж. Завтрак подадут, когда соберутся остальные.

Генерал Джейк Макклюр вышел в отставку и сейчас был заместителем адмирала в «Лиге седых тигров», отвечающим за безопасность ее тайной деятельности.

— Я никогда не завтракаю так рано, — проворчал Макклюр, о котором Тейлор знал, что его кандидатура трижды выдвигалась на пост председателя Комитета начальников штабов при прежних президентах, но совместными стараниями ФБР и ЦРУ Джейка отводили как проходившего по категории «голубя». — А соку я выпью, — продолжал генерал Макклюр с характерным для джорджийцев мягким выговором, произнося в нос отдельные слова так, что порой надо было вслушиваться в их смысл. — Едва бросив сосать материнское молоко, я принялся пить орандж целыми галлонами. На ферме у нас была апельсиновая роща, так что мы едва ли не купались в этом добре.

Постепенно собрались почти все члены совета, кроме тех, кто руководил сейчас в различных районах Америки действиями, блокирующими возможные авантюры Комитета семи.

— Новости есть? — подал голос бригадный генерал, тезка Тейлора, Ричард Харрис, бывший командир крыла МБР в штате Монтана, сейчас он «опекал» Стратегическое авиационное командование. — Мы ждем ваших сенсационных известий, адмирал!

Харрис считал себя главным авторитетом во всем, что касается стратегических ракетных сил Соединенных Штатов, сам был профессиональным ракетчиком и потому не очень-то верил в такую самоубийственную авантюру, как попытку застать русских врасплох.

— Терпение, Ричард, — мягко проговорил глава лиги. Он понимал состояние генерала-ракетчика и поступился сейчас правом напомнить Харрису о соблюдении субординаций.

В дверях показался Лерой Сэксер, и адмирал Редфорд едва заметно вздрогнул. Принуждая себя не делать порывистых движений, он потянулся к телефону закрытой от подслушивания связи. Снял с аппарата трубку и молча выслушал все, что ему говорил невидимый информатор.

— Они сошли с ума, — проговорил адмирал севшим голосом, когда медленно положил трубку на рычаг.

На глазах остальных Редфорд вдруг осунулся, теперь явственно было видно, какой старый, измотанный жизнью этот человек.

Ричард Тейлор посмотрел на табло электронных часов.

Было две минуты девятого.

Зеленый Вождь шумно вздохнул.

— Боевая готовность номер один отменяется, — сказал он. — С этой минуты объявляю состояние войны! Комитет начал ее две минуты назад. Все у них пойдет по плану «Миннесота».

Когда все вышли, адмирал Редфорд подошел к нему, положил руку на плечо и заглянул в глаза.

— Сейчас вы немедленно отправитесь в Пентагон. Разыщите первого заместителя министра обороны Нормана Гернси. Только у него теперь, не считая Перри, есть право отменить приказ на ракетно-ядерный удар. Это мой друг, Ричард, хотя он и не знает всего о «седых тиграх». Доверьтесь ему, полковник, иного выхода у нас нет. Необходимые документы о заговоре Комитета семи вам передаст Лерой. И свяжитесь в Пентагоне с дежурным генералом Монтгомери. Он ничего не может изменить, но даст вам необходимую информацию о состоянии боевой готовности вооруженных сил. Расскажите ему все, что считаете нужным для дела. Кроме того, в сегодняшней дежурной смене на ЦКП Пентагона есть наш человек. Сэксер даст вам выход на него. Действуйте, Ричард Тейлор! Возможно, именно в ваших руках судьба Америки и всего мира... — Он легонько хлопнул полковника по плечу.

— А что будет с теми?.. Я про Комитет семи, — спросил Тейлор.

— Мы уничтожим их как бешеных собак, — жестко проговорил адмирал Редфорд. — Начав действовать по плану «Миннесота», они подписали себе смертный приговор. Уж эти-то подонки не проживут больше полутора-двух часов. Кроме генерала Холла. Его, как бывшего солдата, будет судить военный трибунал лиги.

«А чем он лучше остальных?» — мысленно возразил полковник, но говорить об этом не стал.

— И вот еще что, — сказал адмирал. — Скажите мне, Ричард... Ваш сын — ракетчик. Он выполнит этот боевой приказ, зная, что тем самым запускает русские ракеты, нацеленные на его командный пункт и базу, его дом, жену и детей?

— Да, сэр, — твердо ответил Тейлор.

47

Добрая, надежная связь всегда была заботой Главкома. Он хорошо помнил, какие потери несли мы в начале войны из-за отсутствия у командиров информации о том, что происходит у левого или правого соседа, да и в собственных подразделениях. А у стратегических ракетчиков значение связи возросло тысячекратно. Тут даже убеждать никого не надо. Все понимают, что боевой приказ должен прийти синхронно, его обязаны в единый миг получить все ракетные войска, несмотря на меридианы с параллелями и целый десяток часовых поясов.

Только одно дело, когда все это понимают, а вовсе другое, когда начинаешь создавать реальную такую связь. Дело не простое, но Главком не унимался до тех пор, пока генерал-связист не доложил ему, что теперь у них самая надежная система связи.

...Сейчас, когда Главком мчался с командиром в машине, он мысленно представил ракетные подразделения, разбросанные по стране. Его ждал чрезвычайный контакт с Москвою. Она хочет лично ввести Главнокомандующего в курс событий.

«А Гришин у Вощинского, — подумал маршал о своем первом заместителе. — Надо было оставить его в Шимолине. Хотя там сейчас начальник Главного штаба с помощниками. Справятся...»

Последнее рассуждение было чисто риторическим, остаточным, что ли. Оно существовало еще с тех времен, когда рота, батальон, а то и полк поднимались вслед за бегущим по изрытой оспинами воронок земле командиром. Стратегические ракетные силы действовали по иному принципу. Вот он, Главком, сейчас здесь, а глобальную задачу выполнит по приказу Ставки каждый его подчиненный.

И все-таки ему было бы куда спокойнее, если бы приказ застал его в Шимолине, в собственном кабинете. В крайнем случае — дома или по дороге на службу: аппараты спецсвязи существовали всюду, где бы ни находился в данный момент главком — в машине и на даче, в спальне и в самолете, уносящем маршала за тридевять земель, и в особой комнате рядом с любым помещением, где он выступал, совещался, инструктировал подчиненных. Это было крайне утомительно — жить в постоянном напряжении, не отдаляться от тревожного

телефона на расстояние больше сотни метров, но постепенно Главком привык к подобному образу жизни, если к этому вообще можно привыкнуть.

Только усталость от существования постоянного психологического пресса неизбежно накапливалась в организме маршала, и когда он стал ощущать эту усталость, написал рапорт Министру обороны.

Он вспомнил беседу с писателем, которую только что перечитывал в гостевом домике, и подумал, что неплохо бы его собеседнику оказаться в нынешней ситуации: вот он, глобальный конфликт в жизни современной армии, на отсутствие которых так сетовал Скуратов. «Вернусь в Шимолино — приглашу писателя поехать вместе на отстыковку боеголовок и опытный демонтаж ракет». При этом у маршала даже не возникло никаких сомнений в том, что он вообще когда-нибудь вернется куда-либо и будет ли существовать Шимолино через несколько минут, полчаса, час... Сохранится ли улица Мосфильмовская, где осталась в городской их квартире верная его спутница, жена...

«Уазик» на предельной скорости подлетел к командному пункту соединения и резко затормозил у входа. Быстрыми шагами прошел маршал в специальную кабину дальней телесвязи с Москвой. Там находился офицер-оператор, который принялся было докладывать, но маршал махнул ему: не до того, соединяйте поскорее...

Цветной экран уже светился рамкой настройки. По инструкции изображение передавалось только в том случае, если к разговору приступал облеченный особыми полномочиями человек. У Главкома такие полномочия, разумеется, были. Он кивнул офицеру, указавшему на сенсорный переключатель, и, когда услышал за спиной звук закрываемой двери, протянул вперед палец, который, несмотря на всю выдержку маршала, предательски задрожал...

Едва Главком коснулся чувствительной красной клавиши, экран дрогнул, засветился, и на нем возникло лицо Председателя Совета Обороны. Эффект присутствия его в этой небольшой комнате был таким, что абонент непроизвольно отшатнулся: ведь этой связью — на самый крайний случай! — маршал за годы на своем посту не пользовался ни разу.

Несмотря на трагичность ситуации, Главком с щемящей тоской осознал вдруг, как постарел и осунулся

Председатель... И тогда только осознал в полной мере то, что на всех на них сейчас надвигалось.

— За вами выслали самолет Генштаба, — не поздоровавшись, сказал Председатель, обычно приветливый к людям, которые его окружали, видевший огромную психологическую силу в форме обращения к людям. — А пока берите в руки параллельное командование. Основное взяла уже на себя Ставка.

Тут он вспомнил, что Главком еще не знает подоплеки боевого приказа, который получили подчиненные маршалу Ракетные войска стратегического назначения, и заставил себя улыбнуться. Улыбка была вымученная, скорее, гримаса, но маршал уловил в ней то знакомое оптимистическое спокойствие, разумную уверенность, которую всегда вселял этот человек, и на сердце у него немного полегчало.

— Идет беда, — просто сказал Верховный, назвав маршала по имени и отчеству. И тогда Главком вдруг вспомнил любимую внучку Ленку. Полгода назад она вышла замуж.

48

Генерал-майор Сэмюэль Питкин, ведающий внешней разведкой, не имел прямого касательства к службе безопасности, которая занимала особое положение и подчинялась непосредственно министру обороны. В задачи двадцати пяти тысяч ее сотрудников, съедавших в течение года свыше двух миллиардов долларов, входили и деликатные обязанности по раскрытию шифров иностранных государств, в том числе и союзников Америки, и ведение радиотехнической разведки в глобальном масштабе, и разработка собственных кодов для правительства, дипломатов и военных ведомств, а также блокировка каналов секретной информации от попыток проникнуть в них потенциальных противников и друзей по НАТО.

Управление руководило аналогичными службами — своими филиалами — во всех видах американских вооруженных сил и в других ведомствах. А с помощью двух с половиной тысяч станций радиоперехвата и пеленгации, размещенных в Старом и Новом Свете, перехватывало любой радиообмен, который расшифровывался высококвалифицированными специалистами-экспертами. К услугам их в специальных лабораториях были смонтированы сотни ЭВМ последних поколений. У шпионской

фирмы были также собственные корабли и субмарины, напичканные электроникой самолеты и даже космические летательные аппараты.

В эту могущественную организацию, которая, по оценкам профессионалов, была более осведомленной, нежели ЦРУ, потому как пользовалась массой «сырой» информации, не замутненной субъективными домыслами боссов Лэнгли, и решил неофициально толкнуться Сэмюэль Питкин, не на шутку обеспокоенный сообщением дежурного генерала Монтгомери. Но заместитель начальника разведуправления не знал, что именно сюда обратился за подтверждением версии и министр обороны. Ведь хотя он и допускал, в силу укоренившихся антисоветских настроений, что русские могут подстроить Штатам всякие каверзы, все же не был таким уж легковерным человеком, чтобы безоговорочно поверить ЦРУ.

Конечно, информация ЦРУ о летящих к Земле русских «лунниках», которые должны были из модулей космической станции превратиться в ядерные боеголовки, предназначенные для уничтожения американских командных пунктов, несла на себе некий фантастический оттенок. Впрочем, она вписывалась психологически в навязчивый стереотип представлений Оскара Перри об азиатском коварстве русских. Но ведь Храбрый Оси располагал и бесспорной информацией о погибших на орбитах спутниках-шпионах! Это была суровая реальность, от которой министру обороны уйти невозможно...

Конечно, при более тщательном расследовании министр обороны докопался бы до истоков событий. Но это было изначально исключено, так как сам Перри был связан тайными нитями с могущественным Комитетом семи. Не случайно незадолго до описываемых событий министр обороны был приглашен на коктейль-парти к одному из сенаторов, который был давнишним ставленником военного концерна братьев Лазарусов в конгрессе. В короткой, но задушевной беседе сенатор дал понять Пенсионеру, что грядут события, которые сделают невозможным реализацию идей, получивших одобрение на предварительных переговорах советского и американского лидеров в Москве. Тогда же сенатор намекнул: «настоящие хозяева Америки» надеются, что в случае необходимости, при возникновении экстремальной ситуации, министр обороны п р и с л у ш а е т с я к советам Комитета семи и выполнит его о п р е д е л е н н ы е рекомендации. Как намекнул собеседник Перри, была придумана и система т о р-

мозных действий, которые должны были стабилизировать обстановку, вовремя остановить ядерную эскалацию.

Подписание в Вашингтоне Договора о ликвидации РСД и РМД не на шутку встревожило лидеров военно-промышленного комплекса. Речь шла, конечно, не о материальном ущербе, несколько десятков «Першингов» и пара-другая сотен крылатых ракет, завод в Магне, штат Юта — все это мелочи по сравнению с ухнувшими доходами от свернутой программы «звездных войн». А теперь еще и ликвидация стратегических наступательных вооружений, сокращение которых встало в повестке дня после декабря 1987 года. В этом-то и была главная опасность Вашингтонского Договора. Он вносил нестабильность в империю ВПК, которому особенно не по душе были намерения нового президента, державшего, как считали калифорнийские магнаты аэрокосмических концернов, «руку Москвы». Надо было раз и навсегда отвадить болтунов из Белого дома и Капитолия от намерений проводить самостоятельную внешнюю политику, а для этого и нужен был скрытый свой человек в высших эшелонах власти.

По всем параметрам на эту роль годился Оскар Перри.

Беда заключалась в самой личности Пенсионера. Оставшись наедине с необходимостью принять роковое решение, превратившись вдруг в существо высшего порядка, которое решало судьбу мира, он внутренне сломался. Судьба человечества его сейчас не волновала. Больше всего мучила Перри разжигаемая им в воображении картина той травли, которой он подвергнется со стороны американской прессы, если не проявит в необходимый момент достойную министра обороны твердость.

Психологический комплекс, возникший у Храброго Оси еще в детстве, иной раз заставлял его совершать самые неразумные поступки, лишь бы не показаться смешным и слабым в глазах соотечественников. Кроме того, и сам он, вместе с миллионами других американцев, давно стал жертвою массовой культуры, превратился в раба ежесекундно дублируемых в прессе и на телевидении условностей, обязывающих индивидуума оставаться в железной маске имиджа. А каков будет образ министра обороны, про которого напишут в газетах, скажут с экранов телевизоров: «Наш Храбрый Оси уже был однажды «расстрелян» за трусость. Как с ним должно поступить, если он теперь обделался от страха перед русскими?!»

А в том, что Комитету семи и Дональду Крузо ничего не стоит развернуть в прессе и на ТВ кампанию жестокой травли, министр обороны не сомневался: в их руках была большая часть средств массовой информации США.

Сейчас ему достаточно было переключить телефон на аппарат прямой связи с Москвой и конфликт был бы разрешен. Русские доказали бы Оскару Перри абсурдность той заведомой лжи, которая как бы заставила его принять роковое решение, хотя он и догадывался об истинной цене «информации» Дональда Крузо.

Но закомплексованный министр обороны боялся русских и не верил им. Он знал, что в любом случае Комитету семи станет известно о разговоре с Кремлем. А коли так, то у его членов неизбежно возникнет резон обвинить его в трусости. Дескать, перепугался Храбрый Оси и принялся вякать с русскими по телефону: не троньте, мол, добрые комми, бедную Америку... И снова вспомнят ту злополучную ночь в лагере «Белоголовых орлов».

Словом, не скажешь «ох» — кругом горох, как любила повторять бабушка маленького Оскара, девчонкой приехавшая в Америку из Восточной Пруссии. Попал в ловушку ее запутавшийся в собственных и ловко расставленных для него чужих сетях внук...

Вот так и получилось, что меры по предупреждению ядерной опасности, они были предприняты в 1987 году, оказались несостоятельными. Системы прямой правительственной связи между потенциальными противниками, структуры Международного центра, рассчитанного на подобные обстоятельства, иные разновидности «стоп-кранов» против возникновения и эскалации атомного Армагеддона оказались бессильными перед человеческим фактором — личностью Оскара Перри. Но чем изощреннее становятся устройства с искусственным интеллектом, управляющим грядущей войной, тем реальнее опасность.

Это же так понятно...

Недаром старая ирландская пословица предупреждает: тот, кто спит на бочке с порохом с зажженной трубкой, имеет больше шансов не проснуться, чем спящий на обычном бревне курильщик.

И пока у сторон останется хоть десяток ракет, не исчезнет возможность их пуска друг в друга.

Ни одной ракеты с ядерной начинкой... Альтернативы этой истине не существует.

В это время в кабинет руководителя службы космического наблюдения вошел генерал Сэмюэль Питкин.

...С момента отдачи приказа о нанесении ядерного удара по Советскому Союзу истекло уже тридцать минут.

...Дежурный генерал в Пентагоне Рой Монтгомери посмотрел на часы и шепотом выругался. Потом огляделся вокруг и удивился спокойствию, с которым работали его подчиненные. «Не понимают они, что ли, какую команду передали? — с раздражением подумал Рой. — Ведь сейчас весь мир провалится в преисподнюю! Или воображают, что идет еще одно учение?.. Да нет же, все системы работают в боевом режиме!»

Монтгомери подошел к настольной ЭВМ, размещенной рядом с его личным пультом, и принялся просчитывать, когда придут к целям ракеты, выпущенные с базы Мэсситер, где еще недавно Рой командовал крылом МБР.

— Вас спрашивают, сэр, — услышал он голос за спиной, повернулся и увидел дежурного начальника охраны Центрального командного пункта, который входил в состав боевой смены Монтгомери.

— Кто? — осведомился бригадный генерал.

— Какой-то штатский, сэр... Но у него пропуск к нам, подписанный генералом Уорднером.

«Уорднер погиб!» — едва не вырвалось у Роя, но он сдержал себя: об этом знают лишь министр да он, ну и еще те, кто учинил эту бойню.

— Где он? Ведите меня к нему!

— Слушаю, сэр!

Начальник охраны привел генерала Монтгомери в соседнее помещение. Здесь Рой увидел стоящего к ним спиной человека в легком сером костюме.

— Кому я нужен? — громко и с некоторым вызовом спросил Монтгомери.

Пришелец повернулся, и Рой тотчас узнал его. Это был полковник Тейлор.

49

О надвигавшейся беде Москва пока еще не знала...

Председатель Совета Обороны СССР сидел сейчас в рабочем кабинете, расположенном рядом с небольшим и уютным залом заседаний Политбюро. Он знал, что члены Политбюро уже собрались на внеочередное заседание, необходимость которого была вызвана важным обстоятельством. Но поскольку у него оставалось до назначен-

ного срока несколько минут, Председатель решил еще раз пробежать список военных экспертов и ученых, которых Соединенные Штаты намерены были послать в СССР в составе комиссии по выработке договора по ракетно-ядерному разоружению, как это и было обусловлено Московским предварительным Соглашением, подписанным Председателем и Президентом месяц тому назад. Оно вступало в силу сегодня и предусматривало пробный демонтаж тяжелых ракет. Результаты эксперимента предъявлялись контролерам с обеих сторон. Вот их и ждали в Москве...

Такая же представительная комиссия, состоящая из советских военных экспертов и ученых, выезжала для выполнения аналогичных действий в Соединенные Штаты Америки.

Дело вершилось небывалое. Шутка ли: отказаться от всех баллистических ракет! Поэтому Политбюро и собралось в неурочное время, дабы дать согласие на кандидатуры, представленные американцами.

Председатель увидел в том списке фамилию всемирно известного американского астронома, которого хорошо знал лично. Нобелевский лауреат, удостоенный также Международной премии Мира, он был одним из последовательных борцов против рейгановской «стратегической оборонной инициативы», рассчитанной в свое время на четыре этапа. И нынешний Президент включил астронома в состав комиссии. Ясно, что это жест доброй воли.

«Конечно, с изменением окружающего мира меняются и населяющие этот мир люди», — усмехнулся Председатель.

Он вспомнил, сколько говорилось уже о необходимости нового мышления при решении международных проблем — иначе человечество не сумеет выжить и развиваться дальше. Ведь ядерное оружие поставило мир на край катастрофы. Человечество оказалось в небывалой ситуации, которой должно соответствовать и особое мышление... Понять друг друга! Найти приемлемые для обеих сторон правила общежития! Планета ведь на всех одна. И надо больше думать о том, как сберечь ее для будущих поколений, нежели о взаимном уничтожении. Ведь столько еще работы предстоит свершить в этом прекрасном, но — увы — пока яростном мире!

Когда Председатель готовился к первой встрече с Президентом, он никак не мог смириться с представлением о Советском Союзе как о враге номер один, которое бытовало в сознании подавляющего большинства американ-

цев, хотя хорошо знал истоки этого насаждаемого идеологическими службами невежества. Всемогущему военно-промышленному комплексу как воздух нужна ложь о советской военной угрозе, ибо она и только она подстегивает гонку вооружений. А эта гонка — главный источник колоссальных доходов комплекса. Вот он и ориентирует все средства массовой информации на оболванивание общественного мнения, запугивание «красной опасностью». «Может, после подписания договора обстановка изменится?»

Список до конца дочитать Председателю не удалось. Пришло ошеломляющее сообщение о приказе, который был отдан в США стратегической триаде. Ни о причинах этого чудовищного решения, ни о покушении на Президента в Кремле пока ничего не знали.

Председатель переключил телефон прямой связи с Вашингтоном на свой кабинет.

— Соедините меня с Белым домом! — приказал он.

50

Горящие обломки вертолета упали с неба на кроны деревьев. В наступившей тишине Президент и Эрвин Додж услышали, как зашелестела листва огромного дуба, под которым они стояли: что-то пыталось пробиться сверху.

— Это они сами, — сказал Эрвин Додж о взрыве вертолета. — Убрали своих людей. Сейчас бы нам хоть какой-нибудь завалященький телефон!

— Вы говорили о бензоколонке, к которой ведет эта лесная дорога...

— Не уверен, что нам дадут подойти к ней. Заправочные станции наверняка под их наблюдением. — Начальник охраны покачал головой, затем критически оглядел Президента. — Да, — сказал он, — вид у нас с вами, прямо скажем, не для банкета. Но вас, сэр, все равно узнает в лицо любой гражданин Соединенных Штатов и даже многие иностранцы. Возьмите-ка вот это...

Эрвин Додж вынул из кармана пластиковый пакет и раскрыл его, достав оттуда рыжий парик и такого же цвета бакенбарды.

— Попробуйте, сэр, может быть, вам подойдет. Мою-то физиономию вряд ли кто помнит.

«Докатился! — с горечью подумал о себе Президент.— Мало того, что на меня выпустили волчью стаю, теперь

мне надо стать ряженым, сменить обличье. Впрочем, разве не менял я его многократно в своей жизни?» Он всегда отдавал себе отчет в том, что, если выбираешь политическую карьеру, надо научиться искусству перевоплощения, освоить приемы классического лицедейства. Да и в адвокатской практике разве не играл он на публику и особенно на присяжных, когда отстаивал невиновность подзащитных? А когда его выдвинули в палату представителей, а затем в сенат, адвокат из Миннесоты уже хорошо понимал, что президентом в наши дни не может стать человек, который не обладает необходимыми способностями «звезды» особого представления, гигантского шоу, которое именуется Великими Американскими Выборами. Именно шоу, на котором, по словам одного из государственных секретарей, «мы выбираем короля на четыре года и даем ему абсолютные полномочия в определенных рамках, которые он может интерпретировать как ему заблагорассудится».

Кандидату, и, конечно, он хорошо понимал это, жизненно необходимо приспособиться к тому представлению о президенте, которое выработала у населения Америки поп-культура. И вовсе не случайно, вспоминал Президент, с таким триумфом, под аплодисменты консерваторов и традиционалистов, дважды входил в Белый дом голливудский актер Рональд Рейган, которого досужие эксперты по генеалогии объявили прямым потомком национального героя Ирландии короля Бриана Бороиме, который погиб в сражении еще в 1014 году.

Но такую блестящую родословную Рейгану обеспечили уже после инаугурации — принятия президентской присяги, а до того он завоевал сердца избирателей имиджем своего парня, пекущегося о привычных нравственных и социальных ценностях «старой доброй Америки», на которые покушались эти «красные», «розовые», а порой и «голубые».

Поэтому через несколько лет после Рейгана, вступая в борьбу за ключи от Белого дома, выходец из Страны десяти тысяч озер (такое прозвище было в Америке у штата Миннесота) разработал новый, в корне отличный от прежнего, образ приемлемого для нации президента. При этом он исходил из практических расчетов, основанных на аксиоме: если даже марксисты правы, утверждая историческую обреченность капитализма, то существование этого, как они называют, «загнивающего» мира продлится в обозреваемом будущем достаточно дол-

го. И в Америке есть немало трезвомыслящих бизнесменов, которые выступают за политику сосуществования с Советами и их сателлитами. От размещенных ими в Штатах заказов население Америки станет только богаче. И тогда у промышленников есть смысл поступиться частью прибылей, чтобы не потерять все в результате социальной катастрофы или — не известно, что хуже, — катастрофы ядерной.

Ратовал новый кандидат и за сохранение общечеловеческих ценностей, выступал против роста преступности, наркомании, коррупции, обещая американским рабочим расширение производства, а фермерам экспорт их продукции за океан. Обещал поддержку и тем капиталистам, которые лучше других чувствовали настроение народа, понимали необходимость остановить сползание страны вправо.

«Толковый парень из Миннесоты» — в таком имидже появился на экранах телевизоров и первых полосах газет, обложках иллюстрированных журналов новый кандидат. Среднему американцу импонировало то, что миннесотовец в открытую пошел против калифорнийских магнатов, называл их не иначе как «эти безумцы из ВПК»... Взяв на вооружение слова Дуайта Эйзенхауэра, что Америку погубит военно-промышленный комплекс, кандидат сумел заручиться поддержкой — и в этом ему тайно помогала «Лига седых тигров» — генералов-традиционалистов в армии и адмиралов на флоте. Они были рады умерить аппетиты «ястребов» из ВВС, которым доставались пенки с колоссальных заказов Пентагона фирмам «Локхид», «Мартин-Мариэтта», «Боинг» и многим другим, сконцентрированным на Дальнем Западе.

В то же время новый кандидат умело играл в преемственность и отнюдь не поносил находящегося пока у власти президента. Нет, он как раз хвалил его, но за те конструктивные моменты в его внешней и внутренней политике, которые стыковались с основными положениями его собственной программы. О том же, что было для него неприемлемо, кандидат попросту умалчивал.

Такая тактика позволила кандидату не только обрести сторонников среди политиков, недовольных правящим еще президентом, но и привлечь на свою сторону избирателей из лагеря консерваторов.

Словом, ловчить и притворяться он умел достаточно профессионально, но принять сейчас из рук начальника охраны рыжий парик не мог. «Нет, — сказал он себе, —

не стану скрывать обличье перед смертью. Если Всевышний приговорил меня, от него не спрячешься даже в маске горгоны Медузы».

— Оставьте это у себя, Эрвин, — стараясь говорить веселым и непринужденным тоном, сказал Президент. — И сохраните до рождества. Мы устроим в Белом доме бал-маскарад, и я выйду к гостям в вашем парике, Эрвин...

— Понимаю вас, сэр, — просто сказал Додж, убрал парик и бакенбарды в пакет, сунул в карман.

— Что вы решили, Эрвин? — спросил Президент.

Начальник охраны не отвечал.

Издалека пришел пока еще едва слышный рокот вертолета.

Невыносимая, охватившая холодными тисками сердце тоска заполонила существо Президента.

...Недавно он перечитал книгу футуролога и публициста Олвина Тоффлера «Третья волна». И ему накрепко запомнилась фраза: «Даже президент, этот, по идее, самый могущественный человек в мире, испытывает ощущение бессилия: у президента такое чувство, будто он кричит в телефонную трубку, а на другом конце провода ни души».

«Как он прав, этот человек! — подумал Президент. — Только сейчас у меня нет даже молчащего телефона. Но ведь я всегда читал о великолепной связи в Америке! Где-то ведь должен быть телефон. Полцарства за телефон!»

— Послушайте, Эрвин, — сказал Президент, решив взять инициативу в свои руки, — может быть, нам попытаться...

Но Президенту не дали поделиться с начальником охраны своими соображениями.

Начатую фразу оборвал грубый голос:

— Руки вверх!

51

...Командира вновь сопровождала Зоя Федоровна. По инструкции на подобных работах должен присутствовать медик. Мог им быть, конечно, и ее помощник, сержант срочной службы, но старший лейтенант медицинской службы решила сама находиться на специальных работах. Как было Макарову запретить ей выехать на пусковую установку?

Юрий Иванович вообще положил себе за правило не обращать внимания на поступки этой женщины, если они,

разумеется, не выходили за рамки их служебных отношений. «Забудь, что на ней юбка, — сказал он себе. — И никогда больше не думай о той блажи, которую она взяла себе в голову».

Впрочем, Гаенкова хорошо знала службу, а такта у нее всегда хватало, чтобы не путать то, что у нее было на сердце, с общими заботами и ее, и командира.

С собой Зоя Гаенкова захватила ящичек-сундучок с медикаментами. Она поставила его рядом на заднее сиденье машины, а сверху бросила плащ голубого цвета.

— А это еще зачем? — не удержался от вопроса Макаров, когда выехали на основную дорогу.

— Мало ли что может случиться, — ответила Гаенкова, будто не поняла, о чем речь. — Травма какая... Или у кого с сердцем неважно станет.

Последняя фраза была произнесена с явным намеком, но Юрий Иванович проигнорировал намек.

— Я о голубом плаще, Зоя Федоровна, — спокойно сказал он.

— Погода неустойчивая, товарищ майор, — в тон ему, как ни в чем не бывало, безразличным голосом промолвила Гаенкова. — Вдруг холодом с гор потянет? Или дождь прихватит?

— Тогда я дам вам свою плащ-накидку. Иначе нас не поймут супостаты, когда будут расшифровывать фотографии, сделанные с их спутника. У ракетной шахты одни военные — и вдруг некое штатское лицо в голубом плаще. Да еще женского пола. Устроите большой переполох в ЦРУ, товарищ старший лейтенант.

— Что же, — спросила Зоя, — они и пол мой различат?

Она оценила шутливость манеры, в которой командир сделал ей вполне справедливое замечание, но снова с острой горечью подумала, что никогда он, любимый человек, не будет с нею вместе.

— Если номера автомашин из космоса фиксируют, то понять, что вы женщина, американским экспертам будет не трудно.

Водитель Алик Пулатов, который слушал этот диалог, искоса поглядывая на Макарова, не выдержал и сказал:

— Разрешите обратиться к старшему лейтенанту, товарищ майор?

— Обращайтесь, — разрешил, улыбнувшись, командир.

— Если бы меня послали на Луну, товарищ старший

лейтенант, то я бы оттуда вас различил! Красивую женщину даже с Марса можно увидеть.

— Вах-вах! — насмешливо сказал Макаров. — Ты где комплименты научился говорить, рыцарь?

— У нас в Касумкенте все мужчины рыцари, товарищ командир! — ответил Пулатов.

— Ты за дорогой лучше смотри, рыцарь... Что же касается одежды военного человека... Мой отец никогда не носил штатской одежды, пока не вышел в отставку. Ее у него попросту не было. Кроме разве спортивного костюма, который надевал во время физкультурного часа и дома, в кругу семьи, так сказать. А если кто приходил к нам, отец всегда встречал гостя в форме. При этом нередко напоминал, как бывало в старой русской армии: офицерам даже в отпуске категорически запрещалось ношение гражданской одежды.

— Даже так?! — воскликнула Зоя.

— Представьте себе... В этом был какой-то резон. По крайней мере, человек всегда и везде чувствовал себя военным. А это дисциплинирует, заставляет вести себя соответствующим образом. Да и гордость за принадлежность к армии воспитывается.

— А я как-то не задумывалась над этим, — призналась Зоя. — А ведь и верно! Одна из составляющих любви к Отечеству есть и уважение к форме его защитников, гордость оттого, что ты носишь ее. Значит, приобщился к категории людей, которым народ доверил самое главное... Да, тут заложено многое. А ведь это идея, Юрий Иванович! Что, если у нас в части провести тематический вечер? Рассказать об истории военной формы, ее эволюции, сделать выставку рисунков-образцов. Художников найдем...

— Я — за! — улыбнулся Макаров. — Вернемся на КП — посоветуемся с замполитом. Спасибо за подсказку, Зоя Федоровна. Только тут есть и другая сторона проблемы...

— Какая? — заинтересованно спросила женщина.

— Изменилось социальное положение офицерства. Оно перестало быть кастовым, замкнутым, элитарным. Прежде офицер имел собственный выезд или, по крайней мере, передвигался по городу на извозчике-лихаче. Ныне он едет в демократическом метро, автобусе или троллейбусе. Но это бы ладно: лейтенант или даже майор еще *смотрятся* и там. А вот генералу...

— Резонно, — заметила Зоя Федоровна.

— А житейские, бытовые мелочи, которые, увы, мелочами называются только условно?! — продолжал Юрий Макаров. — Как человек в офицерской форме будет заниматься разнообразными хозяйственными делами, которые несовместимы с его торжественно-строгим нарядом? Полковник с сумками, набитыми пакетами с продуктами, майор, везущий с коллективной дачи-огорода помидоры и огурцы... Да и мало ли у офицера вне службы таких забот, что несовместимы с ношением формы!

— Вы правы, — сказала Гаенкова. — Хотя мой полковник авосек из магазина не носит — это делаю я сама.

— Но ведь и на вас, Зоя Федоровна, офицерская форма, — улыбнулся Юрий Макаров. — Я, грешен, снимаю форму, когда хожу в магазин. У жены нет прислуги, но зато трое ребятишек и собственная работа, а мне ведь не положен старорежимный денщик. Проблема с формой куда более сложная, чем представляется на первый взгляд. Но в любом случае разговор в Доме офицеров может оказаться полезным. Ну вот и приехали...

Он выбрался из «уазика», помог выйти Гаенковой: армия армией, а женщиной Зоя быть не перестает. Потом поспешил к Алексею Ермаковичу Гаенкову, который стоял, окруженный группой военных инженеров, неподалеку от механизма, который техники прозвали за длинный и крупнокалиберный ствол «царь-пушкой».

Юрий Макаров подошел к пусковой установке, где находилась ракета, ее боеголовку необходимо было отстыковать перед тем, как демонтировать сам носитель. Здесь уже собралась мощная техника для производства работ и те специалисты, которых ракетчики шутливо звали «головастиками». Особое внимание привлекало оригинальное устройство, основу его составлял цилиндр-контейнер. Он выполнял две функции одновременно: подъемника и средства транспортировки. Водруженный на мощное шасси, цилиндр подходил к открытому люку шахты, с помощью гидравлического механизма поднимался с ложа, принимал вертикальное положение и зависал над отверстием шахты. Затем выпускал из нутра цепкие и надежные захваты, они бережно обнимали ядерный заряд. К тому времени техники-«головастики», находящиеся в верхней части шахты — оголовке, уже отдавали крепления, и захваты втягивали грозную часть ракеты внутрь цилиндра. Теперь он, став контейнером, начинал заваливаться, чтобы, приняв горизонтальное положение, улечься на многоосное шасси транспортера. Водитель «царь-

пушки» давал ход, и боеголовка отправлялась в хранилище.

— Приступим? — спросил Макаров. — Чего тянуть? Будем учиться раздевать ракетную нашу часть, коль дожили мы с вами до столь счастливой поры.

— В управдомы не терпится? — спросил полковник Гаенков. — Успеешь еще...

— Однако, Алексей Ермакович, этих «изделий» еще столько, что нам с вами с гаком хватит, — ответил Макаров. — Надемонтируемся досыта.

— Тебе-то хватит вполне, а вот моя служба кончается, — отозвался Гаенков. — Стукнет скоро пятьдесят, и выслуги уже тридцать два календарных.

— По вас не скажешь, — нисколько не польстил майор Макаров: вид у Алексея Ермаковича был еще хоть куда.

— Так и положено, Юрий Иванович. При молодой-то жене...

— А пока перекуриваем? — спросил Макаров.

— Что ж делать! Спутниковая ситуация. Летит над нами в космосе американец, любопытствует: а что мы тут с тобой затеяли, зачем собрались? Шахту опять же открыли... А вдруг решит, что намерены по США ядерным ударом хватить? Двадцать минут еще надо погодить... По известной тебе инструкции.

Юрий Макаров знал, что операции с боеголовками обычно производились только ночью. Если же, в крайних случаях, начинали работы днем, то во время пролета спутника крышку люка ракетной шахты не открывали. Сейчас был как раз тот случай.

Макаров глянул в небо.

«Лети, лети, — мысленно усмехнулся он. — Слово свое русские держать умеют...»

— Ладно, — сказал майор, — в таком разе перекурим. Угостите сигаретой, товарищ полковник?

Юрий Иванович вообще-то не курил, лишь иногда за компанию с другом-приятелем одну-две сигареты спалит.

— Закуривай, — любезно протянул пачку «БТ» Алексей Ермакович.

К ним подошли командир «головастиков» и Вологодский с Казиевым.

— Все летит? — спросил Вологодский, показывая вверх пальцем.

Никто ему не ответил: вопрос был риторическим; только Макаров пожал плечами.

— Нам разрешили дневную отстыковку, а потом и демонтаж. Так что пусть и в работе нас снимает, — сказал он. — Ведь хорошо понятно, для чего мы тут собрались и технику такую пригнали. Да это и на руку нам: убедятся, что русские всерьез готовятся выполнять будущий договор о ласточках мира.

— Инструкция, — отозвался шеф специалистов по боеголовкам. — При спутниковой ситуации люк открывать нельзя.

— Тогда будем курить, — усмехнулся Макаров, затягиваясь дымом.

— А если я не курю? — спросил Казиев.

— Собирай вокруг землянику... Тут ее сроду никто не рвал. Зою Федоровну угостишь.

Полковник Гаенков мельком взглянул на произносившего эти слова Юрия Макарова.

— Кстати, о птичках, — бодрым голосом сказал он.— Ты, Юрий Иванович, к высокому начальству ближе. Не слыхал, кого нам в главнокомандующие прочат?

— Откуда мне знать, товарищ полковник?

— Я Ивана Егоровича имел в виду, — пояснил Гаенков. — Он и генерал, и живет рядом с Главным штабом.

— Так то же отец! Он и знать будет — не скажет.

— Да, Иван Егорович мне хорошо известен, служил у него, — вздохнул полковник. — Вот это был генерал! Помню, как он приказы на нас пробовал. Принесут ему приказ на подпись, а Иван Егорович собирает офицеров, зачитывает громовым голосом, будто на Красной площади выступает, а потом спрашивает: «Ну что? Мурашки бегали?» «Бегали!» — отвечаем дружно. «Значит, приказ хорошо составлен».

— Ага, — сказал, улыбаясь, Макаров, — вот вы и раскрыли метод. То-то мы трясемся как осиновые листики, когда получаем приказы касательно ракетной техники. Значит, это вы их сочиняете?

— Я, — с гордостью признался Алексей Ермакович.— Но по методе твоего папаши, командир. Словом, как учили... Мурашки бегают?

— Не то слово, — отозвался Макаров. — Носятся как оголтелые. И вибрируют.

— Почему же вибрируют?

— Говорят, что это нынче в моде. Особый вид кайфа.

Офицеры рассмеялись.

— Время, — сказал полковник. — Будем расходиться. По местам, товарищи!

— Казиев! — крикнул Макаров заместителю, собиравшему поодаль землянику. — Не прозевай момента! Недаром же ты от законного сна отказался.

Затем он пересек бетонированную площадку и занял свое место справа от приблизившейся к крышке люка «царь-пушки», рядом со специальным лазом, через который можно было проникнуть в закрытый оголовок ракетной шахты.

— Внимание! — услышал Макаров голос Гаенкова.

Массивная крышка люка шахты дрогнула и, увлекаемая гидравлическими рычагами, поднялась вверх, заняла вертикальное положение.

Внизу открылся круглый пластиковый экран, который прикрывал боеголовку ракеты...

52

Остров Джекилл, куда летел сейчас майор Тейлор вместе с командиром крыла, располагался по другую сторону пролива, разделяющего два острова и служившего входом в порт Брансуик.

Личный вертолет командира крыла, окрещенный «ночным ястребом», легко взмыл над посадочной площадкой, пересек территорию ракетной базы Мэсситер, приподнялся еще выше, когда проходил над зданием штаба района Береговой охраны, миновал Сент-Саймонс-Саунд и вот уже притормаживал, готовясь зависнуть над бетонной площадкой, примыкавшей к пункту управления пуском, одному из пяти, входивших в эскадрилью МБР, которой командовал майор Джордж Тейлор.

— Вы посмотрите здесь все как следует, майор! — громко, стараясь перекричать шум авиационных двигателей, приказал Тейлору командир крыла. — А я слетаю на наш второй пункт управления, проверю тамошнюю обстановку.

— Слушаю, сэр, благодарю вас, сэр! — строго по-уставному прокричал в ответ Джордж, поднес два пальца к форменной темно-синей пилотке и выпрыгнул из вертолета на бетонные плиты.

Винтокрылая машина будто почувствовала облегчение от того, что стала весить на двести фунтов меньше. Едва Джордж Тейлор вышел из круга, описываемого лопастями большого винта, вертолет подпрыгнул на метр-два, надсадно заревел, увеличивая обороты, и понесся, наби-

рая высоту и задрав хвост со вторым винтом, в южном направлении.

Майор остался один. Он сделал несколько резких движений, чтобы размяться, потом привычно огляделся, не задумываясь над тем, что за ним сейчас наблюдают из приземистого домика, в котором находилась охрана. Хотя внешне все выглядело так, будто здесь не было ни души. Но если бы вместо Тейлора с вертолета высадился посторонний человек, то его уже окликнули бы через мощный громкоговоритель, укрепленный на крыше домика и обращающийся по сторонам горизонта.

Боевое дежурство непосредственно на пункте управления несли десять человек. Время их дежурства установлено было в зависимости от тех функций, которые они здесь выполняли. Офицеры-операторы заступали на пост у пульта, находящегося под землей, и дежурили ровно сутки, не поднимаясь наверх. Они могли по очереди спать, а горячую пищу им доставляли сверху. Шестеро военных полицейских, по два в смене, дежурили трое суток, а повар и сержант-техник заступали на неделю. По ночам они спали, как все нормальные люди.

В принципе, ракеты можно было вообще лишить всяких расчетов и запускать при необходимости из единого центра управления. Но расчеты все-таки существовали. На всякий случай...

Каждая ракетная шахта была оснащена радиолокационной защитой, которая поднимает тревогу, если кто-либо попытается приблизиться к охраняемому участку. А туда, где дежурят операторы, от внутренних частей каждой ракеты выведены датчики. Они сообщают офицерам о малейшей неисправности в системе, зажигая сигнальное табло. Затем особые устройства расшифровывают неисправность и указывают, где и что именно произошло, с помощью ЭВМ, в которой заложены образцы человеческого голоса, записанного на магнитофонной пленке.

За двадцать четыре часа боевого дежурства операторы по нескольку раз, днем и ночью, принимают распоряжения на ракетный пуск. Полученный шифр-приказ надо раскодировать, проверить, получить подтверждение, «раскрутить» систему пуска, выполнить приказ и доложить об этом. Это всегда вызывает сильное нервное напряжение, ибо никогда не известно, учебная тревога или боевая. И кроме того, стоит оператору ошибиться — его ждет серьезное взыскание от начальства, которое, находясь далеко-далеко, зорко следит за действиями расчета.

При размещении ракетных установок на базе Мэсситер учли предыдущий опыт и не стали разносить ракеты далеко друг от друга, как это было сделано, например, на базе ВВС Мальстром, неподалеку от Грейт-Фоллза, штат Монтана. Тамошнее первое крыло МБР разбросано на площади восемнадцать тысяч квадратных миль — это площадь двух довольно крупных штатов. И хотя ракетчики летают на дежурство вертолетами, на дорогу у них уходит час и более, и это только в один конец.

Прилетел рано утром, вошел в одиноко торчащий домик среди забытой богом пустынной прерии, поздоровался с парнями из МП и кормильцем-поваром, прошел с напарником к нулевой отметке, сел в кабину лифта и будто в двухместной субмарине стал опускаться на морское дно. А на «дне» ждут тебя два других, отстоявших вахту офицера. Ритуальный обмен приветствиями, который сопровождает традиционную смену караула, прием пусковых пультов и ключей, кодов для ракетного пуска. И каждому вновь заступившему по пистолету. Так положено — дежурить с оружием на поясе. Хотя без ведома операторов к офицерам этим никто не проникнет.

И вот, простившись с товарищами, проводив их на поверхность, офицеры запираются и остаются вдвоем. На двадцать четыре часа...

Между тренировками времени остается много. Делать нечего, если не придумаешь, как занять свободные часы. Вот тогда и есть смысл заняться учебой, командование это поощряет. За годы, пока Джордж Тейлор был в составе расчета, потом командиром отряда, он прошел учебную программу университета. Правда, трудно сосредоточиться после очередной вводной, но к этому можно привыкнуть, особенно когда четко освоил выполнение служебных операций.

Университет ВВС постоянно изучал проблему заполнения промежутков свободного времени между тренировками. Его специалисты ломали голову над тем, как сделать, чтобы дежурство в подземных бункерах перестало считаться тягостной, муторной обязанностью. Лет двадцать назад и была выдвинута идея — каждый из офицеров обязан получить степень бакалавра искусств или точных наук. Продвижение по службе стало зависеть от наличия университетских дипломов.

Полученное образование оплачивали ВВС — этот ход командования был сделан с далеко идущим психологическим и социальным расчетом, чтобы в ракетчики шла

лучшая часть молодежи среднего класса, из индифферентных в политическом отношении рабочих и фермерских семей, которые не могли послать детей в университеты. Ведь плата за обучение в них достигла пятнадцати — двадцати тысяч долларов в год.

Сейчас, спустя годы после развертывания стратегических ракет наземного базирования, сложилась особая порода людей, которые хотя и носили авиационную форму, но ничего общего с летчиками не имели. Да и отличить их от пилотов можно было по значку с изображением ракеты, который носили на левом нагрудном кармане.

Всеми однозначно признавалось, что те, кто добровольно прикрепляет на грудь этот знак, не должен быть психопатом, алкоголиком, неврастеником и тем более наркоманом. Ну а каким надлежит быть офицеру-ракетчику? Этого никто не знал. За эталон человеческого совершенства взяли программу медицинских требований, которые предъявлялись к пилотам. Если человека допускают к летной работе, то он, конечно, годится и к службе под землей. А ежели какие-то отклонения от нормы вдруг возникнут, то их выявят сами командиры частей и медицинская служба.

Не тут-то было! Очень скоро стали обнаруживать у самых крепких офицеров признаки неуравновешенности, которые появлялись из-за необычного напряжения ракетной вахты, сознания исключительной мощности ядерного оружия, клаустрофобии — боязни замкнутого пространства, — она не проявляется даже в кабине самолета, которая хотя и тесна, но за иллюминатором летчик видит целый мир.

Когда Джорджа Тейлора назначили командиром эскадрильи, его ознакомили с интересными психологическими разработками на основе исследований, проводившихся на ракетных базах. Так, например, выяснилось, что расчет из двух человек — оптимальный вариант для предохранения психики от расстройств, при которых начинают мерещиться призраки. У операторов, запирающихся на сутки вдвоем, подобных явлений не наблюдалось. А вот полицейские из охраны, бывало, стреляли друг в друга, принимая товарищей за коммунистических агентов, или открывали огонь по привидениям, которые являлись им по ночам.

Теперь ввели специальную программу медицинской проверки надежности личного состава. Каждого члена

расчета и охраны обследовали в военной клинике, врачи наблюдали за ними индивидуально. Выяснилось, что одни лучше переносят пребывание на одном месте, другие — хуже: неподвижность начинает их беспокоить, а потом приводит к нервному срыву. Бывали офицеры, которые, что называется, сатанели от непрерывного поступления абсолютно секретных данных. У некоторых наблюдалось негативное отношение именно к этой службе, связанное с отвращением к оружию массового уничтожения людей. И такое было не редкостью...

Майор Тейлор знал, что проблемой из проблем является создание для ракетчиков таких условий боевого дежурства, при которых можно было бы удержать психическое состояние расчета в определенных рамках, позволяющих снять усталость и сенсорное голодание, возникающее от однообразной обстановки. И сам он, как командир, и высокое начальство были озабочены этими вопросами. На разрешение их военное ведомство тратило достаточное количество долларов. Психологи и дизайнеры изучали чередование и цвет лампочек на пульте, форму и звук телефонных аппаратов, тембр контрольных сигналов, удобность сидений, а также меню тех блюд, коими дежурный повар потчевал операторов...

Когда однажды Джордж заговорил на эту тему с отцом, Ричард Тейлор хмыкнул и сказал, что уже сама идея поставить существование человечества в зависимость от психической уравновешенности одного-единственного индивидуума представляется ему безумной и самоубийственной.

— Что же ты предлагаешь, па? — спросил Тейлор-младший.

Вместо ответа отец протянул сыну книгу, из которой он делал выписки — готовил доклад совету лиги, о чем Джордж, разумеется, не подозревал.

— Вот, прочти это место, — сказал полковник. — Это «Оружие третьей мировой войны» Джона Томпкинса. Автор воевал на Тихом океане, знает войну не понаслышке, большой специалист по ракетным проблемам в том числе. Взгляни, что он пишет о тебе и твоих людях.

И Джордж Тейлор прочитал: «Излюбленный вопрос, который задают репортеры операторам ракет, таков: подчинились бы они распоряжению открыть огонь, зная, что их жены и дети находятся на поверхности и незащищены? Ответы выражают либо непреклонную решимость, либо стоическую покорность. Операторы полага-

ют, что распоряжение об открытии огня означало бы, что ракеты противника уже находятся на пути к объектам в Америке. При всем этом весьма возможно, что кое-кто из операторов не станет запускать ракету, даже получив достоверное распоряжение. Герман Кан в фантастической в какой-то мере книге «О термоядерной войне» рассматривает такую возможность. Дисциплина и инструктаж, направленные на предотвращение случайных запусков, могут привести к случаям отказа от запуска ракет. Вероятно, операторы не станут отказываться выполнять приказ; они просто неправильно его поймут или будут настаивать на том, что ошиблись. Никогда нельзя заранее точно предсказать, что случится в том или ином случае. Нажатие пусковой кнопки в известной мере равносильно самоубийству; никакая тренировка и заблаговременное планирование не способны облегчить совершение такого акта».

— Что скажешь? — спросил Ричард Тейлор, когда сын вернул ему книгу.

— Я выполню приказ, па, — просто ответил Джордж.

Отец с интересом посмотрел на сына.

— Ну-ну, — неопределенно сказал он.

...Сейчас майор Тейлор направился к домику охраны, и едва сделал несколько шагов, дверь его распахнулась. Навстречу двигался капитан Генри Хукер. Одет он был в такую же повседневную темно-синюю форму офицеров ВВС, какая была на майоре. Пилотка с эмблемой, прикрепленной чуть слева, рубаха-куртка, заправленная в брюки, подпоясанная такого же цвета ремнем. Над левым карманом буквы U. S. Air Force, а над правым полоска с фамилией капитана. Ниже фамилии, на самом кармане, красовалась фигурка Мульти Мауса, супермена-мышонка из популярного комикса, — эмблема 7-го крыла МБР.

Генри Хукер был родом из столицы Джорджии, города Атланты, и говорил с характерным носовым прононсом.

— Как ваши дела, сэр? — приветствовал он командира в обычной своей непосредственной манере.

Хукер работал под простодушного горца, своего рода «хилли-билли», хотя простаком отнюдь не был.

— Здравствуйте, Генри, — приветливо улыбаясь, сказал Джордж.

53

В дверь позвонили, и все сидевшие за столом переглянулись.

— Явился наш непутевый, — улыбнулась Вера Ивановна, а дед Макаров нахмурился, чтобы скрыть возникшую вдруг радость.

«Может быть, это Елена?» — с надеждой подумала Вера Ивановна, выходя в прихожую, чтобы открыть дверь.

А Иван Егорович понял, что это вовсе не Виктор. У внука есть свой ключ, и потом, парень так воспитан, что не станет беспокоить взрослых звонком в дверь, даже если поймает на удочку и приволокет за собою целого бегемота.

— Тяжелая это работа — из болота тащить бегемота, — продекламировал вдруг генерал-лейтенант и озорно подмигнул Андрею. — Кого это нам бог в гости послал?..

Кроме родных, Макаровы никого не звали, разве что случайно кто зашел. Но тут появилась в дверях Вера Ивановна и сказала, что пришли соседи снизу, полковник Педеров с женою.

Муза Григорьевна работала в шимолинской средней школе, а Харитон Самойлович Педеров служил прежде с Иваном Егоровичем в Каменогорске и считал своим долгом поддерживать с отставным генералом земляческие, стало быть, отношения.

Вера Ивановна чуть виновато посмотрела на отца. Вчера она сказала невзначай про Витькин день рождения коллеге, та и пришла с подарками и мужем. Но Иван Егорович согласно прикрыл глаза: коль пришли — принимай. Сам он поднялся гостям навстречу, как всегда недоумевая, почему Педеров так тщится навязать ему дружбу. Ведь наверняка знает, что это именно он, генерал Макаров, в свое время воспротивился выдвижению Харитона Самойловича на должность командира соединения, а значит, не дал полковнику сменить три звезды на одну, шитую золотом. Теперь же, хотя он и продолжает служить в Главном штабе, вряд ли выйдет на генеральскую должность. «Как сказать, — подумал Иван Егорович, улыбаясь Музе Григорьевне, жена полковника ему нравилась — веселая дамочка и при уме, — может быть, и угодит новому начальству. Теперь у Харитона появился шанс».

Макаров не любил Педерова. Точнее сказать, не принимал ни манер его, ни отношения к службе, главной сутью которого было показать себя в ней. А любое проявление подобной тенденции в подчиненных действовало на генерала как красная тряпка на быка. «Опять «моя жизнь в искусстве», — говаривал он, заметив, что радение попавшего ему на заметку командира направлено на выпячивание прежде всего собственной личности. — Не армия существует для нас, а мы живем для армии. Не с того конца палку держишь, дорогой товарищ, не из той дырки пылесосишь...»

Показушников и очковтирателей он так и называл — «пылесосами», хотя они пускали пыль в глаза, а не убирали ее, морочили начальству голову, изображая себя ух какими деловыми, шибко активными офицерами. Однажды в Каменогорск ждали Главкома. Перед его приездом Макаров наведался в Рубежанск, глянуть, как там идут дела. Может быть, и сюда высокое начальство завернет, надо предварительно окинуть все хозяйским глазом. Тогда-то Макаров и узнал о заветном уголке, который полковник Педеров приготовил для демонстрации.

Он хорошо знал, как заботится маршал о быте ракетчиков, и устроил в одной из казарм образцовую комнату отдыха для личного состава. Заказал приглашенным умельцам современный интерьер в стиле супермодерн, разместил полированную мебель, распотрошив пару гарнитуров с военторговской базы. Но перестарался, установив сразу два телевизора. Проведал Макаров и про особый сценарий полковника, по которому маршал должен был прямым ходом, никуда не сворачивая, попасть именно в эту показательную комнату. Знай, мол, наших...

И конечно же, увлекшись заботами о том, как пустить пыль начальству в глаза, Педеров махнул рукой на поддержание порядка в остальных казармах. Банальный, в общем-то, случай, такое не раз бывало, но многих — увы! — так ничему и не научило. Показушники нет-нет да и появятся, как грибы после дождя. Только на них не дождь благотворно влияет, а обстановка попустительства. Чуть наверху слабинку дадут, вожжу ослабят — тотчас те, кто пониже, начинают тоже ослаблять... Рыба гниет с головы — мудрее не скажешь!

Словом, вскрыл все это Макаров и решил вынести разговор о мнимой деловитости Харитона на партийное собрание. В принципе человек жесткий, одним словом,

военный человек, Иван Егорович умело использовал и демократические начала там, где они не противоречили армейскому духу, только укрепляли его. На собрании Педеров чистосердечно покаялся и признал: да, занесло, хотел как лучше, а вышло — медвежью услугу родному соединению оказал. И себе самому тоже...

В Академию Генерального штаба его не послали, а вот в Шимолино, по просьбе того же Макарова, перевели. В конце концов, призывался во время оно из этих краев, почему бы и службу не завершить тут же.

Несмотря на былые конфликты, Педеров считал генерала своим отцом-командиром и относился так, будто продолжал находиться в прямом у Макарова подчинении. Он и в гости пришел в форме, зная о принципе Ивана Егоровича: коль ты офицер, штатское платье не для тебя шито.

— А где же виновник торжества? — спросил Харитон Самойлович, ища глазами Витьку. — Подарок надо бы вручить...

Кроме главного — и довольно ценного — подарка, а им оказался японский спиннинг (дед Макаров хотел даже выругать за то Харитона, но оставил это на потом), Педеровы принесли бутылку шампанского, увидев которую, генерал поманил Андрея из-за стола и увел внука в кабинет.

Иван Егорович видел: женщины желали бы попробовать шипучего вина, хоть по глоточку, оно стало такой редкостью. Сам генерал никогда не садился за стол, если на нем стояло *любое* спиртное, да и Андрейке незачем смотреть, как предаются взрослые греховному анахронизму.

— Марки любишь собирать? — спросил дед у внука, он усадил Андрея в кресло у окна, а сам сел к письменному столу.

— В детстве собирал, — серьезно ответил парень, и генерал рассмеялся.

— А сейчас ты, конечно, из детского возраста вышел, — сказал он. — Кто же ты теперь? Молодой человек?

— Подросток, — улыбнулся Андрей. — Ни то ни се, дедушка...

— Это ты брось, парень, — перестав смеяться, сказал генерал. — В твоем возрасте надо быть уже *личностью*. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил внук.

— Ладно, марки ты, значит, перерос. Но чем-то увлекаешься? Ты ведь в шахматы играл.

— Бросил. В этой игре никакой информации не получаешь.

— Как так? — не понял и малость опешил дед.

— Вот начнем мы с вами играть. Час, другой, третий... Что я нового узнаю от вас за это время? Ничего. А мне так много хочется у вас спросить... Вот про Тейлора, которого вы спасли, например. Вы не пытались разыскать его?

— А каким образом, Андрюша? — спросил Макаров скорее себя самого, нежели внука. — Ты же понимаешь, на какой закрытой службе я был сразу после войны. Меня б не поняли, если бы написал в Пентагон: где, дескать, мой фронтовой побратим и бывший союзник? А ведь он наверняка воевал в Корее и тут уже становился моим как бы противником. Может быть, Дик Тейлор и во Вьетнам успел. И ему бы тоже пришлось неуютно, узнай начальство, что его разыскивает русский. Так мы и не знаем ничего друг о друге, Андрейка. Между нами годы и океаны. Хотя мне всегда казалось, что Ричард останется порядочным человеком. Было в нем нечто глубинное, эдакий духовный стержень чувствовался... Да и знал он побольше о нашей истории, о России, нежели другие американцы. Ведь Тейлор пошел воевать из университета.

— Вот бы сейчас вам встретиться! — загорелся вдруг Андрейка, и дед-генерал увидел в нем обыкновенного мальчишку, хоть и читающего мемуары великих полководцев.

— Фантастика, — улыбнулся Макаров. — Если он и жив, то забыл обо мне...

— Такое не забывается, — возразил Андрей. — Я бы помнил всю жизнь.

В дверь тихонько стукнули, потом она медленно приоткрылась, возникло улыбающееся лицо Веры.

— Гости просят вас, папа, — сказала она. — И тебя, Андрюша. Идемте к столу.

— Оскоромились? — строго спросил отец, но сдержал себя, не стал в присутствии внука развивать тему. — Пойдем к ним, что ли?

Последнее относилось к Андрею, но мальчишка замялся.

— Я вот что хотел, дедушка... Спросить у вас надо.

— Спрашивай, — разрешил генерал.

— Вы же знаете, что американскую ракету МХ называют еще «Peacekeeper»...

— Верно, — подтвердил Иван Егорович, — есть у нее такая кличка.

— Странное имя... «Peace» — это на английском «мир», а «keeper» — сторож, хранитель. Неужели все вместе значит «хранитель мира»? Ведь это же кощунство!

— Ты прав. И в том, что кощунство, и в том, что именно этот смысл вложили в название новой ракеты крестные отцы из Пентагона. Только «keeper» обозначает еще и «санитар психбольницы». Смекаешь?

— Здорово! — сказал Андрей.

— Надеюсь, это тебя несколько утешит. Пойдем в гостиную. Перед народом неудобно.

54

Когда капитан Хансен, расставшись с Джорджем Тейлором, вернулся в коттедж майора, семья сидела за столом и поглощала приготовленный умелицей Пегги завтрак. Дети с восторгом внимали Филипу Тейлору — капеллан в лицах и с изрядной долей юмора рассказывал, как морские пехотинцы штурмовали в сорок пятом японский остров Иводзима.

«Тогда тем ребятишкам было не до смеха», — подумал Виктор Хансен. Он знал историю войны на Тихом океане и помнил, что на Иводзиме Америка понесла крупные потери в морской пехоте, хотя для артиллерийского обстрела и бомбежки острова собрались едва ли не все линкоры и авианосцы тамошнего флота.

— Куда вы с Айвеном собираетесь отправиться на подводную охоту? — спросил Филип Тейлор у капитана.

— Мы возьмем «ягуар» Джорджа и поедем на северную часть острова, за Форт-Фредерика, — объяснил Виктор Хансен. — Там берег приглубый, к нему подходит кормиться крупная рыба из океана. Присоединяйтесь к нам, Филип.

— Нет, — отказался капеллан, — подводная охота не по мне... Усматриваю в ней элемент несправедливости по отношению к рыбе. Всевышний создал нас ходящими по земле и научил ловить рыбу в воде. Ловить, а не гоняться за нею в ее родной стихии. Произошло смещение сфер, так сказать, влияния. А это, на мой взгляд, всегда чревато осложнениями. Уж лучше я

отправлюсь пока к Гриффину, местному капеллану. А потом к Тому Дженкинсу, моему старому другу из Береговой охраны. Возьмем катер и попробуем поймать на удочку Большую Рыбу.

Айвен выбрался из-за стола.

— Уложу снаряжение в багажник, — сказал он и направился к выходу.—А доски для плавания прикрепим сзади. В багажник они не войдут. Будьте готовы ехать, дядя Вик.

— Я всегда готов, мой мальчик, — ответил капитан.

— Пегги приготовила вам сандвичи, — напомнила Лу подводным охотникам. — А в холодильнике возьмите кока-колу. И еще термос. Я налила туда горячий кофе.

— Возьму что-нибудь почитать в комнате Джорджа, — сказал Хансен и стал подниматься по лестнице. Капитан не мог состязаться с Айвеном по времени пребывания в воде и надеялся отдохнуть в тени, пока парень будет развлекаться, перевоплощаясь в ихтиандра.

Капитан Хансен вошел в комнату Джорджа и огляделся, раздумывая, взять ли ему какую книгу или прихватить с собой пару-тройку журналов, из тех, с которыми работал его зять, исследуя историю борьбы за разоружение. На письменном столе Джорджа он увидел раскрытый журнал, подле лежали листки бумаги, видимо, хозяин делал выписки. Капитан Хансен осторожно взял журнал в руки. Это был мартовский номер «Air Force magazine». Раскрыт он был на статье «Ракетные войска стратегического назначения и все их главкомы».

— Ого! — произнес вслух Хансен. — Это же про русских ракетчиков!

Под заголовком была большая фотография, на ней был запечатлен Военный совет РВСН во главе с маршалом. Ниже внушительного и многообещающего названия статьи шел набранный черным шрифтом подзаголовок. Виктор Хансен с интересом прочитал его: «Вместо того чтобы распределить ракеты большой дальности между различными видами вооруженных сил, Советы предпочли создать новую организацию, первую среди равных».

«Это любопытно, — решил капитан Хансен, перелистывая страницы журнала, занятые статьей, посвященной истории отдельного вида русских вооруженных сил. — Надо обязательно прочитать все это, когда вер-

немся с Айвеном с подводной охоты. С собой брать этот материал не стоит, он у майора в работе».

Он вспомнил о том, что ему хотели поставить на танкер ракетную установку, и сердце неприятно сжалось. «Да нет, не может быть этого, — успокоил себя Хансен. — До этого не дойдет. К чему тогда все эти переговоры?»

— Дядя Вик! — услышал он со двора голос внучатного племянника. — Можно ехать!

Капитан Хансен пробежал глазами страницу, где излагалась биография последнего русского Главкома.

— Дядя Вик! — донесся голос Айвена, и Хансен заторопился.

У красного «ягуара» стояли Филип Тейлор и отставной сержант Чарли, муж Пегги.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался с капитаном бывший морской пехотинец.

— Разве мы не виделись сегодня, Чарли? — удивленно спросил его Виктор Хансен.

— А если и виделись? Это не повод для того, чтобы пройти мимо хорошего человека и не сказать ему добрых слов. Нет, сэр, вот на плохие слова мы не скупимся. Рады облаять ближнего. И вообще... — Чарли махнул рукой.

«Что это сегодня с ним? — подумал капитан, обратив внимание на непривычную многословность мулата. — Никак выпил с утра?»

— Можно я сяду за руль? — спросил Айвен, сунув последний пластиковый пакет и захлопнув крышку багажника, расположенного в носовой части «ягуара».

— Не стоит, Айвен, — сказал Филип Тейлор, заметив, что Виктор Хансен колеблется. — По базе не стоит... Тебя сразу же засекут ребята из «эм-пи» и сообщат отцу. Наездишься у Форт-Фредерика, на берегу моря.

Айвен кивнул и с едва скрываемым сожалением бросил капитану Хансену ключи.

Когда они выехали со двора, Филип Тейлор направился было в дом, чтобы выпить чашку кофе, прежде чем пойти к своему другу Стэну Гриффину, но Чарли Купер задержал его.

— Извините, сэр, — сказал он. — Разрешите обратиться, сэр?..

— Что это вы заговорили уставным языком, Чарли?

— Я ведь служил в морской пехоте, сэр, и для меня вы большая шишка.

— Вы сейчас свободный человек, Чарли.

— Добавьте еще: герой Вьетнама... Ну ладно, я хотел о другом, мистер Тейлор. Мне моя половина сообщила, будто вы совсем покончили с алкоголем. Неужели это правда, сэр?

— Увы, Чарли, — подтвердил капеллан. — Согласно приказу начальства. Теперь и других буду уговаривать. Но вы, сержант, кажется, меня опередили. С проповедью трезвости сегодня я опоздал.

— Да, — с вызовом сказал Купер, — я вчера напился, а сегодня добавил еще. Похоронил друга... Он тоже был во Вьетнаме, и такой же цветной, как и я. Или «soul» — «дух», как называют нас в армии белые. И кроме виски и наркотиков, для негров нет иной отдушины.

— Вы наполовину белый, Чарли, — заметил Филип Тейлор. — А белые пьют не меньше черных.

— Это еще хуже! — воскликнул муж Пегги. — Я хочу сказать о том, что наполовину белый... Я ничей, понимаете — н и ч е й! Вы, белые, никогда не примете меня к себе, а черные относятся с подозрением, не знают, чего ждать от меня.

— Сочувствую вам, Чарли. Только виски не решит этих проблем. Алкоголь дает лишь временное забвение, а затем все нерешенные проблемы с еще большей силой наваливаются на человека. Не стоит пить, сержант Купер.

«Кажется, я вхожу в новую роль», — мысленно усмехнулся Тейлор.

— Я бы хотел исповедоваться у вас, преподобный отец,— попросил Купер. — Конечно, когда просплюсь...

— Да-да, разумеется, Чарли. Я приму у вас исповедь и поговорю о том, с чего начинать трезвую жизнь.

— А с чего начинать, я знаю: вылить за окно коктейль, как сделал это старый полковник, ваш брат, сэр. Только на это не всякий решится. Извините меня, сэр. Если позволите, я подойду к вам вечером. Все, исчезаю. Сюда идет моя Пегги.

Он быстро ретировался, едва его половина приблизилась к гаражу.

— Чем это вам мозолил уши мой муженек? — спросила Пегги. — Он вчера похоронил друга, вот и заложил лишнего, развел тут с пьяных глаз разный «хуггер-муггер». Завтра будет прятаться от всех, стыдиться. Хоро-

ший он человек, мой Чарли, работящий и добрый. Пока не выпьет. А все эти русские!

— При чем здесь они, Пегги?! — воскликнул Филип.

— Ну как же? — улыбнулась негритянка. — Так у нас всюду в Америке говорят... Как возникнут неприятности какие, трудности в чем — валят на русских. Ведь они далеко — не слышат. Это как послать к черту, мистер Фил. Никто ведь не знает его адреса...

«Пока у наших кухарок есть чувство юмора, для Америки не все потеряно», — мысленно усмехнулся капеллан.

— Да, — проговорила Пегги, — зачем я шла сюда? Вот дырявая голова... Вспомнила! Миссис Тейлор хочет выпить с вами чашку кофе.

— А я как раз собирался предложить ей то же самое, — сказал отец Филип. — Спасибо, Пегги.

Когда капеллан вошел в гостиную, из кухни доносилась веселая музыка. Затем она вдруг разом оборвалась, и хорошо поставленный голос произнес:

— Дорогие наши женщины! Доброе утро! Командование базы ВВС Мэсситер желает вам счастья и здоровья! Вам лично, вашим детям и мужьям, которых вы проводили сейчас на службу...

— Кто это? — спросил Филип Тейлор.

— Новый офицер по связям с общественностью, — ответила Лу. — Говорят, был актером, завербовался в ВВС, окончил школу информации...

— Утреннюю передачу для домашних хозяек, охраняющих очаги наших славных воинов, мы начнем с обычного предупреждения. Внимание! Остерегайтесь тех, кто дурно говорит о славной и доброй Америке... Любой человек, который не восхищается нашей свободной родиной, уже потенциальный противник. Он может скрываться под личиной...

Лу выключила радио, и голос, так и не успевший рассказать, кто, как и под чьей скрывается личиной, исчез.

— Этот офицер читает вам проповеди и отбивает тем самым хлеб у Стэна Гриффина и его орлов-капелланов, — сказал Филип Тейлор, отхлебнув глоток кофе. — А говорит он в лучших традициях сенатора Джо Маккарти. Но манеры у этого парня располагающие. Подскажу Стэну, чтобы привлек его к пропаганде трезвости. От этого

больше будет пользы, нежели от поисков московских агентов под кроватями ваших спален.

Капеллан отодвинул пустую чашку и поднялся.

— Навещу Гриффина, — сказал он. — Спасибо за кофе, Лу.

55

Проводив командира, Сергей Шапошников отправился на КП, чтобы взять на себя контроль за системами, которые так или иначе включались в общий эксперимент по расстыковке боеголовки и последующей ликвидации одной из пусковых ракетных установок в их части. Ведь на подземный командный пункт из ракетных шахт приходила информация, позволявшая операторам на расстоянии «заглядывать» в начиненные электроникой многоэтажные колыбели грозных «изделий».

Замполит размашисто шагал закрытым коридором, направляясь к переходному шлюзу, размышляя о Макарове, который отправился сейчас, так сказать, разоружаться. «Да нет, — сказал себе Шапошников, — до него еще далеко, до полного разоружения. Но и то, чего мы добились, уже многого стоит. Недаром у нас говорят — почин дороже денег. И это не первый почин... Но — увы! — достаточно еще и недоверия, которое накапливалось более полувека. Не так-то просто разом избавиться от ядерного монстра. Но все равно, мы и его прикончим, как Кощея Бессмертного...»

Старый фильм-сказку он помнил с детства. Именно тогда маленький Сережа осознал, что Добро всегда побеждает Зло, только подниматься на борьбу надо всем миром. Настроение у замполита повысилось, и Шапошников запел вполголоса:

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платьица,—
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять...

Он подумал о ребятах там, внизу, несущих боевое дежурство, с которыми недавно еще отрабатывал поведение операторов в экстремальной ситуации на учебном командном пункте.

— Пришла вводная, — доложил старший лейтенант Владыкин, первый номер. — Через пять минут ожидается учебная программа. С нами будет работать «Журналист».

Это было кодовое название их соединения. Впрочем, с их учебным КП могли вести тренировку, которая была одновременно и проверкой, и другие, более высокие инстанции.

...Тренировка началась с вводной о пожаре на одном из объектов. Владыкин быстро установил очаг пожара — горела изоляция. Затем офицер локализовал проводную связь с пусковыми установками, и тогда второй номер, лейтенант Федор Лаптев, автоматически перешел на радио.

Ситуация усложнялась. В результате пожара отключился источник электроэнергии... Немедленно заработали запасные автономные генераторы, а первый номер продолжал изучать и анализировать обстановку, готовый к новым каверзам, которые программировал для него проверяющий. Главная трудность была в том, что Иван Владыкин находился далеко от всех этих неприятных событий, пока только придуманных... Он сидел глубоко под землей, заочно оценивал обстановку, а потом принимал решение, выдавал соответствующие указания.

Вот Владыкин получил информацию о том, что пожар потушен, но света в наземных помещениях нет. Первый номер выслал туда расчет для устранения последствий и доложил «Журналисту», что предполагает выход из строя комплекта.

— Сколько можете работать на собственных источниках энергии? — запросили сверху.

Владыкин ответил.

Загорелся транспарант: нет радиосвязи, перегорел предохранитель блока управления антенной. Едва Владыкин и Лаптев устранили неисправность, точнее сказать, распорядились ее устранить (сами они по-прежнему сидели на штатных местах), как пришел сигнал «Театр», означающий ядерный удар «противника».

Тут уж отключилось все на свете. Но операторы были живы и невредимы, они даже успели до ядерного взрыва, когда стало ясно, что он неизбежен, запустить собственные ракеты, боеголовки которых совсем скоро разорвались на военных базах «противника». Теперь надо подождать, когда утихнет бушующий наверху атомный пожар. Командный пункт уцелел и перешел на обособленное существование, с остальным миром он пока не был связан.

Уцелевшие датчики продолжали сообщать обстанов-

ку на поверхности. Владыкин и Лаптев с помощью робота осторожно выдвинули антенну и принялись связываться с соединением и с соседними частями.

— Я — «Стержень»! Я — «Стержень»! — повторял первый номер в микрофон. — Вызываю «Журналиста»! Вызываю «Журналиста»!

Никто не откликался. Тогда Иван Владыкин бесстрастным голосом, хотя спокойствие давалось ему отнюдь не легко, принялся вызывать товарищей:

— «Гейзер»! Я — «Стержень»! «Гейзер»! Я — «Стержень»!

«Гейзер» не отвечал... Старший лейтенант стал обращаться по очереди к другим ракетным частям:

— «Тайфун», ответьте «Стержню»! «Стержень» вызывает «Дорогу»! «Лебедь», ответьте «Стержню»! «Лебедь»!..

Никто не отозвался.

И Сергей Шапошников представил, как срываются эти слова с кончика дрожащей в горячих радиоактивных струях отравленного воздуха антенны и несутся над атомной пустыней, в которую превратилась такая зеленая сейчас долина реки Тигоды. Он вдруг вообразил, что все это не учебная тренировка, какими занимаются ракетчики для поддержания выучки, а чудовищная реальность. И тогда Сергей почувствовал, сколь ужасным будет состояние оставшихся глубоко под землей офицеров. Ведь они с полным основанием будут считать себя последними людьми на планете, оставшимися в живых.

— «Лебедь», ответьте «Стержню»! — упорствовал Владыкин.

И вдруг...

— «Стержень»! Я — «Журналист»! Как слышите меня? Прием!

— Слышу вас хорошо! «Журналист»! Я — «Стержень»! — сбился с бесстрастного тона и зачастил первый номер.

— «Стержень»! Говорит Вощинский... Приказываю доложить обстановку у соседа! Повторяю! Доложите обстановку у соседа!

— Вас понял, «Журналист»! Выполняю приказ — запустить соседа...

Когда тренировка закончилась, с командного пункта соединения сообщили, что смене Сергея выставили оценку «хорошо».

— Пока все, «Стержень», — сообщил «Журналист»...

Затем, пройдя привычную процедуру, замполит спустился на командный пункт.

— Выходите на регламентную установку, — приказал Шапошников. — Как там наш командир? Ага! Вот он и сам легок на помине.

Загорелся транспарант, который показывал, что пусковая на прямом контакте с подземным бункером.

— У нас все в порядке, — донесся голос Макарова. — Шахту открыли, сейчас приступаем к пробной расстыковке. Связь с вами постоянная.

— Ясно вижу, командир, — ответил Шапошников.

56

— Войдите! — послышался голос главного капеллана ракетной базы Мэсситер, и Филип Тейлор вошел.

Стэн Гриффин, невысокий и плотный человек, сидел к нему спиной и писал. Большая плешь, уже сползшая с макушки на затылок, матово поблескивала в лучах солнца, пробивающегося сквозь неплотно зашторенные окна.

— Здравствуй, Стэн, — сказал Филип. — Да снизойдет на тебя благословение божье!

— Снизойдет, снизойдет, — согласился базовый капеллан, не поворачиваясь. — Рад тебя видеть, вернее, слышать, дружище. Но погоди чуть-чуть... Сейчас закончу. Сделай себе что-нибудь выпить, да и мне, кстати, тоже.

Филип Тейлор бросил взгляд на обширный бар хозяина, вздохнул и уселся в кресло, которое стояло в противоположной стороне.

— «Вот я сплету тебе на милетский манер разные басни, — произнес на латыни Филип Тейлор, — слух благосклонный твой порадую лепетом милым... Ты подивишься на превращения судеб и самых форм человеческих и на их возвращение вспять...»

Гриффин, не поворачиваясь, насмешливо хмыкнул.

— Цитируем «Метаморфозы» язычника Апулея? — проговорил он. — Да еще на святом, божественном языке...

Тейлор пожал плечами.

— Африканцы Апулея читали взахлеб отцы-основатели нашей церкви, мой дорогой Стэн, — возразил он

капеллану. — И не считали это грехом. Ведь не кто иной, как сам Августин, сохранил для нас, потомков, второе название апулеевских «Превращений» — «Золотой осел». И мне тоже по душе эта забавная история, несмотря на ее африканскую напыщенность. Ведь «Осел» Апулея доказывает, что никакой сексуальной революции в наше время не происходит, все нынешние порнофокусы — детский лепет по сравнению с забавами Афин и вечного города.

— Не скажи, Фил, — покачал головой Гриффин. — Сейчас я закончу писать, сделаю коктейль по новому рецепту и расскажу тебе историю, случившуюся на прошлой неделе в Атланте...

Филип Тейлор вздохнул и не отозвался.

Прошло несколько минут. Капеллан продолжал писать.

— Послушай, Стэн, — не выдержал пастырь морских пехотинцев, — и долго ты будешь сидеть ко мне спиной, как генерал Грант по отношению к конгрессу? [1]

— Все, дорогой Филип! — вскричал Гриффин, приподнимаясь со стула и дописывая последние слова в согнутом состоянии. — Вот! Ставлю точку — и я в твоем распоряжении...

Капеллан бросил ручку, повернулся к гостю и шагнул к нему, поднимая руку то ли для приветствия, то ли для благословения. Но рука его так и застыла в воздухе, ибо Стэн Гриффин не увидел в руках закадычного друга привычного стакана с виски.

— Что с тобой, Фил? — встревоженно спросил Гриффин. — Ты заболел? Я же ясно сказал: приготовь нам для начала выпить...

Тейлор вымученно улыбнулся и развел руки в стороны.

— Все, Стэн, — сказал он. — Отпил твой старый товарищ.

— А что произошло? Ты заболел?

— Нет, увы... Еще хуже. Я стал трезвенником. Более того, пропагандистом трезвого образа жизни... Ах да! Ты ведь еще не успел получить циркуляр совета капелланов. Ведь это было только вчера утром. Прошли всего сутки в моей новой жизни, а мне кажется, миновала вечность.

---

[1] Так расположена в Вашингтоне конная статуя генерала Гранта — национального героя Америки времен гражданской войны.

— Да растолкуй мне, что произошло?! — вскричал Стэн Гриффин.

— О чем тут говорить! — махнул рукой Филип Тейлор. — Ты ведь тоже обречен, отец Стэнислаус...

И отец Филип рассказал о новой затее Пентагона, встревоженного ростом пьянства в армии, ВВС и на флоте.

— Дела, — сказал Гриффин. — Такие новости необходимо обмыть. Сейчас я приготовлю твой любимый «Поцелуй марсианки».

— Отпадает, дружище. Для меня выпить этот коктейль все равно что... Словом, отца Филипа заставили дать обет трезвости, и должен же я хоть немного покрасоваться в этом нимбе.

— Красуйся, — милостиво помавал рукою преподобный Стэн. — Только я выпью, поскольку директив из Большого Дома [1] не получал, а твой визит рассматриваю как неофициальный.

— Ну а я удовлетворюсь фруктовым соком. Чем ты угостишь меня?

— Есть манго и апельсиновый. Можно открыть банку холодного цейлонского чая с лимоном.

— Так я и сделаю, — сказал Филип, подходя к холодильнику бара. — Над чем это ты так усердно трудился, Стэн? — спросил он.

— Понимаешь, мой предшественник, который считался в предыдущий период старшим на базе, был капелланом иудейского вероисповедания, раввином, одним словом. Он и написал в совет кляузное письмо, в котором обвинял систему личных знаков в расистской направленности.

— Что же он имел в виду?

— Указание на принадлежность к определенной религии...

...Хотя официально церковь в Америке отделена от государства, Пентагон со времен формирования регулярной армии содержит многочисленный корпус военных священников. На каждые несколько сот человек военнослужащих приходится штатный капеллан, который является офицером и отличается от остальных лишь особой эмблемой в петлицах. И число капелланов увеличивает-

[1] Пентагон — на армейском сленге.

ся. Сейчас они уже есть во всех частях и соединениях, даже в батальонах. Кроме того, в «Едином кодексе военной юстиции» прямо указано, что командиры всех рангов несут строгую ответственность за состояние религиозной работы в войсках, эскадрильях и на кораблях.

На вершине этой стройной системы находится совет капелланов из шести человек. В него входят представители всех видов вооруженных сил. В совете они председательствуют по очереди, каждый год сменяя друг друга. В частях меняются не по виду войск, а по религии. Вот на той же базе Мэсситер до Стэна Гриффина старшим был майор-раввин. А написал он в совет капелланов протест, в котором требовал убрать с личных знаков солдат и офицеров особую букву, обозначавшую религиозную принадлежность владельца: «П» — протестант, «К» — католик, «И» — иудей... И так далее. Раввин усмотрел в этом разжигание расовой и национальной розни.

— Так ведь эту практику завели как раз в интересах верующих!

— Верно, — согласился Стэн. — Когда похоронная команда подберет твои бренные останки на поле боя, то по личному знаку определит, по какому обряду предать тебя земле. Иначе мусульманин попадет в компанию покойных иудеев, а сын Израиля — в христианский рай.

— А чего хочет майор? — спросил Тейлор.

— Упразднить эти буквы. Он считает, что, когда грядет Армагеддон, всевышний сам разберется, куда кого отправить. А в житейской, мол, практике это способствует развитию негативных явлений, в частности антисемитизма.

Филип Тейлор удивленно хмыкнул.

— Лихой поворот, — пробормотал он.

— Но дело в том, что майор это сочинил, отослал в Пентагон, а затем сдал полномочия твоему покорному слуге, даже не предупредив меня о своей идее. Мне же, как нынешнему старшему, совет приказал ответить по существу предложения раввина.

— И что же ты ответишь? — спросил отец Филип.

— Все это абсолютнейший вздор, — сказал капеллан-ракетчик. — Мое мнение таково: пусть на личном знаке капеллана Гриффина, сына евангелистской церкви, напишут что угодно, вплоть до надписи: «Покойный пьет все, что ему предложат». Я не привередливый... Но мне при-

шлось сочинять приличествующий загробной теме ответ: что думаю о рапорте предшественника.

— Пусть бы он и отвечал...

— Теперь он просто капеллан базы, а старшим стал твой друг Гриффин. Ну да ладно... После меня заступит на пост мулла, я ему тоже подкину подлянку.

— У вас появился и приверженец учения Магомета? — удивился Тейлор.

— Среди негров, а их на базе хватает, много теперь мусульман. Пришлось завести капеллана-муллу.

— Как у вас расовая обстановка, Стэн?

— Более или менее... Штат наш южный, к правам здешним привыкли. Сами негры — местные уроженцы — не очень умничают, а белые офицеры, сержанты и солдаты происходят преимущественно из Новой Англии или со Среднего Запада. Вот эти две психологические установки и уравновешивают друг друга. Равновесие, симметрия, дорогой коллега, великая, цементирующая мир сила. В ней — все. Альтернатива — хаос...

— Ты, видимо, прав. Я всегда считал, что господь задумывал мироздание как некое противостояние двух начал. Добро и зло...

— Черные и белые, — подхватил Стэн Гриффин. — Богатые и бедные...

— Жизнь и смерть, — продолжал Филип Тейлор. — Прошлое и будущее..

— Стоп! — поднял руку Гриффин. — Между прошлым и будущим есть буферное состояние — настоящее...

— Это состояние — наша с тобой жизнь, Стэн, — усмехнулся Филип Тейлор. — Второй стакан ты приготовил по этому принципу, Стэн?

— На вторые сутки трезвой жизни ты стал ханжою, мой друг, — отпарировал Гриффин, прибавив в стакан виски. — В нашей монотонной жизни ракетчиков нельзя без алкоголя, который заменяет отсутствие естественных раздражителей.

— Но ты ведь не сидишь в подземном бункере со своими прихожанами!

— А постоянно чередующиеся одни и те же действия в храме? Проповеди на самой базе, в эскадрильях, отрядах, изучение «Милитэри чеплэин ревью», которое меня, доктора богословия, учит, как верить в бога. Только и спасение — в виски и симметрии.

Тейлор рассмеялся.

— Ты чего, Филип? — спросил Гриффин. — Думаешь, что я спятил?

— Нет, ты просто принял слишком малую дозу «ликуида»[1]. Глядя на тебя, вспомнил парадокс Франца Кафки. Помнишь, мы увлекались в Гарварде схемами рассуждений в духе двойной связи Лэинга...

— «Вороны считают, что одна ворона могла бы разрушить небеса, — проговорил Стэн Гриффин. — И это несомненно так, но не доказывает ничего против существования небес: существование небес означает просто невозможность существования ворон».

— Такова особенность разума, — заметил Филип. — Я имею в виду твои упования на симметрию Вселенной. Улавливаешь?

— После третьего стакана уловлю.

— Это уже без меня, Стэн. Хочу прогуляться и кое-кого из старых знакомых навестить.

— Без тебя я пить не стану.

— Вот и хорошо. Открываю счет: ты первый, склоненный мною к ограничению. Не забивай себе голову «мировым узлом» Шопенгауэра. Соотношение духа и материи должно оставаться непонятным таинством, и алгеброй его не стоит измерять. Иначе мы останемся без работы.

— Да уж, — согласился Гриффин. — Без изрядной порции шаманства нам не прожить, коллега. Тут недавно пришел ко мне мой помощник, старший сержант. Приличный такой негр, алабамец из Мобила. Возобновлять контракт с ВВС не захотел, решил выйти на гражданку. По специальности — ракетный специалист, хорошо знает Библию, порядок проведения обрядов, отец у него священник негритянской церкви. «Чем займетесь в Мобиле?» — спрашиваю его. «Не знаю, сэр». — «Но у вас есть какие-то планы на будущее?» — «Нет, сэр, никаких планов». Тут я даже растерялся несколько от его беспечности, хотя чувствую: говорит парень искренне и при этом вполне счастлив. И тут мой Айзек пояснил. Вспомните, говорит, сэр, что сказано у Матфея: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы». Каково?

---

[1] По-английски «жидкость». Так в обиходе ракетчики США называют жидкое ракетное топливо и спиртное.

— Напиши об этом Президенту, — посоветовал с улыбкой Тейлор. — Он как раз носится сейчас с идеей восстановить отмененные еще при Рейгане социальные программы для негров.

Он поднялся и протянул Стэну руку.

— Приходи сегодня вечером к Джорджу. Приедет из Майами брат. Посидим, два старых холостяка, у чужого домашнего очага...

— Твой брат не пьет и чересчур суров, Фил. Он слишком много знает. Не хотел бы стать его исповедником.

— И не надо. Зато я весел и ничего не знаю. Зеркальное отражение Ричарда Тейлора. Согласно закону, в который ты поверил. Только я всегда считал, что убеждения сильнее веры, ибо они осознанны. В то время как известно хрестоматийное утверждение святого Августина о том, что люди, которые желают постигать истину разумом, весьма легко одурачиваются подобием разумных выводов.

— Тогда им полезнее всего верить превосходнейшему авторитету и соответственно ему вести жизнь, — подхватил Стэн Гриффин. — Подожду, когда ты продержишься без алкоголя месяц-другой, и возведу тебя в авторитет, стану поклоняться высшему порядку, именно к нему призывает трезвость. А ведь это как-то стыкуется и с симметрией... Ты не находишь, Фил?

— Начинаю обнаруживать, Стэн. А это уже нечто. Ладно, я пошел, а ты потеоретизируй на тему «Пить или не пить?». Только не забудь, о чем предостерегал Фрэнсис Бэкон в «Новом органоне». Речь у него о том, что человеческий разум легко предполагает в окружающих нас вещах больше порядка, чем находит. В то время, Стэн, как многое в природе единично и совершенно не имеет себе подобия, люди придумали параллели, соответствия и отношения, которых на самом деле нет. Поэтому и богу, может быть, вовсе не противостоит дьявол.

— А кто же тогда? — спросил капеллан.

— Сам человек, — ответил Фил.

57

— Что у вас нового в штабе? — спросил Иван Егорович у полковника Педерова — его с женою усадили на места отсутствующих сыновей генерала Макарова.

— Все в ожидании, товарищ генерал-лейтенант, — с

готовностью ответил Харитон Самойлович. — Ждем перемен...

— А почему ты решил, что они будут, перемены? — спросил Макаров. Он раза два или три говорил Педерову, чтоб звал его по имени и отчеству, а не по званию, на что полковник неизменно отвечал, что для него Иван Егорович всегда останется генералом. Ну что с ним поделаешь... И Макаров махнул рукой — пусть зовет, если так ему удобнее.

— Ну как же... Новая грядет метла. Начнет мести и вытряхивать.

— Не думаю, — возразил Иван Егорович. — Наши войска особые, и дадут вам в главкомы толкового человека, иначе нельзя. А тот в свою очередь поймет, даже если будет не из ракетчиков, что сильны мы особой слаженностью. Хоть и разбросаны друг от друга на тысячи километров, а представляем единый организм, одно целое. Великая мудрость была в том, что нас выделили в отдельный вид вооруженных сил — первый среди равных. И человек, который сменит нынешнего Главкома, прекрасно поймет эту истину. Другого просто быть не может. Вот разве что бездельников и разгильдяев, до которых еще не добрался маршал, за одно место подвесит, провялит их на солнышке. В этом смысле кое-кому есть резон и потрястись.

Генерал говорил вообще, но Харитон Самойлович принял это на свой счет и покраснел. Вера Ивановна, следившая за их диалогом, тут же отвлекла внимание гостей.

— Предлагаю тост за наших славных соседей, Харитона Самойловича и Музу Григорьевну.

Она подняла бокал с гранатовым соком.

— Андрюша, — попросила Вера Ивановна племянника, — поставь пластинку, пожалуйста. Дедушкину любимую... Отведайте моих пирогов, Харитон Самойлович. Муза, положи и себе. С рыбой вроде ничего получился.

Внук выбрал пластинку, включил проигрыватель, и комнату заполнили энергичные мужские голоса: «Земля в иллюминаторе видна...»

Песня нравилась всем, и ее прослушали с удовольствием.

— Вот куда нам силу надо направить, — задумчиво проговорила бывшая невестка Макаровых. — Вместе на Марс с американцами лететь, на Венеру, а не кнопки нажимать...

Иван Егорович сердито хмыкнул.

— Дались вам эти кнопки, — сказал он. — Их уже и в помине нет... Последние были на средних ракетах СС-4.

— Эта одна из них стоит у вас в городке? — спросил Андрей.

— Она самая... Чудесные были штучки! Совершенная техника для тех времен, шедевр. Я их когда-то давно на вооружение ставил, осваивал боевое применение. Так вот что о кнопках хотел сказать. Помните, разговор затеялся несколько лет назад? Выступил некий пацифист-писатель и заявил, что он не нажмет кнопку, даже если будет знать: на нас летят «изделия» супостата.

— Призывая отказаться от ответного удара, от идеи возмездия, — заметил полковник Педеров.

— Верно, — кивнул Макаров. — Обзывал нас всех, готовых выполнить боевой приказ, сторонниками старого мышления. Конечно, и мы, ракетчики, ратуем за мир, вовсе не самоубийцы. Но как не понять этому литератору, по слухам вроде бы имевшему некое отношение к прошлой войне: он и жив еще вместе с нами только потому, что я, Иван Макаров, всю жизнь положил ради меча возмездия. Именно эта идея в основе стратегической концепции РВСН привела к Договору о РСД-РМД и вот теперь к предстоящему Пакту ласточек мира.

— Именно, — поддакнул Харитон Самойлович. — Если армия не верит в победу, ведь, по существу, к этому призывал горе-стратег из литературного мира, то армия такая заранее обречена. А вместе с нею и нация, которую она призвана защищать.

— Пусть бы он лучше в Вашингтон поехал, — сказала Муза Григорьевна, — и призывал там янки на кнопки на ихние не нажимать. Ведь мы-то давно заявили, что первыми удара не нанесем.

— Политическое невежество, если не сказать недомыслие, некоторых писателей просто удивительно, — проворчал генерал. — Хватит с нас восторженных книг о «первых ударах», расшибающих в прах Германию на ее территории, появившихся в канун сорок первого года. И теперь... Договор договором, а уши надо держать востро. Всегда быть начеку. Нам же ихний Рейган напомнил: доверяй, но проверяй.

— Хватит о военных проблемах, товарищи полководцы, — мягко остановила отца Вера Ивановна. — И когда

мы, русские, отвыкнем говорить о политике за столом? Окажите лучше внимание моим пирогам.

— Ой, Веруша! — воскликнула Муза Григорьевна, отведав угощения. — У тебя пироги всегда на пять баллов. А мне все с плитами не везет. Харитон уже третью ставит, на этот раз финскую достал, а все одно снизу подгорает, а сверху не печет.

— А ты в моей духовке попробуй, — предложила Вера Ивановна.

— А что? Это идея...

— Ради бога, — шутливо сложил у груди руки и взмолился Педеров, — не позволяйте ей этого, Верочка. Ведь если и у вас пироги подгорят, ей не на ком будет злость вымещать. А так я для Музы вроде громоотвода. Уж лучше я ей новую плиту добуду, из Мозамбика.

Все рассмеялись.

— Да, тебе хорошо о громоотводе рассуждать, — отозвалась жена полковника. — У вас другие порядки. На тебя начальник рявкнул, а ты на улицу вышел, заметил лейтенанта, который не так четко козырнул тебе при встрече, и сам на него рявкнул. Вот и разрядился. А на кого я рявкать буду, если вызывает меня на ковер наша директриса и отчитывает: «У вас, милочка, увеличилось в классе число трудных подростков». А что мне ей ответить? У нее муж генерал, а у меня полковник. На кого рявкать? На трудных учеников?

— На меня, Музочка, — предложил под общий смех Харитон Самойлович.

— Только и остается... И вообще, разве плохо, если у меня в классе есть трудные? — спросила Муза Григорьевна. — Лично я считаю — в таком классе интереснее работать. Не надо только путать понятия — трудновоспитуемый и нравственно запущенный ребенок. И далеко не всякий трудный педагогически запущен. Трудные ребята, если хотите, это нестандартные личности. И если сопротивляются нашим воспитательным усилиям, значит, усилия эти не стоят того, иные мерки нужны для таких. Это значит, что у них собственные позиции, которые надо понять, разобраться в них, а для этого изначально уважать ребенка, ценить его чувство достоинства, а не только наши учительские амбиции.

— Да, — согласилась с нею дочь генерала Макарова, — как часто требуют от нас, чтобы мы изо всех сил втискивали ершистого мальчишку в педагогический штамп «благополучного» ученика!

— Лжепедагогический, — уточнил Иван Егорович. — В армии эта проблема получает уже свое завершение. Но мы, увы, принимаем от вас, школьных учителей, тех, кого вы нравственно искромсали.

— Вы уж слишком, Иван Егорович, — отозвалась Муза Григорьевна. — Будто все мы инквизиторы какие. Хотя, конечно, бывает и так, что калечим ребячьи души. Чего добиваемся? Чтобы были послушны, сдержанны, не перечили старшим, исполнительны... Тихие, одним словом.

— А в тихом омуте черти водятся, — вклинилась репликой Маргарита Иосифовна.

— И еще кое-что пострашнее, — согласилась с актрисой Педерова.— Помните тот страшный случай на Урале? О нем еще в газетах писали. Девятиклассник одной из лучших школ убил старушку, чтобы завладеть ее серебряными вилками, их он собирался сменять на коллекционные монеты. Каково? А ведь был из благополучной семьи! Послушный, вежливый, увлекался нумизматикой, общественной работой занимался. А вот на вопрос следователя: «Тебе не жалко было ее убивать?» — равнодушно ответил: «Она все равно старая».

— Так это же монстр какой-то! — возмутилась Ксения, мать Андрея, и беспокойно глянула на сына: надо ли ему слушать эту жуткость?

Муза Григорьевна пожала плечами.

— Отнюдь, — сказала она. — В его характеристике была такая фраза: «Мальчик с честными и добрыми глазами, он просто не способен на дурные поступки...» И вот нравственное его уродство никто не рассмотрел именно потому, что не был он «трудным».

Теперь уже и дед Макаров тревожно посмотрел на Андрея. Уж очень соответствовали рассуждения соседки тем мыслям, какие приходили к нему недавно, когда он сравнивал двух своих внуков. Но Иван Егорович заставил себя повернуться к Харитону Самойловичу и спросил:

— А у нас с тобой, Харитон, бывали такие «тихони»?

— Всяких перевидали, товарищ генерал-лейтенант,— ответил Педеров. — Я вот о другом перегибе скажу. Моя племянница окончила факультет дошкольного воспитания, в детском садике работает... В прошлое воскресенье приехала и плачет. Ухожу, говорит, «по собственному желанию». Устала бороться с формализмом.

— Это в детском-то садике формализм? — недоверчиво спросил Макаров.

— Представьте себе. Во-первых, пишут массу отчетов, каждый день составляют на бумаге планы всех мероприятий, вплоть до личных бесед с малышами. Все-все протоколируется под копирку, иначе комиссия не поверит, что воспитатели занимаются делом. Тетради закаливания, расчет посещаемости в человеко-днях, графики педагогических приемов, ведомости на присутствующих детей на кухню, журнал дисциплинарных взысканий...

— Ну, Харитон, тут ты загибаешь, — усомнился генерал. — И это в детском саду?

— Точно, Иван Егорович, — подтвердила жена Педерова.

— А во-вторых, главный метод, которым пользуются воспитатели, это окрик, — сказал полковник. — Его еще называют методом «Цыц!». Племянница сказала, что когда они принимали личные социалистические обязательства, то она вместо явно лживого «обеспечить стопроцентную посещаемость детей» — как ей таковую обеспечить?! — написала: «Обеспечить полноценный отдых детей в тихий час». Она с ними сидит, пока дети засыпают, персонально усыпляет, так сказать. Что ты! Заведующая поймала ее за укладыванием — разнос: «Вам что, делать нечего?! Скоро комиссия — выставку надо готовить!» За-ради комиссии детей муштруют, новые игрушки держат за стеклом, для показухи...

— Черт-те что! — не сдержался генерал. — Уж и до ползунков бюрократы добрались! В министерствах да конторах их прижали за последние годы, так они вон где размножились. Нет, за этим страшным явлением глаз да глаз нужен. Ни на секунду не ослаблять бдительность! Вот что я думаю...

Гневную тираду генерала прервал телефонный звонок, и Вера Ивановна подошла к аппарату.

— Это тебя, Рита, — сказала она жене Василия Макарова.

— Я слушаю, — проговорила в трубку Маргарита Иосифовна, и генерал Макаров увидел, как напряглось вдруг лицо невестки.

— Пусть пройдет в мой кабинет, — сказал он дочери. — Оттуда говорить удобнее.

Маргарита Иосифовна благодарно кивнула свекру, передала телефонную трубку золовке и быстро вышла из гостиной.

58

Сержант Джон Маккена, старший наряда полицейских-охранников пункта управления, на который прилетел Джордж Тейлор, подал команду и по всей форме доложил командиру эскадрильи о том, что все у них в порядке, за период дежурства попыток нарушить ограждения ракетных шахт на их участке не зарегистрировано. Майор поздоровался с охранниками и прошел с Генри Хукером в небольшую комнату, которая служила своего рода кабинетом, временным для Тейлора и постоянным для начальника отряда, заведовавшего данным ПУПом. Им был сегодня первый лейтенант Рамсей Уотс, земляк Хукера по Джорджии, негр из Саванны. Вторым номером оказался недавно прибывший лейтенант Реймонд Барр, бостонец, который после Вест-Пойнта прошел специальную ракетную подготовку.

В комнате стоял небольшой стол с алюминиевыми ножками и пластиковым покрытием. Легкие стулья выстроились вдоль одной из стен. У окна шла узкая стойка и рядом умывальник-раковина, что служила для мытья стаканов, чашек из-под кофе, который готовил автомат, совмещенный с холодильником.

— Чашечку кофе, сэр? — предложил командиру капитан Хукер.

— Давайте, Генри, — согласился Тейлор, усаживаясь за стол. — Я хотел бы посмотреть документацию по предстоящим демонтажным работам. У вас все готово?

— Совершенно верно, сэр, — отозвался заместитель Тейлора, заправляя автомат уже смолотым кофе.

Он включил устройство, подогревающее воду, открыл сейф и достал оттуда зеленую папку.

— Скажите, сэр, — снова заговорил Хукер официальным тоном, хотя они были ровесниками и относились друг к другу довольно по-свойски, — неужели и к нам на базу приедут русские?

— Если будет подписан договор, — ответил Джордж.

— И тогда Америке придет конец, — с нескрываемой горечью произнес Хукер и отвернулся к кофейному автомату.

Тейлор знал, что Генри всегда был против любых переговоров с русскими, но такой неподдельный пессимизм удивил и даже в какой-то степени задел майора. «Почему он присвоил себе право решать, что хорошо и что плохо для Америки? — с досадой подумал Тейлор.—

И если в предстоящей ликвидации тяжелых ядерных ракет вижу выход из тупика, в который загнало себя человечество, значит, я плохой американец, меньший патриот, нежели Хукер?»

— В чем ты видишь беду для Америки? — мягко, перейдя на доверительный, дружеский тон, спросил командир эскадрильи. — Тебе ведь известно, Генри, что народ высказался за поездку Президента в Москву...

— Моего мнения никто не спрашивал, — не поворачиваясь, сказал капитан. — Армия и флот не принимали участия в референдуме. Ведь мы только наемники, не более того...

— Да, мы существуем на деньги налогоплательщиков, но американцами быть от этого не перестаем.

— Ядерное разоружение превратит Америку в третьестепенную державу, — заявил Хукер. — Второстепенной мы стали, когда ушли несолоно хлебавши из Вьетнама. Это было первым поражением Америки во всей ее истории. А ведь если бы не русские...

— И канадские хоккеисты, — подхватил, улыбаясь, Тейлор.

— А при чем здесь хоккеисты? — подозрительно глянул на него капитан.

— А при чем там, во Вьетнаме, русские? — спросил Джордж. — Мы воевали с Вьетконгом, и в джунглях были только «чарли».

— Русские давали им оружие...

— А мы, обладая своим собственным, не справились с Вьетконгом. Три миллиона наших парней прошли через мясорубку индокитайских джунглей. Видел списки мертвых на мраморе Арлингтонского кладбища? А сколько вернулось искалеченными! Вчера наш Купер похоронил друга, который умер от ран, полученных в Индокитае. Смерть догнала его дома через столько лет. Да и зачем нам, Генри, военная слава? Мы, янки, никогда не любили воевать. Недаром в Корее и Вьетнаме личным героизмом отличались в основном негры.

— Выходит, по-вашему, майор, негры лучше нас, белых?! — Голос Хукера задрожал от нескрываемой злости, он даже расплескал кофе из чашки. — И вы, сэр, отказываете нам, белым, в мужестве?!

— Вовсе не отказываю, — спокойно ответил Джордж. Он осторожно отхлебнул небольшой глоток.

— Ты родился и вырос здесь, в Джорджии, и с молоком матери всосал предубеждение к неграм. Но де-

рутся на войне они неплохо. И не потому, что негры храбрее нас. Просто потому, что белому американцу в высшей степени наплевать на победу во Вьетнаме, а для негра это шанс, который подбросила ему судьба. Ведь этого шанса нет у него на родине, в той же Алабаме или Джорджии. Да и по всей Америке.

— Может быть, они и трудиться любят больше, чем белые? — ехидно сощурившись, спросил Хукер.

— А это другой вопрос, Генри... На войне подвиг — всегда порыв, мгновенное действие, импульс. И это ближе эмоциональной природе негров. А что касается регулярного труда, то у них просто не было времени к нему привыкнуть. Из-за расовой дискриминации мы отдаляли тот день, когда негры, все негры, понимаешь, осознают насущную для себя необходимость заботиться о завтрашнем дне.

— Значит, они неполноценные, если лишены качеств, присущих белому человеку, — упрямо поджав губы, заявил капитан Хукер.

Его чашка кофе стояла, дымясь, нетронутой па столе.

— А где бы они выработали это качество? — спросил Джордж Тейлор. — В Африке оно было им ни к чему... Климат позволял неграм не обременять себя заботами о теплой одежде, серьезном жилище, запасах пищи на зиму. Потом, как тебе известно, их стали ловить в джунглях работорговцы, и весной 1619 года голландский корабль доставил в Джемстаун первых закованных в цепи негров.

— Их привезли не только к нам, — хмыкнул капитан.

— Верно... И в Центральную, и в Южную Америку. Но проблемы с неграми у нас одних. В Бразилии, например, их Пеле — общий кумир всего народа — и черных, и белых, и тех, кто посредине. Там негры абсолютно не ущемлены в правах, ни юридически, ни де-факто. Но в целом живут они хуже, чем белые.

— Вот-вот, — оживился капитан. — Попросту не хотят работать...

— Не привыкли, — спокойно ответил Тейлор. — В Бразилии рабство-то отменили сто лет назад. Там еще не успела сложиться в черной среде нация тружеников, Генри. Равно как и у нас...

— Может быть, какая-то логика и есть в ваших рассуждениях, господин майор, — процедил Хукер. — Только со мной солидарны люди, которыми гордится Америка

и весь белый мир. Что вы скажете об Уильяме Фолкнере, сэр?

— Уважаю этого мудрого человека, — ответил командир эскадрильи. — Своими книгами он многое сделал, чтобы навести психологические мосты между нами и черными.

— Так вот этот Нобелевский лауреат заявил в 1957 году английскому журналисту Роберту Хоу, который брал у него интервью: «Если дело дойдет до драки, то я буду сражаться на стороне Миссисипи против Соединенных Штатов, даже если придется при этом стрелять в негров на улицах». Что вы скажете на это?

— Я слыхал об этом, Генри, — спокойно ответил Тейлор. — Но ты не добавил, что потом Фолкнер осудил себя за эту фразу, назвал свои слова «глупыми и опасными». Дай-ка мне все-таки сигарету.

Капитан Хукер достал из кармана пачку «Филип Морис» и протянул командиру вместе с зажигалкой.

— Нооеу! Чепуха! Известно, что и среди негров расистов хоть отбавляй,— сказал заместитель командира эскадрильи.

— А что ты хотел? Каждое действие рождает противодействие... Расизм отвратителен в любых проявлениях. Вся Америка поднялась на бой с нацистами, уничтожавшими евреев. Гитлер и его клика были чудовищными монстрами. Но разве сионисты, убивающие арабских детей и женщин, лучше? Да, негры ненавидят белых, и в нью-йоркском Гарлеме им опасно ходить в темных переулках. Но кто сделал негров такими? Мы сами. И ты, Генри Хукер, всегда делаешь вид, будто принюхиваешься в присутствии Рамсея Уотса. А ведь он один из лучших ракетчиков базы и, наверно, не меньше тебя любит Америку. И если я заметил, что ты не выносишь его, то Рамсей уловил это гораздо раньше.

— Я не обязан целоваться с черномазым, даже если он станет председателем Комитета начальников штабов, — буркнул Хукер.

— А тебя никто к этому не принуждает. Но я не допущу в своей эскадрилье расистских выходок, ибо они подрывают нашу боеготовность. Считайте это служебным замечанием, капитан.

— Слушаюсь, сэр!

Генри Хукер вскочил со стула и вытянулся.

— Ладно, — устало махнул Джордж Тейлор. — Садись рядом, и посмотрим, с чего нам лучше начать.

59

Когда вертолет с первым заместителем Главкома и генералом Алиметовым подобрался к посадочной площадке, там стояла уже такая же машина, принадлежавшая Аэрофлоту.

— Странно,— сказал Алиметов,— Федоров уже здесь. Как это он опередил нас?

— Сейчас узнаем, — отозвался генерал-полковник Гришин. — Может быть, он говорил не из Каменогорска?

Вертолет мягко опустился на землю, лопасти повертелись, повертелись и стали замедлять движение. В дверях, ведущих к экипажу, появился летчик и приготовил легкий трапик.

— Оставайтесь на связи, полковник, — приказал сопровождающему их Гайдуку первый заместитель Главкома. — Мало ли что... А мы узнаем сейчас, что натворило землетрясение, и сразу вернемся. На сегодня еще уйма дел в соединении.

Вместе с Алиметовым генерал-полковник покинул вертолет. Едва они оказались на земляной площадке, покрытой металлическими решетками, из другой машины вышел моложавый высокий мужчина лет пятидесяти, в кожаной куртке и джинсах, заправленных в короткие сапоги. Это первый секретарь Каменогорского обкома партии.

Следом из вертолета появился совсем молодой парень — начальник горной обсерватории, доктор наук Плотников.

— Как это вы успели раньше нас, Евгений Александрович? — спросил Алиметов, пожимая руку Федорову.— Ведь из областной столицы вдвое, если не дальше, лететь надо.

— А я был уже на половине дороги, — объяснил секретарь обкома. — Точнее, почти на месте. И звонил, находясь в воздухе.

— Дела, — удивился Гаджи Магомедович, — а связь была как из соседней комнаты.

Федоров засмеялся:

— А что же вы думали? Хватит ракетчикам держать монополию на отличную связь. Мы и сами с усами. Знакомьтесь, товарищи. Это наш горный колдун. Начальник обсерватории Института Солнца доктор наук Плотников.

— Александр Николаевич, — представился молодой ученый, пожимая руки Гришину и Алиметову.

Он был одет так, будто собирался на международный симпозиум, правда, его элегантные туфли были обляпаны красной глиной.

— Ну что ж, давайте в машину — и к хозяину в кабинет, — предложил Федоров. — Там все и обсудим. Обстановка сложная. Кое-что мы посмотрели с товарищем Плотниковым, и стало ясно: удар пришелся в перемычку. Сейчас там ведут контрольное бурение наши геологи, с ними прилетевший из Москвы профессор — светило геофизики и сейсмологии. Надо абсолютно точно узнать, не проникает ли вода в основание плотины. Выводы нам сообщат специалисты.

Подъехал «уазик», и секретарь обкома предложил всем садиться. За рулем машины находился усатый человек в широкополой шляпе и меховой безрукавке, надетой на рубаху из плотной клетчатой ткани. Федоров представил гостям и его. Водитель оказался председателем исполкома соседнего с Рубежанским района. Земли района стыковались с ракетными позициями, на них размещалась и северная часть озера Лебяжьего.

— Смотри-ка, — сказал, вдруг рассмеявшись, Федоров, — одно начальство в автомобиле. Поистине: «All chief — no indians»... Помните эту историю?

— Что-то американское, Евгений Александрович? — спросил водитель — глава района, резко бросая машину с места.

— Одного индейского вождя пригласили в штаб американского полка, — объяснил Федоров. — И когда дома спросили его о впечатлениях, он коротко ответил: «Все начальники и ни одного индейца».

Гришин немного знал Федорова, встречался с ним в Каменогорске, но в такой обстановке видел впервые. Все эти ковбойские, как он их мысленно окрестил, штучки смутили его, хотя Юрий Александрович знал от Алиметова о простецком стиле обращения с людьми Евгения Александровича. Так он отменил, например, *обязательное* ношение галстуков и пиджаков, которые стали чуть ли не униформой партийного работника. Владея тремя иностранными языками, организовал курсы для аппарата обкома, пел в областном хоре старинные песни, по утрам бегал в аллеях Каменогорского парка и состоял почетным председателем городского клуба «моржей».

С одной стороны Гришину нравились эти демократические, так сказать, нововведения, тем более что в делах Федоров успел проявить незаурядные способности лидера. Но, с другой, человек военный, привыкший к дисциплинирующему единообразию армейской одежды, Юрий Александрович иронически поглядывал на первого секретаря и его спутников, ничем внешне не походивших на представителей руководства.

Ехали не больше четырех-пяти минут: административное здание обсерватории отстояло недалеко от площадки, где сели вертолеты, оно заметно высилось над озером. Не мешкая, прошли в кабинет Плотникова. Там увидели еще одного человека, тот и вовсе был похож на туриста-рыболова, — Степан Фирсович Черных, первый секретарь Рубежанского райкома.

«А что, — подумал Гришин, — в конце концов, они по тревоге выехали на ЧП, а не на пленум в областной Дворец культуры собрались...»

Видно, Черных ждал их, так порывисто встал и шагнул к ним навстречу.

— Плохо, Евгений Александрович, — сказал он Федорову, забыв от волнения поздороваться с другими. — Уже есть пробы. Звонил Сухан Курдов, главный геолог. Сместилась подошва плотины, вода размывает песчано-гравийную смесь. Положение незавидное. И сам профессор Князев в большой опаске...

— Где они? — спросил секретарь обкома.

— Уже едут сюда. Сейчас все и доложат. Извините... Я с этой запаркой и с гостями не поздоровался.

Он энергично пожал руки Гришину и Алиметову.

— Неужели все так серьезно? — спросил Гаджи Магомедович.

— Серьезнее не бывает, — ответил Федоров. — Сейчас вопрос в том, как долго продержится плотина, пока мы вместе решим, куда отвести воду из озера.

Он отошел с генерал-полковником Гришиным в сторону.

— Хорошо, что вы здесь, Юрий Александрович, — сказал секретарь обкома. — Может статься, помощь военных будет нужна... Я понимаю: у вас сегодня своих забот хоть отбавляй, только дело-то общее.

— Еще бы, — улыбнулся Гришин, чувствуя некое расположение к этому человеку, излучавшему силу и уверенность. Генерал-полковник и сам был из таких, потому и ощутил в Федорове родственное начало.

— Специалисты подъехали, — сказал смотревший в окно Плотников.

Все оживились.

— Мы и развертывали здесь «изделия» ради общего дела, — продолжал Гришин, — и демонтировать их после подписания договора будем для того же. Только вот сейсмологи, ученые люди, ракетчиков подвели. Утверждали, будто никакой сейсмической опасности. И вдруг... Я уже выдал версию: не озеро ли рукотворное в землетрясении виновато?

— Знаю эту гипотезу и нахожу ее вполне логичной. Опять сработал принцип: семь раз отмерь... Вернее, забвение этого принципа. Во взаимоотношениях с природой надо быть особо осторожными, — проговорил секретарь обкома. — А вот и наш главный геолог с профессором.

— Здравствуйте, — поздоровался вошедший геолог, седой, коротко остриженный, юношески стройный человек.

В руке он держал свернутые в рулон схемы, которые тут же принялся развертывать на столе. За ним вошел московский эксперт, профессор Князев, моложавый, но весьма представительный по внешнему виду ученый, с умным, выразительным лицом. Профессор сдержанно кивнул всем и пожал присутствующим руки.

— Не томите, — сказал Федоров геологу Курдову, готовившему бумаги на столе. — Есть у нас время?

— Нет, — резко ответил тот. — Плотина под угрозой прорыва. Посмотрите... — Он ткнул пальцем в схему, изображавшую разрез тела плотины и природного ложа, на котором она покоилась. — Землетрясение нарушило структуру и плотины, и горных пород, на которые плотину в свое время погрузили, — разъяснил геолог. — Часть грунта, из которого плотина состоит, обрушилась в результате подземного толчка. Осталась тонкая перемычка, которая может противостоять напору водохранилища часа два-три. Ну, может быть, четыре...

— Да вы что?! — вскричал секретарь обкома, но тут же сдержался, сказал обычным голосом: — Извините... Это ваше последнее слово?

— Четыре часа я могу обещать. Ну, шесть... Продержится плотина дольше — слава аллаху. Только я, к сожалению, не пророк, и чудеса не по моей епархии.

— А ваше мнение? — повернулся Федоров к московскому специалисту.

Тот пожал плечами.

— С вашим геологом мы часто спорим, — сказал он.— Но сегодня я полностью согласен с моим учеником. Может быть, он излишне безапелляционен и плотина простоит еще сутки. Может быть... Но вот гарантии на эти сутки я вам дать не могу.

— Позвольте, профессор, — вмешался генерал-полковник Гришин, — но ведь ваша фамилия стоит под заключением авторитетной комиссии о сейсмической безопасности этого района!

— Моя фамилия там имеется, — спокойно согласился тот. — Но поставил я ее тогда, когда на месте этого огромного водохранилища была только лужица. Новое озеро создали, нас, меня, по крайней мере, не спросясь.

— Нас, между прочим, тоже, — буркнул Юрий Александрович.

Он уже сердился на себя за этот выпад в адрес профессора. Сейчас не время пикироваться. Надо решать, как выйти из создавшегося положения.

— Так что, Евгений Александрович, здесь мы с геологами солидарны, — снова заговорил профессор Князев, обращаясь к Федорову. — Плотина рухнет. Плюс-минус несколько часов — в данном случае роли не играет. Необходимо блицрешение и такие же молниеносные меры.

— Но ведь тогда вода упадет на Рубежанск! — растерянно проговорил, переводя взгляд с одного на другого, Черных. — Семьдесят тысяч жителей! Когда же мы успеем? За четыре часа! Пусть даже сутки!

— Прежде чем вода достигнет Рубежанска, она разрушит атомную электростанцию, — жестко сказал Федоров. — Об этом ты забыл? И суток нам вовсе не обещают. Плюс-минус... Ты слышал?

— Забыл, — виновато улыбнулся секретарь. — Это еще страшнее...

Минуту-другую все молчали, подавленные услышанным и теми картинами всеобщего разрушения, радиоактивного хаоса, которые услужливо подсунуло им воображение.

— Эвакуация отпадает, — решительно сказал Федоров. — На нее у нас просто нет времени. Объявляю в зоне озера и возможного сброса воды чрезвычайное положение. Необходимо сейчас же сообщить в Каменогорск и в оба ваших района. Создаем здесь оперативный штаб по борьбе с возникшей опасностью. Вы, ученые, думайте, как ослабить напор воды на перемычку. Срочно свяжитесь с Рубежанском, гоните сюда самосвалы с бутовым камнем

из Хайдар-Кулу. А вы, — обратился он к председателю райисполкома, — то же самое возите от себя. Идите в соседние кабинеты и поднимайте в районах тревогу. Тревогу, а не панику!

Первый секретарь райкома партии и его сосед торопливо покинули помещение.

— Это даст эффект, Евгений Александрович, только в том случае, если мы уменьшим уровень воды в озере,— заговорил геолог. — У нас просто не хватит времени...

— Верно, — согласился Федоров. — А чтобы вернуть воду в прежнюю реку, по которой она уходила по ту сторону хребта...

— Необходимы двое-трое суток землеройных работ,— ответил геолог.

— А что скажут наши военные друзья? — повернулся секретарь обкома к молчащим пока генералам.

— Насколько мне известно, водохранилище ограждено не одной этой плотиной, — произнес генерал-полковник.

— Их несколько, — пояснил Гаджи Магомедович, — и разной высоты.

— Самая большая — вот эта. Она закрывает вход в Рубежанскую долину, — уточнил начальник обсерватории Плотников. — Следующая по высоте — ваша...

— Как так «наша»? — спросил Юрий Александрович.

— Она у входа в долину реки Тигоды, — сказал Алиметов. — Там, где позиции ракетной части майора Макарова.

— Погодите, — остановил его Гришин. — Пусковые установки расположены на нижних отметках?

— Кажется, не все... Пункт управления, например, стоит довольно высоко. Впрочем, сейчас уточним.

— Что вы придумали, Юрий Александрович? — спросил Федоров, с надеждой прислушиваясь к разговору генералов-ракетчиков.

— Еще не придумал, да и власти моей здесь маловато, — отозвался генерал-полковник. — Но другого выхода нет. Надо взрывать...

— Что взрывать?! — в один голос спросили начальник обсерватории Плотников и секретарь обкома. Оба специалиста промолчали, видно, как и Алиметов, они сразу уловили идею.

— Перемычку в долине Тигоды.

— А ваши «штучки»? — спросил Федоров. — Что будет с ними?

— Для нас это ЧП. Ну что ж... В аварийном порядке снимем караулы, уберем из долины людей, а сами «изделия» не пострадают — они надежно укрыты в шахтах. Только вот один я решить сие не могу. Власти мало. Ведь целую часть выводим из состояния боеготовности. Тут нужна санкция Министра обороны, нашего Главкома. Есть чем взрывать?

— В теле плотины остались колодцы, которые можно использовать для закладки зарядов, — подсказал главный геолог. — Это может сэкономить немало времени.

— Тогда к вертолетам! — распорядился секретарь обкома. — Оттуда я свяжусь через Каменогорск с Центральным Комитетом. Одновременно дам указание немедленно привезти по воздуху взрывчатку и взрывников к перемычке. А вы, Юрий Александрович, запросите Москву, обрисуйте командованию обстановку, сообщите наши соображения. О том же самом я проинформирую Центральный Комитет. Угроза небывалая... Не будем мешкать, товарищи. В машину!

60

В дверь постучали.

— Входите! — крикнул командир эскадрильи.

На пороге возник дежурный повар, техасец Эдвард Кэнтуэлл, записной хвастун, как все его земляки, и балабол из Остина.

— Прошу извинить меня, сэр, — сказал Эдди, вытянувшись в дверях. — Но я собираюсь готовить обед. Вы останетесь отведать лучшее блюдо, какое только можно приготовить в этом штате?

— А чем вам не по душе *этот* штат, Кэнтуэлл? — стал заводиться капитан Хукер.

— Я этого не говорил, сэр, извините, сэр. Мне хотелось узнать у командира, окажет ли он мне честь, отобедав с боевым расчетом. Или у вас другие планы, сэр?

— Обедать у вас будет капитан Хукер, Эдди, — улыбнувшись, сказал майор. — Он еще больший знаток кулинарии, нежели я. А меня заберет на обратном пути командир крыла. Надо слетать в другие наши отряды. Так что на меня не рассчитывайте.

— Очень жаль, сэр, благодарю вас, сэр, — забормотал, переходя на техасский выговор, Кэнтуэлл и, пятясь задом, покинул кабинет.

Тейлор и Хукер снова остались одни. Джордж внимательно глянул на заместителя, к которому было у него

двойственное отношение. С одной стороны, он ценил служебное мастерство Хукера. Капитан еще в бытность первым номером неизменно оказывался победителем на испытаниях по отработке запуска ракет. У него уходило на эту операцию гораздо меньше времени, чем у его сослуживцев. Да и в общих вопросах, пока разговор не заходил о русских или неграх, Генри Хукер был толковым собеседником. Он знал американскую литературу, особенно творчество Уильяма Фолкнера, поэзию Эмерсона, Торо и Лоуэлла. Неплохо освоил и труды Джефферсона, Пэйна, Франклина, Бенджамина Раша, свободно цитировал Уильяма Джемса, отца американского прагматизма, не уставая повторять вслед за философом, что «каждое великое учреждение является само по себе средством коррупции — независимо от того добра, которое оно может принести». Генри Хукер изучал философию в Джорджтаунском университете и имел ученую степень. А с другой стороны, он был законченным расистом и, как все они, примитивным и пошлым человеком. Почему это могло уживаться в Хукере, Джордж не мог понять, хотя и пытался разгадать парадоксальный выверт личности капитана.

Сам Джордж с детства воспитывался по-другому. Давно прозревший на этот счет отец постарался внушить сыну, что именно расизм, как зловещая ржавчина, разъедает американскую нацию.

— Всегда помни, Джордж, — говаривал Тейлор-старший, — что самое глубокое потрясение Америки за всю ее историю — гражданская война Севера против Юга — возникло на расовой основе. Вспомни Германию времен Гитлера. Нацисты, разделив собственный народ, взвалили на евреев мыслимые и немыслимые беды. И сумели в кратчайший срок добиться ожесточения нации, превратили Германию в коллективного убийцу и погубили страну. Борьба с расизмом, сын, должна быть всегда последовательной и бескомпромиссной. Фальшь и лицемерие неизбежно выйдут боком тому, кто к ним прибегает. Тот же Джон Кеннеди заявил публично, что хотя прошло сто лет со дня освобождения рабов президентом Линкольном, однако потомки — их внуки — не полностью свободны... И что наша страна не будет полностью свободной, пока не будут свободны все ее граждане. Красивые и правильные с л о в а. Они обеспечили Кеннеди признательность черных избирателей. Но сам президент после этого заявления встретился негласно с Мартином Лютером Кингом

и сообщил ему, что дал указание вести за его деятельностью тщательное наблюдение. А ведь Кинг ни в коей мере не был «подрывным элементом», он всегда выступал за согласие черных и белых, предлагал им сесть на красных холмах Джорджии за стол братства. Но Кеннеди ловчил, и зло, порожденное его скрытым расизмом, настигло президента в Далласе.

— Ты хочешь сказать, что...

— Нет-нет, я ни в коем случае не допускаю мысли об участии в этом убийстве негров. Просто сработал закон вытеснения добра злом. Джон Кеннеди позволял злу возникать рядом с ним. Вот оно и уничтожило защитный барьер добра.

...Джордж Тейлор помнил заветы отца и не первый раз затевал подобного рода разговоры со своим заместителем. Это входило и в его командирские обязанности, ибо майор нес личную ответственность за нравственную атмосферу в эскадрилье, в которой было достаточно негров. После Вьетнама американская армия была настолько деморализована, престиж службы настолько упал, что возник острый дефицит новобранцев, которыми необходимо было пополнять ее ряды. На вербовочных пунктах пришлось резко снизить требования к наемникам, принимать тех, кто рассчитывал пересидеть в армии период инфляции и безработицы, зачислять в вооруженные силы и представителей национальных меньшинств. Но с годами Пентагон получил возможность перейти к более строгому отбору тех, кто желал заключить контракт. Сейчас уже почти все новобранцы имели приличное образование и получили «коэффициент интеллектуальности» выше среднего. Количество негров, зачисляемых на службу, сократилось до одной пятой. Но в южных штатах их число доходило до одной трети, в основном это были рядовые и сержанты. Не случайно и на базе Мэсситер соотношение белых и негров было таким же. Поэтому офицер-расист не имел здесь особых шансов, хотя взгляды, подобные тем, какие исповедовал Хукер, в узком кругу высказывал не только он один.

Но Джордж Тейлор знал и что Хукер был прав, когда говорил о черном расизме. Командиру эскадрильи было известно, что в середине восьмидесятых годов в американских вооруженных силах возникли и активно действовали тайные организации военнослужащих-негров. Такие, как «Черное гестапо», «Братство веревки», «Воинствующее общество черных», «Черный клан», «Афро-

Америкэн клаб»... Об этом его информировали в закрытых письмах командования, о многом писала и армейская газета «Старз энд страйпс» — «Звезды и полосы».

Но эта, так сказать, оппозиционность выражалась лишь по отношению к белым сослуживцам. Имперскому шовинизму, панамериканизму негры-солдаты и негры-офицеры были подвержены в не меньшей степени, чем белые военнослужащие. Тут Пентагон мог быть спокоен. Более того, негры старались доказать свою полноценность особой активностью в бою. Поэтому не случайно чернокожий морской пехотинец, ветеран Вьетнама, заявил корреспонденту журнала «Тайм»: «Как черный американец, я не испытывал каких-либо затруднений при встрече с противником. Я знал, что в Америке господствует расизм, но по большому счету я верил в Америку, потому что я — американец».

А вот не допустить внутренних распрей в эскадрилье, исключить любую возможность ослабления боеготовности из-за расовых столкновений обязан был в первую очередь сам Тейлор. Поэтому он и подумывал уже, как избавиться от Генри Хукера под каким-либо благовидным предлогом, ибо понимал, что при такой психологической установке, какая была у его заместителя, срыв рано или поздно неизбежен.

— Посмотрим сигнальную систему ограждения, — предложил Джордж Тейлор капитану. Хукер молча кивнул, и вдвоем они вышли в комнату, в которой дежурили «эм-пи». Сейчас их трое было. Вместе с сержантом Джоном Маккеной — Стив Карлсон, который сидел за столом-пультом, к нему приходила вся информация с десяти систем ограждения ракетных шахт с «Пискиперами», и Том Бэйтс. Этот двухметровый верзила, лучший регбист авиакрыла, полулежал на жестком деревянном диване-топчане, закинув на перекладину длинные ноги в шнурованных ботинках на толстой мягкой подошве.

Увидев офицеров, полицейские встали. Пришлось поднять свои двести пятьдесят фунтов и Тому Бэйтсу. Но книгу комиксов, которую он просматривал, устроившись на диване, известной серии «Судья Дред», где в картинках расписывался мир насилия и разбоя после ядерной войны, из рук так и не выпустил.

— Послушайте, Том, — спросил Тейлор полицейского, увидев у него «Судью Дреда», у себя в доме майор не позволял детям заводить подобную гадость, — вы верите в эти страсти-мордасти?

— Теперь уже нет, сэр, — широко ухмыльнулся Бэйтс.

— Почему — теперь?

— Говорят, что скоро наши ракеты возьмут под охрану русские парни. А нас пошлют сторожить их «Громобои» в Сибирь...

Джордж Тейлор снизу вверх озадаченно смотрел на «эм-пи».

— Только я в Сибирь не поеду, — продолжал Том Бэйтс. — Там очень холодно, сэр. А я вырос в Мобиле, штат Алабама. И в регби русские не играют.

— Они любят играть в «лапти», — заметил сержант Маккена. — Я читал недавно об этом в «Ридерс дайджест», там была статья нашего корреспондента в Москве.

— Чепуха! Нооеу! Откуда вы взяли этот вздор? — спросил Джордж Тейлор. — Русские сюда приедут, это верно. Но вовсе не для того, чтобы сменить вас, Бэйтс. Это будут эксперты-контролеры, ученые и ракетные специалисты. А наши поедут в Россию. Вот и все. Вы поняли, Бэйтс?

— Так точно, сэр, благодарю вас, сэр! — отчеканил регбист.

Тейлор усмехнулся и пожал плечами. «А что, — подумал он, — хоть это и глупость, но в «идее» Бэйтса есть нечто. Мы русские ракеты охраняем, а те парни за океаном — наши. Надо будет рассказать об этом отцу».

Он подошел к карте-плану, где были изображены участки территории, примыкавшей к охраняемым ракетным шахтам.

— Проверим четвертую, сержант, — сказал майор Маккене.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался старший наряда и тронул один из бесчисленных тумблеров.

Тотчас же перед системой ограждения четвертой пусковой установки пришла в действие небольшая электрическая катапульта. Она приподняла лежавший поблизости камень и бросила его на высоте одного метра в начальную полосу охраняемой зоны. Камень пересек невидимую стену лучей, идущих из глазков целой батареи фотоэлементов, они охватывали весь периметр охраняемой зоны, замкнулась цепь — и в караульном помещении тревожно завыла сирена, замигал красный плафон с надписью «Тревога!» у входной двери.

— Отключите звук! — приказал капитан Хукер.

Стив Карлсон вырубил сирену, но плафон продолжал подавать тревожные сигналы.

— Второй этап, Джон, — распорядился командир эскадрильи.

В это время динамики, установленные у четвертой ракетной шахты, повторяли громким голосом, записанным на магнитофонную пленку: «Стой! Поверни назад! Опасная зона! Стой!..»

По команде сержанта Маккены другая катапульта забросила предмет на вторую контрольную полосу. Она имитировала ситуацию, когда колючая проволока и радары, включившие звуковое предостережение и поднявшие одновременно охранников по тревоге, не остановили нарушителя, который упорно продвигался вперед, к люку ракетной шахты.

Едва предмет, выброшенный катапультой, коснулся грунта, раздался щелчок. Замаскированный гранатомет молниеносно развернулся туда, откуда пришел сигнал «Постороннее тело!», и прицельно выстрелил в зафиксированное место. Если бы там находился реальный злоумышленник, его разнесло бы в клочья.

— Один-ноль в пользу Америки, — прокомментировал происшедшее Стив Карлсон. — И мы летим на вертолете подбирать останки кремлевского агента. Повторим где-нибудь еще, сэр?

— Достаточно, — сказал Джордж Тейлор и взглянул на часы: вот-вот за ним придет «Найт хок». — Потом проверите у четвертой установки, как сработала система.

— Слушаюсь, сэр, — почтительно ответил Джон Маккена.

— Как поживает ваш дедушка? — спросил у сержанта Маккены майор Тейлор.

Командир эскадрильи знал, что нет лучшего способа разрядить обстановку, чем спросить у сержанта про его легендарного деда. Старому Томасу Маккене перевалило уже за девяносто, он лично знал знаменитого разведчика, а затем киноактера Буффало Билла и сам отличился в первую мировую войну. Во вторую дед ездил в Европу вдохновлять «джи-ай» рассказами о былых временах и был зачислен конгрессом в список почтенных долгожителей Америки. «Мой дед, как секвойя, охраняется законом», — шутил Маккена.

— Вспомнил про старого Тома одну историю, сэр, — не задержал с зачином сержант, но рассказывал он будто нехотя, так, между прочим, сохраняя серьезный и не-

сколько скучающий вид. — На моей памяти это было, я еще в школе учился. Ну и поехал, значит, с дедом на ферму. Есть у него домишко на Рио-Гранде, у самой мексиканской границы. Дед говорит: «Хочу свежей рыбы, отправимся рыбачить». Пошли за рыбой. Отец еще был с нами и Луис-мексиканец, он постоянно живет на ферме, сторожит вроде. Ну, конечно, кое-что поймали, собрались домой. А тут — беда. Укусила деда Томаса водяная змея. Дед по реке в это время шастал, сети полоскал. «Помираю! — кричит. — Тащите меня к доктору...» Из воды мы его выволокли, штаны стянули, осмотрели ногу — нет ничего. А дед злой, кроет всех вдоль и поперек. Не ту ногу смотрите, сукины дети! А вторая-то у него деревянная, свою дед Томас в Германии оставил, когда с кайзером воевал, с тех пор и прыгает на деревяшке. Никаких протезов не признает...

«Домой! — орет старикан. — Домой везите!» Ну, мы его в кузов грузовичка сунули и — полным ходом на ферму.

Дома дед звать врача раздумал.

«Знаю индейский способ, как спастись от укуса змеи,— сказал он нам. — Меня еще Буффало Билл научил, когда мы в Аризоне охотились с ним на гремучек. Главное— яд удалить с укушенного места. Поэтому берите, лоботрясы, топоры и стесывайте мне ногу... Вот отсюда тешите, здесь она меня, стерва, зубами схватила».

Мы-то хорошо знаем, что дед Томас возражений не признает. Схватили топоры и затюкали по дедовой ноге. Полчаса махали, но спасли ветерана... Хороший способ против укуса, да только семь потов с тебя сойдет, прежде чем избавишься от яда.

Джордж Тейлор от души рассмеялся, улыбнулся и Хукер, а Стив Карлсон прямо-таки закатился в хохоте. И только Том Бэйтс хлопал белесыми ресницами, не понимая, что смешного в глупой истории. Потом не выдержал и спросил сержанта:

— Да как же дед мог умереть от яда, если змея укусила его в деревянную ногу?

Вопрос Бэйтса словно подлил масла в огонь. Стив Карлсон упал на топчан, заливаясь смехом. Даже сержант Маккена, сохранявший невозмутимый вид, не выдержал и усмехнулся.

— Видишь ли, Том, у моего деда еще и голова была деревянная, — сказал Джон Маккена. — Как у некоторых регбистов...

Бэйтс стал соображать, что его разыгрывают, открыл рот, чтобы ответить, только сделать этого не успел.

В караульном помещении прогремел сигнал общей тревоги. Это был приказ «Идет град».

61

Две совсем небольшие березки привезли из далекой России.

Они благополучно пересекли Западную Европу и Атлантический океан, приземлились в Нью-Йорке, в аэропорту, который тогда не носил еще имени Джона Кеннеди, и на поезде добрались до города на реке Потомак. Здесь и опустили их в американскую землю, по обе стороны крыльца дома № 2552 на улице Belmont Road в центральной части Вашингтона. В этом строении с давних пор размещалась резиденция советского военного атташе в Соединенных Штатах Америки. Вот уже несколько месяцев эту ответственную должность занимал полковник Полухин, высокоэрудированный военный дипломат, имеющий опыт подобной работы и в западноевропейских странах, и в самих Штатах.

Сейчас Юрий Семенович вышел из здания атташата и задержался на мгновение на крыльце. Он знал: за ним наблюдают. Да и не с одной стороны: вход в резиденцию постоянно просматривался спецслужбами. И все же полковник не мог отказать себе в такой понятной человеческой слабости: попрощаться с березами. Втайне от всех (Полухин стеснялся некоей сентиментальности, которая отличала его) полковник окрестил русских землячек. Правую он назвал именем сестры — Ларисой, а левую — Валентиной. Так звали его жену, она оставалась сейчас в их квартире на Коннектикут-авеню с двумя сыновьями, собиралась лететь с ними в Москву на каникулы. Третий сын — Федор — учился в пограничном училище, готовился пойти по стопам деда.

Полухин глубоко вздохнул, отошел в сторону и провел рукой по левой березе, будто прощаясь с ней. Затем решительно сошел по ступенькам. «Пусть смотрят, — равнодушно подумал военный атташе, он привык к постоянной слежке. — Решат, что это некий ритуальный жест русских...»

С правой березой он простился мысленно — не было времени: Юрия Семеновича ждал Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Соединенных Штатах. Вчера ве-

чером Полухин побывал на 16-й улице. Посол принял его у себя в кабинете, выслушал короткий доклад, связанный с будущим подписанием в Вашингтоне договора и предстоящим прибытием в Америку группы советских экспертов-контролеров. Все организационные мероприятия в связи с этим обстоятельством возлагались на Полухина и сотрудников его аппарата. И сейчас он сообщил послу, что у него все готово, хотя до приезда гостей еще оставалось время.

— Завтра у нас будут рассмотрены списки американских экспертов, включенных в контрольную комиссию, Юрий Семенович, — сообщил посол. — Вы знакомы с ними?

— Конечно. И многих из этих людей знаю лично.

— Поздно вечером, в Москве уже будет утро, я позвоню домой по этому поводу. У вас нет каких-либо сомнений на этот счет? Я имею в виду кандидатуры...

— Разные там люди, Фрол Игнатьевич, — медленно, взвешивая каждое слово — дело-то ведь нешуточное,— проговорил Полухин. — Лиц, явно причастных к нежелательным для нас ведомствам, так сказать, **штатных** сотрудников РУМО или ЦРУ вроде бы нет. Но мы не можем и не должны исключать, что к нам поедут классные специалисты, которые будут рассматривать свою миссию под нежелательным для нас ракурсом. Это однозначно. Поэтому нам самим надо смотреть в оба — вот и все.

— Спасибо, Юрий Семенович, — поблагодарил посол и встал из-за стола. — Тут вот хотел поговорить с вами кое о чем... Может быть, прогуляемся?

Полковник согласно кивнул, сдержав улыбку, и подумал: «Наш Аристотель верен себе». Именем античного философа из города Стагира посла прозвали за пристрастие вести доверительные разговоры, прогуливаясь по просторному залу для приемов. Когда обнаружилась у посла эта привычка, атташе по культуре пустил в обиход слово «перипатетик», что в переводе с греческого означало «совершаемый во время прогулки». Такое прозвище получали мудрецы, которые обсуждали проблемы бытия во время прогулок по садовым аллеям Ликея, философской школы Аристотеля, основанной им в Афинах в 335 году до нашей эры. Но слово «перипатетик» не привилось — не каждому под силу было выговорить его с непривычки, — и посла стали звать просто — Аристотель.

Когда они вышли в зал и неторопливо двинулись по

идеально навощенному паркету, посол прикоснулся к локтю атташе и сказал:

— Я располагаю информацией, Юрий Семенович, которая меня, признаться, крепко беспокоит. Вы знаете, как поначалу противилось правое крыло правящей ныне партии подписанию Московского предварительного соглашения. Ведь рушатся старые стереотипы! Готовится ликвидация стратегических наступательных вооружений, исчезает главный козырь политического и военного шантажа. Поэтому политическая поляризация достигла в стране пика. И вот будто бы определилась некая третья сила, настроенная весьма радикально. К сожалению, этот радикализм крайне реакционного толка. И от этой группы, как я понимаю, можно ждать самых решительных действий.

— У меня тоже есть кое-что, — осторожно заметил Полухин. — Но пока, увы, сведения неопределенные, типа «вокруг да около». Во всяком случае, благодушного настроения нет ни у меня, ни у моих помощников. Будто сидим в окопе и ждем сигнала «В атаку!». Готовность номер один, Фрол Игнатьевич.

— Это хорошо, что вы отмобилизованы. Но если бы все было так просто, — вздохнул посол. — У нас с вами положение другое, я бы назвал себя и своих коллег специалистами по человеческим отношениям. А особая задача наших дипломатов в том, чтобы всегда стремиться превратить эти отношения в д о б р ы е. В конце концов, именно у нас, а не у кого-нибудь еще, родились слова «мирное сосуществование». И вот, опираясь на имеющиеся у меня сведения, я боюсь, как бы нам не испоганили, Юрий Семенович, московские д о б р ы е результаты.

Посол остановился.

— Завтра, полковник, будьте у себя в атташате пораньше. К утру обстановка для меня прояснится, я буду знать больше, нежели сейчас. И тогда немедленно свяжусь с вами по «Тундре». Будьте готовы сразу выехать сюда.

«Тундрой» они называли закрытую автоматическую связь, исключающую подслушивание.

— Может быть, мне лучше с утра находиться в посольстве? — предложил полковник Полухин.

— Нет необходимости, — возразил посол. — Я вызову вас.

Так он и сделал. И, прощаясь с русскими березами, выросшими в американской почве, военный атташе поду-

мал, что, судя по голосу Фрола Игнатьевича, худшие опасения посла оправдались.

Юрий Полухин быстро, но без суетливости подошел к «шевроле», открыл дверцу и будто невзначай осмотрелся. Наметанным взглядом зацепил двух молодцов на противоположной стороне улицы. Они, тоже не суетясь, бросили сигареты и стали забираться в светло-серый «ламюр», у которого наверняка был установлен форсированный двигатель — спецзаказ особых федеральных служб.

К подобным «фокусам» полковник привык, если вообще можно привыкнуть к постоянной слежке. Это была профессиональная неизбежность, с которой надо не только мириться, но порой и успешно бороться.

От кирпичного дома атташата было рукой подать до квартала, который занимало советское посольство. Оно располагалось между 15-й и 16-й стрит и улицами «М» и «Л». Но полковник Полухин для ускорения решил ехать на автомобиле и решительно включил двигатель.

Сначала он выехал на Вермонт-авеню — она под острым углом упиралась в Лафайет-сквер, за которым стоял огражденный невысокой решеткой Белый дом. Но Юрий Семенович не поехал до конца улицы. Отдалившись несколько от здания резиденции, полковник резко развернулся на «И»-стрит и двинулся в сторону от Белого дома — теперь уже по 15-й улице. Через три квартала он свернул налево, потом еще раз налево и затормозил у парадного подъезда посольства СССР.

А через пятнадцать минут «шевроле» Полухина мчался мимо монумента Вашингтону и мемориала Джефферсона к Хайвэй-бриджу, чтобы, перебравшись через Потомак, выскочить к приземистому пятиугольнику Пентагона. В ушах Юрия Семеновича продолжали звучать страшные слова посла:

— Министр обороны США отдал приказ «Идет град» с часовым интервалом. Я поднял на ноги всю нашу дипслужбу... Но вице-президент в Китае. Президент с генералом Уорднером со вчерашнего дня находятся на своем ЦКП. Министр обороны игнорирует мои попытки связаться с ним... Включайтесь в дело и вы. Попытайтесь попасть в Пентагон, у вас есть дипломатический пропуск в управление по заграничным связям, вы лично знакомы с армейскими разведчиками. Действуйте как угодно, но внушите генералам, что все мы, оба наших государства, можем оказаться жертвами чудовищной провокации. Не теряйте времени, Юрий Семенович! Сообщайте мне о сво-

их действиях. И помните: времени у нас почти не осталось.

— А Москва? — спросил Полухин. — Там знают?

— Последняя проверка полученной информации будет закончена через пять минут... Сами понимаете: я не имею права взбудоражить мир попусту. Еще один контроль — и спецсообщение для Председателя Совета Обороны сразу уйдет в Москву.

— А как узнаю об этом я?

— По дороге в Пентагон позвоните сюда. Если вам скажут «Возвращайтесь к обеду» — это означает отбой тревоге. Если услышите песню «Полюшко-поле» — знайте: все так, как я вам рассказывал. И даже в худшем варианте. Не мешкайте!

— Есть! — крикнул полковник и выбежал из кабинета.

Теперь быстрее добраться до Большого Дома! В зеркальце заднего обзора Полухин видел: светло-серый «ламюр» движется за ним как привязанный. Но это были привычные профессионалы из Федерального бюро расследований. Юрий Семенович даже знал их в лицо и по имени, хотя, конечно, они ему никогда официально не представлялись.

«Если верно то, о чем сообщил мне посол, — подумал Полухин, — должны были сменить наблюдение. Или правая рука не согласовала свои действия с левой?»

На максимально возможной скорости он проскочил правый из трех мостов, пересекающих в этом месте Потомак, и, подвернув еще правее, подобрался к центральному, северному, входу в здание. Ему удалось приткнуть машину на стоянке, не совсем, правда, по правилам, на штраф он, конечно, налетит, да разве до штрафа сейчас?! Полковник вряд ли воспользуется снова своей машиной. Если сумеет выбраться из Пентагона, то дальше поедет на такси, этим он хоть на время собьет ребят из ФБР со следа.

В просторном вестибюле полковник подошел к телефону и позвонил генералу Рою Монтгомери домой. Полухин и сам не мог бы себе объяснить, почему он звонит этому человеку. Просто американец нравился ему чем-то, может быть, широтою взглядов, отсутствием традиционной для здешних военных консервативности мышления.

Трубку взяла жена генерала.

— Это колонель Джордж, — сказал Юрий Семенович, подумав, что говорит он правду и в то же время никто

не сообразит, что это русский полковник, которого зовут Юрием.

— Рой сегодня на службе, — любезно ответила миссис Монтгомери. — Что ему передать?

— Я позвоню еще, — неопределенно отговорился атташе и повесил трубку.

— Справочная министерства обороны, — отозвался женский голос на второй его звонок.

— Служебный номер телефона бригадного генерала Монтгомери, — голосом, не терпящим возражений, попросил Полухин.

Телефон ему дали. Но вместо Роя ответил некий майор и сообщил, что генерал Монтгомери занят по службе и по этому телефону ответить не может.

— А куда ему можно позвонить? — с надеждой спросил полковник.

— Исключается, — бесстрастно ответил майор.

«Так, — подумал военный атташе, — значит, он сегодня на боевом дежурстве... А «Полюшко-поле», любимую песню Фрола Игнатьевича, мне по телефону уже передали. Приказ отдан? Но тогда он прошел через Роя. Как же мне добраться до него? Впрочем, что может Монтгомери? Он только исполнитель. Надо попасть к самому Оскару Перри. Но как это сделать?»

Юрий Семенович осмотрелся и заметил непривычную пустынность вестибюля. Обычно здесь с утра уже толклись туристы, жаждавшие увидеть самое большое в мире административное здание — с его тремя миллионами и 330 тысячами квадратных футов служебных помещений, коридорами в семнадцать с половиной миль общей длины, кабинетами, где стоит более тридцати тысяч столов и полутораста тысяч стульев... «Странно, — подумал Полухин. — Почему нет посетителей? Надо проникнуть в здание, там я смогу повидать кого-нибудь. Или даже пробиться к министру обороны, к его заместителям, наконец...»

Юрий Семенович решительно направился к двум охранникам, стоявшим у входа. Достав из кармана пропуск, который позволял ему посещать управление по иностранным связям, он протянул его плечистому средних лет сержанту, стоявшему справа.

Тот вежливо улыбнулся Полухину, взял пропуск, посмотрел его и вернул владельцу.

— Сегодня у нас неприемный день, господин полковник, — сказал сержант. — Приходите завтра.

— Но мне срочно нужен генерал Майкл Вернон, — возразил Полухин, понимая, что теперь это уже бесполезно: сержант получил инструкции, которые, естественно, не нарушит.

— Позвоните дежурному помощнику начальника охраны Пентагона, сэр, — сказал сержант.

Это была ординарная фраза, которую произносят в таких случаях на постах во всех странах мира.

Чем-то был ему симпатичен этот вконец расстроенный русский полковник, да и необычный приказ по поводу «неприемного дня» смущал охранника-ветерана.

— Сегодня дежурный помощник...

«Помощник! — внезапно мелькнуло в голове Полухина. — Вот единственный выход... Помощник! Как же я сразу не догадался...»

— Спасибо, сержант, — улыбнулся Юрий Семенович. Сейчас он был готов расцеловать этого «эм-пи», который навел его на верную мысль. — Лучше заверну к генералу Вернону завтра. Счастливо оставаться!

Он повернулся и едва не бегом вынесся на ступени главного подъезда. Теперь пройти к левой его стороне, выезд на Арлингтонский мост оттуда. Повезло бы с такси! «Шевроле» он бросит у Пентагона, пусть за ним присматривают парни с «ламюром», если проворонят, как он отъезжает от Пятиугольника. А если не оторвется, то пусть едут следом, на Нью-Гемпшир-авеню, где в южном сегменте Washington Circle расположен госпиталь университета имени Джорджа Вашингтона. А в нем поправляется после операции аппендицита Ларри Холмс, помощник Президента по национальной безопасности.

62

Капитан Хукер часто задумывался: когда и при каких обстоятельствах застанет его сигнал «Идет град». Он всегда ждал этого мгновения и боялся его. Хукеру казалось, что у него недостанет мужества повернуть пусковой ключ, и эта мысль о собственной неполноценности постоянно мучила и вместе с тем заставляла продолжать ракетную службу.

Собственно говоря, он и к наркотикам пристрастился потому, что одурманивающие препараты помогали на какое-то время избавиться от страха. А страх достигал порой такой глубины, что приводил к чудовищным головным болям, от которых капитан едва не лез на сте-

ну. Он с величайшим трудом сдерживал маниакальное желание наброситься на любого из окружающих и бить его, терзать, разрывать на части, ибо только тогда, как ему чудилось, его невыносимая боль перейдет в другого человека.

Безусловно, капитан Хукер был психически больным человеком. Но до поры до времени ухитрялся скрывать это от врачебных комиссий и офицера-психолога, приданного каждой эскадрилье МБР. С дьявольской хитростью, присущей многим индивидуумам с отклонениями в психике, Генри Хукер разыгрывал нормального человека, а когда ему приходилось совсем уж невмоготу, прибегал к мгновенному «удару» — так называлась на армейском жаргоне вдыхаемая доза героина. Капитан всегда носил при себе пакетик с наркотиком.

Алкоголя Хукер не употреблял вовсе. В этом и была тайна, которую тщательно скрывал и сам он, и его родные: родился он от запойного алкоголика, который покончил с собой в приступе белой горячки.

Исключив из житейской практики алкоголь — опять же здесь сработал механизм страха, — Хукер прибегнул к наркотикам. Правда, произошло это не вдруг и носило сначала безобидный характер: в военном училище, куда поступил Генри, считалось обычным делом эпизодическое употребление «гангстера» — сигареты, начиненной марихуаной. Настоящим наркоманом Генри Хукер стал после окончания училища, когда прошел ракетную специализацию и был допущен к самостоятельному боевому дежурству. На самом дежурстве он принимал наркотик весьма осторожно, чтобы не заметили товарищи. Зато потом снимал накопившийся за это время страх в дни отдыха от службы, когда оставался в одиночестве у себя дома.

Женой Хукер так и не обзавелся: существа иного пола его не интересовали. Но чтобы никто не принял капитана за гомосексуалиста, он ездил время от времени в соседний Брансуик или в Саванну, чтобы, как он сообщал сослуживцам, поразвлечься с девочками. В отпуск, как, например, в этом году, он летал на Гавайские острова, где занимался вовсе не сексом, а испытывал на себе действие изощренных наркотических средств.

Когда же капитан появлялся на службе, то всегда имел при себе хороший запас героина высокого качества. Этот неприкосновенный запас Генри Хукер держал

на тот случай, если придет невероятный и долгожданный приказ «Идет град»...

— Все по местам! — крикнул майор Тейлор. — Усилить охрану!

Сам он тотчас бросился к лифту, чтобы спуститься под землю и там, на командном пункте, взять на себя руководство эскадрильей. Капитан Хукер бежал за командиром.

Вот Тейлор остановился перед дверью, закрывавшей вход на лифтовую площадку, и быстро набрал шифр.

— Командир расчета первый лейтенант Уотс, — послышался в динамике голос Рамсея.

— Майор Тейлор, — сказал Джордж и назвал пароль. — Что у вас случилось, Уотс?

— Пришел приказ с часовым интервалом, — доложил первый номер. — Снимаем блокировку...

— Еду к вам, Уотс. Открывайте!

Рамсей Уотс послал сигнал к устройству, запирающему герметическую дверь. За стальной дверью щелкнуло, и Джордж Тейлор стал раскручивать маховик, которым плотно прижимались к металлическому косяку резиновые прокладки.

Но войти командиру не удалось.

Едва проход был открыт и Тейлор приготовился шагнуть вперед, стоявший позади Генри Хукер ребром ладони резко ударил майора по шее. Затем капитан схватил обмякшее тело командира, оттащил в сторону, быстро перешагнул высокий порог и задраил за собой непроницаемую дверь.

63

— Это американцы, — сказал Валерий Бут.

— Кому же еще здесь возникнуть? — заметил командир «России». — Не инопланетянам же в самом деле...

— А почему бы и нет? — отозвался ростовчанин, быстро налаживая тем не менее аппаратуру для кино- и фотосъемки появившегося в зоне наблюдения объекта. Американцы или какие-либо галактические странники со страниц фантастических романов — неважно. И те и другие должны быть запечатлены на пленку.

Тем временем космический корабль приближался к советской орбитальной станции, представлявшей собой

пока только огромную раму, на которой уже были смонтированы панели солнечных батарей, гигантская, не имеющая земного аналога антенна радиотелескопа, причал для пилотируемых космических кораблей — они доставляли на себе модули лаборатории, оранжереи, отдельные конструкции — и незанятые пока монтажные ячейки для жилых блоков типа присостыкованной уже «России». Все пятнадцать блоков после их размещения на раме и должны были составлять суперстанцию «Советский Союз» с экипажем сорок — пятьдесят человек.

— В гости, что ли, пожаловали? — вслух подумал Олсуфьев.

— Нам бы сообщила об этом Земля, — заметил Виктор Анатольевич, командир. — Такие визиты заранее оговариваются.

— Может быть, помощь ему нужна? — предположил Бут. — Так я пока контракт на спасение приготовлю. «Без спасения — нет вознаграждения» — так вроде пишут в морских договорах.

— У него собственный ход, — сказал полковник Митрофанов, — а ты, Валера, крутишься по орбите по законам физики. Ладно, хватит разговоров. Дай мне связь с Центром полетов, Фадей Ефремович.

— Будет сделано, командир, — ответил второй пилот.

Он защелкал тумблерами на панели связи, включил автоматическую поднастройку и, поднеся ко рту микрофон, спокойно произнес:

— Земля, Земля! Я — «Буран»! Как слышите меня? Прием...

— Слышу вас хорошо, — немедленно отозвалась Земля, будто только и ждала обращения Олсуфьева. — Что случилось, «Буран»? Почему вышли на связь до срока?

— У нас гости, — не удержался Фадей Ефремович, полез поперед «батьки» Митрофанова в пекло. — Виноват... Докладывать будет командир.

Виктор Анатольевич взял в руки микрофон.

— Пожаловали американцы, — сказал он. — К нам приблизился их военный «Спейс шаттл» типа «Америго». Прошу уточнить, какая у него задача, почему нас загодя не предупредили. Это первое... Второе. Прошу дать «добро» на переговоры с ним по интернациональному каналу. Сам «Америго» к нам пока не обращался.

— Интерлингв включен? — спросила Земля.

— Конечно, — ответил Митрофанов и повернулся на всякий случай к Буту, отвечавшему за эту систему.

Валерий закивал: все, мол, в полном порядке.

— Внимательно наблюдайте за действиями «Америго», — предложила Земля. — Соблюдайте спокойствие и осторожность. Мы уже связываемся по прямому проводу с НАСА. Сейчас выясним, зачем они к вам пришли.

— Понял вас, Земля, — сказал полковник Митрофанов. — Имею вопрос. Командиром на «Америго» попрежнему Брюс Гамильтон?

— Он самый, «Буран». Капитан первого ранга... Ваш старый знакомый, Виктор Анатольевич.

— Понятно, — отозвался командир. — Благодарю.

С Брюсом Гамильтоном он встречался в прошлом году, когда тот возглавлял делегацию американских астронавтов на очередном конгрессе участников космических полетов. Конгресс проходил на этот раз в Калуге, там, где Константина Эдуардовича Циолковского осенила гениальная идея ракетного принципа перемещения в пространстве. Во время конгресса Гамильтон, уже четыре раза летавший на «Шаттлах», попросил помочь ему провести ежегодный отпуск в России. Когда выяснилось, что Брюс заядлый рыболов, ему дали Митрофанова в гиды. Полковник был асом не только в авиации, но и по части рыбалки и ухи. Две недели они жили вдвоем в Забайкалье, ловили хариусов в прозрачных горных речках, а когда везло, то и тайменей.

— «Буран», — снова позвала Земля, — посмотрите на «Америго». Закрыт ли у него отсек полезной нагрузки?

— Отсек закрыт, — ответил Митрофанов. — Движение корабля прекратилось, он находится от нас в полутора километрах. Что узнали нового?

— Пока ничего. Не можем найти в НАСА сведущего, компетентного человека. Ждите... Соблюдайте спокойствие и осторожность.

— А чего нам беспокоиться? — проворчал Валерий Бут. — Сейчас соблюдем дипломатический этикет, поставим самовар и позовем, Виктор Анатольевич, вашего Брюса чай к нам пить. С ромом...

— Откуда у тебя ром, Валерий? — спросил Олсуфьев.

— Как откуда? Странный вопрос. Американцы с собой привезут. У них ведь все пока по-старому. Командир! Внимание... Они снова дали ход!

Космический корабль «Америго» включил двигатели и резко сократил расстояние до русской станции. Олсуфьев быстро взглянул на часы, засекая время, развернул бортовой журнал — голубую тетрадь с золотистыми буквами «Россия» — и сделал новую запись.

— Земля! — позвал снова Митрофанов. — «Америго» изменил расстояние. Теперь он в километре от станции. Что ему нужно, Земля? Ответьте «Бурану»!

И тут члены экипажа увидели, как распахнулись створки отсека полезной нагрузки. В нем было смонтировано странное, незнакомое прежде советским космонавтам устройство. Оно стояло на трехногом основании и напоминало огромный теодолит. «Америго» подставил левый борт станции, а странный «теодолит» выдвинулся вверх, затем развернулся и прицелился в «Россию».

— Лазерная пушка, — севшим вдруг голосом промолвил Бут.

64

Адмирал Редфорд ждал известий.

Операция «Лиги седых тигров» по нейтрализации чудовищной авантюры Комитета семи уже началась, и кое-какие шансы на успех у этих людей, пытающихся спасти Америку и остальное человечество, были.

«Конечно, мы немного опоздали, — с горечью думал Патрик Редфорд, вовсе не поддаваясь панике. — Но отчаиваться еще рано. Да и вообще нельзя сдаваться до последнего! В принципе не сдаваться! Умереть несломленным — это уже победа».

Зеленый Вождь не подозревал, что отдав приказ уничтожать маньяков из Комитета семи, он первой же выполненной его людьми акцией «вырубил» того, кто был предназначен заговорщиками на роль человека, подающего «стоп-сигнал». И теперь судьба человечества зависела от фатального обстоятельства: замкнется ли счастливым образом цепь непредсказуемых случайностей?

...Вошел Лерой Сэксер.

— Доказательств гибели Президента пока нет, сэр, — доложил он. — По сведениям, полученным от наших людей, эти семеро сумели уничтожить почти всех, кто был с Президентом в вертолете, в том числе и генерала Уорднера.

«Бедный Дик!» — подумал Редфорд, он хорошо знал председателя КНШ.

Но сейчас надо было заботиться о живых, и Зеленый Вождь спросил:

— Официальные власти знают об этом?

— Летчик Президента успел сообщить о том, что его атакует полицейский вертолет. В тот район срочно вылетели два вертолета с охранниками. Они обнаружили обломки президентского вертолета и трупы. Не было среди них самого Президента, начальника секретной службы Белого дома и одного из агентов. Но вскоре этого агента нашли в десяти милях к северу: автомобильная катастрофа, сэр. Упал с машиной с обрыва.

— Но где же эти двое? Если они живы, то наверняка уже связались бы с Вашингтоном.

— Их ищут, сэр. И люди с Черного Купола, и головорезы Комитета семи. Я подключил к этому и кое-кого из наших, сэр.

— Правильно сделали, Лерой. Если Президент уцелеет, ликвидировать авантюру будет гораздо легче. От Тейлора нет известий?

— Он звонил из Пентагона. Сообщил условным кодом, что вышел на связь с Роем Монтгомери, дежурным генералом.

— Значит, он проник на Центральный командный пункт?! Молодец, Ричард! Но Монтгомери ничего не сможет изменить. Все дело в министре обороны. Как жаль, что мы не учли связи и характер этого человека! Что собирался делать Тейлор?

— Монтгомери связал его со своим другом из РУМО, сейчас полковник у генерала Питкина. Может быть, и Монтгомери что-то сделает.

— Вряд ли он в состоянии что-либо предпринять, — с сомнением проговорил Патрик Редфорд. — Сейчас все может только Президент. Но где он? Жив ли еще?..

— Если до него доберутся люди комитета, то первым делом сообщат боссам, — сказал Сэксер. — По нашим сведениям, они, мягко говоря, весьма обеспокоены тем, что он прорвется к телефонному аппарату. Но — увы — этого пока не случилось... Мы, сэр, узнаем сразу про оба варианта. Да, забыл вам сообщить — Чарльз Маккарти уже мертв.

— Это хорошо, — спокойно констатировал адмирал, — но сути дела не меняет.

Он был доволен, что начали именно с Маккарти, этого оголтелого экстремиста, который гордился однофамильством с печально знаменитым сенатором. У ад-

мирала был личный счет к Маккарти. Мужа любимой сестры Редфорда, милой и обаятельной Люси, актрисы одного из бродвейских театров, талантливой, подающей надежды, «маккартировали» из госдепартамента — он был в составе американского представительства в ООН. Зять нигде не мог устроиться, быстро спился... И у Люси появились в театре рогатки. Потом ее вообще выжили оттуда как подрывной элемент. Она пристрастилась к наркотикам, чтобы уйти в мир грез от жестокой действительности. Но это ей, конечно, не помогло, и бедная маленькая Люси выпрыгнула с двадцатого этажа на манхеттенскую мостовую.

— Значит, Маккарти мертв. Кто следующий?

— Джон Галпер.

— С этим надо быть поосторожнее, — предупредил Патрик Редфорд. — Этот их идеолог — самый опасный маньяк. Он поставщик идей и планов. Уничтожив его одного, мы лишаем семиглавую гидру половины интеллекта, точнее, дьявольской смеси хитроумия и изворотливости. Так что предупредите тех, кто занимается Галпером: этому типу ни на мгновение нельзя давать сорваться с мушки прицела. А что касается судьбы Президента — любую информацию для меня передавайте немедленно.

Председатель лиги еще не знал, что именно в эту минуту некто грубым голосом приказал Президенту и Эрвину Доджу поднять руки вверх... Не успела прийти и весть о том, что в подземной резиденции Энтони Свейна взорвалась специальная радиобомба. Она разметала по стенам комфортабельного бункера останки бывшего «зеленого берета», любителя безнаказанно убивать людей собственными руками. Бомбу заложили среди электронного оборудования люди лиги, и сработала она по приказу, переданному на расстоянии.

А Президент медленно поднял руки и подумал, что все это ему снится, ибо не может судьба свалить на плечи одного человека столько испытаний в короткий срок, разве только всевышний не подрядился писать киносценарий для жуликов с Беверли-хиллз.

Президент понимал, что его ищут, и не ведал, что больше всех хлопочет о связи с ним адмирал Редфорд. ...Они знали друг друга прежде. Когда сенатор от Страны десяти тысяч озер выдвинул кандидатуру в Белый дом, адмирал попросил его уделить время для конфиденциальной встречи. «Лига седых тигров»

сумела добыть доклад Федерации американских ученых, в котором анализировалась деятельность военно-промышленного комплекса в связи с созданием системы противоракетной обороны с элементами космического базирования. Лига хотела и проинформировать будущего главу государства, и выяснить для себя позицию сенатора от Миннесоты.

Сенатор безо всяких колебаний согласился встретиться с адмиралом. После обмена приветствиями Редфорд перешел к делу.

— Нет необходимости напоминать вам, сенатор, пророческие слова Дуайта Эйзенхауэра об опасности, которую представляет для Америки непомерно выросшая мощь ВПК. Давно уже стал секретом полишинеля тот факт, что компании «Нортроп», «Локхид», «Рокуэлл интернэшнл» и другие военно-промышленные фирмы получают прибыли в четыре-пять раз большие, нежели в других отраслях.

— Это впечатляет, — сказал будущий президент. — Признаюсь вам, адмирал, что подобное положение и меня все больше беспокоит.

— И вовсе не случайно, что «стратегическая оборонная инициатива» Рейгана середины восьмидесятых годов, — продолжал Патрик Редфорд, — нашла у ВПК такую энергичную поддержку. Более того, именно они, эти фирмы, и подвинули его администрацию к безумной идее, которая ныне — вот парадокс современности! — стала вопросом жизни или смерти суперконцернов.

— Корпорации давно усвоили, что в военном секторе они получат бóльшие барыши, нежели в гражданских отраслях, — заметил сенатор.

— Тут смысл в том, что внутренняя структура концернов, освоивших современную технологию, определена исполнением военных заказов, — объяснил адмирал. — Фирмы, производящие апокалиптическое оружие — ракеты и их обеспечивающие системы, — ежегодно получают огромные деньги из государственного бюджета для проведения исследовательских и конструкторских работ. Эта стадия производства не стоит им ни цента, сенатор. И без дотаций, которые представляет им Пентагон, они попросту не могут уже быть рентабельными. Без государственных заказов их ждет банкротство. Фирмы не могут существовать без расширения производства оружия. Поэтому любые попытки предпринять меры к разоружению встречаются ими в штыки. Любая стра-

тегия разоружения смертельна для фирм, создающих средства массового уничтожения людей.

— Но до какой поры может продолжаться этот рост?! — вскричал сенатор. — Вы, адмирал, военный человек... Скажите, неужели вас не пробирает дрожь, когда думаете о том, что Америка и Россия со своими союзниками накопили в арсеналах чудовищную силу, которая может семьдесят (!) раз уничтожить весь мир?

— Пробирает, — ответил председатель лиги. — Поэтому я и здесь, сенатор. Мне хочется, чтобы вы вспомнили наш разговор, когда станете президентом.

— Вы уверены, что это случится? — спросил кандидат.

— Уверен, — просто сказал Редфорд. — Во всяком случае, я сторонник вашего предвыборного курса.

— Спасибо, — с чувством поблагодарил сенатор. — И вы правы: с засильем ВПК надо что-то делать. Компетентные эксперты сообщили мне, что года через четыре производство ракет и боеголовок к ним начнет сокращаться. Это даже в том случае, если мы не договоримся о ликвидации ракетного оружия с русскими. Поэтому аэрокосмические концерны и ухватились за программу «звездных войн». Ведь они получат заказы лет на тридцать вперед, и им не придется при этом менять технологические направления, внутренние структуры заводов.

— Вы видите, сенатор, что политические действия администрации находятся в прямой зависимости от экономических, а если сказать резче, прямее, шкурных интересов всех этих «Макдоннел-Дуглас» и «Дженерал дайнемикс». Еще в семидесятые годы аэрокосмический концерн «Рокуэлл интернэшнл» начал вести идеологическую обработку общественности под лозунгом «Космическое пространство — американская граница для роста, лидерства и свободы».

— Вы имеете в виду идею «Высокой границы», адмирал?

— Совершенно верно, сенатор. Сначала американцев запугивали грядущим промышленным спадом, ростом безработицы, которая будет-де увеличиваться, зависимостью от импорта нефти, потерей имперского величия и разрушением национальной нравственности, исчезновением «старых добрых начал». И фирма «Рокуэлл интернэшнл» увидела возможность сохранения этих ценностей в развитии астронавтики. Ее идеологи утверж-

дали, что восстановление истинно американского величия будет осуществлено через серию этапов и утвердится к 2010 году. Именно к этому сроку завершится полный захват Ближнего Заземелья нашими космическими системами. Эти системы, говорилось в одном из проспектов «Рокуэлл интернэшнл», обеспечат Америке «непосредственное, незамедлительное и надежное господство и контроль над всеми военными силами». Вот где была зарыта собака, которая теперь уже воняет почище скунса, сенатор!

— Но в высшей степени наивно полагать, будто русские будут умиленно взирать на то, как мы строим форты «Высокой границы» в космосе...

— Самому тупому студенту колледжа понятно, что система довольно уязвима с точки зрения безопасности Америки. Но для получения огромных прибылей она безупречна. Если, конечно, и вы, сенатор, не откажетесь от самоубийственной идеи ваших предшественников.

— Вы говорите со мной так, будто я уже получил ключи от Белого дома! — воскликнул кандидат.

— Вы их получите. Но вам будет трудно, к этому надо быть готовым. Особенно когда вы распакуете свои чемоданы в доме номер тысяча шестьсот на Пенсильвания-авеню. В предвыборной программе вы делаете ставку на интеллектуалов, и это хорошо... Америка в последнее время не прочь и поумнеть. Только при этом не забывайте: финансирование по «стратегической оборонной инициативе» предусматривает и значительные дотации университетам. Многие ученые поставили имена под протестами, они не приемлют СОИ. Но вот что сказал физик-атомщик Гольденбах из Мичиганского университета: «Я занимаюсь фундаментальными исследованиями для выявления основополагающих законов природы. Если эти исследования финансируются по программе «звездных войн», то от этого законы природы не меняются».

— Какой цинизм! — воскликнул сенатор.

— Вы и без меня отчетливо представляете, что в вашей борьбе подобных Гольденбахов будет достаточно много. Хочу только, чтоб вы знали, сенатор: в трудную для вас минуту можете рассчитывать на адмирала Редфорда и его сторонников...

«Она пришла, эта минута, а я пока ничего не могу сделать для вас, Президент», — подумал Редфорд.

В дверях возник Лерой Сэксер.

— Добрая весть, сэр, — сказал он. — Президент жив!

— С ним есть связь? — быстро спросил Патрик Редфорд.

— Пока нет. Но обнаружены его следы.

— Вышлите туда наших людей, — сразу потускневшим голосом распорядился адмирал: сказывались бессонная ночь, постоянное напряжение и долгие годы службы в непредсказуемом океане.

— И еще, — продолжал сообщение Сэксер. — Уничтожен Энтони Свейн.

— Это хорошо, Лерой, — сказал председатель лиги. — Значит, их осталось пятеро.

65

На всю жизнь запомнил Брюс Гамильтон забайкальскую рыбалку с русским космонавтом. Они прилетели сначала в Иркутск — надо же было глянуть на знаменитое озеро Байкал, — посетили Братск — это входило в познавательную программу, места, связанные с пребыванием в Восточной Сибири декабристов. О них Брюсу подробно рассказывал Виктор Митрофанов, который сносно объяснялся на английском и был по материнской линии потомком одного из рыцарей 14 декабря.

Потом подались в Читу. А из нее вертолет доставил их на север, в долину реки Бирюсинки, где Гамильтон, родившийся и выросший в штате Мэн, на севере восточного побережья Соединенных Штатов, увидел настоящую сибирскую тайгу, какая сохранилась еще в тамошних краях. Ну и, конечно, рыбалка была отменная... И долгие вечера у костра, неторопливые и задушевные беседы, без всякого протокола, по-свойски, о жизни и космосе, который должен объединить человечество, никак не желающее прийти к согласию на поверхности такой замечательной планеты, которую люди получили в подарок...

— От бога, — говорил, улыбаясь, Гамильтон, а Митрофанов пожимал плечами и неторопливо принимался растолковывать, что методологически и, если угодно, философски неверно считать колыбель человечества подарком кого-либо. Никакой подарок не сравнится по ценности с домом, который ты выстроил собственными руками. Так и Землю необходимо рассматривать — общий дом народов. А о боге им лучше не говорить, по-

скольку существование его или отсутствие вовсе не мешает им мирно рыбачить здесь, на таежной речке. Не мешает и отправиться на Марс в совместной советско-американской экспедиции, о чем мечтали астронавты обеих стран.

В один из таких вечеров американский астронавт рассказывал русскому товарищу про то печальное морозное утро на мысе Канаверал 28 января 1986 года.

— Тогда я пошутил еще с Джудит Резпик. Сказал ей, что, когда она вернется, пусть летит отогреваться на пляж Копакабана, в Рио-де-Жанейро, как раз успеет к ежегодному карнавалу.

— Столько было выдвинуто версий причины катастрофы, — заметил Виктор Митрофанов.

— Причина одна, — резко ответил Брюс Гамильтон. — Торопились обойти вас, Вик. Любой ценой освоить Заземелье раньше русских! При такой концепции меры предосторожности отходят на второй план, на предупредительные сигналы инженеров администрация не обращает внимания. Начинается бег наперегонки с самими собой.

— Словом, как говорят у нас, срабатывает принцип «давай-давай», — вздохнул Митрофанов.

— А космос не любит торопливых людей, — сказал Брюс и пододвинул в костер обгоревшую головню. — Он жестоко мстит за небрежное к нему отношение.

— Семь раз отмерь, — согласился Митрофанов.

«И космос требует почтительности к себе, и особенно атом, этот выпущенный из бутылки джинн, который может быть и добрым, и таким безудержно злым, — подумал космонавт. — Былая катастрофа на «Челленджере» и беда в Чернобыле — разве не грозные это предостережения всем нам?!»

— Вот если бы каждый американец мог побывать на рыбалке с русским, — задумчиво проговорил Брюс Гамильтон. — Как мы сейчас...

— Рыбы у нас хватит, — улыбнулся Митрофанов. — Приезжайте... А я бы с удовольствием поохотился на форель где-нибудь в штате Вайоминг.

— Туда тебя не пустят, Вик. Там у нас ракетная операционная база. Но есть и другие места, не занятые «силосными ямами» с ракетами внутри. Пока не занятые.

Они оба невесело посмеялись.

Да, интересные, задушевные беседы вели Виктор

Митрофанов и Брюс Гамильтон на берегах забайкальской речки, где не перевелись еще хариусы и таймени. А потом космонавт проводил американского гостя до Москвы, посадил на рейсовый самолет, идущий из Шереметьева в нью-йоркский аэропорт имени Кеннеди. С тех пор они не виделись, до самой этой вот встречи в космосе...

...— Русские на прицеле, сэр, — доложил Гамильтону майор Сид Томсон. Официально он считался специалистом по операциям на орбите, но к выходу в открытый космос не готовился: майор умел стрелять из лазерного оружия.

— Вижу, — отозвался с левого, командирского, кресла Брюс Гамильтон. Да, он прекрасно видел перед собой огромную раму русской орбитальной станции и казавшийся на ее фоне капелькой первый жилой блок, из которого сейчас вот так же смотрит на него Виктор Митрофанов.

А когда истечет указанное в приказе время, Гамильтон скомандует «Огонь», и тогда Сид Томсон пронижет лучом смерти русскую космическую обитель.

«Вик, поди, и не знает, что я больше не служу в НАСА, — горько усмехнулся Гамильтон. — И, конечно же, ломает сейчас голову над тем, почему мы подошли к ним...»

Вот уже полгода прошло с того дня, когда астронавта Гамильтона вызвали в Пентагон и сообщили, что он переводится в распоряжение Стратегического авиационного командования и ему присваивается звание контр-адмирала.

— Что делать адмиралу у летчиков? — спросил, усмехнувшись, Брюс. — Меня исключают из отряда астронавтов? За какую провинность?

— Наоборот, мистер Гамильтон. Правительство высоко ценит ваши заслуги перед родиной. Вы по-прежнему остаетесь в отряде космонавтов и будете официально числиться сотрудником НАСА. Пока... Но для САК ВВС вы адмирал, которому доверена высокая честь. Об этом вам подробно расскажут в штабе. Туда вы и отправитесь сейчас, в Оффут-Филд.

Там, в штате Небраска, Брюсу рассказали, что он назначен командиром космического командного пункта, задача которого состоит в том, чтобы запустить в случае необходимости стратегические ракеты из космоса.

Веселенькую перспективу представил себе подпольный пока адмирал (форму он носил прежнюю), когда понял, какие функции ему определили. Но Брюс был военным человеком и привык к четкому исполнению приказов. Для адмирала сформировали особый экипаж, в нем не было гражданских лиц, и все они стали тренироваться на макете космического корабля «Америго», который еще строился.

Общественности объявили, что этот «Спейс шаттл» нового типа будет выполнять исключительно задания Пентагона. И «Америго» отправили на орбиту два дня назад, поставив задачу контролировать из космоса, как русские готовятся выполнить взятые на себя обязательства.

Когда же Брюс Гамильтон вскрыл секретный пакет, как было предписано в случае поступления приказа «Идет град», он узнал, что ему следует подойти к русской станции и спустя шестьдесят минут после боевого приказа уничтожить ее выстрелом из лазерной пушки. Затем вместе с другими космическими кораблями начать сбивать спутники связи противника, выполняя одновременно главную задачу — координировать ракетно-ядерный удар по России.

Брюс Гамильтон посмотрел на часы. Пройдет полчаса — и над миром взорвется оружие Судного дня.

66

От здания обсерватории Института Солнца они быстро спустились к берегу озера Лебяжьего. Его поверхность была спокойной и безмятежной, и генерал-полковник Гришин с неприязнью смотрел на эти воды, которые угрожали чудовищным разрушением и смертью десяткам тысяч человек. Он был еще в некоем ошеломлении от молниеносно развернувшихся событий, экстренности принятых решений, а главное, от их безапелляционности, хотя и понимал, что ситуация другого выхода им просто не оставила.

«Мы недавно от Чернобыля оправились, — подумал генерал-полковник, — а тут снова такое замаячило... Нет, на этот раз не допустим никаких случайностей! Не имеем права!»

Сам Гришин побывал в Чернобыле спустя полгода после трагедии, когда положение там уже стабилизировалось. Но его друг — академик, молодой и энергичный

человек, был там в первые дни после катастрофы, когда землю вокруг взорвавшегося атомного котла испятнала невидимая смерть.

— Знаешь, Юрий Александрович, — говорил Гришину академик, — именно в Чернобыле я до конца понял ту истину, к которой приучал меня с детства отец, капитан дальнего плавания: «Когда я слышу о подвигах в океане, то думаю о разгильдяях, которые нарушили перед этим Морской устав...»

«Вот и с этим рукотворным озером так получилось,— размышлял генерал. — Устроили запруду в молодых горах, не подумав, что их рано или поздно может тряхнуть под тяжестью миллионов тонн воды. Когда же мы научимся глобально просчитывать последствия наших насилий над природой?!»

Теперь за руль «уазика» сел секретарь обкома, он знаком предложил Гришину место рядом. Профессор Князев с геологом Курдовым и Гаджи Магомедовичем устроились сзади. Федоров резко взял с места и погнал машину на предельной скорости. Потом, заметив, что генерал-полковник покачал головой, сбросил немного газ.

— Бьюсь об заклад, — улыбнулся Евгений Александрович, — что вы подумали: еще немного — и некому будет руководить операцией.

— Примерно в этом духе, — не стал возражать Гришин.

— У меня первый класс, — просто сказал Федоров. — И еще я гонщик-любитель. Шофера держу только в городе, для парадных выездов. По районам области веду машину сам.

— А надо ли? — усомнился Юрий Александрович.

— Мне надо... Пульс жизни лучше чувствую. Но другим собственный стиль не навязываю.

— Ну да! — не согласился Гришин. — Небось без всякого навязывания районные секретари от водителей отказались.

— Не все, — засмеялся Федоров. — Строго следим, чтобы тот, кто ездит сам, имел как минимум третий класс. И с ГАИ требуем не давать начальству поблажки. Нам губить кадры в дорожных происшествиях вовсе ни к чему.

— Тогда я за Каменогорскую область спокоен, — нарочито вздохнув, сказал Гришин.

— А вы занозистый, — мельком взглянул на генерала Федоров.

— Да нет, видимо, вы правы, Евгений Александрович.

Много у нас развелось персональных шоферов. Грешен, у меня есть тоже. Так и не научился водить машину. Все было недосуг. Купил собственную «Волгу» — так ею управляют дочь с зятем.

— Приезжайте к нам в отпуск — научу, — предложил Федоров. — И здесь же на права сдадите.

— По блату? — спросил Гришин, и оба они рассмеялись, отошло малость от сердца, отпустило напряжение.

Откуда им было знать, что навстречу уже торопится другая, более страшная весть?

Когда «уазик» вывернул на прямой участок дороги и бегущую машину стало видно с посадочной площадки, от вертолета отделилась фигура военного человека. Он успел пробежать сотню метров навстречу.

Когда Федоров резко затормозил, офицер оказался справа от автомобиля и рванул на себя дверцу, за которой сидел Гришин.

— Товарищ генерал-полковник! — закричал он, задыхаясь от быстрого бега. Лицо его раскраснелось, капли крупного пота выступили на лбу. — Вас срочно на связь! Получен боевой приказ...

67

— Белый дом не отвечает, — сообщил оператор прямого провода Москва — Вашингтон.

Установленный по специальному соглашению двух правительств на случай выяснения конфликтных ситуаций непосредственно между советским и американским лидерами, этот особый канал связи имел дублирующие системы, которые взаимозаменяли друг друга на случай технических неполадок. Поэтому Председатель Совета Обороны подавил едва не вырвавшийся у него вопрос: а все ли в порядке со связью?

— Где сейчас Президент? — спросил он у помощника, который занимался Соединенными Штатами.

— Вчера у них были командно-штабные учения на ЦКП в горе Митчелл, — ответил помощник. — Сегодня утром, по их времени, вместе с генералом Уорднером Президент должен был вылететь в Вашингтон.

— Если вылетел, то где он может быть сейчас?

— Еще в пути. Разрешите уточнить, состоялся ли вылет?

— Уточняйте, — разрешил Председатель. — Но почему не отвечает Белый дом?

— Поскольку Президента нет на месте, они могли отключить линию, — предположил Министр обороны.

— Да, но о *таких* звонках из Кремля Президенту сообщают куда угодно, где бы он ни находился, — возразил Председатель Совета Министров. — Срочно подключить Центр снижения ядерной опасности!

— Центр заблокирован американской стороной, — обреченно махнул рукой маршал. — Пытаемся пробиться...

Военное и политическое руководство Советского Союза переместилось теперь в особое помещение, которое на чрезвычайный случай превращалось в Главный центр, из которого управляли Вооруженными Силами страны.

— Звоните в Пентагон, министру обороны! Буду говорить с Оскаром Перри.

— С ним не очень-то поговоришь, — заметил вполголоса один из секретарей ЦК — он ведал международными делами, был прежде дипломатом и лично знал Храброго Оси.

Через коммутатор Пентагона вышли на приемную Оскара Перри. Трубку взял помощник министра Сидней Хэтч.

— Весьма сожалею, сэр, — голос помощника задрожал, когда он узнал, кто спрашивает его шефа, — извините, сэр... Но мистер Перри запретил отвечать на вызовы Москвы.

Разговор прервался.

— Провокация! — воскликнул Председатель Совета Министров.

— В этом нет сомнения, — заметил Министр обороны. — Со своей стороны я сразу отдал необходимые распоряжения.

— Соедините меня с нашим послом в США, — сказал Председатель Совета Обороны и, услышав голос посла, спросил: — Чем порадуете, Фрол Игнатьевич?

— Пока ничего нового добавить не могу. Предпринял все меры. Госдепартамент ничего не знает. А может быть, делает вид. Использую все каналы, товарищ Председатель. Мыслимые и немыслимые.

— А что с Президентом?

— Он вылетел в Вашингтон. Должен был вылететь...

Тут появился помощник и кивнул.

— Мы тут, в Москве, уже знаем, что вылетел... А что дальше?

— Подождите секунду... Да! Вот только что мне сообщили из неофициального источника: на Президента со-

вершено покушение! Его вертолет сбит в Северной Каролине.

— А сам он? Сам-то жив?

— Пока не известно...

— Это плохо, — сказал Председатель. — Звенья одной цепи... Что у нас с гражданской обороной?

— Предприняты все необходимые меры, рассчитанные на такой случай, — сообщил один из секретарей ЦК.

...Сегодня утром, до завтрака, Председатель просматривал наброски выступления на ближайшем Пленуме Центрального Комитета партии, который должен был обсудить вопросы идеологической работы в стране.

В молодые годы Председатель Совета Обороны всерьез увлекался философскими науками, да и теперь, готовясь к той или иной встрече на высшем уровне или к выступлению перед коммунистами, населением страны, он искал ответы на каждодневно возникавшие вопросы в трудах тех, кто посвятил себя попыткам найти принцип равновесия между субъективным и объективным, вечно существующими законами материального мира и человеческим их восприятием.

Заново перечитывая работы Ленина и Плеханова, Маркса и Энгельса, Фейербаха и Гегеля, не переставал удивляться их бережному отношению к мыслям предшественников, с которыми они могли не соглашаться, но в то же время вовсе не зачеркивали, пусть и ошибочное, утверждение оппонента, видя в нем один из кирпичей в фундаменте общей истории развития человеческого сознания.

В преддверии встречи с Президентом Соединенных Штатов, во время которой они собирались подписать предварительное соглашение, Председатель перечитал философский трактат Иммануила Канта «К вечному миру» и вновь преисполнился чувством гордости за род человеческий, порождавший мыслителей подобного калибра. Идеи Канта, обнародованные в 1795 году, в эпоху, когда войны между народами были неотъемлемой частью государственных отношений, поражали ясностью и простотой, хотя и были в определенной степени наивными — великий кенигсбержец не был вооружен теорией классовой борьбы. Но даром предвидения Кант обладал просто удивительным.

«Постоянные армии, — утверждал философ, — должны со временем полностью исчезнуть...» А его убеждение в том, что «ни одно государство не должно насильственно

вмешиваться в политическое устройство и правление других государств», стало теперь аксиомой. Разве не пророчески звучат вот эти слова кантовского трактата: «...Истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены».

Эти две фразы Председатель выделил особо. Он решил в выступлении на Пленуме упрекнуть представителей современной философской науки, которая недостаточно глубоко исследует вопросы войны и мира в нынешних условиях, не выработала четкого и ясного представления о том, каким может и должен быть мир без оружия.

Ему пришла в голову интересная мысль использовать в пропагандистской работе повышенную религиозность американских неоконсерваторов, всегда подчеркивающих приверженность свою божественным устоям.

Сторонники переноса войны в космос всегда ссылались при этом на стремление обезопасить планету от разрушительных боевых действий на ее поверхности. «Но ведь если следовать элементарной логике, — усмехнулся Председатель, — то сторонники войн в космосе уже своими помыслами, идеей ядерного апокалипсиса в обители господа и сонма его ангелов впадают в величайший грех, равного которому не было в истории со времен падения Адама и Евы. Легкомысленный поступок наших прародителей — сущий пустяк по сравнению с планами «звездных войн».

«Необходимо подчеркнуть, — записал для себя Председатель Совета Обороны, — пересмотр понятий приобщения к новому мышлению будет для западного мира, особенно в США, весьма болезненным. *Ковбойский оптимизм*, когда каждый уверен, что именно он *первым* спустит курок, до сих пор подводит американцев, не дает им трезво и непредубежденно взглянуть на развивающиеся в мире события...

«Кавалерийский наскок» в политике чреват в наше время неотвратимыми последствиями. И в связи с этим отечественная философская наука обязана создать цельное и стройное учение о войне и мире, сформировать такую модель будущего для человечества, в котором недостанет места оружию. Необходима философская система, на основе которой начнут складываться принципиально новые отношения государств с разным социальным уст-

ройством, отношения, в которых оружие навсегда потеряет право голоса...»

Сегодня вечером надеялся еще раз перечитать наброски, кое-что пересмотреть, добавить. И кто бы мог подумать, что в те дни, когда народы собирались сделать конкретный шаг к уничтожению чудовищных средств, которые обратили в немыслимость саму войну, она вдруг неотвратимо постучит в дверь его родного дома.

— Неприятные события в Каменогорске, — доложил помощник Председателю. — Звонит Федоров. Землетрясение в горах поставило под угрозу город Рубежанск и атомную электростанцию. На них может рухнуть горное озеро. Хочет говорить с вами...

— Что предлагает Федоров? — нетерпеливо спросил Председатель: он ждал, когда его соединят с Нью-Йорком, хотел через генерального секретаря ООН вновь связаться с Белым домом.

— Срочно взорвать перемычку и пустить воду в другую долину. Но там ракетные установки...

Председатель вопросительно глянул на Министра обороны.

— Так точно, — ответил Маршал Советского Союза.— В долине реки Тигоды размещена часть «Громобоев». Они временно выйдут из строя...

— Но в случае чего — без них обойдемся?

Министр обороны кивнул.

— Ракеты те — это, конечно, сила, — сказал он. — Перепацеливание других «Громобоев» уже завершено. Только справимся и без них. Правда, надеюсь, что до этого не дойдет...

— Я тоже надеюсь, — усмехнулся Председатель, но голос его дрогнул. — Но, как говорится, на бога надейся... Передайте Федорову — пусть взрывает. Скажите, что Министр обороны разрешил снять их с боевого дежурства. И предупредите Главкома. Он был сейчас на одном из объектов и должен вылететь в Ставку. Да, стихию не уговоришь... А вот этих попробуем.

Перед ним возник вдруг помощник-эксперт по Соединенным Штатам.

— В Вашингтоне объявили атомную тревогу, — сообщил он.

68

Когда полковник Тейлор коротко разъяснил генералу, что произошло на самом деле, Рой призвал на помощь самообладание, на секунду стиснул зубы, прикрыв глаза, и едва не замычал от внутренней боли, сдавившей сердце. Боль его не напугала, он только мельком подумал, что надо будет зайти к врачу и еще снять электрокардиограмму, но это потом, когда сдаст дежурство. «А будет ли кому сдавать?» — подумал Рой Монтгомери, и эта ужасная мысль почему-то развеселила его.

Все происшедшее бригадный генерал стал вдруг воспринимать как нечто иррациональное, несусветное, что ли, будто смотрел фантастический фильм и даже принимал в нем некое участие. Он сделал над собой еще одно усилие и абстрагировался от ситуации — так было легче воспринимать ее как бы со стороны, удобнее подчинять события своему влиянию.

— Что я могу сделать, полковник? — спросил Рой Монтгомери. — Отменить приказ министра обороны...

— Вы не в состоянии, — подтвердил Ричард Тейлор.— Это было бы нарушением воинского долга. Формального, но... Ладно, не будем терять времени. С кем вы можете связать меня? С такими людьми, которые найдут доказательства провокации...

— А вы подали мне мысль! — оживился дежурный генерал. — Я объявлю атомную тревогу в Вашингтоне. Обязан объявить по долгу службы. Правда, специального приказа от министра я не получал, да он и не собирался его отдавать, ведь узнают русские...

— Понял вас, генерал. Узнают русские дипломаты и потребуют у Оскара Перри объяснений. Что с Президентом?

— Подтверждений о его гибели не поступало. А труп генерала Уорднера обнаружен рядом со сбитым вертолетом. Тела Президента там нет.

— Может быть, он сумеет спастись, — пробормотал Тейлор. — Храни его бог! — Он схватил вдруг Монтгомери за плечо. — Послушайте, Рой, а не подтолкнет ли русских ваша атомная тревога, суматоха, которая начнется в Вашингтоне, паника, связанная с эвакуацией, к тому, что они сами нанесут удар?

— Русские не начнут первыми, — сказал Монтгомери. — Пока не убедятся, что наши парни повернули ключи... Или на самом деле готовятся сделать это.

— Хорошо. Тогда другое... С кем мне сейчас же связаться?

— Генерал-майор Сэм Питкин. Это мой давнишний приятель.

— Знаю Сэма.

— И я уже рассказал ему обо всем.

— Где он может быть сейчас?

— Поскольку по собственным каналам Сэма никакой русской опасности не зафиксировано, а Питкин обещал мне немедленно во всем разобраться, он мог обратиться только в Управление национальной безопасности.

— Кого вы там знаете? — нетерпеливо спросил Тейлор, взглянув на часы. — Быстрее, быстрее, генерал!

— Если речь идет о русских ракетах, идущих с Лунной орбиты... Наверно, Сэма надо искать в службе космического наблюдения.

— Я двинусь туда! — энергично произнес Тейлор. — А вы объявляйте тревогу. Только не раньше чем доберусь до приемной министра. Иначе в связи с тревогой тут все перекроют... Дам вам знать!

Заместитель начальника разведывательного управления вошел в кабинет Уитни Кинга как раз в тот момент, когда на пульте телевидеосвязи загорелся сигнальный индикатор: бригадного генерала вызывал министр обороны. Начальник службы космического наблюдения в присутствии кого бы то ни было не имел права пользоваться этой системой связи, но Питкин был его другом, да и сам Кинг довольно широко смотрел на сочиненные не в меру ретивыми сотрудниками безопасности установления. Поэтому он просто кивнул Питкину, чтобы тот зашел за экран, на котором сейчас возникнет Пенсионер, а сам с готовностью уселся так, чтобы лицо его получилось на экране министра обороны крупным планом.

— Мне нужны срочные сведения о русских лунниках, Кинг, — быстро проговорил Оскар Перри, он пренебрег даже коротким приветствием. — У нас есть данные, что эти ракеты угрожают национальной безопасности страны... Все, что сумеете узнать, немедленно сообщите мне. Лично и строго конфиденциально.

И тут же Оскар Перри отключился.

— Чего это он? — недоуменно спросил Кинг у Питкина, выходящего из-за экрана.

— Побыстрее поворачивайся, Уитни,—сказал генерал-

майор. — Я пришел к тебе за тем же. Дело принимает дурной оборот. ЦРУ утверждает, что в нас летят ракеты русских, а Пенсионер отдал приказ «Идет град» с часовым сроком.

Кинг побледнел. Не произнеся ни слова, он подошел к блоку логического вывода, к которому было подведено множество интеллектуальных разведывательных сенсоров, собирающих необходимую космическую информацию. Блок вывода работал на основе обрабатывающей экспертно-диалоговой системы. Она и занималась основной процедурой преобразования информации, широко используя высокообъемную базу знаний и набор общих правил. Последние и позволяли системе управлять собственными действиями по поиску и выводу конечной информации.

Словом, это был супермозг, который, получив задание на языке программирования, мгновенно анализировал миллионы единичных фактов и выдавал ответ на сформулированный для него вопрос.

— Представляют ли угрозу для национальной безопасности США русские ракеты, которые движутся к планете с Луны? — спросил Уитни Кинг у электронного оракула, к которому стекались сведения со всего мира, и в первую очередь от космических наблюдателей.

Генералы затаили дыхание, ожидая ответа, как приговора Верховного суда.

— «При сложившихся на данный момент реального времени обстоятельствах опасность составляет восемь и четыре десятых процента», — ответил управляющий интеллектуальными сенсорами мозг.

— Что это значит, Уитни? — спросил Сэм Питкин.

— Подлинной опасности нет, — ответил Кинг. — Она возникает после сорока процентов. Блок выводит в этих вот цифрах, что сейчас выдал, предположительные факторы, которых еще нет, но которые потенциально могут возникнуть. Например, если русские вдруг изменят по приказу с Земли траектории полета лунных ракет.

— Но пока-то ведь не изменили?! — крикнул Сэм Питкин.

Уитни Кинг покачал головой.

— Погоди, — спохватился генерал Питкин. — Тут еще одно обстоятельство... Наши спутники... Что тебе известно об этом?

— Вероятность их уничтожения полная. Но наш «мудрец» не связывает этот факт с опасностью нападения русских. Вернее, считает таковую релятивной, относитель-

ной. Для объективного суждения машине необходима информация о причине уничтожения космических объектов. Если это сделали русские — ответ будет один, а если они ни при чем...

— Ты уверен, что их уничтожил противник?

— Я знаю об этом не больше твоего.

— Значит, можно говорить только о «лунниках», но вероятная опасность их для Америки минимальна... Так что ли, Уитни?!

Уитни Кинг пожал плечами.

— Как видишь, — сказал он. — Реальная опасность нам пока не угрожает.

— Так какого дьявола ты мешкаешь, Уитни?! Или ты не понял, что сейчас начнется война?! Немедленно сообщи министру вывод этого ящика!

— А ты куда? — крикнул бригадный генерал Сэму Питкину, который бросился к двери.

— К министру обороны! — уже на выходе отозвался заместитель начальника РУМО.

В коридоре он столкнулся с Ричардом Тейлором.

69

Машину Полухин бросил у Пентагона, полагая, что в нынешней ситуации ему проще и безопаснее перемещаться по Вашингтону в такси, нежели на «шевроле» с дипломатическим номером. Ведь по нему любой коп, да и не только полицейский, определит: в этом автомобиле разъезжает русский комми.

Ему удалось так выйти из подъезда, что «опекуны» военного атташе, которые следили за ним вполглаза, прозевали его. Это ободрило полковника. Значит, подумал он, идет привычная работа, те с а м ы е силы еще не включились или не хотят спугнуть нас, надеются усыпить бдительность, думают, будто нам неизвестно о роковом приказе.

Полковник вышел из Пентагона, прячась за спины офицеров, покинувших здание и направлявшихся к двум фордовским микроавтобусам, стоявшим слева от центрального входа. Полухин прошел с ними метров сто и, когда лишился прикрытия, неторопливо двинулся к такси, припаркованному на дальнем конце стоянки. «Кажется, меня никто не заметил», — подумал военный атташе, едва справляясь с искушением повернуться на сиденье и посмотреть в заднее окно. Нельзя этого делать: зачем

настораживать водителя раньше времени? Если засекли, ему и так придется пожалеть, что взял беспокойного пассажира.

— Поезжайте к западному подъезду, меня ждет приятель, — сказал Полухин таксисту.

Они обогнули один из пяти углов здания и приблизились к другому подъезду, с более просторной автостоянкой, для нее здесь было оставлено достаточно пространства.

— Я задержался, — сказал полковник, вытягивая шею и делая вид, что беспокойно разглядывает все вокруг, — прошло полчаса. Мой приятель, видно, уехал... Давайте мимо. Проедем у входа, может быть, примечу его. А потом выбирайтесь правее, к бульвару Вашингтона, и по нему на Арлингтонский мост.

— Вы скажите мне, далеко ли ехать, мистер, — вежливо улыбаясь, предложил водитель — симпатичный мулат в белой кепке. — Я не из любопытства спрашиваю. Если далеко, то надо подумать, где напоить мустанга.

— Вашингтон-сёкл, парень, — ответил Полухин, немного гнусавя, чтобы водитель был уверен, будто вез иногороднего джентльмена, откуда-то из Диксиленда. — И теперь я тороплюсь. Получишь двадцатку сверху.

— Тогда держитесь, сэр, — повеселел мулат.

Они быстро перемахнули Арлингтонский мост, оставив справа мемориал Линкольна, срезали угол по 26-й улице, пересекли Виргиния-авеню и подкатили к госпиталю святой Анны, занимавшему на круглой площади имени Вашингтона южный сегмент.

Госпиталь принадлежал университету, который, как и площадь, носил имя первого президента Соединенных Штатов. Полухин знал, что в нем есть специальная клиника для сенаторов, конгрессменов и членов администрации Белого дома. Где-то здесь он и должен разыскать Ларри Холмса, помощника Президента по национальной безопасности.

Он расплатился с водителем, дал ему сверх того, что было на счетчике, двадцать долларов. Мулат поблагодарил щедрого джентльмена с Юга, добавив:

— Дай бог здоровья вам и вашим детям, сэр.

«И твоим тоже, парень», — мысленно ответил Полухин, уже отходя от машины.

Ему предстояло пробиться через неизбежный кордон, которым окружали чиновников ранга Холмса даже в больничной палате. После трагического случая в 1985 го-

ду, когда в здание государственного департамента проник вооруженный маньяк и застрелил в служебном кабинете собственную мать, конгресс принял закон о личной безопасности представителей законодательных, исполнительных и судебных властей. И теперь их охраняли и во время излечения тоже...

Ларри Холмса полковник Полухин знал давно. Еще во времена учебы в академии он прочитал его работу, которая была преобразована в монографию из докторской диссертации Холмса, он тогда был еще профессором русской литературы Миннеаполисского университета. Блестящий знаток русской литературы XIX века, которую Холмс вслед за Томасом Манном назвал «святой русской литературой», он, как лингвист, специализировался на идиоматических выражениях и провел оригинальное исследование. В нем Холмс проанализировал семантические связи русских и американских народных поговорок.

Книга эта сама по себе была великолепным сочинением. А для тех, кто собирался жить в Америке и общаться с ее жителями, книге цены не было.

Потом они, Полухин и Холмс, познакомились на одном из приемов в Белом доме. Профессор-филолог, ранее возглавлявший предвыборный комитет кандидата в президенты, помогавший своему другу-однокашнику, партнеру по рыбной ловле, попасть в Белый дом, получил тогда серьезнейший в стране пост помощника главы государства по национальной безопасности.

И вот четыре дня назад ему вырезали аппендикс, и потому он отходил сейчас от операции в госпитале святой Анны.

— Мне крайне необходимо видеть мистера Холмса,— сказал полковник Полухин охранявшему вход в специальный корпус человеку в штатском. — Вопрос государственной важности...

Детектив, левый борт пиджака у которого заметно оттопыривался, внимательно изучил удостоверение Юрия Семеновича и его дипломатический паспорт.

— Мистер Холмс болен, — сказал он. — Но я пропущу вас вовнутрь. Там находится старший смены, который вправе принять решение, согласовав его, конечно, с нашим шефом, мистером Холмсом.

Старший смены занимал помещение, которое нельзя было миновать никому из тех, кто попытался бы проникнуть в здание. Кобура с пистолетом, надетая прямо на белую майку, просвечивала у него сквозь светло-салат-

ного цвета медицинскую куртку. Рядом с охранником находилась сестра милосердия в рогатой косынке, под которую были убраны волосы, на косынке краснел маленький крестик.

Юрий Семенович разъяснил, кто он такой, предъявив, естественно, документы.

— Но мистер Холмс не занимается сейчас государственными делами, — возразила сестра милосердия. — Он в отпуске по болезни, поэтому...

— Я знаю, — нетерпеливо перебил ее Полухин. — Только мне надо сказать ему всего несколько слов. Поверьте, что это очень-очень важно...

«Не могу же я сообщить вам, что вот-вот начнется третья мировая война, — подумал атташе. — Тогда вы сразу отвезете меня в психбольницу святой Елизаветы».

— Мистер Холмс плохо спал в эту ночь, — снова заговорила сестра. — Мне думается, что теперь он уснул.

— Послушайте, мисс, вы можете стать причиной огромного несчастья, — строго сказал Полухин. — Прошу вас немедленно позвонить мистеру Холмсу и сказать ему только одну фразу.

Теперь он напустил на себя таинственный вид, и прием подействовал. Сестра вопросительно поглядела на охранника в медицинской куртке, и тот кивнул: звонок — это совсем другое дело. Но сама она звонить не рискнула. Сняла трубку, тронула пальцем клавишу на табло селектора и протянула трубку церберу из ФБР.

— Я уже не сплю, — послышался в динамике как всегда бодрый и слегка ироничный голос Ларри Холмса.— Ко мне делегация из Армии спасения?

— Сюда пришел русский полковник, сэр. Его имя... Польюхин, сэр... Да, дипломат, сэр. Он говорит — по делу государственной важности. И просит передать вам...

— Что передать? — спросил охранник, прикрыв ладонью мембрану микрофона.

— Жареный петух клюнул нас в зад! Так и передайте, — сказал военный атташе.

70

Взрыв радиобомбы, которая в клочья разнесла Энтони Свейна, отразился на экранах членов Комитета семи как мгновенная вспышка, она казалась технической неисправностью, прервавшей видеоконтакт с боссом-координатором Юго-Запада. Но прошло с десяток минут, а контакт не

восстанавливался. Связь с Чарльзом Маккарти, исчезнувшая ранее, тоже не возобновлялась. Два слепых экрана встревожили Патрика Холла.

— Что у них произошло, Джонни? — спросил он у Галпера, который обеспечивал телевизионные каналы между членами комитета через принадлежавшие его компании спутники.

— Мои люди выявляют причины обрыва связи, — сказал Джон Галпер. — Используем дублирующие системы...

— А по обычному телефону им можно позвонить?— осведомился Питер Розенфельд из своего убежища на Северо-Востоке.

Галпер хотел ответить, но в этот момент заговорил Эдгар Гэйвин, он вместе с Уильямом Годфри, которого друзья называли еще Сержантом Биллом, отвечал за ликвидацию Президента.

— Внимание, джентльмены! — провозгласил Гэйвин. — Вертолет вышел на машину «синих волков». Она стоит в лесу, сообщает пилот, людей рядом нет.

— Надеюсь, они надежно убрали этого типа, — проворчал Питер Розенфельд.

Те, кто хорошо знал этого члена Комитета семи, называли его Ангелочком Питом. Он и в самом деле напоминал повзрослевшего и даже, так сказать, возмужавшего херувима, которому, несмотря на его почти полсотни прожитых лет, давали только тридцать пять, в крайнем случае сорок. Питер никогда не пил спиртного, не курил, соблюдал диету и занимался спортом, особенно плаванием и бадминтоном.

Жизнь у Розенфельда была прекрасной. Красивый, как серафим — или дьявол? — он пользовался бешеным успехом у женщин. Но сам Питер только пользовался женщинами, понимая, что это необходимо для поддержания физического равновесия организма, гармоничного развития его.

И вот у этого почти во всем уравновешенного существа была сильная, как говорили в старину романтические поэты, испепеляющая страсть. Питер Розенфельд патологически ненавидел русских. Свою ненависть к русским передал ему дед — наследник огромных капиталов, сколоченных в результате бесчисленных афер с подрядами на строительство железных дорог, водочного откупа, приобретения земель и лесов у прокутившихся помещиков его предками, проживавшими в России со времен

разделов Польши. Но грянул семнадцатый год. Многое дедушка Ангелочка потерял в результате Октябрьской революции. Только немалую часть средств все же удалось загодя перевести в банки Ротшильдов в Европе. Отойдя от октябрьского стресса, Розенфельд-дедушка засучил рукава и принялся делать деньги. Он неплохо нажился на поставках оружия в годы второй мировой войны и передал отцу Питера довольно приличную финансовую империю.

А внука старый Розенфельд, отойдя от дел, воспитывал сам. Он постоянно внушал ему, что русских надо просто-напросто ликвидировать как национальное образование, ибо славянские народы не поддаются дрессировке и непредсказуемы в своих действиях. В них слишком велико духовное начало.

— Лошадь, которую нельзя объездить, приучить к хомуту, пускают на колбасу салями, — говорил дед, с удовольствием поедая эту самую колбасу, которую привозили ему до войны из Венгрии, а потом из одного австрийского городка на Дунае.

Под «лошадью» дедуля Розенфельд подразумевал Россию...

Ненавидел Питер Розенфельд и нынешнего Президента, который носил заурядную, широко распространенную в Америке ирландскую фамилию. Этому человеку Ангелочек не мог простить курса на мирные соглашения с русскими, установление обстановки искренней благожелательности в стране, которую босс Северо-Востока считал собственной вотчиной.

— Вертолет садится на соседнюю поляну, — сообщил Эдгар Гэйвин. — Еще немного, джентльмены, и мы увидим труп этого человека.

Идея снабдить убийц видеокамерой, чтобы снять на пленку мертвого Президента и передать изображение на экраны Комитета семи, принадлежала Галперу. Ее поддержали единодушно. Одно дело — получить информацию от подчиненных, и совсем другое, когда увидишь собственными глазами изрешеченный пулями труп врага.

— Годфри, — обратился к Сержанту Биллу председатель комитета, — а что у нас в Пентагоне? Чем занимается Пенсионер? Вы не сняли там наше наблюдение?

— Что вы! — воскликнул Уильям Годфри. — Дональд окружил Перри верными людьми. Мы знаем, что Пенсионер для виду ищет подтверждения версии с рус-

скими лунниками, но Крузо блокирует все его попытки разобраться в происходящем.

— А как дела на Центральном командном пункте? — спросил Джон Галпер. — Там нас не подведут?

— Это исключено, — покачал головой Сержант Билл. — Приказ министра принят и передан во все стратегические подразделения, это зафиксировали мои люди. Весь вопрос во времени, но и страховочный час, который отмерил Пенсионер, подходит к концу. Можно объявить атомную тревогу и сообщить Америке о чудовищном коварстве русских.

— Операция «Миннесота» не закончена, — предупредил его Патрик Холл. — Мы еще не видели объект мертвым, Годфри. Не забывайте об этом. Все пропало, если Президент окажется живым.

— Вот именно, — подхватил Питер Розенфельд, выразительно взглянув на Эдгара Гэйвина: — Если бы теракт в отношении русофила из Миннесоты поручили мне, ирландец давно бы отправился к праотцам.

Джон Галпер хотел произнести нечто примирительное, ему не нравилась агрессивность Ангелочка Пита — надо тоньше работать. Но в этот момент подал знак его личный секретарь: необходимо подойти к блоку конфиденциальной связи...

71

Когда Василий Макаров стал подводником, младший брат сказал ему как-то, когда они встретились вместе в отцовском доме:

— Вот ты всю жизнь мечтал о море, Василий. Я хоть и совсем еще салагой был, а хорошо помню, как мамину простыню на паруса для модели фрегата изрезал. И вот ты сейчас вроде моряк...

— Почему это «вроде»? — спокойно возразил подводник. — У меня уже пять океанских походов за кормой, тысячи миль плавания.

— Верно, — согласился Юрий. — Миль накрутил довольно. Но ведь моря ты не видишь! Того, которым бредил. Ни штормов тебе, ни штилей, смерчей там разных, тропических закатов, земли на горизонте и тому подобных картинок. У тебя вся жизнь как в песне: «Кругом вода, одна вода...» И ты из нее выныриваешь едва ли не под самым балконом своего дома в Гремяченске.

— Ну, про балкон ты, конечно, загнул, брательник, хотя и образно изъяснился, — улыбнулся Василий. — Да

и в остальном ты не прав. Мне кажется, что подводники даже не вдвойне моряки, как называют рыбаков, нет, мы — моряки трижды. Ведь те, кто плавает по поверхности, только гости моря. И перемещаются они лишь в двух измерениях, по плоскости. А у нас есть еще и верх-низ. Понимаешь? Мы не гости в океане, а составная часть его. Моя лодка умеет все, что в состоянии проделать любая рыба. И даже больше.

— Ну уж, — возразил Макаров-младший.

— Вот ты знаешь, конечно, о поразительных свойствах дельфинов. А я ведь на субмарине обхожу этих обитателей океанской стихии по многим параметрам. Могу нырнуть и лечь на морское дно на такой глубине, что и рыбам не под силу. Ему необходимо довольно часто подниматься на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, а мне это вовсе ни к чему. Захочу — буду лежать на грунте или мчаться через Мировой океан, не поднимаясь к солнцу, на поверхность весьма длительное время. Время нашего пребывания под водой ограничивает только состояние человеческой психики. И я не боюсь глубины, чувствую ее, как птица воспринимает высоту. С помощью воображения сам становлюсь лодкой, сливаюсь с ней воедино, а затем и океанская пучина становится для меня родной колыбелью.

— Ты там еще стихов не пишешь, случайно? — поддел брата Юрий.

— Стихов не пишу, а читаю их нередко, — ответил Василий. — Был такой поэт Алексей Лебедев, штурман подводной лодки, он погиб во время войны. Вот Лебедев писал стихи, у него был необыкновенный поэтический дар. И в те суровые времена поэт-подводник мечтал о том времени, когда субмарины из боевых кораблей превратятся в пассажирские и повезут они любознательных туристов на морское дно, в коралловые джунгли, к развалинам Атлантиды. А что? Из нашей лодки вполне можно сделать мирный корабль... Снять с нее ракетные системы, а взамен понаделать побольше кают и шлюзов для выхода пассажиров на подводные прогулки. Подавай заявку — устрою тебе круиз по-родственному.

— Увы, — посерьезнев, сказал Юрий Макаров, — думаю, что ты еще долго будешь нужен, Вася, в нынешнем своем качестве.

Василий Макаров нисколько не кривил душой, говоря так возвышенно о море, которое постигал он в трех измерениях. Он знал, что в состоянии охватить необъятность

океана и четвертым измерением — чувствами, сознанием, мыслью. Еще на первом курсе Макаров прочитал в старинной морской книжке и перепес в дневник такие слова: «Море — лучшая школа добра и мужества. Не может оно научить человека плохому. Море способно поглотить немало людских надежд и само по себе является надеждой. Когда человек отдает швартовы и выходит на свидание с морем, душа его возвышается. Все мелочное и суетное остается за бортом, а сердце распахивается навстречу прекрасному и мужественному...»

Василий Макаров посвятил жизнь охране страны от атомных подлодок. Уже было известно, что охотиться на них с поверхности океана надводными кораблями и морской авиацией неизмеримо труднее, нежели отыскивать вражеские субмарины тому, кто находится в одной с ними среде. Морская вода, в которой перемещаются противники, практически непроницаема для электромагнитных излучений, на базе которых работают современные поисковые радары. Глохнут в соленой воде и почти все другие волны. Остается одно — гидроакустика. Но и тут свои сложности. Вода в океане далеко не однородна, а скорость распространения звука в ней зависит от плотности среды, содержания соли, теплового режима. Распространяющийся по прямому направлению звук вдруг может натолкнуться на более плотный слой морской воды и уйти в сторону, исказить сигнал. Существуют в океане и «теневые секторы», в них звук вообще не распространяется.

Поэтому найти лодку сверху не так-то просто. Нужно учитывать массу дополнительных факторов. На это уходит время, а с ним безнадежно уходит и субмарина противника.

А как мешают надводникам «слушать» лодку косяки рыбы, дельфины, киты и даже крошечные существа, которых именуют общим словом — планктон. У тех же, кто сам под водой, все данные под рукой: температура воды, соленость, плотность... Подводники быстренько прикидывают размер «теневого сектора», прячутся под него и заходят для атаки.

И теперь, когда атомоход получил боевой приказ, командиру, прибежавшему вместе с замполитом Шиповским в центральный пост, немедленно сообщили состояние защитных слоев, за которыми может укрыться атомный крейсер.

Василий Иванович хорошо знал, как вооружен корабль Вудро Мэйсона. Теперь на новых американских

подводных лодках было по две дюжины ракет «Трайдент-2». А это значит, что их общий эквивалент составит от восьмидесяти до ста двадцати мегатонн тринитротолуола. Вполне достаточно, чтобы уничтожить все человечество, а планету превратить в безжизненную пустыню или расколоть ее вовсе на части.

Интервал между запуском ракет, и это знал Макаров, на американской лодке составляет около одной минуты. И именно это вселяло в него некоторую надежду. После того как «Мичиган» выполнит старт первой ракеты, «Сибирский комсомолец» выпустит в него самонаводящиеся торпеды. Они неотвратимо настигнут агрессора. Так что пуск ракеты для американского экипажа был равносилен самоубийству.

...Старший помощник командира уже отдал первые распоряжения, и атомоход выходил сейчас в рассчитанный «теневой сектор», чтобы изготовиться для атаки.

— Где Мэйсон? — спросил Василий Иванович у Ростова.

— В верхнем правом углу квадрата «Чарли-пять», — ответил старпом — Сбавил ход, развернулся и резко уменьшил глубину.

— Наша?

— ....

— Курс сорок пять! Обе турбины полный вперед! Подвсплыть до...

«Уменьшил глубину, — подумал о Мэйсоне Василий Иванович. — Значит, готовится к стрельбе...»

— Обойдем защитный слой справа, — сказал капитан 1 ранга старпому. — На полном ходу мы придем туда, откуда собирается производить пуск «Мичиган», раньше противника. А «теневой сектор» не позволит ему засечь нас и разгадать маневр.

Ростов кивнул. Он сразу понял намерение командира, но знал характер Макарова, его пристрастие к максимальной гласности. И действительно: почему не сказать, как ты хочешь поступить, тому, от кого зависит претворение твоих приказов в жизнь? Тем более на подводной лодке, где действует самый суровый закон войны: моряки здесь побеждают или погибают все вместе...

— На румбе? — спросил командир.

— Сорок пять! — ответил рулевой.

— Десять градусов вправо!

— Есть, десять вправо!

«Сибирский комсомолец» отклонился к осту, обходя защитный слой. Теперь уже «Мичиган» не может обнаружить его.

— Глубина!..

— Хорошо, — сказал Василий Иванович. — Поднимаемся еще.

— На румбе пятьдесят пять!

— Ложитесь на семьдесят... Нет, лучше восемьдесят градусов.

— Курс восемьдесят!

— Пойдем так пять минут, — сказал командир, — и станем подворачивать постепенно влево. Займем верхнюю часть квадрата «Чарли-шесть».

Длинный язык защитного слоя проходил по границе между двумя условными квадратами и позволял «Комсомольцу» приблизиться к «Мичигану» на минимально короткое расстояние. Ведь чем быстрее пройдут торпеды до противника, тем меньший вред сумеет нанести он Отечеству.

Теперь атомоход Василия Макарова занял исходную боевую позицию для атаки за несколько минут до вступления в силу приказа «Идет град». А его потенциальный противник, приготовившийся запустить «Трезубцы», подвсплыл еще немного, чтобы ослабить напор водяного столба, который давил на крышки ракетных контейнеров. Вудро Мэйсон хорошо понимал, что его караулит неподалеку Василий Макаров. Они кое-что знали друг о друге, эти два человека, хотя и не виделись ни разу, и не сделали друг другу ничего дурного. Но теперь один из них готовился обрушить немыслимую разрушительную мощь на мирную советскую землю, а другой всегда верил, что помешает этому. Затем он собственные ракеты пошлет на открытый великим генуэзцем континент, нанеся удар мечом возмездия.

Но и Вудро Мэйсон помнил об этом и тоже изготовил к стрельбе противолодочные торпеды...

Так они и парили, будто в невесомости, подчиняясь закону Архимеда, карауля друг друга, притаившись в такой благотворной среде, в которой давным-давно зародилась жизнь на Земле. А теперь из чрева океана должна была вырваться смерть.

Медленно проходили последние минуты.

И вот осталось их только совсем немного.

— Повторите еще раз, — спокойно приказал Джон Галпер, когда узнал о взрыве бомбы в подземной резиденции Энтони Свейна. — И все подробности, какие удалось установить...

Он поманил пальцем секретаря и, прикрывая трубку рукой, вполголоса распорядился срочно пройти на радиоцентр.

— Свяжитесь с КП мистера Маккарти и лично поручите от моего имени начальнику его охраны пройти в кабинет босса. Пусть Маккарти срочно свяжется со мной по любому каналу. Срочно!

Вскоре ему сообщили, что сильный взрыв разрушил помещение КП Свейна, уничтожил аппаратуру. Погибли сам босс, его секретарь и внутренняя охрана, которая находилась в соседней комнате. Никто из посторонних не обнаружен, подозрительные лица в окрестностях не задерживались.

Выслушав сообщение, Джон Галпер прикрыл глаза и постоял зажмурившись, раскачиваясь с носка на пятку и обратно. «Так-так, — думал он. — Двоих уже нет...»

Но пора ему вернуться к столу. «Сообщить о Свейне или пока воздержаться?» — прикидывал он, усаживаясь перед телекамерой, которая передавала его изображение в четыре точки Соединенных Штатов, отстоящие друг от друга на тысячи миль.

— Что случилось, Джонни? — спросил председатель комитета.

Он знал Галпера еще мальчишкой, приходился его матери дальним родственником.

— Докладывали о готовности средств массовой информации к передаче нашего воззвания, сэр, — почтительным тоном соврал Галпер. — Можем начать в любую минуту, джентльмены.

«Если и с Чарли случилось то же самое, — лихорадочно соображал он, — значит, очередь сейчас за кем-то из нас пятерых. Может быть, следующим номером прохожу я?»

Дьявольское предчувствие не обмануло Галпера. Его личный секретарь, Честер Шлафли, был внедрен к идеологу комитета и по заданию лиги должен был расправиться с шефом по той же схеме, которая уже сработала на Северо-Западе.

Когда Галпер отослал его на радиоцентр, секретарь Шлафли решил больше не возвращаться, потому как понимал, что вести, принесенные им оттуда, вызовут лавину подозрений у Галпера, а если шеф не замедлит сообщить о них остальным членам комитета, то все они окажутся в панике, совершат непредсказуемые действия и, главное, уйдут от возмездия. Инструкция же гласила: что бы ни случилось в мире, эти существа должны быть устранены.

В любом случае!

Поэтому, отправляясь на радиоцентр, а на самом деле покидая кабинет Галпера, чтобы никогда больше не возвратиться, доверенный человек лиги не стал стрелять в босса, отключив перед этим видеосвязь. Честер спокойно вышел в соседнюю комнату, где стоял его второй рабочий стол и находился атташе-кейс черного цвета, снабженный замком с шифром. Тут же была внутренняя охрана. Секретарь открыл кейс, достал оттуда листок, пробежал для вида — охранник смотрел на него — текст глазами, вздохнул и захлопнул крышку, включив контакт, который должен был привести взрывной механизм в действие через пять минут. С листком бумаги в руке он вышел из бункера.

Едва Джон Галпер уселся в кресло, как услышал тревожный внутренний голос, не раз и не два выручавший его в житейских передрягах: «Что-то не так, Джонни... Возник новый фактор, не учтенный ни одним из нас. Ну, ладно, остальные... Но ведь ты обязан предвидеть развитие событий. Что тебя зацепило? Смерть Энтони Свейна? Ты не поверил в случайность... Это раз. И увидел в глазах Честера... Что ты увидел в его глазах? Ага, он успокоился... Да-да! Наблюдалась некая напряженность, она естественна сейчас для всех нас, и он не исключение. Но когда я послал его на радиоцентр... Точно! Он будто испытал облегчение, заметно расслабился. Но почему?»

— Еще раз извините, сэр, — обращаясь к Патрику Холлу, сказал Галпер, поднимаясь с места. — Хочу уточнить по аварийному каналу, что случилось с нашей связью, почему не работают два экрана.

«В конце концов, ведь именно я отвечаю за это», — мысленно усмехнулся Галпер, выходя из своего обиталища в комнату секретаря охраны.

Внутренний голос молчал, и обладатель его понял, что поступает пока надлежащим образом.

— Где Честер? — спросил Джон Галпер.

— Взял какую-то бумагу из кейса и вышел в радиоцентр, — ответил один из охранников. — По вашему приказу, босс.

Галпер мельком взглянул на закрытый кейс.

«Взял бумагу? — подумал он. — Какую бумагу? Зачем она ему?»

— Давно он вышел? — вовсе неуместно спросил Джон Галпер, просто для того, чтобы что-то сказать. Джон понял — его волнение может учуять охранник, а этого сейчас не надо.

— Только что, босс.

— Ну хорошо. Смотрите тут...

Оказавшись за стальной дверью, Галпер на мгновение задержался, раздумывая, в какую сторону пойти. Направо располагался радиоцентр. Влево уходил железобетонный туннель, подводящий к небольшой пещере, в которой была устроена железнодорожная станция для электровозов, прибывавших сюда с пассажирами, припасами и оборудованием.

Выходил Джон Галпер с намерением найти секретаря и поскорее узнать, что случилось у Чарльза Маккарти. Сейчас он колебался: не пойти ли ему в радиоцентр...

«Там его нет, — шепнул Джону внутренний голос. — Сам уноси ноги, парень!»

И Галпер повернул налево. Он был уже в конце туннеля, у самого шлюза, запирающего подземные помещения бункера, в которых создавалась искусственная атмосфера, когда разом погасли плафоны, и следом за ударившей по нервам темнотой пришел грохот. Упругая волна сжатого взрывом воздуха толкнула Джона Галпера в спину.

73

Получив боевой приказ, воздушный командный пункт, развернутый на атомном дирижабле «Дельфин», на борту которого находился генерал Михайлов, сошел с запланированного тренировкой учебного маршрута и сейчас на предельной скорости перемещался в район, установленный на случай боевой обстановки.

Согласно инструкции, написанной именно для такого положения, «Дельфин», подтвердив получение сигнала, немедленно переходил на режим радиомолчания. Теперь радисты, обеспечивающие всевозможные каналы связи,

работали только на прием. Они слушали. Сквозь эфир к ним приходили различные сообщения, распоряжения, разъяснения, только сами связисты не отвечали. «Дельфин» будто исчез, испарился в атмосфере. Бесполезно было искать его и с помощью радиолоцирования, поскольку оболочка дирижабля была проницаемой для электромагнитных излучений, а объемистая гондола покрыта специальным составом, из-за которого радарные лучи не возвращались обратно, не возникали на экране в виде эхо-импульса.

Невидимый и неслышимый «Дельфин» уходил в определенную ему зону, откуда он возьмет на себя командование наземными ракетными войсками, если управление ими со стационарных КП будет по каким-либо причинам затруднено.

На борту дирижабля было тихо. Никто не разговаривал друг с другом. Да и о чем говорить в такие минуты? Лишь время от времени полковник Гусев докладывал Виталию Дмитриевичу, сколько осталось до цели, и снова наступало молчание.

Сам Михайлов был внешне спокоен. Всю жизнь он готовился к этому часу... И час пришел. Теперь генералу необходимо выполнить долг перед Родиной, которая его, сына колхозного бондаря из Приазовья, сделала ракетчиком и вручила меч возмездия. «Неужели решились? — думал Михайлов. — Или нас проверяет Генштаб? В условиях, максимально приближенных к боевым? Нет, это настоящая тревога, такими вещами не шутят!»

Он вспомнил, как встретился однажды в доме Ивана Егоровича, своего бывшего командира, с полковником Полухиным, дипломатом, часто наезжавшим в Соединенные Штаты, а теперь получившим назначение на службу в эту страну.

— У нас, ракетчиков, особая судьба, — сказал ему Михайлов. — Противников мы воображаем. Порою видим их на страницах журналов типа «Эр форс мэгэзин», «Эр мен» или в каком-нибудь «Аэроспейс Америка». А вот вы встречаетесь с ними чуть ли не каждый день.

— Бывает так, что и не один раз в сутки, — улыбнулся Юрий Семенович.

— Так вот я и хотел спросить у вас, полковник: какие они? Что определяет их мировоззрение? Я имею в виду военных, конечно. Ведь не полные же они идиоты, чтоб не понимать: развязать нынче войну — это равно-

сильно самоубийству! Горы оружия растут, а возможности его применения сужаются. Заколдованный круг!

— Поверьте, Виталий Дмитриевич, мне доводилось беседовать со многими американскими генералами, — сказал Полухин. — Есть там и реалистически мыслящие люди, особенно в армии и флоте. Они за ограниченные войны с применением обычного оружия. «Ради престижа Америки», — как они говорят. Престиж в Штатах — основополагающая линия индивидуального и коллективного поведения. Но есть и такие, что заявляют: «Мы будем воевать, пользуясь традиционными средствами, пока не станем проигрывать. Затем воевать, используя тактическое ядерное оружие, пока не станем проигрывать. А вот тогда мы взорвем мир».

— И этим безумцам позволяют разгуливать по Вашингтону без смирительных рубашек?

— Увы, — развел руками Юрий Семенович. — Иные из них носят по пять звезд на погонах. Видите ли, гонка вооружений психологически объяснима еще и тем, что те, кто сейчас определяет судьбу нации в Пентагоне, убеждены: победу над Гитлером и японцами обеспечило оружие. И только оружие! Или, выражаясь современным языком, превосходство военной технологии Америки. И в сохранении этого превосходства, которое они давно утратили, придя к стабильному паритету, эти «медные каски» видят спасение от мыслимых и немыслимых бед Америки.

— Но вы, надеюсь, разубеждаете недальновидных стратегов? — спросил Виталий Дмитриевич.

— Пытаюсь, — улыбнулся Полухин. — В этом мой профессиональный долг военного дипломата.

— Меня бы на недельку в Пентагон, — вздохнул генерал Михайлов. — Я б им на пальцах объяснил, что к чему.

— Ты, Виталий, скорее на кулаках стал бы толковать, — насмешливо окинул взглядом кряжистую фигуру генерала подошедший к ним Иван Егорович. — Оставь лучше богу богово, а себе возьми кесарево...

— Ладно вам, кесари, — вмешалась Вера Ивановна, жена полковника Гусева, который вел сейчас «Дельфин» по боевому курсу. — Пойдемте-ка лучше чай пить с малиновым вареньем.

...А командир «Дельфина» думал сейчас о воздушном своем корабле. В который раз восхищаясь его совершенством, удивительной простотой и послушностью в управ-

лении, Виктор Леонидович вспомнил, как молодым еще лейтенантом прочитал в молодежном техническом журнале статью выпускников Московского авиационного института о проекте нового типа дирижабля. Талантливые конструкторы использовали идею мышечной «бегущей волны» — такая бежит по телу дельфина к хвосту, гася вихри и создавая реактивную силу. Кроме того, дельфин при движении использует еще одну волну, которая возникает при комбинированных ударах корпуса и хвостового плавника. Плавник описывает восьмерку и служит как бы волновым пропеллером. Вот этот принцип молодые инженеры и положили в основу «воздушного дельфина», дирижабля, который мог бы развивать скорость до пятисот километров в час.

Дирижабль «Дельфин» оказался феноменально маневренным. Он мог взлетать абсолютно вертикально, разворачиваться на месте, двигаться боком и даже задом наперед. Летчики шутили: «Реализована давнишняя наша мечта: теперь имеем задний ход...»

Виктор Гусев написал энтузиастам восхищенное письмо, предложил сотрудничество, если его возьмут, конечно, испытателем или еще кем. В отпуске он познакомился с ребятами, и завязалась дружба на всю жизнь. Не так просто было все это пробить, но недаром сказано про идею, которая становится материальной силой... Как бы там ни было, а сейчас Гусев ведет советский дирижабль «Дельфин» в безбрежных просторах пятого океана, и вполне понятная радость переполняет его потому, что он управляет летательным аппаратом, подобного которому нет еще нигде в мире.

— Я — Второй! — услышал генерал Михайлов голос командира корабля. — До входа в зону осталось сто километров...

Виталий Дмитриевич взглянул на часы.

«Еще больше десяти минут полета, — подумал он. — Ничего, успеем».

74

Едва лицо Джона Галпера исчезло с экрана, как Гэйвин получил сообщение с вертолета, который вышел на полицейскую машину. Первый вертолет взорвался, и его горящие обломки валялись, разбросанные неподалеку от оставленного «форда» с сиденьями, залитыми кровью «синих волков».

— Что это может означать, мистер Гэйвин? — сухо спросил председатель комитета.

Эдгар Гэйвин пожал плечами.

— Сообщают, что в машине никого нет, — сказал он. — Видимо, «синие волки» решили убрать все следы акции по устранению. Ведь они—профессионалы высшего класса, мистер Холл. Вы сами предупреждали о деликатности операции.

— Это верно, — кивнул Патрик Холл. — Но мне, да и остальным, наверное, хотелось бы лично убедиться в том, что операция завершилась.

— В успехе не может быть сомнений, — поддержал Гэйвина Сержант Билл, который делил с ним ответственность за успех покушения. — И потом, у нас есть и запасные варианты.

— На проигрывание вариантов нет времени, джентльмены, — предупредил Патрик Холл. — До вступления в силу приказа «Идет град» осталось четверть часа.

Он посмотрел на экран Джона Галпера. Камера продолжала передавать в эфир и на приемные устройства остальных экранов спинку кресла Джона и часть стола, на котором лежали стопка листков бумаги для заметок, пепельница с окурками и сиротливо приютившаяся сбоку паркеровская авторучка с зелеными чернилами, которыми так любил пользоваться Галпер.

— Не забывайте, — продолжал Патрик Холл, — что, если наши ракеты поднимутся в воздух, русские засекут их и нанесут ответный удар. Часть их ракет, бесспорно, прорвется сюда и накроет Америку. Правда, за нами преимущество первого хода, но придется учитывать уже вычисленные жертвы... Через полчаса после того, как пойдет наш «Град», надо ждать первые ответные ракеты русских. Это нам вовсе ни к чему. Достаточно просто накалить обстановку до состояния «вот-вот». Сорвать предстоящее подписание договора, напугать Америку атомной тревогой... А затем в обстановке паники и хаоса мы призовем соотечественников к спокойствию и заявим, что берем на себя бремя власти в условиях военного времени. Поэтому чудом спасшийся Президент не вписывается в общую картину выдержавшей призрак Армагеддона страны... Я уже не говорю о том, что этот пацифист из Миннесоты, может быть, названивает сейчас из придорожного телефона в Белый дом. Надеюсь, вы меня правильно поняли, джентльмены?

Никто не возразил. И никому из них не было извест-

но, что надежду на обратный ход у них бесповоротно отняла «Лига седых тигров».

— В Вашингтоне объявлена атомная тревога, — сообщил Уильям Годфри, взглянув на карточку, которую положил перед ним его помощник.

Все четверо оживились и облегченно вздохнули. Известие как бы приближало их к финалу затеянной опасной игры, свидетельствовало о том, что приказ никем не отменен. Америку они все-таки напугают. Питер Розенфельд почувствовал вдруг, как у него пересохло горло. Он протянул руку к небольшому столу-подносу на колесиках, припаркованному справа от его кресла, и взял с него бутылочку ананасового сока. Открыв ее, Ангелочек Пит сделал большой глоток прямо из горлышка, отнял бутылку ото рта, чтоб передохнуть и снова приложиться. Но тут же уронил сок. Потом медленно встал с кресла, судорожно схватился левой рукой за горло, но до горла рука не дотянулась. Розенфельд захрипел и рухнул на стол, затем сполз на прежнее место. Неловко повернутая голова его так и осталась в кадре, передаваемом телекамерой.

— Питер! — крикнул Уильям Годфри, поднимаясь в неосознанном порыве, будто в состоянии был помочь Ангелочку. — Что с ним?

Испуганный секретарь Розенфельда, который увидел наконец, что приключилось с его шефом, схватил Питера за плечи и старался придать туловищу вертикальное положение, но голова северо-восточного босса бессильно валилась на грудь.

— Оставьте его, — послышался голос председателя Комитета семи. — Он мертв...

Патрик Холл перевел взгляд на экран Галпера.

Место Джона за столом оставалось пустым.

75

— Руки вверх! — скомандовал голос за спинами Президента и Эрвина Доджа.

Эти два предельно понятных слова были произнесены, как и принято всегда в подобных случаях, слитно и быстро, но все же оба преследуемых по пятам человека уловили в них резкий новоанглийский акцент.

Реакция на команду у Президента и начальника охраны была совершенно различной. Эрвин Додж прыгнул на босса, сбил его с ног и покатился вместе с ним на землю,

на ходу доставая тупорылый «магнум». А Президент вдруг осознал, что тот, кто требует поднять руки вверх, вовсе не враг... С повадками своих преследователей Президент довольно хорошо уже познакомился за сегодняшнее утро.

— Не стреляйте! — крикнул он, перевернувшись со спины на живот и пытаясь встать. — Не стреляйте, Эрвин!

Этот возглас был своевременным. Начальник охраны уже вырвал из кобуры «тетушку Бетси» и собирался наугад выстрелить туда, откуда пришел голос. А стрелять на звук Эрвин Додж умел.

— Не стреляйте, Эрвин!

— Пусть только попробует, — насмешливо произнес тот же голос. — Я держу его на мушке...

Теперь и начальник секретной службы понял, что приказ поднять руки исходит вовсе не от тех, в кого надо стрелять не раздумывая. Он разжал пальцы, и его безотказный «комбат» упал в траву. Тем не менее безоружный Эрвин вскочил одним прыжком, держа руки раскрытыми ладонями вперед, не поднимая их выше плеч. Мельком взглянув на Доджа, такое же положение принял и Президент. Теперь они стояли лицом к окликнувшему их и могли рассмотреть его достаточно хорошо.

Перед ними был заросший едва ли не до самых глаз человек, одетый в зеленую пятнистую куртку, линялые до небесно-голубого цвета джинсы, на голове шапка с длинным козырьком и эмблемой, которую Президент и Эрвин Додж пока не рассмотрели.

Обут незнакомец был в старенькие кеды. В руках он держал армейскую винтовку М-16.

— Перепугались, джентльмены? — насмешливо спросил странный человек. — Ладно, опустите руки. Я хотел пошутить, но оказалось, что в шутке моей был резон. Вон каким козлом скаканул этот парень и уже хотел стрелять из своей пукалки. Видно, служил в специальных войсках или террорист из ЦРУ. Хорошо, что он послушался вас, мистер... Не то я прострелил бы ему башку. У вас оружие есть?

— Я безоружен, — сказал Президент и развел руки в стороны.

— А что вы делаете на моем участке? — спросил человек.

Ствол винтовки незнакомец не опускал, медленно переводя его с одного на другого.

— А где мы находимся? — спросил Президент.

Начальник секретной службы тихо злился от собственного бессилия, искоса поглядывая на валявшийся в траве револьвер.

— Здесь закрытый для любых посещений сектор национального заповедника Сент-Маунтин, — сказал незнакомец. — Вы незаконно попали сюда, и каждый должен быть оштрафован на двести долларов.

— Да кто вы такой, черт возьми?! — обрел наконец дар речи Эрвин Додж. — Вы что, не видите, кто стоит перед вами?!

— Мое имя Дэйв Стоун, мистер Не-знаю-как-вас-зовут. Я лесничий этого заповедника, рейнджер[1]... Это вам понятно?

— То, что вы рейнджер, видно по вашим сомнительным шуткам, — усмехнулся Эрвин Додж. — А вот зовут вас, видно, не Стоун, а скорее Донкихэд[2]...

— Эрвин! — предостерегающе крикнул спутник начальника охраны.

— Разве вы не видите, что перед вами Президент Соединенных Штатов?!

— Это еще надо доказать, мистер Витти[3]...

— Вы с ума сошли?! — закричал Эрвин Додж, и Президент уловил в его голосе тревожную интонацию: не ошиблись ли они...

— Предъявите документы, сэр, — сказал Дэйв Стоун, обращаясь к Президенту.

— Документы? — растерялся тот и стал ощупывать карманы пиджака, имевшего довольно плачевный вид.

— Что-нибудь удостоверяющего вашу личность, — сказал рейнджер. — Таков порядок при обнаружении на этой земле посторонних людей. Вы забор видели?

— Видели! — крикнул Президент.

— Перелезали через него?

— Да.

— Значит, обдуманно, а не случайно попали в мой специальный сектор. А это уже нарушение федеральных правил. Предъявите документ, в котором сказано, что вы Президент Соединенных Штатов, и тогда я освобожу вас от штрафа в двести долларов. В порядке исключения...

---

[1] Ranger — лесничий (*американский говор*) и боец спецподразделения в американских вооруженных силах, диверсант.

[2] Стоун — камень; Донкихэд — ослиная голова (*англ.*).

[3] Остроумный.

— У меня нет никаких документов, — проговорил Президент. — Как-то и в голову не приходило...

— Кредитная карточка или водительские права на ваше имя, — подсказал Стоун.

— Но ведь я не хожу по магазинам, не живу в отелях и не сажусь за руль автомобиля, — слабо улыбнулся Президент.

«Это какой-то театр абсурда, — подумал он. — Такого попросту ни с кем никогда не могло случиться...»

— Послушайте, мистер Стоун, — миролюбивым тоном — а что делать? — заговорил Эрвин Додж. — Я начальник секретной службы, охраняю этого человека и Белый дом. Зовут меня Эрвин Додж. Меня вы можете не знать, это вовсе не обязательно. Но разве вы не видите, что перед вами стоит Президент?

— Вижу, — спокойно сказал Стоун.—Мы хоть и живем в лесу, но телевизор работает исправно. И я даже был в Вашингтоне в день вашей инаугурации, мистер Президент.

— Так какого же дьявола вы морочите нам голову?!.— снова заорал начальник охраны. — Я свидетельствую, что этот человек — Президент!

— А вы кто такой? — спокойно спросил лесничий.

Эрвин Додж задохнулся от негодования, а Президент вдруг рассмеялся.

— Послушайте, Додж, — сказал он, — перед нами разыгрывают сатирическую комедию о бюрократизме. Ведь у вас-то есть служебное удостоверение. Покажите его мистеру Стоуну. А когда он убедится, что вы — это вы, засвидетельствуете — я именно тот, за кого себя выдаю...

Дэйв Стоун широко улыбнулся и неожиданно превратился в лукавого Пана, так довольного тем, что разыграл странников.

— Все правильно, мистер Президент. Извините за небольшой розыгрыш. Не сердитесь на меня, мистер Додж, и не трудитесь доставать документы. Конечно же, я узнал вас, сэр. И вас, мистер главный страж Белого дома, тоже. Добро пожаловать в Сент-Маунтин! И подберите свою пушку, мистер Додж...

— За такие шутки у нас в авиации невзначай сталкивали за борт во время полета, — проворчал начальник охраны, пряча револьвер в кобуру под пиджак.

— А у нас, рейнджеров, подобных шутников подвешивают к дереву за одну немаловажную деталь человеческого тела, — усмехнулся Дэйв. — Вы можете это проде-

лать со мной, джентльмены, но сначала согласитесь, что не было еще в истории Америки случая: у президента потребовали документы. Но главное в другом — с вами нечто стряслось и вам нужна помощь. Я видел взрыв вертолета в воздухе. Тем, кто там был, уже не помочь. И вдруг вижу в лесу живого Президента! Честно говоря, подумал, что свихнулся. Итак, я в вашем распоряжении, сэр. А потом вешайте меня за что хотите. Только не за шею, мистер Додж.

Он разом выпалил несколько бессвязный монолог, резко, как бостонец, выговаривая слова.

— Нам необходимо срочно позвонить в Белый дом!

— Позвонить — вряд ли, — сказал Стоун, сдвинув на затылок шапочку с козырьком. — Проводной связи у меня нет... Экология, сэр. Радиостанция дает возможность разговаривать лишь с главным кордоном и с соседом. Но младший брат у меня — радиолюбитель. Он обменивается сплетнями даже с Австралией и Гонконгом, сэр.

— Куда идти? — нетерпеливо спросил Эрвин Додж.

— Полмили отсюда. Там на краю поляны стоит мой кордон, где мы живем с братом. Майкл сейчас дома.

— Тогда быстро к вам, Дэйв! — решительно шагнул вперед Президент.

— А что случилось? — спросил лесничий.

Стоун спросил это, когда они прошли уже, следуя за ним, ярдов двести.

Президент шел за Дэйвом, замыкал шествие начальник охраны, который слышал, как покрутившаяся над местом падения «полицейского» вертолета вторая машина приземлилась где-то неподалеку.

— Покушение, Дэйв, — коротко ответил Президент.

76

«Они объявили атомную тревогу, — подумал Председатель Совета Обороны, — и тем самым недвусмысленно сообщили нам о своих намерениях. Понимать ли это как сигнал «Идем на вы!»? Или тут есть некая особая подоплека, которую мне никак не удается пока ухватить?»

Председателю не были известны детали того, что происходило на Центральном командном пункте в Пентагоне. Не знал ничего он и о намерениях «Лиги седых тигров» и Роя Монтгомери. Ведь именно дежурный генерал попытался сделать хоть что-нибудь для предотвращения катастрофы и не нарушил при этом присяги. Но и Монт-

гомери было невдомек, что русские узнали о приказе Оскара Перри через двадцать минут после его поступления на ЦКП стратегической триады. И ответного удара не последовало лишь потому, что оставалось сорок минут... Две трети часа на разрешение ядерного конфликта.

Объявляя атомную тревогу, Монтгомери хотел предупредить русских, дать им возможность убедить Пенсионера бог весть что вообразившего, в лояльности своих действий.

— Почему они сделали это? — спросил Председатель начальника Генерального штаба. — Ведь тревога расшифровывает их намерения...

— Фрол Игнатьевич отправил военного атташе в Пентагон, — ответил Маршал Советского Союза. — Я знаю полковника Полухина лично. Нестандартная личность, обаятельный и коммуникабельный человек. Он попытается что-то сделать.

— Хватит ли у него времени? — с сомнением покачал головой Министр обороны. — Может быть, нам тоже объявить общую атомную тревогу?

— Нет, — сказал Председатель, — не будем пугать людей. Ведь все необходимое уже сделано, меры приняты, ответственные лица заняли боевые посты... Посол в Вашингтоне уже связался с замом государственного секретаря, которого наша новость о приказе Перри повергла в шоковое состояние. Госдепартамент ничего не знал... Или делает вид, что ему ничего не известно. Но сейчас они предпринимают уже экстренные меры. А как стратегические ракетчики?

— У них постоянно высокая готовность, — ответил Министр обороны.

— Что Главком?

— Принял на себя дублирующее командование.

— Ну вот, — горько вздохнул Председатель Совета Обороны, — если мы с вами не успеем, будет кому ударить мечом возмездия... Так что не дергайте всю страну. Общую атомную тревогу объявлять не будем. Пусть знают пока только военные и командиры гражданской обороны. А сами тем временем попытаемся образумить американцев... Что у вас еще?

— Все защитные средства приведены в состояние надежной готовности, — сообщил Министр обороны. — Повсеместно применим контрракетный маневр...

— Это хорошо, — просто сказал Председатель, и на душе у него чуть-чуть посветлело.

«Что же случилось с Президентом? — подумал он. — Ведь с ним рядом всегда находился офицер с «черным ящиком». Если приказ отдали без ведома Президента, то это плохо».

Еще недавно они сидели вдвоем с Президентом на подмосковной даче, в беседке на берегу Москвы-реки, и пили душистый краснодарский чай, о котором американский гость говорил, что он вовсе не хуже цейлонского чая знаменитой фирмы «Липтон».

— У нас в России многое на уровне мировых стандартов и даже выше, — улыбнулся хозяин. — Только не всегда мы сами это, увы, осознаем...

Президент рассмеялся и шутливо погрозил пальцем. В беседке они были только вдвоем. Ни секретарей, ни переводчиков, ни какого-либо протокола...

— Как это?.. Скромность украшает большевика, — смешно выговаривая слова, сказал Президент на русском языке. — Ваши ракеты типа «Громобой» намного выше мировых стандартов.

— Их мы и намерены лишиться, тяжелых ракет, у которых боеголовки с разделяющимися частями индивидуального наведения. Нам ведь тоже хорошо известно, что именно «Громобои» остужают горячие головы некоторых ваших соотечественников, мистер Президент. Но когда подпишем в Вашингтоне Договор о ласточках мира, то сразу начнем постепенную ликвидацию «Громобоев».

— Это хорошо, — посерьезнев, уже по-английски сказал Президент. — Мои соотечественники поверят в наше соглашение именно потому, что в будущем они смогут не бояться этих ракет! Когда вернусь домой, мне скажут, что в Москве я выглядел на миллион долларов. Вы ведь знаете, что так в моей стране определяют эталон благополучия, успеха.

— У нас есть поговорка: не в деньгах счастье, — улыбнулся хозяин.

— Это у вас... Вы, русские, вообще удивительные люди. Может быть, ваше национальное бескорыстие больше всего и раздражает, исподволь, бессознательно раздражает моих соотечественников. Хотя многие понимают, что само понятие собственности иллюзорно уже в силу того, что обладать чем-либо человек не может *всегда*, поскольку сам не вечен.

— Непреходящи лишь духовные ценности, — заметил Председатель.

— Вот именно, — подхватил Президент. — И тогда

возникает комплекс вины перед самим собой. Он возникает от того, что люди ставят себе неосуществимые задачи, пытаясь с помощью материального возвыситься духовно. И возвысить за счет американского богатства сознание соседей по планете.

— Навязать им свое понимание человеческих ценностей, — подсказал хозяин.

— Ну, не совсем так прямо, — заколебался гость. — А впрочем, мы с вами одни... Да, вы правы, навязать, ибо мы убеждены, что наш путь к общему прогрессу единственно разумный.

— А поскольку это в силу объективных причин не получается, вы собственный комплекс вины переносите на окружающих, — закончил Председатель. — Вот в чем корень зла! И то, что вы сами подошли к осознанию этого, сэр, меня искренне радует. Видимо, назрела необходимость начать подготовку к созданию Всеобщего кодекса Comity of nations[1]. И тогда каждое государство обязано будет осуществлять внешнюю да и внутреннюю политику исключительно в согласии с этим кодексом.

— Интересная идея, — задумчиво проговорил Президент. — Хорошо, что вы знаете наш язык. Собираясь в Москву, я начал учить русский. Но очень трудно пока говорю...

— Учение и труд все перетрут, — улыбаясь, сказал на родном языке Председатель и потом довольно долго объяснял поговорку на английском, в переводе она уже не так звучала.

— Вы помните, как коротко и ясно передает Диоген Лаэрций смысл учения агригентца Эмпедокла? — спросил Председатель у Президента Соединенных Штатов.

— Во время óно я увлекался древнегреческим, читал сохранившиеся до нашего времени отрывки из Эмпедокловой поэмы «Очищение», — ответил, улыбаясь, гость. — А вот формулировку Диогена Лаэрция не припомню.

— Она предельно проста, — сказал хозяин. — Основ существует четыре — огонь, вода, земля и воздух, а также Дружба, которою они соединяются, и Вражда, которой они разъединяются... Вот и все.

— Действительно! — воскликнул Президент. — Проще и логичнее не скажешь. По возвращении я приведу ваши слова в послании к конгрессу.

---

[1] Comity of nations — взаимное признание законов и обычаев другой нации.

— Обязательно со ссылкой на Лаэрция и Эмпедокла, — засмеялся Председатель. — Иначе ваши журналисты обвинят меня в плагиате.

— Непременно, — поддержал шутку Президент.

Гость встал из-за стола, вышел из беседки. Хозяин последовал за ним. Вместе они прошлись вдоль берега Москвы-реки, остановились.

— Вы знаете, что первым актом моей исполнительной власти, — заговорил Президент, — было расследование целесообразности работ по «стратегической оборонной инициативе». Такое решение не легко далось администрации. Ведь люди военно-промышленного комплекса... Боюсь, что никогда не простят они мне этого акта.

Он помолчал, затем спросил:

— Вы, конечно, знаете о завещании Эйзенхауэра?

— Знаю, — ответил Председатель.

— Порою его предупреждение снится мне по ночам, оно вспыхивает в сознании, как грозное «Мене, текел, фарес» на стенах дворца Валтасара. Я всегда помню его и не перестаю повторять... «Мы должны остерегаться приобретения неоправданного влияния, вольного или невольного, военно-промышленным комплексом. Существует и будет существовать потенциал для катастрофического увеличения власти тех, в чьих руках она находится не по праву». Не по праву, — повторил Президент, поднял у ног плоский камешек и запустил его так, что тот запрыгал по воде.

Он рассмеялся.

— Шесть раз прыгнул. Загадал, сколько лет проживу в Белом доме. Два года уже прошло. Значит, изберут и на второй срок...

В лесной чаще повел было трель запоздавший соловей, но, устыдившись тем, что начал любовную песнь не ко времени, наверно, не успел завести для себя подружку, замолк.

— Как тихо здесь у вас, — заговорил Президент. — И хотя как будто не похоже Подмосковье на Миннесоту, а на мгновенье показалось, будто я дома.

— У нас всегда говорят гостю: будьте как дома...

— Но не забывайте, что вы в гостях? — по-русски произнес Президент, засмеявшись. — Эту поговорку я усвоил на вашем языке. Мой друг Ларри Холмс просил выучить ее в числе самых важных... Да... Вы, наверно, помните, что, еще будучи сенатором, я приветствовал вашу концепцию национальной безопасности, призывал

правительство не поучать советское руководство. Мне хотелось обратить внимание американского народа и моих коллег-политиков на те огромные перемены, которые происходят в вашем обществе.

— И уже дали определенные результаты, — заметил хозяин.

— Один из них в том, что я пью чай на берегу Москвы-реки, — улыбнулся Президент. — Идея нового мышления сразу привлекла меня. Мне показалось убедительным ваше утверждение, что национальная безопасность одной страны зависит от национальной безопасности другой, национальная безопасность Запада от национальной безопасности Востока.

— Отношение между Востоком и Западом мы понимаем теперь не как примитивное соревнование типа «догоним и перегоним Америку», а как составной элемент взаимозависимости, — пояснил Председатель. — В этом мы видим конструктивность наших отношений.

— Да, цивилизованный и конструктивный стиль — другого нам не позволяет историческая необходимость — согласился Президент. — На двойные стандарты у нас нет больше права. Новое мышление предполагает в сути своей нравственное начало.

— Может быть, планетарную, в перспективе, мораль, — сказал Председатель.

Разговор в беседке над Москвой-рекой Председатель вспоминал не однажды. Под конец чаепития хозяин и гость неофициально условились дать помощникам возможность начать подготовительную работу по созданию кодекса, пока еще в черновом, разумеется, варианте. А когда советский лидер приедет в Америку, они сведут вместе то, к чему пришли обе стороны порознь.

«Вот тебе и кодекс взаимного признания! — подумал Председатель. — Надо сказать Фролу Игнатьевичу, чтобы искал по своим каналам Президента. С ним стряслось неладное!»

Отдав соответствующее распоряжение, он спросил у начальника Генерального штаба:

— Что у нас с той ракетной частью? На позиции которой решили сбросить воду.

— Взрывчатку доставили на перемычку, все готово к взрыву, — четко доложил маршал. — В подразделении снимают караулы с тех установок, которые окажутся под водой. Руководит операцией генерал-полковник Гришин. С ним рядом секретарь обкома Федоров.

— Значит, хоть там пока без проблем. От военного атташе ничего нет?

— Пока нет, товарищ Верховный.

— Пентагон?

— Справочная министерства обороны отвечает, что телефон Оскара Перри отключен от международной линии Центра предупреждения ядерной опасности.

— Белый дом?

— Дежурный у прямого провода сообщает, что Президента нет в Вашингтоне.

— Пусть переключат на помощника Президента по национальной безопасности!

— Он в госпитале.

— Немедленно узнайте, в каком госпитале находится профессор Холмс, и соединитесь с ним по обычному международному телефону. Скажите, что я буду разговаривать с ним.

...Когда ему бывало трудно, Председатель вспоминал, как в детстве он учился плавать... Ранние годы его прошли среди бескрайних степей и хлебных полей, где не было и самой захудалой речушки. Воду для питья людей и овец добывали из глубоких колодцев. Вокруг них ходили, наматывая цепь на барабан, две старые-старые лошади.

Мальчишке исполнилось четырнадцать, когда он впервые отправился к деду, бывшему есаулу Войска Терского, в славный город Моздок, старую казачью крепость на могучем Тереке. Терек ошеломил подростка. Его рев был слышен за три-четыре квартала тихого южного городка, стоявшего на высоком левом берегу. На берег с яростью бросался Терек, презирая худосочные плотины, которые городили моздокчане, тщетно пытаясь унять бешеную реку.

Не умевший плавать — где б он этому научился? — юный степняк с опаской глядел на Терек. И совсем уже дивился, когда видел, как местные ребятишки очертя голову бросаются в мощные струи с крутящимися водоворотами.

Пытливый и наблюдательный, он стал присматриваться и понял, что с Тереком можно справиться, если не идти ему наперекор, а с умом использовать собственную силу реки. Поначалу парень находил заводья с более медленным течением и там научился держаться на

воде. Потом перешел на главное русло, чтобы привыкнуть к скорости и речной мощи.

Он входил в воду, отплывал немного, Терек подхватывал казачьего внука и нес на себе сотню, и другую, и третью шагов. Потом надо было начинать грести к берегу, споря с течением, которое далеко относило его от того места, куда он стремился выплыть.

Два месяца летней жизни в Моздоке учился плавать в горной реке будущий Председатель Совета Обороны. А меж тем он присматривался к взрослым парням, которые переплывали Терек, выходили на его правую, лесную сторону. Для этого они заходили вверх по течению, порою километра на два, а потом бросались в воду, чтоб оказаться как раз напротив того места, где начинали купаться.

Однажды он рискнул. Зашел повыше вместе с парнями, подождал, когда они войдут в реку и Терек отнесет их подальше, и поплыл сам. Он плыл, экономно расходуя силы. Терек стремительно уносил его вниз, к мосту, по которому шла дорога в Орджоникидзе, и казалось, никогда не выбраться ему на другую, такую далекую сторону.

И где-то на стремнине он понял, что главное — не растеряться, не струсить! Надо поверить в собственные силы, понять, что Терек слеп и бесхитростен в своей ярости и человек, пядь за пядью сдвигающийся в нужном ему направлении, более могущественное существо, нежели река. Человек в состоянии осознать и себя, и Терек, потому и выйдет победителем в схватке. Не растеряться, сберечь силы, достичь цели за счет энергии самой стихии...

Может быть, тогда он и не сумел бы объяснить свое состояние словами. Слова пришли потом, когда, став взрослым, научился осмысливать происходившее и свершающееся вокруг. А тогда, усталый, если не сказать — измученный, он выбрался на поросший густым лесом правый берег, упал на траву и долго лежал, приходя в себя.

На обратный заплыв не решился, перешел Терек по мосту, пришел домой под вечер и тихо сказал за столом, когда сели ужинать:

— А я сегодня Терек переплыл.

Бабушка всплеснула было руками, но бывший есаул запечатал ей рот быстрым взглядом, потом довольно хмыкнул и сказал просто:

— Казак вырос.

...«Спокойно, — сказал себе Председатель Совета Обороны, — ты сейчас на середине Терека».

— На проводе Белый дом! — встревоженным голосом сообщил его помощник.

Председатель поднял трубку.

— Здравствуйте, — прозвучал женский голос. — Это говорит Глория, жена Президента.

77

Едва майор Шапошников принял боевой приказ, он привел все системы командного пункта в исходное положение. Теперь их ракетное подразделение готово было в любое мгновение поразить назначенные цели.

А регламентная установка «царь-пушка» уже выпустила захваты, чтобы втянуть в гигантский ствол отстыкованную боеголовку. Но едва Юрий Макаров получил от замполита известие о приказе, он прекратил работы и приказал вернуть ядерные заряды в исходное положение.

— Убирайте вашу технику, товарищ полковник, — сказал он Гаенкову. — Пришел приказ! Отводите «царь-пушку»! Боеголовку в прежнее положение! Всех лишних людей — в укрытие!

— Неужто началось? — прошептал Алексей Ермакович и поискал глазами жену.

Зои Федоровны не было видно. Она бросилась в командирский «уазик», чтобы забрать санитарную сумку, хотя никто в медицинской помощи пока не нуждался.

Полковник Гаенков не нашел Зои и тут же забыл о ней, принялся четко и толково руководить людьми.

— Высылаю за вами вертолет, командир, — сообщил Шапошников. — Как пусковая установка?

— Сейчас войдет в строй, — ответил Макаров. — Не успели вывести. Еще немного бы... Я облечу район вертолетом, а машину отправлю прямо сейчас.

Он повернулся, держа трубку радиотелефона в руке, и увидел позади Альберта Пулатова.

— Заберешь доктора — и на полном ходу к командному пункту. Здесь вам делать нечего.

— А вы, товарищ майор? — спросил водитель.

— Прилечу вертолетом. Быстро к машине!

— Есть! — ответил Альберт и помчался выполнять

приказ Макарова, на ходу высматривая Зою Федоровну, чтобы захватить ее с собой.

Тем временем стыкователь оставил в покое боеголовку, опустил массивный ствол-цилиндр на многоосное шасси и с мерным рокотом отполз от ракетной шахты. Потом стал степенно разворачиваться на бетонной площадке, чтоб выйти на дорогу.

— Закрыть люк! — скомандовал полковник Гаенков.

Пневматические рычаги поднатужились, потянули на себя толстенную металлическую плиту, она медленно принялась крениться, все больше нависая над разверстым люком «силосной ямы», в котором снова светлел пластиковый экран, прикрывавший оставшуюся на прежнем месте боеголовку.

Еще немного — и крышка плотно закрыла отверстие. Покоившаяся внутри шахты межконтинентальная баллистическая ракета, как и остальные ее сестры в долине реки Тигоды, была готова к пуску.

Юрий Макаров позвонил Шапошникову на КП.

— Закрыли, — сказал он. — Что у тебя?

— Пусковую установку с регламента принял, — ответил замполит. — У нас все в порядке. Вертолет пришел?

— Подходит, — сообщил командир, прислушиваясь к нарастающему гулу-стрекотанью авиационного двигателя. — Закрываю люк запасного выхода.

— Принял, — сказал Шапошников. — Жду на КП, командир. Технику и людей убрали?

— Понемногу разъезжаются... Все, майор. Связь закрываю.

Макаров выбрался из оголовка шахты через запасной люк, который был куда у́же основного — ведь он предназначен только для выхода людей, аккуратно опустил крышку и плотно закрыл ее на специальный замок.

Вертолет уже заходил сбоку, готовился сесть на бетонную площадку, чтобы забрать командира. Последние машины с людьми Гаенкова выбирались на дорогу. «Теперь сдать установку караулу под охрану — и можно собирать манатки, — подумал Юрий Макаров. — Успею ли облететь позиции?»

Прикидывая порядок своих действий, Макаров внешне казался спокойным и хладнокровным. Сказывались многочисленные тренировки в подобных же, но учебных ситуациях, завидная выдержка, выработанная за годы службы. И все же Юрий Иванович чувствовал, как пос-

ле получения боевого сигнала напряглась в нем каждая жилка, а нервы натянулись до предела. В голове же настойчиво, неотвязно билась одна мысль: «Неужели это всерьез? Неужели скоро на человечество, на всех нас обрушится ядерный кошмар?»

Однако разум отказывался принимать ожидаемую катастрофу как реальность, не мог смириться с нею. И майор осознавал, что так и нужно, так лучше, иначе не сможет он выполнить страшный, но такой необходимый долг.

От башенки караульного помещения, где Макаров наскоро пожал руки сержанту и солдату остающегося здесь наряда, он побежал к приземлившемуся вертолету. По короткой алюминиевой лестнице вскочил в десантный отсек. И на откидном сиденье правого борта увидел Зою Гаенкову...

78

Президент торопливо поспешал за быстро идущим лесничим Дэйвом Стоуном. Он начал было считать шаги, сбился, начал прикидывать, как сообщить в Белый дом о случившемся, потом стал шептать слова американской конституции, он гордился тем, что знает текст ее наизусть...

«Только бы не пустили по следу собак», — в который раз подумал начальник секретной службы.

Вскоре они приблизились к дому, построенному в колониальном стиле, на каменном фундаменте. Здание было одноэтажным, с высокими стенами, округлыми поверху окнами и небольшой башенкой-мансардой в центральной части. Башенка опиралась на деревянные колонны, выкрашенные белой краской. Между колоннами спускалось крыльцо.

Едва они ступили на дорожку, ведущую к крыльцу, как в дверях показался высокий парень в светлой рубашке и коротких брюках цвета хаки.

— Хелло, Майкл! — крикнул Дэйв. — Ты только посмотри, кого я веду к нам в гости... Поздоровайся с мистером Президентом и его другом да садись за рацию — надо передать срочную радиограмму.

То, что Дэйв назвал его «другом Президента», приятно задело самолюбие Эрвина Доджа, и начальник охраны перестал коситься на Стоуна, который заставил его давеча подымать руки вверх.

А Майкл Стоун будто каждый день принимал в доме высокопоставленных лиц. Он вежливо поздоровался с гостями и спросил, без тени смущения обратясь к Президенту:

— С кем нужно связаться, сэр?

— С Белым домом, Майкл. И как можно скорее!

— Но как это сделать, сэр? Ведь я радиолюбитель. Мне нужны позывные радиостанции Белого дома. Иначе не ответят на вызов.

Президент растерянно посмотрел на Эрвина Доджа, но тот пожал плечами.

— Мне и в голову не приходило, что необходимы какие-то позывные, — сказал начальник охраны. — Достаточно позвонить по телефону... Для выхода на коммутатор Белого дома у меня есть пароль.

— Но телефона у нас нет, джентльмены, — снова объяснил Дэйв Стоун. — Мы даже продукты возим на лошади. Здесь нет ни дорог, ни машин. Сделаем так. Я свяжусь с центральным постом по радиомикрофону и попрошу сообщить, что вы у меня.

— Тебе никто не поверит, Дэйв,—улыбнулся Майкл.

— Я попробую, — сказал лесничий и решительно снял трубку с корпуса УКВ-станции. — Центральный пост! Я — Стоун. Прием.

— Слушаю тебя, Дэйв. Что-нибудь стряслось?

— Джимми, у меня в гостях Президент Соединенных Штатов. Будь другом...

Дежурный оператор оглушительно захохотал.

— А микадо у тебя там нет? — заливаясь смехом, спросил он. — Или английской королевы... Ты ведь совсем не пьешь, Дэйв. Или нарушил зарок и нахлестался самогона? Послушай...

Рейнджер Стоун в сердцах бросил трубку на рычаг.

— Успокойся, Дэйв, — обратился к старшему брату Майкл, которому начальник охраны в двух словах обрисовал сложившуюся ситуацию, — ведь это же чрезвычайное происшествие. Я дам сейчас в эфир сигнал SOS. В конце концов, это как раз тот случай... И все, кто меня услышат, обязаны передать сообщение правительственным органам.

И, не дожидаясь ответа, парень направился к лестнице, она вела в его комнату наверху, там и располагался любительский передатчик.

— Отличная идея, братишка! — воскликнул вслед лесничий. — Располагайтесь, джентльмены, в гостиной.

Берите все, что вам нужно, чтобы промочить горло, в холодильнике. А я загляну в умывальную комнату и сбрею эту бандитскую бороду. Ведь сейчас явится целая орда телерепортеров, и мне не хочется, чтоб Америка нехорошо подумала о лесничем Сент-Маунтина!

С этими словами он скрылся за дверью, но оставил ее приоткрытой, продолжал разговаривать с гостями.

Эрвин Додж тем временем заглянул в холодильник и приготовил два стакана освежающего питья себе и Президенту, не забыв влить во фруктовый сок пополам с содовой добрую порцию бренди. Протянул стакан Президенту, помедлил и, взяв из буфета с посудой еще один стакан, изготовил коктейль для Стоуна.

— Я воевал во Вьетнаме, — доносился в гостиную голос Дэйва, — будь она трижды проклята, эта война... Капитан войск особого назначения, джентльмены. Вест-Пойнт и специальный курс в Форт-Брегге, не считая тренировок в джунглях Центральной Америки и Юго-Восточной Азии. Большой знаток по части слияния с природой... Это мне пригодилось в нынешней работе. Сам я родом из штата Массачусетс. Учился в Колумбийском университете, биологический факультет. Вьетнам... Он вывернул меня наизнанку. Да и меня ли одного? Мало того, что имена наших ребят появились на Арлингтонском кладбище, а сколько искалеченных духовно? Я и сам... Вернулся домой, забрал из приюта осиротевшего братишку — отец умер, пока его сын «усмирял» ни в чем не повинных «чарли», мать мы потеряли раньше — и скрылся от всех в этом лесу. Вот и брожу по нему с М-16 в руках... Страшные у нее пули, у этой винтовки. Нажал сосок милашки Мэри[1] — и за полторы секунды двадцать выстрелов. И никаких... Порой смотришь — лежит вьетнамец с крохотной дыркой в груди. Перевернешь — на спине на полфута все разворотило. Однажды стрелял я в убегавшего «чарли», попал ему в руку повыше локтя — так всю руку оторвало пулей. Поэтому удачно вы крикнули, мистер Президент, чтоб мистер Додж не стрелял. Вовремя... Я ведь никогда не промахиваюсь. Убийство было моим ремеслом, джентльмены. За это мне и моим солдатам платили. Поштучно. Это была идея парней из ЦРУ — истребить подпольщиков руками местных наемников. Вот они и приносили уши

---

[1] Сосок — «спусковой крючок, гашетка» на армейском сленге; милашка Мэри — автоматическая винтовка М-16.

убитых: по ним, как по чекам, выплачивали деньги. Это называлось «нейтрализация», джентльмены. Однажды мне доставили мешок ушей и вывалили на скатерть. Хорошо, что я не вижу снов... Мне довелось подменять ненадолго капитана Сиднея Таула-младшего из контрразведки, сейчас он маклер в Бостоне, мой земляк... По два-три доллара за правое ухо. Такая была такса для наемников. Мы этим не занимались, мы платили им доллары. Даже организовали среди местных бандитов состязание, потом подводили итоги: каждый месяц назначали премию тем, кто убил больше всех. Ее вручал наш полковник, старший начальник в провинции Вин Лонг, я служил в этой местности. А всего там убрали сорок тысяч «чарли», это по данным вьетнамских властей, они могли, конечно, и прибавить. Больше трупов — больше долларов. Моя рота подчинялась ЦРУ, там и придумали операцию «Феникс»... А ведал ею лично Билл Колби, хотя командовал он в ту пору службой поддержки гражданских операций и сельского развития Южного Вьетнама. Хорошее сочетание: шеф отдела тайных операций ЦРУ на Дальнем Востоке, сельское хозяйство и сорок тысяч правых ушей... Забавная история, не правда ли?

Президент и Эрвин Додж слушали жуткий монолог странного хозяина, не произнося ни слова и не глядя друг на друга.

— Из Вьетнама я привез хороший сувенир — русский автомат Калашникова, — продолжал Дэйв Стоун. — Потом покажу его вам, джентльмены. Хорошая игрушка, не уступит М-16, но проще в обращении.

Сверху крикнул Майкл:

— Все готово, мистер Президент! Я передал сигнал SOS: «Потерпел аварию вертолет ВВС-1. Президент Соединенных Штатов нуждается в помощи». И сообщил координаты нашего дома. Потом связался с приятелем, он радиолюбитель, живет в Вашингтоне, и попросил позвонить в Белый дом и Пентагон, что вы живы и здоровы, ждете помощи у нас на кордоне.

Младший брат, говоря все это, спустился в гостиную.

— А где же Дэйв? Все еще бреет пиратскую бороду? — спросил он.

Лесничий, видимо, не покончил еще с бритьем. Из-за приоткрытой двери слышались плеск воды и строевая песня американских рейджеров.

— Говорил он про Вьетнам? — спросил юноша.

Президент и Эрвин Додж одновременно кивнули.

— Это у него пунктик, — пояснил вполголоса Майкл. — Брат на самом деле служил в Индокитае, навидался там всякого. Только никакой Дэйв не «зеленый берет». Наговаривает на себя. После тяжелой контузии... Вы с ним не спорьте и не задавайте вопросов. Он вычитал все эти гадости из газет... Если б такое было правдой, я б сам застрелил Дэйва.

«Бедный мальчик, — с горьким чувством подумал Эрвин Додж. — Он не хочет верить брату и готов согласиться на чудовищную ложь, хотя все, что говорил Стоун, еще более чудовищная правда».

Он переглянулся с Президентом и увидел по его лицу, что главе американского государства пришли на ум те же примерно мысли.

— Ну вот и я, джентльмены, — бодрым голосом провозгласил Дэйв Стоун, появляясь в дверях умывальной комнаты и довольно ухмыляясь, поскольку хорошо знал, какой произведет он сейчас эффект.

Переодетый в приличные брюки и белую рубашку с засученными рукавами, в гостиную вошел двойник Президента.

79

Когда полковник Полухин принял решение пробиться к Ларри Холмсу, он ни на мгновение не сомневался, что попадет к нему в палату. Это был испытанный прием — внушить свою уверенность другим. И прием сработал. Охранник связался с высокопоставленным пациентом и передал ему странную фразу посетителя. Услышав ее, сестра милосердия поначалу гневно нахмурилась, в словах русского почудилось что-то неприличное, но у нее было богатое воображение, и сестра позволила себе фыркнуть. Но уже в спину Полухину, которому охранник освободил проход к лифту, почтительно сказав:

— Пожалуйста, сэр...

— Да, — промолвил Ларри Холмс, выслушав Полухина, — вы правы, Джордж. Жареный петух нас все-таки клюнул.

Говоря это, он знаком попросил военного атташе подкатить к его постели отдельный столик с телефоном, который напрямую связывал помощника Президента по национальной безопасности с Белым домом и Комитетом начальников штабов.

— Хорошо, что вы сказали мне о петухе, — продолжал он. — Я сразу понял: случилось нечто экстраорди-

нарное. И стал догадываться... Погодите... Это вы, Дасти? Говорит Ларри Холмс. Пригласите мне миссис... Она рядом? Немедленно передайте трубку!

Он прикрыл микрофон ладонью и шепнул военному атташе:

— Это Глория... Глория? У телефона Ларри Холмс. Здравствуй! Здоровье у меня, как у молодого мустанга, только не обо мне сейчас речь. Надо срочно спуститься в подвал! Да, в мой кабинет. Ключ возьми у Дасти Расерфорда. На письменном столе стоит телефонный аппарат под колпаком. Он закрыт на второй ключ, ты его получишь вместе с первым. Это телефон прямой связи с Кремлем. Да-да! С Кремлем... Параллельный тому, что стоит в Овальном кабинете. Подними трубку, скажи тому, кто тебе ответит: ты жена Президента и действуешь по моему поручению. Теперь слушай внимательно, что говорить Москве: «Произошло недоразумение. Просим сохранить выдержку. Стараемся уладить конфликт внутри страны. Ждите наших сообщений». Поняла? Повтори... Все правильно! Беги вниз! Что произошло? Потом объясню. Речь о жизни или смерти Америки, Глория. Поспеши... Не волнуйся, с ним все в порядке.

Ларри Холмс положил трубку и потянулся к аппарату, соединявшему с Пентагоном.

— Дежурного генерала ЦКП, — сказал он, когда ответил коммутатор. — Почему нельзя? Это говорит Ларри Холмс, помощник Президента! Приказ министра обороны? Черт побери! — Он покосился на Юрия Семеновича и снова заговорил, понизив голос: — Мой шифр-код 25-эф-кю-44... Отключен командный пункт? Тогда дайте кабинет министра обороны! Срочно... Я жду!

«Боже мой, — подумал Ларри Холмс, — неужели зло восторжествует? Сделай так, чтобы Томас Аквинский оказался прав...»

Он вспомнил, как философ утверждал в «Сумме теологии», что «высшего зла не может быть, ибо... зло хотя всегда и умаляет благо, однако никогда не может его вполне уничтожить...».

— Хелло, — послышался в трубке голос Оскара Перри.

Ларри Холмса по его секретному шифру-коду соединили на аппарат высшей правительственной связи, потому министр и отозвался на этот вызов.

— Послушайте, Оскар, — закричал помощник по на-

циональной безопасности, — что вы там затеяли?! Где генерал Уорднер и Президент?

— На них совершено покушение, — бесстрастно ответил Перри. — А русские готовятся застать нас врасплох... — Он визгливо засмеялся. — Только это им не удастся, профессор. Боюсь, что ваш любимый язык скоро станет мертвым!

— Вы с ума сошли, Перри! Немедленно отмените приказ! Стойте! Не бросайте трубку! Вас спровоцировали! У меня есть доказательства...

«Какие у меня доказательства? — мелькнула у него мысль. — Разве что сведения этого русского? Но я почему-то верю ему, верю!»

— Это самоубийство, Перри! Остановитесь...

— Идите к черту, Холмс! — вяло ответил министр обороны.

Помощник Президента почувствовал неуверенные нотки в голосе министра — тот недостаточно энергично послал его к черту, — и надежда шевельнулась в сердце Ларри Холмса.

Но в этот момент завыли сирены атомной тревоги, и связь с Пентагоном прервалась.

80

Оглушенный ударом Генри Хукера, командир эскадрильи не сразу пришел в сознание, а очнувшись, никак не мог сразу взять в толк, почему сидит в подземном переходе перед закрытой дверью, ведущей на лифтовую площадку пункта управления пуском. Наконец он вспомнил... Подошел, пошатываясь, к переговорному устройству, набрал шифр вызова, но динамик молчал. Джордж Тейлор послал вниз аварийный сигнал, но результат был прежним.

«Негодяй отключил канал связи, — подумал майор. — Зачем он так? Что с ним стряслось?»

Но раздумывать было некогда, он вызовет сейчас первого лейтенанта Рамсея Уотса из караульного помещения.

Джордж Тейлор взглянул на часы. Прошло уже десять минут, как пришел приказ «Идет град». Что он затеял, этот Хукер?

— Объявите тревогу, сержант, — сказал Тейлор Маккене, который изумленно смотрел на взъерошенного и явно не в себе командира.

— Тревога уже объявлена, сэр, — почтительно сообщил он.

— Значит, еще одну... Погодите, дайте сначала связь с ребятами внизу.

Тейлор начинал соображать, почему **так** поступил его заместитель, и если не ошибся, значит, Хукер обязательно оставит этот канал в сохранности.

Отозвался второй номер, молоденький парнишка, Реймонд Барр, второй лейтенант. Голос у него был перепуганный, прерывался.

— Что у вас случилось, Рей? — ободряющим тоном спросил командир эскадрильи. — Дайте-ка мне Рамсея Уотса. И не заметили вы там капитана Хукера? Он будто бы собирался в ваши края...

— Рамсей... Рамсей... Он... сэр... — пытался выговорить Барр и вдруг разразился рыданиями.

— Я его прихлопнул, этого ниггера, — спокойно ответил Хукер. — В моих делах черный не помощник... А пережигать кислород вовсе ни к чему. Конец пришел Рамсею Уотсу, твоему любимчику, Тейлор!

— О каких **своих** делах ты говоришь, Генри? — стараясь говорить спокойно, спросил Джордж, не обращая внимания на последнюю фразу, хотя она подтверждала страшную догадку. Но ему надо было услышать это от Хукера.

— О своем долге перед Америкой, — ответил Хукер. — Я запущу «Хранителей мира»...

Полицейские переглянулись.

— Он спятил, — прошептал сержант Маккена.

Даже туповатый Том Бэйтс понял, что может произойти, и в ужасе перекрестился.

— Зачем торопиться, Генри? У тебя есть еще пятьдесят минут, — будто о чем-то незначительном сказал майор. — Приказ ведь отдан с часовым интервалом.

— Вот-вот! — закричал Хукер. — Это новые козни русских! Почему не сразу? Что за фокусы с интервалом? Блокировка снята — и нечего разматывать сопли! Они уже запустили «Громобои», и каждая минута промедления грозит нам полным уничтожением! Но я, Генри Хукер, спасу Америку!

— Ты подумай над моими словами, Генри, — бесстрастно сказал Джордж Тейлор и отключился.

— Где дежурный техник? — спросил он.

— Я здесь, сэр, — послышался из соседней комнаты

голос Мартина Белафонте, и в дверях показался уорент-офицер вспомогательной службы.

— Вы все поняли, Мартин?

— Все понял, господин майор.

— Что скажете?

— Капитан Хукер сошел с ума. Приказ может быть отменен. Приказ не случайно отдан с часовым интервалом.

— Все так, Мартин. Но что это с ним приключилось?

— Разрешите, сэр, — выступил вперед повар Кэнтуэлл. — Я видел... Когда пришел «Град» и вы двинулись под землю, капитан Хукер сунул что-то в рот и на ходу запил холодным кофе из этой вот чашки.

— Глазастый какой, — буркнул сержант. — Все-то он примечает... Сразу видно — из Техаса. Но только Эдди прав, сэр. И я подозревал, что капитан Хукер не прочь порой «ударить по жребию»[1] — не знаю только, какое зелье он предпочитал.

— И вы молчали! — упрекнул сержанта командир эскадрильи.

Он связался тем временем с дежурным офицером крыла и попросил передать командиру, где бы тот ни находился, что его срочно ждут на острове Джекилл.

— А что? — спросил Маккена. — Я должен был толкнуть фургон на своего командира?

— Вы полицейский, а не ракетчик. У вас свое начальство, Джон!

— Верно, сэр. Но здесь-то я подчиняюсь Хукеру.

— И мне, сержант. В первую очередь мне!

— Совершенно верно, сэр.

— Ладно. Думайте, как нам выкурить оттуда этого негодяя. Ведь он убил первого лейтенанта Уотса...

— Хороший был человек, — вздохнул Эдди Кэнтуэлл. — Хотя и черный...

— У нас есть система углекислотного тушения, сэр, — подсказал техник Белафонте, маленький черноглазый мужчина с живым, нервным лицом. — На случай пожара.

— Крайняя мера, Мартин, — возразил майор Тейлор. — Ведь для них это явная смерть...

— Да уж, — крякнул сержант Маккена, — тебя бы, парень, сунуть в углекислоту.

— Но ведь капитан Хукер убийца! — загорячился

---

[1] Употребить порцию наркотиков (*сленг*).

Белафонте. — И может произойти еще более худшее... Не правда ли, сэр?

— Все так, Мартин, — кивнул Джордж Тейлор. — Но ведь там невиновный Реймонд Барр.

— Славный был парень этот Рей, — вздохнул Стив Карлсон.

— Почему «был», Стив? — вмешался Эдди Кэнтуэлл. — Ты хоронишь нашего Рея досрочно! Я думаю, что все образуется, сэр. Может быть, хотите чашку кофе?

Джордж Тейлор досадливо отмахнулся.

— Срочный вызов, господин майор, — доложил сержант Маккена. — Это полковник Барнэм.

— Что там у вас стряслось, Тейлор? — услышал майор голос Старика Финна и понял, что тот говорит с ним через рацию вертолета. — Я лечу к вам! Сообщите в двух словах о случившемся!

— Возможен несанкционированный пуск, сэр! — непроизвольно, будто собираясь перекричать шум авиационного двигателя, который фоном накладывался на речь командира крыла, закричал Джордж Тейлор. — Капитан Хукер. .

— Вас понял, майор! Сейчас сядем, мы идем уже над Брансуиком! Сделайте все, чтобы не допустить катастрофы!

«А что я сделаю? — подумал майор. — Убить их обоих углекислотой? Задушить прямо в бункере? И заслуживающего смерть Хукера, и молоденького Барра? Но ведь Хукер не может один поднять ракеты! Это совершенно исключено!»

— Дайте связь с «пещерой», — сказал он.

Система, которая контролировала происходящее в бункере командного пункта (ракетчики называли ее «пещерой»), принесла к тем, кто оставался наверху, неясные шумы, ругательства Хукера и всхлипывания бедного Рея.

— Что там у вас происходит?! — рявкнул что есть силы Тейлор.

Те, кто был внизу, не ожидали громового окрика, вырвавшегося из динамиков. Шум затих.

— Доложите, лейтенант Барр! — приказал командир эскадрильи.

— Капитан... он... заставляет меня повернуть ключ! — ответил второй номер.

— Я пристрелю тебя, как этого ниггера, если ты не

сделаешь по-моему! — донесся снизу голос капитана. — Слушай мой приказ, скотина!

— Нет! — истерически закричал Реймонд Барр. — Это нарушение, сэр!

Прогремел звук выстрела.

— Следующая пуля твоя, щенок! — пригрозил Генри Хукер.

— Проклятый джанкер! [1] — яростно прохрипел Том Бэйтс. — Я б задавил его одной рукой...

— Тот парень долго не продержится, сэр, — сказал Джон Маккена. — Когда в тебя стреляют из пистолета, проще повернуть ключ. Ракеты полетят бог весть куда, а «сучок» бабахает у твоего виска.

— Ракеты полетят в Россию, сержант, — резко ответил Джордж Тейлор. — Но едва взлетит десяток МХ, русские обрушат на Америку сотни своих... Дошло до ваших куриных мозгов, Маккена?

— Так точно, сэр, благодарю вас, сэр!

«А мне думалось, что все это так и останется в книгах, — с горечью подумал майор. — Сколько раз я читал о подобных вариантах...»

— Белафонте! — позвал он.

— Слушаю, сэр, — отозвался уорент-офицер.

— Пойдемте со мной в энергоблок. Поможете открыть монтажный лаз.

— Вы хотите?

— Пробраться туда через него. Во время стажировки на ракетном заводе я видел, как это делают сборщики.

— Но ведь там совсем другое дело. Сборщики работают в горизонтальной плоскости, а вам... Это опасно, сэр!

— Гораздо страшнее будет, если этот садист сломает Рея. Сержант! Доложите командиру крыла обо всем! Вперед, Мартин!

Джордж Тейлор тронул рукой ладанку, она была в левом кармане, старинная реликвия их семьи, окропленная в ричмондской церкви святого Иоанна. В этом храме крестили всех маленьких Тейлоров вот уже без малого четверть тысячелетия... В ладанке лежал кусок пергамента. Его положила, собственноручно исписав, мать одного из Тейлоров, отправляя сына на Войну за независимость. С нею летал бомбить Германию Ричард

[1] Наркоман — на армейском сленге.

Тейлор, а когда вышел в отставку, передал сыну. Джордж всегда брал кусок пергамента в старинной ладанке на службу. Ведь он каждый раз уходил на войну.

Давным-давно на пергаменте были начертаны слова, которыми когда-то призывал Патрик Генри соотечественников на праведный бой: «Пусть прекрасна жизнь и дорог моему сердцу мир, только цепи рабства не слишком ли дорогая цена за это? Помилуй господь! Не знаю, что решат другие, но для меня есть только один выбор: свобода или смерть!»

Ладанка была на месте, у самого сердца.

— Вперед, Мартин! — повторил Джордж Тейлор.

81

На откидной алюминиевой скамейке в вертолете сидела Зоя Гаенкова.

— Вы почему здесь? — спросил ее командир.

— А где мне необходимо находиться?

— На своем боевом посту.

— Мне надо быть на командном пункте, товарищ майор, — сказала Зоя, поднимаясь с сиденья и вытягиваясь перед Макаровым. — Вы сейчас летите туда и доберетесь быстрее, чем я с Альбертом на машине. Вот и решила, что так будет лучше.

— Для кого лучше, Зоя Федоровна? — смягчил тон Юрий Иванович и даже попытался улыбнуться, хотя ему было вовсе не до этого.

— Для медицинской службы, — сухо ответила Гаенкова.

— Тогда — летим, — просто сказал Макаров, игнорируя ее подчеркнуто официальный тон. — Располагайтесь, Зоя Федоровна, а я пройду к пилотам в кабину.

Вертолет летел над долиной. Заросшая хвойным лесом, она тянулась почти в меридиональном направлении, отгороженная на севере дамбой от озера Лебяжьего. Там долина сужалась и резко поднималась, превращаясь в крутой склон двух встретившихся горных хребтов. На юге она расширялась на несколько километров и входила составной частью в просторную низину, в ней и стоял на берегу реки Шамары город Рубежанск, прежде небольшой районный центр, получивший импульс к развитию благодаря построенной здесь недавно атомной электростанции. А за соседним хребтом — Брусничным — лежали в недрах земли несметные богатства.

Среди них бокситы и колчедан, которые питали два гигантских комбината — алюминиевый и медный. Для них и строилась Рубежанская АЭС, которую сочли более рациональной для местных условий.

Природа в Рубежанской долине была интересной и разнообразной. По лесам бродили лоси, кормились на брусничных полях медведи... К цепочке озер, тянувшихся вдоль Тигоды и Шамары, льнула перелетная птица, водилась здесь и ондатра. Шел сюда, в округу относительно тихую, и потревоженный человеком зверь из-за хребта, там, где люди разворотили гигантскими бульдозерами землю и скребли драгоценное сырье со дна немыслимых по размеру карьеров.

Юрий Макаров, детство которого пришлось на Дальний Восток, любил эти края. Сам он вовсе не был заядлым охотником или рыболовом, как многие его сослуживцы, и если увязывался в компании с кем-либо, так больше для того, чтобы побыть с природой наедине. Командира увлекала тихая охота: нравилось ему ходить по грибы, а особенно собирать лесную малину. Раза три на этом промысле Макаров встречался с хозяином тайги и, отнесясь к генералу Топтыгину почтительно, как того требует субординация, расходился с ним по-доброму. О встречах этих вспоминал потом с улыбкой. Правда, никому о них, кроме сына Виктора, не рассказывал, не желая, чтобы байка дошла до Ларисы и напугала ее. А парень у него кремень, ни за что не проговорится.

— Главное, — внушал отец Виктору, — при встрече с диким животным не проявлять страха. И не только внешне — кричать там или, не дай бог, бежать сломя голову. Все звери бегают быстрее человека, иначе он бы их руками переловил. Ты, Витек, и внутри самого себя не давай места страху. Опасность, конечно, воспринимай, оценивай ее, готовься к отражению, учись управлять собой. Понятно?

— Вполне, — отвечал сын и однажды добавил: — Я в школе это проверил. На ребятах. Был такой повод.

— Ну и что же?

— Вполне соответствует, папа.

«Что он сейчас делает, мой Витька?» — второй раз за день подумал он.

Поговорив с пилотами, Макаров вернулся в отсек для десанта и хотел уже заговорить с Зоей Федоровной, безучастно смотревшей на расстилавшийся внизу лес, как

в дверях появился прапорщик и знаком поманил его. В кабине второй пилот протянул ему наушники с вынесенным ко рту маленьким микрофоном.

— Майор Макаров? — услыхал он незнакомый голос.

— Так точно!

— Говорит генерал-полковник Гришин. Слушайте боевой приказ! В связи со стихийным бедствием взорвут плотину, которая отделяет озеро Лебяжье от вашего позиционного района. Часть установок будет затоплена. В район вылетели вертолеты, они снимут караулы. Вам надлежит координировать их действия по эвакуации всех, кто может оказаться в зоне затопления. Лично проследите за ними, майор! Ваша часть временно снимается с боевого дежурства...

«А остальные?» — хотел спросить Макаров, но едва сдержал себя, хотя конечно же имел право знать, не исчезла ли нависшая над миром опасность. Но Юрий Макаров был настоящим офицером. Если Гришин считает нужным, он скажет сам.

И генерал-полковник почувствовал это. Сначала он спросил Макарова:

— Вопросы есть?

И, услыхав привычное «Никак нет, товарищ генерал-полковник!», добавил:

— Проследите, чтоб никаких ЧП, командир. Обстановка напряженная. Да, вот еще что. Поскольку операцией командуете сами, все приданные вертолеты в вашем подчинении. Докладывайте регулярно обо всем мне лично. Желаю успеха!

Отдав наушники второму пилоту, Макаров выразительно посмотрел на командира вертолета. Тот прикрыл глаза: разговор слышал, перехожу в полное ваше распоряжение.

Юрий Иванович очертил рукою круг, затем махнул в обратном направлении. Вертолетчик согласно кивнул.

Когда они разворачивались, чтоб начать облет долины, со стороны Рубежанска возникли в небе светло-зеленые летательные аппараты.

82

«Господи, — подумал Джон Галпер, поднимаясь с бетонного пола, на который швырнула его взрывная волна, — значит, ты еще веришь в бедного раба твоего...

Благодарю тебя за то, что ты избрал меня среди равных». Всего лишь на мгновение расслабился Галпер, чтобы произнести в уме своеобразную молитву-благодарность. Чудом избежав гибели, он понял, что в их дьявольскую игру вмешалась третья сила, противостоять которой члены комитета не в состоянии. Они попросту не знают, кто и откуда наносит удар. Спасать соратников Галпер не собирался. Сейчас надо думать о собственном спасении, которое становится проблематичным, по крайней мере в этом, казавшемся прежде таким надежным, подземном центре.

«Сумею ли я вообще выбраться отсюда? — лихорадочно думал Джон, оказавшись на перроне подземной электрички. — Может быть, меня пристрелит первый же охранник из тех, что бегут по тревоге навстречу...» Но этого не произошло, недаром Галпер вознес хвалу господу. Запыхавшемуся начальнику внешней охраны он приказал отправить людей к месту взрыва, чтоб оказали помощь пострадавшим.

— Произошел несчастный случай, — сказал он старшему охраннику. — Разберитесь и представьте мне подробный рапорт. Я отправлюсь наверх.

— Дать вам охрану, сэр?

«Чтоб меня пристрелили в вагоне электрички? — подумал Джон. — Наверняка и среди его людей есть убийцы!»

— Это лишнее. Что может произойти в горном туннеле? Спешите вниз! Там раненые!

Электровоз, натужно подвывая на крутом подъеме, вытянул три пассажирских вагончика на поверхность. Там члена Комитета семи встретили охранники наружного поста, они стерегли вход в туннель и подходы к нему.

— Где пилот вертолета? — спросил Джон Галпер.

— Я здесь, сэр, — выступил вперед голубоглазый мужчина средних лет, одного роста с Галпером и даже похожий на него.

— Прекрасно, — улыбнулся Галпер и сердечно пожал пилоту руку. — Машина готова?

— Да, сэр.

— Тогда летим...

Когда они оторвались от бетонированной площадки и легли на нужный курс, Галпер попросил подняться на пять тысяч футов. Отсюда, по его расчетам, он увидит, приведет ли в действие ракеты на базе МБР —

ее шахты находились неподалеку отсюда — спровоцированный ими приказ Оскара Перри.

До исполнения приказа, если его, как было условлено, не отменят, оставалось пять минут.

— Возьмите немного влево, — попросил по переговорному устройству сидевший позади пилота Галпер.

Лететь дальше по направлению к позиционным районам было нельзя: любая цель в воздухе могла подвергнуться атаке прикрывавших стратегических ракетчиков средств ПВО.

Вертолет переместился влево, а Джон Галпер посмотрел на часы.

Оставалось три минуты.

Ему хотелось лично убедиться, как сорвется план «Миннесота».

Осталась одна минута.

Вертолет висел в воздухе.

Джон Галпер напряженно следил за секундной стрелкой, чувствуя, как пульсирует кровь в висках.

Ноль!

Пассажир вертолета вскинул голову, чтобы увидеть, вырвутся ли из-под земли клубы огня и дыма и уйдут ли за атмосферу пылающие факелы баллистических ракет.

Но вокруг ничего не изменилось.

Джону Галперу понадобилась целая минута, чтобы понять: приказ Оскара Перри не сработал... Или его отменил Комитет семи, как и было предусмотрено вариантом «стоп-кран», или Президент остался жив и успел выйти на связь с ЦКП.

«Во всяком случае смерть Маккарти не привела пока к Судному дню», — подумал пресс-координатор и духовный вождь Комитета семи.

Он облегченно вздохнул.

— Ложитесь на западный курс, — сказал, криво улыбаясь, пассажир.

Вступал в действие другой план, о котором и не подозревали остальные члены Комитета семи, и даже босс всех боссов — генерал Патрик Холл.

1

С первых дней пребывания в Пентагоне министр обороны Оскар Перри затеял серьезный ремонт того пятиугольника, а всего их в гигантском здании, как и углов, тоже пять, встроенных один в другой, который облюбовал для собственных апартаментов. Перри был одержим манией экономии средств, отпускаемых на управленческие расходы, и принялся сокращать обслуживающий персонал министерства, увеличил нагрузку на машинисток, телефонистов, барменов в буфетах, курьеров и уборщиков помещений.

Он и сам подал тому пример, сократив аппарат личной канцелярии, объединив ее вместе с приемной и канцелярией своего первого заместителя Нормана Гернси. Для общей приемной была выбрана большая проходная комната. Справа и слева от нее вели двери в кабинеты министра и Гернси, а рядом были помещения, скорее, чуланчики, но с одним окном, для их помощников. Именно отсюда уходил под землю специальный лифт, который по атомной тревоге перемещал военное руководство в глубокое убежище, оборудованное всеми видами связи с отдельными штабами вооруженных сил

Америки. Подземный центр управления соединялся особым туннелем метрополитена с Белым домом и Капитолием, а также с Вашингтонским национальным аэропортом, расположенным рядом с Пентагоном, и с базой ВВС Боллинг, находящейся на противоположном берегу Потомака.

По обеим сторонам кабинетов Перри и Гернси, только этажом ниже, размещались службы разведки и безопасности. Эти службы министр обороны хотел всегда иметь под рукой, особенно после того, как директор ЦРУ дал понять, что хозяину Пентагона надо поддерживать с этой фирмой добрые отношения. Поэтому генерал Питкин и Ричард Тейлор довольно быстро достигли дверей, за которыми находились те, кто был им так нужен. Еще по пути сюда член совета «Лиги седых тигров» посвятил спутника в суть заговора Комитета семи. Адмирал Редфорд не уполномочивал Тейлора на этот шаг, но полковник решил, что в экстремальной обстановке, а ситуация была именно таковой, он имеет право принимать нестандартные решения.

Тейлор по прежней службе немного знал заместителя начальника РУМО, да и Рой Монтгомери, ему полковник рассказал в с е, поручился за армейского разведчика.

— Я с вами, полковник, — просто сказал Питкин, выслушав Тейлора. — Хотя мне и угрожает военный трибунал по статье «Участие в заговоре с целью свержения законной власти».

— Мы никого не собираемся свергать, генерал. Всего лишь спасаем от гибели планету, — ответил «седой тигр», и Питкин согласно кивнул.

«А что, — с мрачной веселостью подумал он, ощущая тем не менее пугающую пустоту в желудке, — так можно угодить и на роль благодетеля человечества!»

— Давайте поторопимся, — предложил генерал. — У вас есть дополнительный пропуск в коридор министра? О'кей! Тогда все в порядке...

Они вошли в приемную. Питкин кивнул секретарю, сидевшему за столом под большим национальным флагом, свисавшим от потолка до пола, и без каких-либо объяснений свернул направо, в кабинет Нормана Гернси, увлекая за собой Ричарда Тейлора. Полковник успел только заметить на стене большую гравюру, изображавшую Дом Сосюра, двухэтажное здание из камня, построенное в XVIII веке в небольшой деревушке, в

трех милях к востоку от Женевы. Тейлор сразу узнал его. В восемьдесят пятом году он по заданию лиги ездил в Швейцарию в связи с первой встречей Рональда Рейгана и Михаила Горбачева и побывал в местах, так или иначе связанных со знаменательным событием. В Доме Сосюра, где жил президент США, здании советской миссии, Международном центре конференции, во Флер д'О, где проходили американо-советские переговоры первого дня, и даже на теплоходе «Гельвеция» — там обосновались телевизионщики из Страны восходящего солнца.

Гравюра знаменитого дома на стене показалась Тейлору добрым предзнаменованием, и полковник с окрепшей надеждой шагнул вслед за разведчиком.

Норман Гернси был отставным военным юристом. Его упросил взять на себя новую должность помощник Президента по национальной безопасности Ларри Холмс, надеясь как-то нейтрализовать министра, которому профессор инстинктивно не доверял.

Хозяин кабинета ждал их, стоя за письменным столом, украшенным двумя звездно-полосатыми флажками, которые стояли по обеим сторонам.

— Джентльмены, я все знаю, — сказал он, кивком ответив на приветствие заместителя начальника РУМО. — Мне звонил адмирал Редфорд. У нас нет времени... Я не могу отменить приказ министра обороны, уже отданный им, хотя имею право на такой же в случае опасности нападения.

— Что же делать? — спросил полковник Тейлор.

— Идти к нему и выложить наши козыри, — сказал Норман Гернси.

— Разрешите мне позвонить на ЦКП, сэр, — попросил «седой тигр». — Надо дать знать, что мы здесь, дежурному генералу.

— Звоните, Тейлор, — сказал Гернси. — Ну и в положеньице мы попали, Сэм... Знаем, что мир вот-вот взорвется, и ничего не можем поделать!

— Надо убедить министра! — воскликнул Питкин. — Реальная опасность всего восемь процентов! Пусть звонит в Кремль, черт его подери! Идемте к нему, сэр!

— Мы идем к министру, — вполголоса сказал полковник Тейлор дежурному генералу по телефону. — Будьте начеку, Рой...

Они были уже в приемной, когда раздались сигналы атомной тревоги. Тотчас же распахнулись двери специ-

ального лифта, он действовал только по этому сигналу. Растерявшийся секретарь переводил взгляд с кабины лифта на трех джентльменов, которые, не обращая внимания на тревогу, направились в кабинет министра.

— Отключите звук! — на ходу приказал Гернси, и в это время на пороге возник Оскар Перри, торопившийся в подземелье.

— Одну минуту, сэр, — решительно сказал первый заместитель и двинулся прямо на Пенсионера, заставив его отойти назад.

Остальные двое вошли следом, и замыкавший компанию Тейлор аккуратно притворил дверь.

— Тревога, джентльмены! — крикнул заметно растерявшийся министр. — Необходимо срочно спуститься в подземный штаб! Кто этот человек?

Он указал пальцем на Тейлора. Неизвестный в штатском внушил ему вдруг сильнейшее беспокойство, хотя ничего демонического в облике отставного полковника не было.

— Немедленно отмените приказ, сэр! — твердо сказал Норман Гернси. — Вас спровоцировали... Никакой русской опасности не существует. Это заговор против Америки, против человечества!

— Как вы смеете говорить так со мной, Гернси? — прищурившись, тихо проговорил Оскар Перри. — За сколько вас купили агенты КГБ? Вы получили от них тридцать рублей?

Этого никто не ожидал. Наверное, менее всего Норман Гернси, этот рафинированный интеллигент, выпускник Джорджтаунского университета, поклонник Равеля и Тинторетто, знаток творчества Джойса и поэзии Джона Китса. Но заместитель министра не размахиваясь, провел Оскару Перри такой прямой удар правой в подбородок, что тот рухнул наземь, как бык, которого хватили обухом по голове.

— Эй, эй! — крикнул Тейлор. — Так мы ничего не добьемся! Посмотрите на часы! Осталось шесть минут...

Он поднял министра с мягкого ворсистого ковра и с помощью Питкина усадил в кресло. Схватил сифон с содовой, нажал клапан и выпустил в лицо очумевшему от удара Оскару Перри струю воды. Тот зафыркал и заморгал глазами.

Норман Гернси зашел за стол министра обороны, снял трубку специального телефона, связывающего ка-

бинет с дежурным генералом ЦКП Комитета начальников штабов.

— Назовите свой шифр и отмените приказ «Идет град», господин министр, — сказал Гернси. — А потом можете бить меня по физиономии сколько угодно... Отмените приказ! Русская угроза — провокация.

— Нет, — замотал головой Оскар Перри, — нет...

Сейчас он помнил только одно: Комитет семи молчит, команды на отмену рокового приказа к нему не поступало. И если он, Оскар Перри, самовольно примет решение, тайные правители Америки этого ему не простят. И у них достаточно власти, чтобы выкинуть его, министра обороны, из обжитого кабинета. Мало того, что выбросят из Пентагона, еще и ославят на весь мир, обнародовав в печати историю его позорного прозвища Храбрый Оси.

Затем в потрясенном сознании Оскара Перри вспыхнули вдруг знаменательные слова Рональда Рейгана, их процитировала в октябре 1983 года газета «Джерусалем пост». Президент Соединенных Штатов сказал руководителю одной из еврейских организаций Америки: «Я вновь обращаюсь к вашим древним пророкам из Ветхого завета и к знакам, предвещающим Армагеддон, и невольно задаюсь вопросом: не мы ли то самое поколение, которое станет его свидетелем?»

«Как я не понял этого сразу?! — с искренним изумлением подумал министр обороны. — Вот для чего избран я Господом!»

Все остальное перестало теперь для него существовать... Не было ничего более реального, нежели мистическое желание пойти в принятом решении до конца. Каким этот конец будет — неважно.

— Если вы хотите покончить самоубийством, сэр, прихватив с собой за компанию планету, это вам не удастся, — негромко, но внушительно проговорил Ричард Тейлор. Он вынул из кобуры под полой пиджака «Смит-Вессон М-459». — Здесь восемнадцать патронов, — сказал он. — И я их все разряжу в вашу голову, хотя для нее достаточно одной пули... Самоубийства не будет, господин министр! Я убью вас как бешеного пса, если не отмените безумный приказ...

— Стреляйте, — вдруг улыбнулся Оскар Перри, — стреляйте. Я вас не боюсь, кем бы вы ни были, незнакомец.

Министр вдруг перестал испытывать страх перед этим

человеком. Как хорошо, что незнакомец вытащил пистолет!

— Никто теперь не скажет, что Храбрый Оси трус! — вдруг восторженно закричал Перри. — Гип-гип ура!

Ричард Тейлор поднял пистолет.

— Стойте, полковник! — крикнул Сэмюэль Питкин. — Он, кажется, рехнулся...

Первый заместитель министра обороны растерянно смотрел то на хихикающего шефа, то на телефонную трубку, из которой доносился голос Монтгомери:

— Хелло, дежурный генерал слушает! Хелло...

— Подождите, Рой, — сказал ему Гернси, поднеся трубку ко рту. — Минутку... Оставьте его, Тейлор. Потом разберемся, что с ним... У нас нет времени, джентльмены! Истекает часовой интервал приказа. Я не могу отменить его, но своим шифр-кодом продлю еще на час. Рой! Вы слышите меня? Говорит Норман Гернси! Мой шифр-код... Приказываю отсрочить исполнение приказа министра обороны на один час. Да-да! Передавайте по телекодовой шифр-связи: «Идет град» переносится на один час!» И дайте отбой атомной тревоги. Сообщите в ФЕМА и всем остальным — это контрольное апробирование систем гражданской обороны. Что-нибудь слышно о судьбе Президента? Да?! Откуда пришло сообщение? Из Сент-Маунтина? Надеюсь, вы отдали распоряжение... Спасибо, Рой! Действуйте!..

Тем временем Оскар Перри пришел в себя и оглядел всех недоумевающим взглядом.

— Что вы здесь делаете, господа? — спросил он. — По какому праву распоряжаетесь в моем кабинете? Какого черта вам здесь нужно?!

Тейлор презрительно усмехнулся: «И таким подонкам мы доверяем судьбу страны. Бедная моя родина!»

— Президент жив, — сообщил Норман Гернси генералу Питкину и Тейлору, словно не замечая собственного шефа. — Находится на лесном кордоне с начальником секретной службы. Генерал Монтгомери уже сообщил на близлежащие базы ВВС, чтобы туда выслали вертолеты.

— Послушайте, Гернси... — начал было министр, и тогда его заместитель повернулся к нему.

— Генерал Питкин и полковник Тейлор, — повысив голос, привычным тоном председателя военного трибунала, сказал Норман Гернси, — приказываю вам арестовать этого человека. Он либо враг нации, либо стал

пешкой в руках врагов Америки. Военное положение не отменено, опасность только отсрочена. Поэтому мы временно изолируем вас, Перри... А вы, генерал Питкин, сообщите на коммутатор Пентагона, чтоб переключили прямой провод с Кремлем из Белого дома на мой кабинет. Вы, полковник, останетесь пока здесь, будете охранять арестованного.

Ричард Тейлор усмехнулся. «Надеюсь, меня сменят пораньше и я успею к жареной рыбе, которую поймал сегодня Айвен», — подумал он.

Настойчиво загудел телефон правительственной связи. Норман Гернси с надеждой бросился к нему.

— Может быть, Президент, — пробормотал заместитель министра обороны.

Но это был Ларри Холмс.

2

Вместе с полусотней братьев и сестер она родилась в Карибском море, неподалеку от острова Ямайка, а когда подросла и оставила выводок, то перебралась к североамериканскому побережью Мексиканского залива и прижилась здесь, вполне довольная обилием рыбы и неповоротливых морских черепах, с ними тигровая акула справлялась без особых усилий.

Но однажды на плантации Техаса, Миссисипи и Алабамы, незадолго перед тем обработанные пестицидами, обрушился ураган «Памела», который принес с собой ливневые дожди. В короткое время химикалии оказались смытыми в реки, текущие в Gulfof Mexico. Яды, предназначенные насекомым, не понравились особенно тонко чувствующим окружающую среду черепахам. Они навсегда покинули эти места и паслись теперь в других водах, хотя пролив, отделявший Флориду от острова Куба, по-прежнему назывался Тортугас — пролив Черепах.

Прежде тигровая акула не пробовала человеческого мяса — не представлялось случая. А вот когда стало голодно, акула принялась смещаться к востоку. На выбор направления повлияла встреча с рефрижератором «Анти Мэри», который направлялся из Нового Орлеана в порт Галифакс, что в Новой Шотландии, Канада. Капитан «Тетеньки Марии» получил приказ выбросить груз баранины в открытое море на переходе, а в Галифаксе

загрузить в холодильные трюмы канадскую говядину и следовать в Европу. Пути бизнеса неисповедимы...

Дороги «Анти Мэри» и тигровой акулы сошлись, и теплоход увлек ее к южной оконечности Флориды, до самого Ки-Уэста. Отсюда рефрижератор стал подниматься на север, а его хищная спутница, объевшаяся бараниной, задержалась у пляжей Майами, привлеченная необычной пищей, которая плескалась на мелководье.

Но пока никто из купальщиков не стал ее жертвой.

Здесь акула встретила старых знакомых — морских черепах, с ними было сподручнее, привычное дело. Попробовала она посетить и лагуны с опресненной водой, где ухитрилась изловить молодого крокодила. Но хотя малые глубины не были для тигровой акулы помехой, недостаток соли в воде не понравился ей, и в устья рек акула старалась не заходить.

Однажды ночью п и щ а неожиданно возникла прямо перед ее носом. Наверху трещали пулеметные очереди — Береговая охрана США преследовала катер с грузом наркотиков, — но акула выстрелов не слышала. Она почувствовала запах крови в воде и принялась разворачиваться для молниеносного броска.

Упавший в воду гангстер пытался доплыть до берега и улизнуть в суматохе. Он считал, что ему повезло: рана была пустяковой, пустынный пляж близко, а вот катеру, похоже, отрезали путь в открытое море и теперь пустят его на дно, если экипаж не сдастся на милость закона. Гангстер медленно плыл к берегу, разводя одновременно руками и ногами, и акула, видимо, приняла его за крупную черепаху. А для них у нее был особый метод. Акула разгонялась в воде под углом к поверхности и ударяла рылом в нижнюю, более слабую часть панциря черепахи. Удар ошеломлял животное, лишал возможности ускользнуть, спастись бегством.

Так она поступила и в этот раз. Удар, рассчитанный на роговую оболочку, был так силен, что лишил пловца-преступника сознания. Осмысление происходящего так и не пришло к нему, когда тигровая акула принялась пожирать его бесчувственное тело.

Новая пища показалась хищнице вкуснее черепахового мяса, и поглощать ее не мешали несъедобные пластины панциря. В память акулы-убийцы легла не осознаваемая ею информация об этом случае. Но воспользоваться новым знанием тигровая акула не спешила. Нечто удерживало ее от нападений на человека в дневное

время, а ночью на пляжах Майами купаться не рекомендовалось, там помнили о былых жутких историях, и вряд ли кто не видел фильма «Челюсти».

А ее почему-то тянуло на север.

Тигровая акула выбралась на линию, по которой двигались торговые корабли, и постепенно, кормясь отходами с камбузов, она добралась до Сент-Саймонс-Айленда, осталась в районе пролива, через который проходили в порт Брансуик корабли. В ожидании лоцмана они стояли на фарватере, который начинался далеко в океане, и стремились избавиться потихоньку от пищевых отходов, в порту с ними лишние заботы. Поэтому за борт летело все, что, по мнению стюардов и коков, не годилось в пищу морякам, но акулой принималось как вполне приемлемая съедобность.

За это время темно-коричневые полосы на ее боках, за которые и прозвали акулу тигровой, постепенно выцвели — хищница вступила в пору зрелости. Длина ее достигла четырех метров, а вес — тысячи двухсот фунтов...

Несколько раз, когда акулу замечали днем с борта судна, в нее стреляли. Она стала более осторожной, хотя обычно акулы не знают чувства страха, и всегда помнила о той необычно вкусной «черепахе», которой довелось ей полакомиться на траверзе Майами.

3

Когда за окнами госпиталя святой Анны завыли сирены атомной тревоги, Полухин подумал о жене своей, Валентине. Сейчас она находилась в их квартире на Коннектикут-авеню, в северо-западной части Вашингтона, и конечно же ни о чем не подозревала. Тревога напугает ее, это бесспорно, но его Валентина — женщина стойкая и уравновешенная — не поддастся панике. Если ФЕМА предпишет покинуть город, она соберет детей, схватит необходимое и отправится в обозначенную для их вашингтонского района эвакуационную зону в графстве Монтгомери. Может быть, успеет позвонить ему на службу, хотя он предупредил ее о том, что вряд ли будет сегодня в своем кабинете.

Да и теперь не сможет он подать Валентине никакой весточки о себе. Тут даже послу нельзя позвонить до тех пор, пока Ларри Холмс не прояснит обстановку. То, что Холмс попросил жену Президента сообщить в

Москву об усилиях ликвидировать проклятую напасть, — уже хорошо... Тревога сейчас работает против заговорщиков, она многократно усилила гласность. Теперь Фрол Игнатьевич, как посол Советского Союза, может потребовать от государственного секретаря официальных объяснений. Вот только б успеть!

— Кремлевских начальников ваших мы немного успокоили, Джордж, — сказал Ларри Холмс. — Наша Первая леди Америки справится с этим заданием, тем более лично знакома с вашим биг-боссом, колонель. Теперь узнаем, какой срок нам отпустили эти парни из Большого Дома.

Помощник Президента был возбужден и несколько ошеломлен обрушившимися событиями, но держался молодцом. Полухин отметил это и тихо радовался тому, что в вестибюле Пентагона принял правильное решение.

— Гернси? — спросил Ларри Холмс. — Норман, что вы делаете в кабинете Перри? А где господин министр? Вы его арестовали?.. Ладно, объясните потом, думаю, что Президент задним числом санкционирует ваши действия. Что происходит у вас в Пентагоне? Вы переполошили весь Вашингтон и заодно Москву... Есть ли у вас сведения о Президенте?

В это время зазвонил телефон связи с Белым домом, и профессор поднял вторую трубку.

— Погодите, Норман... Да, это я, Глория. Спасибо тебе, оставайся в моем кабинете... Погоди-погоди! Не клади трубку... Передавайте обстановку, Норман. Ты слышишь меня, Глория? Все, что я повторю сейчас, немедленно сообщи в Москву по прямому проводу. Приказ «Идет град» отдал министр обороны. Оскар Перри арестован. Значит, есть за что, Глория. Не перебивай меня! Первый заместитель министра обороны перенес исполнение приказа еще на один час. За это время надеемся связаться с Президентом, на которого совершено покушение. Да жив он, Глория, жив! Заверь советского лидера, что мы сделаем все, чтобы разрядить обстановку и ликвидировать конфликтную ситуацию. Все! Передавай в Москву! Да-да, будем искать с ним связи...

Ларри Холмс положил трубку телефона, по которому он говорил с Первой леди, и подмигнул Полухину. Настроение у помощника явно улучшилось.

— Норман, — сказал Ларри Холмс, — лично вам поручаю отыскать Президента. Поднимите вертолетную

авиацию в том районе, где произошло нападение на Президента. Вышлите туда надежных людей из близлежащих отделений ФБР, хотя трудно после того, что произошло, так быстро решить, кто надежен... Постоянно держите меня в известности по поводу того, что происходит. Сами-то в безопасности? Будьте осторожны в Пентагоне. До связи, Норман...

Пока Ларри Холмс говорил по телефонам, стихли за окном сирены атомной тревоги, и полковник подумал, что его Валентине и сыновьям не придется ехать в графство Монтгомери. «Да и вряд ли добрались бы они туда, — усмехнулся он, — если б события развернулись так, как задумали заговорщики. Кончится все—отпразднуем конец треволнений в модном ресторане фирмы «Ямми йогурт».

Юрий Семенович давно обещал сводить домашних в ресторан, где подавали нетрадиционные для Америки супы из сельдерея и шпината, овощные и фруктовые салаты, замороженный йогурт, запеканку из тунца, мясные блюда—исключительно куриные, а также самые разнообразные рыбные деликатесы. В последнее время американцы все чаще отказывались от привычного «хэм энд эггс»—ветчины с яйцами — и кофе в завтрак, от бифштекса в обед, предпочитая курятину, которая была дешевле говядины. В ресторанах «Ямми» преобладал национальный интерьер, ненавязчиво играл оркестр, исполняя музыку в стиле «кантри».

— Первая леди сообщила мне, что лидер спросил, не нужна ли нам какая помощь, — улыбаясь, сказал Ларри Холмс. — Я хотел ответить, что у меня есть уже один русский советник, но вовремя подумал о том, что эту линию могут прослушивать, и тогда меня явно не поймут честные налогоплательщики.

Он посерьезнел.

— Америка должна сама себе помочь, — твердо проговорил профессор. — Обязана помочь... У нас много культов. Престижа, власти, богатства... Необходимо создать культ достойных людей. Ведь именно количеством таких людей и определяется уровень цивилизации. Америке нужна нравственная революция!

— Вы идеалист, профессор, — сказал полковник Полухин. — Но ваша идея мне нравится.

— Стоп! — воскликнул вдруг Холмс. — Я ведь хотел позвонить в Лэнгли, директору Крузо...

Но из штаб-квартиры ЦРУ ему сообщили, что шеф «фирмы» выбыл в неизвестном направлении.

— Если он вдруг объявится, передайте, чтобы немедленно связался со мной.

— Будет исполнено, сэр!

— Может быть, он тоже ищет Президента? — вслух подумал помощник. — А ведь это...

Ларри Холмс чуть было не произнес то, что давно пришло ему в голову, но вовремя вспомнил о присутствии военного атташе Советов. Хоть и милый человек этот Джордж Полухин, а все-таки он с другого берега океана. И поскольку Холмсу стало неловко за свои мысли, ведь никто другой, а именно этот русский подвиг его на все хлопоты (кто знает, как все повернулось бы, хотя, как теперь выяснилось, и Норман Гернси не дремал), профессор решил сделать приятное полковнику.

— Вы помните, Джордж, что говорил наш Старый Солдат Айк Джону Кеннеди, передавая тому бразды правления? — спросил он у Полухина.

— Это вы про опасность военно-промышленного комплекса? — спросил Юрий Семенович.

— Нет, слова Айка про ВПК так часто повторяли, что они стали общим местом и, к сожалению, к ним уже привыкли. Я о другом... Дуайт Эйзенхауэр в беседе с Кеннеди 19 января 1961 года сказал: «У коммунистических солдат мораль, по-видимому, всегда выше, чем у солдат, представляющих демократические силы». А потом помолчал, глянул на государственного секретаря Гертера, свидетеля, и добавил: «Очевидно, в коммунистической философии есть нечто такое, что внушает ее сторонникам определенное вдохновение и преданность их делу». Как вам это нравится, колонель?

Юрий Семенович пожал плечами.

— Эйзенхауэр был умным человеком, — сказал он. — Я никогда в этом не сомневался с той поры, когда узнал, как он в конце войны лично связался со Сталиным и сообщил тому собственную идею: союзникам надо разрезать Германию на две части и не рваться к Берлину, чтобы раньше русских захватить столицу рейха. Это вызвало взрыв возмущения у Черчилля, но Эйзенхауэр поступил как грамотный военный и честный человек.

— Значит, вы полагаете, Джордж, что нашего Айка можно отнести к категории достойных людей? — спросил, прищурившись, Ларри Холмс.

— Думаю, да. Жаль только, что самые нужные слова

он произнес, когда не обладал уже реальной властью, — вздохнул Полухин. — Я имею в виду предупреждение его по поводу ВПК и то, о чем вы мне сейчас сказали, мистер Холмс.

— Мне видится консенсус честных интеллектуалов, которые взяли бы на себя управление будущим миром,— мечтательно произнес профессор. — Русские, американцы, французы, китайцы... Как нам научиться понимать друг друга?

— Для начала вспомнить хотя бы о категорическом императиве Канта, — улыбнулся Полухин. — Уж его-то ваши консерваторы не заподозрят в симпатиях к марксизму.

— Правые радикалы готовы обвинить и нашего Президента в том, что в юные годы он состоял в Ленинском комсомоле, — с горечью произнес Ларри Холмс. — А меня в родственных связях с Фиделем Кастро. Впрочем...

Договорить ему не удалось — дал знать о себе телефон.

— Да, это я, — сказал Холмс. — Слушаю. Так-так... Благодарю вас. Подумаю... Как связаться с вами? Хорошо, я буду ждать.

Ларри Холмс обеспокоенно посмотрел на военного атташе.

— Президент в опасности, — сказал он. — Звонил адмирал Редфорд.

4

В районе Форт-Фредерика океан подступал к острову Святого Симона поближе, хотя и береговая отмель здесь была достаточно широкой.

Капитан Хансен не любил рыбной ловли и потому, искупавшись, сидел под легким навесом — такими сооружениями была оборудована пляжная полоса. А его внучатный племянник то и дело нырял с ластами на ногах и маской, гоняясь под водой за разной живностью. Но рыба здесь была мелкой, и Айвен сказал, упав на песок рядом с капитаном:

— Передохнем немного, дядя Вик, и отойдем на парусных досках подальше. Ладно? Там глубина настоящая, вполне годится для приличных рыб. Надо ведь подать к столу что-нибудь стоящее. Полковник наказывал мне обязательно вернуться с добычей.

— Ты прав, Айвен. Нужно подстрелить хорошую ры-

бу. Но сейчас совсем тихо. Нужен ветер, без него нет виндсерфинга.

— Ветер будет, дядя Вик, — возразил Айвен. — Я эти места хорошо знаю.

Он взглянул на водонепроницаемые часы, которые были закреплены у него на левой руке; на правой Айвен носил компас.

— Подождем еще немного, дядя Вик. Расскажите мне что-нибудь морское.

— Ты хочешь стать моряком, Айвен?

— Вообще-то хочу. Только без службы.

— Как это? — не понял капитан.

— Чтобы не капитаном, как вот вы, дядя Вик, а просто плавать по океану, изучать его, исследовать. Ведь все земли уже открыты. Вот мне и хочется забраться под воду...

— Наверное, ты прав, мой мальчик. Быть капитаном в наше время вовсе не интересно. Ведь только внешне выглядит это заманчиво. Капитанский мостик, штурвал, компас, золотые шевроны на рукавах, экзотические названия — Гонконг, Сидней, Кейптаун и Рейкьявик. А по сути — унылая жизнь, обычная работа на фирму, которая гоняет тебя по свету да еще норовит впутать в какое-либо грязное дело.

Некоторое время капитан и Айвен молчали. Потом Хансен сказал:

— Как будто бы пошел ветерок. Ставим паруса на доски и — полный вперед в открытое море.

Они отошли от берега метров на пятьсот.

Капитан Хансен вырвался дальше Айвена — у него площадь паруса была побольше — и оглянулся, чтоб крикнуть парнишке: пусть догоняет. Ему показалось, будто он увидел темный плавник на воде, но страшное видение, всколыхнувшее было капитана, исчезло, и Хансен решил: плеснула волна покрупнее. Ветер развел легкую зыбь балла на полтора-два.

— Будешь нырять или повернем? — крикнул Виктор Хансен.

— Еще не знаю, — отозвался Айвен, закладывая поворот, чтобы подойти к капитану.

...Она выбрала доску мальчишки только потому, что та была окрашена снизу белилами. У капитана доска была синей, и этот цвет не беспокоил акулу.

Голод вовсе не мучил ее. Отбросов, которыми тигровая акула кормилась там, где суда ждали у входа на фарватер лоцманов, вполне хватало. Она двигалась параллельно острову Святого Симона на север, почуяла запах свежей рыбьей крови и повернула левее, сошла с той линии, по которой она занималась тем, что люди назвали бы прогулкой после сытного завтрака.

Собственно говоря, аппетит у этой акулы, как и у всех ее сестер, был вполне умеренным. Легенда о чудовищном обжорстве этих исчадий ада возникла по причине неразборчивости в еде. Она действительно поражает воображение, ибо в желудках акул находили мешки с деньгами и динамит, почтовые посылки и старую обувь, дамские шляпы и секретный сейф с японского эсминца.

Сейчас акулой двигало любопытство. Может быть, днище виндсерфинга, на котором перемещался Айвен, напомнило ей светлую нижнюю часть панциря морской черепахи, кто знает...

Акула сделала еще один круг — тогда и заметил плавник капитан Хансен, — нырнула. Ее грудные плавники опустились вниз, составив угол шестьдесят градусов. Нос чуть-чуть приподнялся, страшные зубы ощерились в зловещей ухмылке, спина сгорбилась. Мощный хвост уже начинал наращивать удары в воде.

Рывок!

Капитан Хансен увидел, как доска с парусом, на которой Айвен приближался к нему, взлетела в воздух.

5

— Бороду я отпустил, едва увидел вас на экране телевизора, сэр, когда сообщили, что вы решили баллотироваться в президенты, — сказал Дэйв Стоун, смущенно улыбаясь. Он видел, как были ошеломлены, увидев его в дверях умывальной комнаты, Президент и Эрвин Додж.— Иначе бы мне проходу не дали из-за моей внешности. А что, действительно, я так похож на вас, сэр?

— Не двойник, конечно, но сходство явное. Не правда ли, Эрвин?

— Мне придется взять вас на особый учет, мистер Стоун, — полушутливо-полусерьезно заметил начальник секретной службы. — Знаете, лучше заранее знать, где живут двойники Президента.

— Выходит, зря я сбрил бороду? — спросил Дэйв.— Просто хотелось позабавить вас немного да одеться поприличнее. Не каждый день простой американский рейнджер принимает у себя человека номер один.

— Вы все правильно сделали, Дэйв, — горячо заговорил Президент, подходя к лесничему и пожимая ему руку. — Мистер Додж — веселый человек, но сейчас он просто неудачно пошутил.

— Я хотел только подтвердить, что вы чертовски похожи на мистера Президента, Дэйв... Не сердитесь на меня.

— Что вы, мистер Додж! О чем разговор! Майкл, оставь передатчик, ты свое дело сделал, помоги мне собрать на стол, надо угостить джентльменов. Черт возьми, мне даже не верится, что, когда ко мне приедет старший лесничий, я скажу ему: ты сидишь, Бен, там, где сидел Президент Америки...

Они успели выпить по глотку кофе, когда настороженное ухо Эрвина Доджа уловило далекий еще рокот авиационного двигателя.

— Вертолет, — сказал он.

Когда генерал Патрик Холл перевел взгляд на экран Джона Галпера, кресло идеолога и шефа пропагандистской службы Комитета семи было пустым.

— Объявите тревогу, — коротко бросил Холл секретарю теперь мертвого уже Розенфельда. — И вызовите охрану. Пусть уберут его. Сами оставайтесь на связи.

Он посмотрел на ошеломленных разыгравшейся сценой Уильяма Годфри и Эдгара Гэйвина.

— Что происходит, мистер Холл? — выдавил наконец юго-восточный босс. — Ведь это...

— Охота на всех нас, джентльмены, — спокойно объяснил председатель комитета. — К нам зашли в тыл. Не исключено — это связано с вашим промедлением, Билл и Эдгар. Странно, что вы оба еще дышите.

Сержант Билл и Гэйвин непроизвольно вздрогнули и переглянулись.

— Но ведь наша служба безопасности, сэр... — начал было Уильям Годфри не без умысла. — Ведь этой службой ведал сам Патрик Холл... — но тот оборвал его.

— Немедленно свяжитесь с директором ЦРУ, надо сообщить ему обо всем, Годфри, — сказал председатель.— А вы, Гэйвин, оповестите наших людей в ФБР. Усильте

личную охрану! Хотя... Словом, будьте бдительны, джентльмены! И что у вас с «Миннесотой»? Все беды от того, что этот человек все еще жив!

— Есть новости, сэр, — сказал Эдгар Гэйвин. — Мы запеленговали любительскую рацию. Она передает открытым текстом, что объект укрылся на лесном кордоне в Сент-Маунтин. Радист обращается к любому, кто его слышит, с просьбой сообщить об этом в Белый дом и ближайшее отделение ФБР.

— Заткните глотку этой рации! — крикнул вдруг всегда такой сдержанный Патрик Холл. — Ведь это же конец! Билл! Немедленно бросайте в дело резервную группу, пусть уничтожат кордон со всеми, кто там окажется! Неужели вы не понимаете, что сейчас тем более нельзя оставлять Президента в живых?! Ведь он еще и свидетель обвинения... Все наши акции разыгрывались у него на глазах! Любой ценой! Слышите, Годфри, любой ценой уничтожьте этого человека!

Едва Патрик Холл отдал категоричное распоряжение, изображение пустого кресла и части стола на экране Джона Галпера вдруг исказилось. Сработала мина в кейсе исчезнувшего секретаря, и сильный взрыв потряс соседнее с кабинетом Галпера помещение. Внушительная перегородка уцелела, но дверь выдавило вовнутрь, ослабленная взрывная волна проникла в кабинет и перекосила снимающую видеокамеру. Камера продолжала работать, сообщая уцелевшим пока троим членам комитета, что Галпера и его секретаря нет на месте.

«Где же сейчас Джонни? Неужели он все знал заранее?» — с ужасом подумал Патрик Холл.

6

Услышав звук вертолетного двигателя, Дэйв Стоун, его младший брат Майкл и гости лесничего вскочили из-за стола и выбрались на крыльцо. Через минуту они увидели, как в воздухе возник военный вертолет, точно такой же, как тот, на котором еще сегодня утром летел Президент с сопровождавшими его лицами. Вертолет стал снижаться, и теперь все увидели на его борту надпись «U. S. Air Force-2». Это была машина вице-президента. Видно, на ней и прилетела с базы у горы Митчелл охрана Центрального командного пункта.

Зависнув на мгновение над лужайкой, вертолет мягко

опустился на траву, пилот приглушил двигатель, но лопасти продолжали вращаться.

Президент невольно подался вперед, к спасителям, но Эрвин Додж попридержал его за локоть.

Голос из динамика, установленного на вертолете, прогремел на всю округу:

— Мы ждем вас, мистер Президент! Добро пожаловать!

Открылась дверца заднего салона, чья-то рука выбросила легкий трапик, но никто из машины не показался.

— Идемте, Эрвин! — нетерпеливо крикнул Президент, высвобождая руку.

— Не торопитесь, сэр, — спокойно возразил начальник секретной службы. — Теперь-то зачем спешить...

Дэйв Стоун окинул взглядом присевший вертолет, потом посмотрел на Президента с Эрвином Доджем.

— Мистер Додж прав, — сказал он. — Вы еще не выпили у меня и чашки кофе, сэр. Оставайтесь здесь. Майкл! Гляди в оба...

С этими словами рейнджер быстро сбежал по ступеням и направился к вертолету с вращающимися лопастями.

«Как упавшая навзничь ветряная мельница, — подумал Президент. — Странная мельница...»

Ветеран вьетнамской войны прошел уже две трети расстояния до приземлившегося вертолета.

Из машины так никто и не появлялся.

И вдруг грянула пулеметная очередь. Дэйв Стоун будто споткнулся. Он резко остановился, повернулся к стрелявшим спиной, взмахнул руками, будто предостерегал тех, кого оставил на крыльце, и рухнул в траву.

Вторую очередь убийца лесничего выпустил в стоявших у входных дверей, но завысил прицел — пули ударили на метр выше голов. В ту же секунду Эрвин Додж, потянув Президента за собой, метнулся к двери, в нее уже проскочил, пригнувшись, Майкл. Додж захлопнул дверь, тут же закрыв ее на тяжелый и прочный засов.

Третья очередь пришлась по окнам, стеклянные осколки разлетелись по комнате. Но Президент с Эрвином Доджем сидели уже на полу в дальнем углу гостиной.

— Майкл! Где Майкл? — спохватился Президент.

— Я видел, что он будто бы рванул наверх, — сказал начальник секретной службы, доставая из-за пазухи «комбат магнум» и проверяя содержимое барабана. —

Черт побери! Они метили в вас, сэр. Такое сходство... Парень принял удар на себя.

Сверху донеслись крики Майкла, прерываемые рыданиями. Затем раздался сильный хлопок, донесся звук «ба-а-з» и почти сразу — взрыв за пределами дома.

Эрвин Додж осторожно подобрался к окну, поднялся в простенке и выглянул наружу.

— Смотрите! — крикнул он и махнул Президенту рукой, чтобы тот присоединился к нему.

Они увидели, что пилотская кабина вертолета разворочена взрывом, перебитые лопасти больше не вращаются, а через заднюю дверцу ошалело выпрыгивают с оружием в руках люди в пятнистой маскировочной форме и разбегаются в разные стороны.

По ступенькам, ведущим наверх, в комнатку под крышей, где стоял радиопередатчик Стоуна-младшего, медленно спускался Майкл, волоча за собой опустевший ствол базуки.

...Внимательно наблюдавший за тем, что происходит у подбитого вертолета, Эрвин Додж заметил, как покинувшие машину люди в пятнистой униформе и с полной боевой выкладкой десантников рассыпались по всей поляне, залегли. Теперь они действовали осмысленно и деловито, повинуясь доносившимся командам кого-то из старших этой банды убийц. Рассредоточившись, они ползли вправо и влево от дымившегося вертолета — просто чудом не взорвались его баки с топливом — и охватывали кордон полукольцом.

Стрельбу они пока не открывали.

— Майкл! — крикнул Эрвин Додж радисту-любителю, стоявшему у лестницы. — Держись, сынок... Ты ловко приколол этого жука длинной иголкой — своей базукой. А теперь возьми винтовку брата и смотри в оба. Нам надо продержаться еще немного. Скоро придет помощь. Выше голову, Майкл!

Он взглянул на Президента, и тот подошел к Майклу, крепко пожал ему руку, потом легонько похлопал по плечу:

— Крепись, мой мальчик. Ты настоящий мужчина!

Потом хозяин Белого дома повернулся к начальнику секретной службы.

— Дайте и мне оружие, Эрвин, — попросил Президент.

Тот немного растерялся, посмотрел на «комбат магнум», который не выпускал из рук.

— Да! — вспомнил он вдруг. — Ведь Стоун говорил об автомате Калашникова. Майкл! Он с патронами?

Парень кивнул и вышел из гостиной. Через минуту он вернулся с русским автоматом в руках.

— Возьмите, сэр, — просто сказал он. — И второй рожок к нему.

— Вы прежде стреляли из автомата, мистер Президент? — озабоченно спросил Эрвин Додж.

«Может быть, мне взять это оружие?» — подумал он.

— Приходилось, — ответил Президент.

— Помните только: нельзя долго держать палец на спусковом крючке, — пояснил Додж. — Иначе...

— Я понимаю, — кивнул Президент, осматривая автомат, который он держал впервые в жизни, пытаясь сообразить, как приготовить его к стрельбе.

Теперь ему не казалось уже, будто он в театре абсурда. Президент не видел больше ничего необычного в том, что с ним происходило. Все стало простым и ясным. Здесь он с верными друзьями, там — враги. Они пытаются убить их, необходимо сопротивляться, защищать свои жизни, а значит, убивать других...

«Этим я сейчас и займусь», — спокойно подумал Президент, словно собирался подписывать государственные акты в Овальном кабинете, и, передернув затвор, дослал патрон.

— Попробуйте поговорить с ними, Эрвин, — устало попросил Президент. — Сколько уже пролито крови... Объясните, что те, кто сдаст оружие, будут помилованы.

— Такие бандюги всегда идут ва-банк, сэр, — возразил начальник охраны.—Те, кто затеял эту охоту, хорошо знают, кого можно ставить в загонную команду. А кроме того, они могут просто-напросто не знать, что охотятся на Президента. Им указан объект — вот они и стараются...

— Вы все-таки попробуйте, Эрвин, — сказал Президент.

— Разве что потянуть время, — пожал плечами Додж.

Он поднялся на чердак и сквозь небольшое окошко на фронтоне кордона прокричал предложение осажденных от имени Президента.

Несколько минут стояла тишина. Потом обнаружилось некое оживление среди оцепивших кордон людей и раздался громкий хохот.

— Ты еще выдай его за самого господа бога, трепач,— раздался вдруг голос, усиленный переносным громкоговорителем.

Президент и начальник его личной охраны переглянулись: значит, не знают. А это — худший вариант.

— Если хочешь выжить — пристрели того человека,— гремел радиоголос. — Застрели его и выходи... Все равно вам не уйти! Сейчас придет второй вертолет и расстреляет лачугу ракетами. Эй, трепач! Не прозевай своего шанса!..

Едва этот тип заговорил, начальник секретной службы стал осторожно перемещаться к окну, которое выходило туда, откуда он мог достать человека с радиорупором. Тот так увлекся, излагая доводы, что забыл об осторожности и дал возможность Эрвину выцелить себя.

Грянул выстрел, прервав призыв к предательству на полуслове. И тогда лесная тишина будто взорвалась от ураганной стрельбы. Огонь вели не менее десятка автоматов. И очереди не давали защитникам кордона подняться с пола, куда они бросились тотчас, не давали прикинуть, где находится противник, чтобы вести прицельный огонь.

«Только бы не взяли нас в кольцо, — подумал Эрвин Додж, — не отрезали начисто от леса...»

Он велел Майклу отвечать одиночными выстрелами только в момент перебежки бандитов, когда они будут смещаться вправо, а Президента поставил так, чтобы тот открывал огонь, если противник будет обходить слева. Сам Эрвин решил осмотреть лесную сторону: не просочился ли кто туда, не пытается ли кто зайти к ним в тыл и забросать гранатами.

Эрвин Додж проник в спальню, окна ее выходили к лесу. Пробравшись к одному из окон, он внимательно оглядел видимое из него пространство, услышал характерное стуканье автомата, улыбнулся: Президент бил короткими, в два-три патрона, очередями.

«Хорошо, что у них не оказалось собак», — в который раз подумал о просчете противников Эрвин Додж. Он перевел взгляд на дверь, выходившую в небольшой сад за домом, и увидел на пороге спальни огромного дога тигровой масти.

7

Едва Виктор Хансен увидел, как взлетела в воздух доска с парусом и Айвен упал в воду, капитан, не раз-

думывая, бросился к мальчику на помощь. Когда тигровая акула ударила в днище доски с парусом, на которой плыл Айвен, парнишку это настолько ошеломило, что очнулся Тейлор-младший только в воде.

Он услыхал крик дяди Вика:

— Плыви к берегу! К берегу! Плыви, Айвен!

Капитан Хансен знал, что Айвен отправился на доске в океан прямо в надетых на ноги ластах, хотел поохотиться за рыбой, когда они выйдут на приличные глубины. Может быть, мальчик успеет добраться до берега, в ластах плывут гораздо быстрее... А уж он, Виктор Хансен, придумает что-нибудь, задержит чудовище. Ведь оно, может статься, только напугало мальчишку и тотчас же отправится восвояси.

— Плыви! — крикнул капитан, осматриваясь по сторонам: не покажется ли где зловещий плавник акулы.

Ему показалось, будто он увидел, как что-то мелькнуло правее той линии, что соединяла плывущего капитана с Айвеном, который изо всех сил работал руками и ногами.

Акула заходила на исходную позицию для новой молниеносной атаки. Хищница видела еще одну цель, мимо которой она промчится, чтобы взять то, что возникло вдруг в воде после первого удара и плывет сейчас к берегу. Если бы акула обладала образным мышлением, то смогла бы подумать о некоем незнакомом ей парадоксе: в последнем случае слитно и неразрывно связанная с панцирем черепаха вдруг «извлекала» себя из роговой оболочки и оказывалась совершенно незащищенной, оставляла панцирь плавать на поверхности, а сама существовала отдельно.

Но акула не умела мыслить даже примитивно. Более того, многие свидетели отмечали странный алогизм в поведении ее сородичей, когда они гнались за дальней жертвой, будто не замечая добычи у них под носом, набрасывались на кусок промасленной ветоши, игнорируя аппетитную мясную наживку. Вот и сейчас тигровая акула отметила появление в воде второй «черепахи», более крупной, но изменение ситуации нисколько не поколебало первоначальных ее намерений: хищница готовилась напасть на Айвена.

Виктор Хансен знал, как ничтожно мало шансов выстоять пловцу в поединке с акулой, даже если он вооружен чем-либо, а у капитана не было ничего, кроме пары сильных рук да вот еще ног и умения неплохо держаться

на воде. Моряк по профессии, он многое знал об акулах и помнил слова Жака-Ива Кусто о том, что, чем ближе мы знакомимся с акулой, тем меньше о ней знаем и никогда нельзя предугадать, как она поступит.

Главное, на что надеялся Виктор Хансен, — отвлечь внимание убийцы от сына Лу. Как он это сделает, капитан не знал. Сейчас он изо всех сил выгребал, чтобы заступить акуле путь при броске ее на Айвена.

Хансен был уже почти на линии смертельного для Айвена курса, мальчик уходил к берегу по прямой линии, энергично работая ластами и руками, и акула должна была пройти мимо капитана. Но еще до того, как она поравнялась с ним, Хансен вспомнил инструкцию для моряков, летчиков и подводных пловцов-охотников. Капитан соединил ладони рук и стал сильно хлопать ими по воде, затем набрал воздуха побольше, нырнул навстречу акуле и принялся выпускать пузыри.

Он уже пришел в отчаяние — акула никак не реагировала на его эскапады под водой и уходила мимо, направляясь к Айвену, как вдруг нечто будто толкнуло ее, и хищница, едва шевельнув плавниками, пошла вниз, не меняя направления. Так субмарина с помощью рулей глубины наискосок проникает в морскую пучину.

«Ушла! — забилась радостная мысль в сознании капитана. — Мальчик доплывет до берега...»

Ластов у капитана не было, ведь Хансен не собирался нырять и охотиться на рыбу. Надо попытаться встать на виндсерфинг и догнать Айвена...

Виктор Хансен поплыл к доске с парусом, покачивавшейся метрах в тридцати — сорока. Он был уже от нее в десятке хороших гребков, когда вдруг почувствовал, как резко дернули его за правую ногу и ступня сразу онемела.

Боли капитан не почувствовал. В горячке он подплыл к доске, протянул руку и ухватился за тонкую мачту, скорее, шест, к которому крепился парус виндсерфинга. Опираясь локтем на доску, которая, как поплавок, неустойчиво ерзала по воде, капитан сумел высунуть правую ногу на поверхность, уже не сомневаясь по поводу того, что с ним произошло, — вода вокруг стала красной...

Так оно и было. Виктор Хансен сумел поднять из воды лишь кровоточащий обрубок.

Акула отхватила капитану ногу почти по самое колено.

8

— Гоните их в сопки! — передал Макаров командиру приданной эскадрильи. — Пройдитесь над рекой и вытесняйте зверье влево и вправо от нее...

Караулы вертолеты уже сняли, людей в долине не осталось. Пилоты забрали с собой даже две группы «диких» туристов, которые перемахнули через горный кряж. Теперь надо было попытаться разогнать зверье с низких мест, что подвергнутся затоплению, заставить животных подняться в предгорье.

Вертолеты зашли к перемычке-плотине, которую вот-вот должны были взорвать, и двинулись на небольшой высоте по течению реки, распугивая внизу «братьев наших меньших».

Машина, на которой летел командир части, выходила из подготовившейся к затоплению долины последней. Пилот вел вертолет галсами, чтобы, не дай бог, не пропустить какого-нибудь шатуна в человечьем обличье, забравшегося в эти места и рискующего угодить под водяной вал, который вот-вот обрушится из озера Лебяжьего.

Пока вроде все было пусто, самые опасные места они как будто прошли. Можно уходить на командный пункт, доставить туда майора Макарова. Пилот с облегчением вздохнул, повел головой влево и чуть назад, так, для очистки совести, оглядел свой сектор наблюдения, и вдруг ему показалось, что внизу, там, у излучины Тигоды, которую недавно миновали, обнаружило себя и тут же исчезло красное пятнышко.

«Померещилось, — подумал пилот. — День с утра напряженный...»

— «И мальчики кровавые в глазах», — вслух сказал он и боковым зрением усмотрел, как удивленно повернулся к нему второй пилот, едва заметно пожал плечами.

Последний жест задел командира.

— Делаю левый разворот, — сообщил он и по широкой дуге стал возвращаться на прежний курс.

— Понял, — сказал второй пилот.

Когда Макаров увидел, как резко изменился курс машины, он поднялся в кабину летчиков.

— Что случилось? — спросил он у пилота.

— Контрольный круг перед тем, как уйти отсюда совсем, — сообщил летчик. О замеченном пятнышке он промолчал, все больше убеждаясь в том, что оно ему вовсе не помстилось.

Вертолет снова прошел над излучиной, снизившись до ста метров, и теперь все в кабине ясно увидели двух ребятишек. Один из них был в красной майке. Пацаны выскочили из прибрежных кустов на речной плес и скакали по песку, размахивая руками.

— Сажусь, — сказал командир и повел аппарат на ровную площадку у самой воды.

Мальчишки стояли поодаль, ожидая, когда перестанут вертеться лопасти. Им, судя по всему, и в голову не приходило, что дяди прилетели за ними. А когда сам Макаров первым выскочил из машины, чтоб надрать сорванцам уши, хотя бы символически, что ли, кровь бросилась ему в голову, застучала в висках... Навстречу бежали его собственный сын Юрашка и соседский Георгий Шапошников, отпрыск замполита, был он двумя годами постарше.

Ничего не сказал им Юрий Иванович, молча пропустил вперед, и мальчишки весело полезли в машину, радуясь возможности прокатиться на вертолете.

Ахнула Зоя Федоровна, увидев двух огольцов, принялась расспрашивать, как они здесь очутились — до городка километров с десяток будет. Все оказалось проще пареной репы, по выражению комиссарского сына. На попутной машине они подъехали к реке, а отсюда хотели плыть вниз по течению. У них резиновая камера была в рюкзаке, заместо плотика, что ли...

— Дома-то знают? — спросила Зоя Гаенкова, стараясь не думать о том, что пилот мог бы и не заметить этих землепроходцев.

— Обязательно, — сказал Юрашка Макаров. — Мы так и доложили нашим мамам: идем в турпоход.

— Они и харч нам выдали, — серьезно сообщил Георгий Шапошников.

Юрий Иванович был ошеломлен случившимся и, чтобы не выдать смятения, не стал даже разговаривать с «туристами», прошел к летчикам.

— Идем на КП? — спросил его пилот.

Макаров кивнул.

И тут его вызвали с командного пункта части.

— Товарищ командир, — официальным тоном сообщил Сергей Шапошников, — регламентная установка барахлит...

— Давай точнее, — встревоженно сказал Макаров.— Что случилось?

— Повышается давление в топливных баках. Навер-

но, травится сжатый гелий из системы предстартового наддува.

«В результате подземного толчка повредило магистраль газобаллонной пневмосистемы, — лихорадочно соображал Юрий Макаров. — Если не будет старта, давление в топливных баках станет расти...»

Предстартовый наддув топливных баков производился для того, чтобы обеспечить запуск ракетного двигателя. Ведь в момент запуска давление в баках резко падает, потому как начальные свободные объемы баков относительно малы. И вот если не создать достаточно большого избыточного давления перед пуском ракеты, то при запуске ракетного двигателя насосы могут выйти из строя из-за кавитации — появления в жидкости пузырьков газа.

И вот эта система забарахлила, начала гнать давление в баках безо всякого старта.

— В каких ступенях повышается давление? — спросил он у замполита.

— В верхней...

«Баллоны с гелием установлены в оголовке шахты, — подумал Макаров. — Гелий обладает высокой проникающей способностью, и его можно стравить из баков через ниппельные элементы. А главное, вручную перекрыть автоматические клапаны системы, это ведь они пропускают газ. Вручную. Но для этого...»

— Общая обстановка? — спросил он у замполита.

— Приказ не снят, — ответил Шапошников, — хотя наша часть и выведена из боевого состояния.

«Так-так, — прикинул Юрий Макаров. — Положение хуже некуда.. Если не устранить стравливание гелия из баллонов предстартового поддува, давление в топливных баках будет расти. А расхода топлива нет, так как ракета остается в шахте. Значит. . Баки разорвет, компоненты топлива смешаются, грянет взрыв. Он сорвет крышку люка шахты... Похоже на запуск ракеты... И... только этого нам не хватало! Ведь противник примет выброс за боевой пуск. И тогда...»

— А в соединение сообщил? — спросил Макаров усталым голосом; он принял решение и не хотел сбивать тот ритм, на который настраивался, долгими разговорами.

— Так точно! — отрубил Шапошников.

— Передай: вылетел к установке, попытаюсь лично устранить возможность взрыва в шахте. Пусть докладывают наверх... Надо предупредить и тех, что это был просто несчастный случай. Если не успею...

— Будь осторожнее, Юра, — тихо сказал замполит.

— Буду, — усмехнулся Макаров.

Его вертолет уже летел к пусковой установке.

9

Монтажный лаз, через который Джордж Тейлор проник в шахту командного пункта, помог ему добраться почти до самого бункера, который так неожиданно захватил наглотавшийся наркотиков капитан Хукер. Командир эскадрильи был уже на предпоследнем этаже, когда обнаружил, что дальше продвинуться — увы! — не может. В потолке последнего этажа Тейлор нашел вентиляционное отверстие, которое позволяло ему видеть только одну половину командного пункта. Ее занимали пульты и кресло второго номера — им был сегодня Реймонд Барр, командир хорошо рассмотрел его сверху. Заметил он и ноги убитого Генри Хукером первого лейтенанта Уотса. Верхняя половина туловища офицера была вне поля его зрения.

Но больше всего Джорджа разочаровала неуязвимость Хукера: капитан был вне пределов досягаемости. И тот пистолет системы Кольта, сорок пятого калибра, который Тейлор тащил с собой через электронные и механические джунгли шахтного нутра, бессилен что-либо изменить.

Находясь прямо над головами запертых ракетчиков, Джордж Тейлор услышал вдруг, как громко запел Генри Хукер на немецком языке:

— «Сомкнув ряды, подняв высоко знамя, СА идут, чеканя шаг...»

«Бог мой! — мысленно воскликнул Джордж Тейлор.— Так этот кретин еще и нацист...»

Он смотрел вниз, на коротко остриженный затылок Рея Барра, его мальчишеский чубчик — такая стрижка была традиционной у молодых ракетчиков и называлась «морячок», — на тонкую шею, обернутую форменным серо-голубым шарфом, поникшие худые плечи.

«Хукер сломал его», — подумал Тейлор.

Он вспомнил вдруг, как читал вместе с товарищами по службе еще на базе Уоррен сочинение Джона Фишера, редактора журнала «Харперс», о житье-бытье ракетчиков. Сам Фишер у них в Уоррене не бывал, он ссылался на сведения по базе Мальстром, созданной вблизи горного хребта Грейт-Фоллс, штат Монтана, где бьет

Джайент-Спринг, самый большой источник в мире, который и дает начало реке Миссури. Журналист сообщал, что в этих заповедных местах, где обитали лоси, черные и бурые медведи, рыси и горные козлы, величественные золотые орлы, люди ВВС США выкопали полторы сотни гигантских колодцев и упрятали в них ракеты «Минитмен» с ядерными боеголовками. А для управления их пуском созданы еще пятнадцать подземелий, в каждом из которых, в отрезанных от всего мира камерах, сидят двое молодых людей. Именно они могут, получив приказ, обрушить на планету атомную погибель... Офицеры располагают водой и пищей, электричеством и книгами для чтения, автономной атмосферой, словом, могут жить и после того, как в реальном мире воцарится хаос. Вопрос — сколько жить — опускался. А дальше шла бредятина, рассчитанная на легковерных американцев, их надо было тут же и успокоить.

Джон Фишер утверждал, что офицеры-ракетчики «не могут коснуться друг друга», будто бы их помещение разделено на две половины бронестеклом, на случай если кто-то один решит начать войну по личной инициативе. «Если, в весьма маловероятном случае, — писал Джон Фишер в «Харперс», — один из операторов сойдет с ума и решит своей волей ввергнуть земной шар в атомный хаос — в некий Армагеддон, он окажется бессилен. Безумец не сможет принудить напарника повернуть ключ и не может убить его, чтобы завладеть вторым ключом».

Этот второй ключ Хукеру не нужен, ибо один человек не в состоянии дотянуться до двух замочных скважин одновременно. Одному действительно ракеты не запустить. Но вот принудить другого маньяк в состоянии, ибо никакого бронестекла, придуманного Фишером, между ними нет.

Заключительные слова Фишера он запомнил особенно хорошо: «Если кнопка будет случайно нажата, исчезнет Москва или Ленинград, Киев... И возникнет война, которая может уничтожить человечество; поэтому возможность трагических случайностей должна быть исключена».

«А как назвать то, что произошло сейчас? — подумал Тейлор. — Разве это случайность?.. Блокировка ракет снята по приказу из Пентагона. Теперь Хукер может заставить Рея повернуть ключ. Устоит ли перед маньяком лейтенант Барр?»

Генри Хукер оборвал песню гитлеровских штурмовиков и крикнул лейтенанту Барру:

— Приготовиться к пуску!

Тот вздрогнул и выпрямился в кресле.

— Извините, сэр, — пробормотал он. — Время еще не вышло... Нарушение приказа...

— Ты, щенок, хочешь получить пулю в лоб? — спросил капитан Хукер и хрипло рассмеялся. — Сейчас я тебе ее устрою. Приготовиться!

— Есть, сэр! — ответил Барр.

Он относительно четко отрепетовал команды, которые передал ему Хукер, но в тот момент, когда система была подготовлена, а так и не обнаруженный ими Джордж Тейлор приготовился стрелять, Барр — уже после слов капитана «Внимание... Пуск!» — снял вдруг руку с ключа.

— Не могу! — крикнул он. — Это не по приказу... Ведь его могут еще отменить!

Раздались выстрелы. Пули, выпущенные Хукером из пистолета, пролетели слева и справа от головы лейтенанта Барра, ударились в бетонную стену.

«Рей не выдержит», — подумал Джордж Тейлор, слыша, как, осыпая лейтенанта проклятиями, Хукер готовится повторить комплекс предшествующих пуску действий.

Командир эскадрильи хорошо понимал: для Рея Барра его собственная смерть сейчас куда более конкретна, чем смерть миллионов русских, в которых полетят «Хранители мира». Лейтенант не в состоянии осознать: поворотом ключа он вызывает ответный удар русских, совершает самоубийство. Но ведь это придет в каком-то отдаленном на неизвестную величину времени, а ствол пистолета Хукера направлен ему прямо в лицо, и сейчас вот, в ближайшее мгновение, оттуда вылетит пуля...

— Прости меня, парень, — прошептал майор Тейлор и выстрелил Реймонду Барру в стриженый затылок.

Выстрел разнес голову оператора на куски.

Реакция капитана Хукера была мгновенной. Он вскочил с кресла и выпустил четыре пули в сторону вентиляционного отверстия. Три из них пробили легкое перекрытие между этажами шахты и убили Джорджа Тейлора.

Капитан Хукер растерянно, будто просыпаясь от наваждения, смотрел на осевшее в кресле туловище Рей-

монда Барра с остатками головы на плечах, забрызганную кровью и кусочками мозга пусковую панель.

Вдруг заработал его собственный пульт управления.

Поступил новый шифр-приказ.

Ракетно-ядерный залп переносился на шестьдесят минут.

Сначала Хукер бессмысленно всматривался в фиксирующее кодограмму устройство, потом до него дошел смысл происходящего, и капитан истерически рассмеялся.

Хохотал Генри Хукер минуты три. Затем смолк. Судорожно икая, поднял пистолет, посмотрел на него, подмигнул завораживающему отверстию, отвел взгляд в сторону, противоположную той, где сидел обезглавленный Барр, сунул ствол между зубами и резко, будто боясь, что раздумает, нажал на спуск.

10

«Я так стремился к земле, — горько подумал Виктор Хансен, мертвой хваткой обхватив тонкий шест-мачту виндсерфинга, — а мне не дано даже лечь в нее...»

Капитан не помышлял о спасении, собственно говоря, и не думал о нем прежде, когда бросился в воду, чтоб оказаться между мальчиком и акулой. А сейчас, после первой ее атаки, которая стоила капитану правой ноги, Виктор Хансен и вовсе стремился к одному: продержаться подольше. Может быть, Айвен успеет добраться до берега. Или это чудовище вообще обойдется им одним, теперь уже бывшим моряком торгового флота.

Боли капитан не чувствовал.

Казалось, что несуществующая нога только одеревенела немного, так бывает, когда отсидишь ее, нарушишь временно оборот крови в венах.

«Сейчас она примется за меня снова, — подумал капитан. — Выдержу ли я? Главное — не потерять сознание... И что сделать еще, чтоб не пропал ко мне ее интерес?!»

Виктор Хансен постарался развернуться в воде так, чтобы ему было видно плывущего Айвена, и тогда он перехватил шест-мачту левой рукой, чтобы правой мог загребать воду.

Плавника акулы не было видно.

«Ушла?» — подумал с надеждой Хансен и в тот же миг почувствовал сильный рывок снизу. От неожиданно-

сти он громко вскрикнул. Теперь капитан лишился второй ступни. Кровавое облако вокруг него стало гуще.

Но случилось непоправимое. Крик капитана достиг Айвена. Может быть, мальчик услыхал не сам звук: расстояние было уже приличным, хотя акула с ее скоростью могла одолеть его в считанные мгновения. До Айвена домчался некий, непостижимый еще приборами психический сигнал бедствия, который непроизвольно послал в пространство капитан Хансен.

И Айвен Тейлор подчинился ему. Никогда не смог бы он объяснить, как так получилось, что вот еще рвался он, охваченный страхом, к спасительному берегу и тут вдруг развернулся и поплыл к двум доскам с парусами. Они сиротливыми вехами уныло качались там, где продолжала разыгрываться трагедия.

Капитан Хансен видел, что Айвен движется теперь к нему, и в ужасе закрыл глаза.

Акула заходила для нового броска.

— Неподходящее время для рыбалки, — сказал Филину Тейлору его старый приятель Том Дженкинс, офицер Береговой службы США, когда они дошли до приемного буя. Сегодня здесь не было ни одного судна из тех, что обычно ждали у фарватера катер с лоцманом. — Надо выходить на рассвете... Или отправляться в море с вечера, с ночлегом на воде.

— Ты меня убедил, Том, — согласился преподобный Фил. — Но тогда давай махнем к северной части Святого Симона, в район Форт-Фредерика. Где-то там на берегу Айвен стреляет рыбу под водой, а капитан Хансен рассказывает ему морские истории про Летучего Голландца и тайну экипажа «Марии Селесты». Это не помешает твоей службе?

— Ничуть, — отозвался Том Дженкинс. — Мне и самому надо пройти в тот район, хочу посмотреть кое-какие ориентиры.

Он отдал распоряжение рулевому, и катер береговой охраны помчался к северной части Сент-Саймонс-Айленда.

— Кажется, это они, — сказал вскоре Филип Тейлор, увидев на воде виндсерфинги с парусами. — Но где же люди? Посмотри-ка в бинокль, Том...

Дженкинс поднял к глазам висевший на груди бинокль и переменился в лице.

— Акула! Черт побери... И люди...

Он метнулся по рубке к пульту управления двигателем и перевел его в форсажный режим. Катер завибрировал и понесся вперед.

Том Дженкинс отодвинул рулевого и сам встал за штурвал.

— Билл! — крикнул он рулевому. — Принеси мой винчестер с оптикой из каюты! Быстро!

Второму матросу Дженкинс приказал снять чехол с пулемета, установленного на баке.

Теперь и Филип Тейлор хорошо видел, какое кровавое зрелище открылось им на воде.

Айвен, уже ничего не соображая, плыл строго на восток, в открытое море, не замечая катер, подходящий к месту, где разыгралась трагедия, с зюйд-зюйд-оста. Капитан Хансен был еще жив. В эти секунды сознание его вдруг неожиданно прояснилось...

Ему стало страшно: Хансен ощутил неизбежный конец. И тогда пришла боль. Но длилась эта боль не долго...

Филип Тейлор оттолкнул матроса, замешкавшегося с затвором крупнокалиберного пулемета, и припал к прицелу. Он поймал акулу, которая отошла в сторону от остатков Хансенова тела и готовилась рвануть мимо него в погоню за второй «черепахой». И когда убийца бросилась вперед, пулеметная очередь встретила ее.

Полдюжины пуль, попавших в акулу, сбили ее с намеченного курса, увлекли вниз, на самое дно, где хищнице предстояло умереть. Одна из пуль случайно попала Виктору Хансену в голову и освободила капитана от страданий...

11

Во время одной из неофициальных бесед с советским лидером Президент завел разговор о Семилетней войне.

— В отличие от многих соотечественников, — сказал он, — я знаю, что русские брали Берлин не только в сорок пятом, но и за двести лет до того, когда не было еще и самих Соединенных Штатов.

— Нашей вины в исторической неосведомленности американцев нет, — заметил Председатель Совета Обороны. — Но какой у вас интерес к тем событиям?

— Самый прямой. От Семилетней войны зависело, быть или не быть нашему государству. Для вас, русских, это была война за безопасность западных границ, приходилось считаться с имперскими притязаниями Фридриха Второго, противостоять ему. А за океаном Франция и Англия дрались за североамериканские колонии. Ведь к середине XVIII века основная часть территории нашей страны принадлежала Франции и население в основном говорило на французском языке. А вот после Семилетней войны многие французские колонии перешли к Великобритании, усилился приток английских и ирландских эмигрантов, стал меняться национальный состав населения. Словом, судьба Америки решилась на Европейском театре военных действий, выражаясь языком современных военных. Случись все иначе — на месте моей страны было бы другое, франкоязычное государство.

— Это трудно себе представить сейчас, — улыбнулся Председатель, — хотя построение любопытное. Неплохой сюжет для фантастического романа из серии о возможностях параллельного развития истории разных стран. Но раз уж вы признали, что Россия, от которой зависел ход Семилетней войны, косвенно причастна к возникновению Соединенных Штатов, то, надеюсь, отдадите должное и прямому историческому факту: русские поддержали американских борцов за независимость. И сразу после революции, и во время войны с Англией, спустя тридцать лет. При столкновении Севера и Юга Россия опять-таки встала на сторону Линкольна, сумевшего спасти вашу страну от распада. Я хочу сказать, что история не знает ни одного случая нелояльного отношения русских к американцам. Мы никогда не мешали вам ставить эксперимент по реализации Американской Мечты.

— Чего нельзя сказать о моих соплеменниках, принявших участие в интервенции, — вздохнул, примирительно улыбаясь, Президент. — Вот русским мы пытались помешать в период вашей гражданской войны...

— А разве сейчас не мешаете?! — чуть более горячо, чем следовало при таких разговорах, хотя они были только вдвоем, воскликнул Председатель. — Вы постоянно навязываете нам расширение военной промышленности, заставляете тратить огромные средства на вооружения, чтобы сохранить стратегический паритет. И надеетесь разорить нас, измотать экономически. Затея, прямо скажем, обреченная на провал, но русские люди живут хуже, чем могли бы, по вашей милости, господа американ-

цы! Судя по всему, вы знаете историю не только Семилетней войны, но и второй мировой... Не мне рассказывать вам, в каком положении была наша страна в далеком теперь уже сорок пятом. Около двух тысяч дотла разрушенных городов. И что же? Позволили вы нам спокойно заняться мирным трудом? Нет, вы втянули нас в атомную гонку. А ведь уже после гибели Хиросимы и Нагасаки, уже тогда, Советский Союз предлагал запретить ядерное оружие. И так всегда и во всем... Пора бы задуматься над тем, насколько перспективна такая политика.

— Да, сейчас нам предстоит решить самое трудное уравнение ядерной алгебры, — задумчиво произнес американский гость. — В нем столько непредсказуемых неизвестных...

— С большим трудом дается прорыв в эру качественно иных отношений между нашими государствами, тут вы, конечно, правы, мистер Президент... Пресловутый тезис «равенство и одинаковая безопасность» крайне двусмыслен, если только не подойти к нему диалектически. Нельзя к ядерным силам примериваться с позиции арифметики, силы эти у каждой из сторон складывались по разным историческим и технологическим принципам. У вас больше тяжелых бомбардировщиков и авианосцев, мы создали отдельный вид Вооруженных Сил — Ракетные войска стратегического назначения — и развернули на ракетных операционных базах бóльшее количество МКР...

— Весьма опасных для нас «Громобоев», — не удержался от реплики Президент.

— А что нам оставалось делать? Но я не об этом... Про одинаковую безопасность. Нет ее сейчас и быть не может! Обоюдная опасность — да Взаимная уязвимость перед ответным ударом? Разумеется! Из военно-политического лексикона все еще не выброшены понятия «гарантированное возмездие», «ядерный пат», «равновесие страха», «взаимное уничтожение». И только ликвидация ракет с ядерными зарядами может обеспечить планете относительную безопасность. Точнее, уменьшит возможность возникновения конфликта.

— А как быть с обеспечением стратегической стабильности? — спросил Президент.

— Наши ученые считают: достаточно иметь по пять процентов с каждой стороны от того запаса ядерного оружия, которым располагали Америка и Советский Союз к

моменту подписания первого антиракетного договора в 1987 году.

— Да, я знаю... Пять процентов... Этого тоже хватит, чтоб уничтожить все живое. Но я верю, что Всевышний не позволит сынам человеческим, созданным по образу и подобию его, впасть в этот вселенский грех. Простите, забываю о том, что вы атеист.

— Мы тоже верим, — возразил Председатель. — В здравый смысл и могущество добра.

— Добро и есть Бог, — улыбнулся Президент.

Просто по-человечески Председателю нравился этот американец, Президент Соединенных Штатов. Общаясь с ним без протокола, советский лидер часто ловил себя на том, что порою как-то перестает осознавать — перед ним глава государства, которое является для его страны потенциальным противником номер один. Но если бы Председатель не сдерживал себя, то тогда бы они вообще вряд ли договорились о чем-либо. Председатель с интересом наблюдал за собственными реакциями и на личном опыте все больше убеждался в бредовости теорий об извечной агрессивности человечества.

И сейчас, когда он говорил по прямому проводу с женою Президента, то с тревогой думал о его судьбе не только потому, что это было связано с судьбою своего Отечества. Председателю Совета Обороны была вовсе не безразлична и просто человеческая участь того, кто еще совсем недавно был гостем его дома.

— Покушение на Президента действительно было, — сказал Председатель своим товарищам. — Но...

Он хотел сказать: «Смерть его не подтверждена» — и не рискнул произнести это слово, будто опасаясь, что, будучи произнесенным, оно может настигнуть того, кто, может быть, еще жив.

— Может быть, что все обойдется, — выразил общее пожелание начальник Генерального штаба.

О том, что погиб Ричард Уорднер, они уже знали.

— Посол сообщил, что государственный секретарь снова заверил: ни о каких враждебных намерениях со стороны Президента и Совета национальной безопасности ему не известно, — доложил Председателю его эксперт по делам Соединенных Штатов. — Рэндолф Янг выехал в госпиталь святой Анны, чтобы встретиться с помощником Президента по национальной безопасности.

— Военный атташе Полухин уже там, — дополнительно сообщил начальник Генштаба.

Председатель многозначительно взглянул на Маршала Советского Союза и улыбнулся.

— Успел, — сказал он, — раньше самого батьки... Толковый генерал у вас в Вашингтоне.

Министр обороны хотел было уточнить: Полухин пока еще полковник... Но вспомнил — Председатель никогда не путает фамилии и звания военных, посмотрел на начальника Генштаба — военный атташе его человек, — и тот понимающе кивнул.

— На проводе—Пентагон!—доложили Председателю.

— Пора бы уже, — проворчал он. — Может быть, Оскар Перри образумился?

Звонил Норман Гернси. Первый заместитель сообщил о том, что он отсрочил исполнение приказа «Град» еще на один час. Уже известно, где находится Президент, с минуты на минуту ждут связи с ним, чтобы по его президентской ядерной карточке отменить страшный приказ вовсе. Стремясь успокоить русских, бывший председатель трибунала ясно себе представлял, что они сейчас о них думают... Поэтому открытым текстом говорил о наисекретнейшем приказе, расшифровал смысл кода. Впрочем, все равно после этого небывалого переполоха все придется менять... И только об аресте Оскара Перри Гернси не стал говорить русским.

— Может быть, стоит уменьшить степень боевой готовности? — предложил один из членов Политбюро, когда Председатель передал разговор с Норманом Гернси.

— Ни в коем случае! Будем держать антиракетные средства на «товсь» до тех пор, пока не позвонит сюда сам Президент. И про меч возмездия не забудьте...

«Что же с ним произошло? — снова подумал Председатель. — Какие силы развязали этот конфликт? Его и сейчас нельзя считать разрешенным, хотя, надо отдать им справедливость, именно американцы сами бросились гасить едва не вспыхнувший пожар...»

Еще во время учебы в школе он узнал, что девизом жизни Леонардо да Винчи было выражение «Hostinato rigore» — «упорная строгость». Позднее стал понимать это необычное сочетание как методологический универсум, который годится в применении по самому широкому жизненному спектру. Главное — помнить, что ты сам вплетен во все сущее тысячью общих связей, являешься частью бытия и строишь собственное существование во времени по законам со-бытия, памятуя при этом о праве других на методическую строгость.

Отдавая должное уму, предприимчивости, трудолюбию великого американского народа, Председатель стремился постигнуть его национальный характер, раскрыть для себя механизм пресловутого «ковбойского оптимизма», как он охарактеризовал особый стиль мышления и манеру поведения американцев. Подобное жизненное кредо, которое все в большей степени определяло отношение янки ко всему «неамериканскому», возникло в конкретных исторических условиях. Борьба за место проживания у народа Америки в отличие от других протекала в единственном направлении. Колонисты оттесняли индейцев на запад, а те, спорадически сопротивляясь, отбивались от наседавших на них белых. Порою доведенные до исступления индейцы жестоко расправлялись с захватчиками, что породило психологический стереотип, миф о садизме «краснокожих», хотя идея снятия скальпов принадлежала вовсе не индейцам, а «просвещенным братьям», о чем неопровержимо свидетельствуют сохранившиеся документы.

А поскольку белые всегда побеждали и одолели в конце концов индейцев, возник новый миф — Америка непоколебима... А вот ту же Русь время от времени делали данницей хазары и печенеги, половцы и татаро-монголы, бывали в русских городах тевтоны, шведы, поляки, французы... То, что их в конечном итоге всегда бивали, тенденциозно опускалось.

У Америки никогда не было могучего соседа. Отсюда — иллюзорное, выдуманное противостояние колонистов индейцам. Это, конечно, несерьезно, но массовая культура, особенно голливудские вестерны, бьет по шовинистическому сознанию среднего американца без промаха. Вон тот же Рональд Рейган в бытность главой государства в своих речах редко обходился без цитаты из какого-нибудь ковбойского фильма. Он понимал, что киноимиджи, сработанные в Голливуде, для его сограждан подобны скрижалям Моисея для древних евреев, идущих за пророком из Египта в землю обетованную.

Да и вся политика Рейгана удивительно походила на стратегию вестерна, отличалась «наскоковостью», лихими, но, в условиях их глобальности, смертельно опасными атаками на политическое равновесие мира.

«Героизация политики», то есть создание имиджа президента как героя вестерна, супермена, стреляющего первым, стоящего на голову выше других членов администрации, человека, обладающего несгибаемой во-

лей, «кремневостью», переходящей в упрямство, — это черты «американского мифа», легенды об Американской Мечте — индивидуальности в квадрате, которая дает все, что тебе захочется, если ты будешь трудиться...

Само по себе это и неплохо, если достигается не за счет других народов. Но так уж случилось, что исторические ситуации, неблагоприятные для остальных, для Америки оборачивались фантастическими прибылями, невиданным взлетом экономики. Об этом обстоятельно писал еще Ленин. Это ему принадлежат слова: «Американские миллиардеры... нажились больше всех. Они сделали своими данниками всех, даже самые богатые страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи... На каждом долларе следы крови...»

Все войны Америки — за испанские ли колонии в конце XIX века, первая и вторая мировые, Корея и Вьетнам — не внесли существенных изменений в представления гражданина Соединенных Штатов о других народах. Официальной пропагандой противники подавались как садисты, коварные, некультурные люди — такими были японцы, извращенно-культурные — немцы. Корейцы и вьетнамцы — всего лишь разновидность «джапов».

С той же легкостью и быстротой были приложены элементы все той же примитивной системы представлений и к русским. Они-де невежественные, неотесанные, вероломные и коварные люди — это выводилось из пресловутой «загадочности русской души». В то же время они опасны неразумной силой. И рядом второй штамп, который легко уживается с первым, — из-за азиатской неразумности русских можно легко победить. Этот тезис необходим для «ковбойского оптимизма», для составляющих его элементов псевдопатриотизма и шовинизма. Еще один штамп: русские, конечно, культурны, успехи у них определенные есть, но они обладают интуитивной, природной хитростью. Вот почему эти существа куда опаснее для остального человечества, нежели мы, американцы.

Механизм такой обработки сознания людей известен, но менее опасным от этого не становится. Как перейти к принципиально новому этапу создания планетарного мышления? Как разрушить вредоносные стереотипы? Покончить с привычным стремлением делить человечество на «своих» и «чужих»?

«Труден и долог этот путь, но пройти его придется,— подумал Председатель.— Иначе idola specus[1] вырвутся на поверхность и погубят нас всех».

12

На пороге двери, которая вела из спальни в сад — он располагался между заповедным лесом и кордоном,— стоял огромный дог тигровой масти.

Эрвин Додж замер. Он знал, что, когда имеешь дело с дрессированной собакой, а этот пес явно не из тех домашних существ, которых заводят от одиночества холостяки и старые девы, главное в том, чтобы не делать резких движений. Он смотрел догу прямо в глаза: слыхал, что это неким образом ослабляет собачью волю, и потихоньку перемещал «комбат магнум» так, чтобы успеть выстрелить, если пес ринется на него.

Теперь Эрвин Додж вовсе не расстроился, как это было прежде, при мысли, что заговорщики рано или поздно используют собак. Эти существа опасны, когда ты уходишь от погони, а здесь, в окруженном уже теперь со всех сторон бандитами доме, еще неизвестно, кто опаснее — бандиты в пятнистой одежде с автоматами в руках или этот вот «друг человека».

Он был готов выстрелить в пса, когда почувствовал, что со стороны сада кто-то подбирается к заднему входу.

«Обошли!» — подумал Эрвин Додж и готовился уже выстрелить в собаку — она пока не двигалась с места, но может накинуться в любую секунду,— как вдруг услышал знакомый голос:

— Не стреляй, Эрвин!

Собака прянула в сторону, и на пороге появился крепкий рослый мужчина в походной униформе цвета хаки, высоких шнурованных сапогах и легком шлеме с наушниками, какие носят парашютисты. За спиной у пришельца был прикреплен прямоугольной формы вещевой мешок, а на шее болтался автомат «Узи» израильского производства.

Несмотря на странный наряд, Эрвин Додж сразу узнал пришельца. Это был Пол Дентон, старший агент группы сотрудников ФБР, в ведении которых была территория, примыкавшая к Белому дому. Додж едва ли не

---

[1] «Идолы пещеры» в сочинениях Роджера Бэкона, изобретателя пороха.

каждый день встречался с ним, задачи в принципе у них были одни и те же.

— Привет, Эрвин, — тяжело дыша, проговорил фэбээровец. — Кажется, я успел вовремя... Лежать, Игл! Где мистер Президент, Эрвин?

— А господь бог тебе не нужен? — спросил Додж, ствол его револьвера смотрел прямо в грудь пришельцу. — Не двигаться! Сядь на пол!

Дентон медленно опустился.

— И не вздумай подать команду собаке, — предупредил начальник секретной службы. — Успею пристрелить тебя прежде, чем пес кинется на меня...

— Ты с ума сошел, — стараясь сохранить спокойствие, проговорил агент. — Пойми — время не ждет. Мне нужен Президент! Это вопрос жизни или смерти, Эрвин...

— Поэтому и не дергайся, если не хочешь умереть, — сказал Додж, он прекрасно помнил, кого застрелил сегодня в полицейском «форде», и больше ничему уже не удивлялся. — Как ты попал сюда? Разве Белый дом расположен в соседнем лесу?

— Я в отпуске...

— С каких это пор отпускники разгуливают с израильскими автоматами на шее? Что ты здесь делаешь, Дентон?

— Прибыл вам на помощь. Послушай, позови Президента! Он все поймет... У меня пароль!

— Мистер Президент! — позвал начальник секретной службы, не поворачивая головы.

Когда тот появился в дверях, агент быстро заговорил, опасливо косясь на «магнум» Доджа. Эрвин и не подумал отвести ствол от его груди.

— Я от адмирала Редфорда, сэр. Нас сбросили с Фредом с парашютами на этот лес. Фред отстал, сломал ногу... В Вашингтоне паника, сэр... Атомная тревога! О покушении знают... Хотели ударить по русским... Приказ «Идет град» отсрочен, но я доставил вам запасной «черный ящик», сэр!

— Что он мелет, мистер Президент?! — крикнул Эрвин Додж. — Отвлекает наше внимание... Майкл! Смотри в оба! Дай знать, если они пойдут в атаку. Кто тебя подослал к нам, Дентон? Отвечай!

— Погодите, Эрвин, — остановил Доджа Президент. — Что сказал вам адмирал Редфорд?

— Передай Президенту: «Сенатор знает про «эм-ай-си». Старый Патрик — тоже». Вот и все, сэр.

Президент улыбнулся:

— Уберите «сучок», Эрвин... Это наш человек. Что я должен сделать, мистер Дентон?

— Связаться с ЦКП Комитета начальников штабов и отменить ракетно-ядерный приказ.

— Кто его отдал? — побледнел Президент.

— Не знаю, сэр. Об этом мне не сказали. Главное, я доставил вам эту штуку, — сказал агент.

Он успел сбросить лямки мешка и принялся лихорадочно расстегивать его.

Из гостиной донесся вопль Майкла:

— Они идут!

Послышались частые автоматные очереди.

— Задержите их, Эрвин! — крикнул Президент.

Начальник охраны бросился на помощь к Майклу, а Дентон уже привел в рабочее состояние «черный ящик».

Но тут в проем двери ворвались двое бандитов с автоматами в руках. Одного из них мгновенно перехватил стремительный Игл, и тот выронил автомат, заорав от неожиданности и боли. Но другой, подняв автомат, готовился выпустить очередь в спину не успевшего повернуться к ним агента ФБР, тайного исполнителя-функционера «Лиги седых тигров».

Но Президент был начеку. Он так и не снял с автомата правой руки, пока наблюдал за приготовлениями агента. Быстро повел стволом в сторону бандита и, не дожидаясь, когда воображаемая линия, соединявшая прицел и мушку, коснется противника, нажал на спусковой крючок.

13

— Вы позволите мне позвонить собственному шефу, мистер Холмс? — спросил полковник Полухин, когда помощник Президента по национальной безопасности принял официальное сообщение из Пентагона о том, что приказ отменен по личному распоряжению главы государства.

— Конечно, мой полковник! — воскликнул Ларри Холмс. — Впрочем, вы, наверно, уже генерал, дорогой друг... Во всяком случае, я позабочусь о том, чтобы в послании русскому лидеру Президент отразил вашу роль в этой истории, Джордж.

Полухин пожал плечами:

— Я выполнял свой долг, Ларри. Во всем вы разобрались сами. Вам и лавры...

— Сомнительные — увы! — лавры, — вздохнул профессор. — Звоните послу вот по этому телефону.

Не успел Полухин связаться с Фролом Игнатьевичем и сообщить ему, что опасность миновала, требовательно зазвенел телефон правительственной линии.

«Что там опять стряслось?» — с тревогой подумал военный атташе.

Ларри Холмс закончил разговор, положил трубку и застыл, уставившись в одну точку.

— Плохие новости? — спросил Полухин.

— С неожиданной стороны, — ответил профессор.— Приняли радиограмму. Передавал тот самый радист, который сообщил о пребывании Президента в Сент-Маунтин. Их осаждают какие-то вооруженные люди, они высадились из вертолета «ВВС-2». Это же машина вице-президента! Камуфляж, конечно... Эрвин Додж ранен, боеприпасы на исходе. Но ведь там должны быть вертолеты охраны!

— Теперь Президент и его люди им не поверят, — сказал Полухин. — Как бы они ни выглядели. Встретят спасителей огнем. Будут лишние жертвы.

— Вы правы, Джордж. Но что делать?!

— Необходимо снабдить спасателей паролем, мистер Холмс. Придумать нечто такое... Оно должно заставить Президента поверить. Одно-два слова. Знаете что? Позвоните миссис Глории, — посоветовал военный атташе. — Объясните ситуацию. Она наверняка подскажет вам, как поступить.

Когда большой десантный вертолет завис над поляной, бандиты перестали стрелять и принялись отходить к лесу.

— Что делать, Эрвин? — спросил Президент у Доджа, который сидел, прижавшись спиной к стене и баюкая перевязанную правую руку. Револьвер с двумя последними патронами в барабане лежал у левой руки.

— Может быть, я ударю снова из базуки? — предложил Майкл.

— Погоди, малыш, — остановил юношу начальник секретной службы. Подхватив с пола револьвер, он на

коленях подобрался к окну и увидел, как из форточки пилотской кабины выхлестнулась и заболталась в струях воздуха, гонимого лопастями, белая тряпка.

— Кальсоны они свои выбросили, что ли? — проворчал агент ФБР, поправляя на голове окровавленную повязку.

— Пока не стреляй, Майкл,— сказал Эрвин Додж,— но держи его на мушке. Пускай садится. И целься в баки с топливом.

Но едва вертолет коснулся земли, рявкнул громкоговоритель.

— Мистер Президент! — кричал радиоголос. — Привет от Айви! Привет от Айви!..

Все удивленно посмотрели на Президента. Его лицо, измазанное кровью, улыбалось.

— Это наши, — сказал он.

14

Генерал Макаров сразу заметил, что Маргарита вернулась из его кабинета, где разговаривала по телефону, сама не своя. Невестка села на прежнее место напротив Ксении и изо всех сил старалась принять тот независимый вид, какой присущ был актрисе в любой обстановке. Только Иван Егорович видел, как ей не по себе. Видно, телефонный разговор лишил Маргариту Иосифовну привычной невозмутимости.

«Уж не случилось что с Василием? — встревожился генерал Макаров. — Хотя нет... Мне бы первому сообщили. Звонили-то в мою квартиру, а спрашивали ее, актерку».

Тут он заметил, что Маргарита поглядывает на него, и понял: хочет что-то рассказать ему. Генерал-лейтенант неторопливо поднялся из-за стола, успокаивающе повел рукой в сторону полковника Педерова. Харитон Семенович со вкусом рассказывал новый анекдот, но сейчас же принялся вставать вслед за хозяином. Генерал дал понять: сиди, мол, ты не на службе. И степенно, давая Маргарите возможность незаметно последовать за ним, направился в кабинет.

Еланская появилась минуты через три.

— Ну, — сказал Иван Егорович,— рассказывай, сношенька, что стряслось?

— Это он звонил, Иван Егорович, — проговорила Маргарита, изящным движением поднося платочек к

глазам, хотя плакать явно не собиралась — не тот зритель.

— Кто это «он»?

— Еланский...

— Не понял, — дернул головой генерал Макаров. Ему и в голову как-то не пришло, что Маргарита назовет отца по фамилии. А когда дошло, снова покраснела уже, отворотясь, будто ей стыдно было смотреть свекру в глаза.

— Ну, словом, это был он... Отец.

— Прощался, что ли? — жестко спросил Макаров.— Надо было меня позвать. Я б ему в дорогу хороших слов за шиворот натолкал. Извини, правда, за выражение...

— Что вы, Иван Егорович! — воскликнула Маргарита. — Все правильно вы говорите! Я ведь и сама чувствовала себя как прикованная к позорному столбу. Сижу и думаю: «Брошусь сейчас перед генералом на колени и буду при всех просить у него прощения». Верите — едва сдержалась!

— А ты-то, голуба, при чем? — спросил Иван Егорович, несколько отмякая: признание невестки пришлось ему по душе. — Ты ведь за старого дурака не в ответе. Извини, что я так Иосифа назвал, ведь он твой отец. А для меня бывший ведомый, могу его и крепче окрестить.

— С отцом я отношения разорвала, как только стало известно о его выходке с этим отъездом. Но все дело в том, Иван Егорович, что он теперь никуда не едет! Вот и позвонил мне срочно. Даже сюда не побоялся!

— А как же наследство? — усмехнулся генерал Макаров. — Ведь, как я понимаю, Иосиф на него клюнул. Поразительно! Во время войны самый бессребреник был в эскадрилье, рубаху последнюю был готов отдать, шоколад из бортпайка ребятишкам раздавал, водку и табак уступал товарищам... Его ведь так и звали все: «Оська-простодыра». И на́ тебе! Наследство привалило! Клюнул на чужие деньги! Тьфу!

— Погодите, Иван Егорович! — умоляюще вскричала актриса. — Понимаете, бес попутал человека... Разговоры эти о земле обетованной затмили ему голову, сионисты задурачили. Ведь он стал таким одиноким после смерти мамы...

— Я, между прочим, тоже вдовец, — буркнул угрюмо Макаров. — А на одиночество не жалуюсь, человек сам себя на него обрекает.

— Вы — сильный, — невольно польстила свекру Маргарита. — А вот Еланский попросту сдался перед таким испытанием... Но теперь отказался все-таки ехать!

— Что так?— насмешливо спросил Макаров.— В другом месте больше предложили?

— Это провокация против Василия, — сказала Маргарита. — Отец им был и не нужен вовсе. И наследство липовое. Он и рассказал мне сейчас обо всем. Как получилось...

По словам невестки, Иосиф Еланский уже имел от властей разрешение на выезд в Израиль для воссоединения с семейством троюродного брата. Брат уехал с родителями в Соединенные Штаты из Гродно еще в двадцатые годы, сколотил там кое-какой капиталец, а с возрастом удалился от дел и переехал с женой и незамужней дочерью в Тель-Авив. Здесь он и скончался и был погребен в земле предков согласно его завещанию. Перед смертью просил разыскать в России дальнего родственника и сообщить: он выделяет Иосифу половину капитала и будет счастлив, если тот присмотрит за его осиротевшими дочерью и женой.

Вот так и задурманили бывшего летчика, внушили, что он вовсе не к деньгам стремится, а к выполнению родственного долга. Миссия ему, значит, такая выпала под конец жизненного пути.

— Видите, как тонко все было задумано, — говорила Маргарита.

— Постой! — остановил ее Иван Егорович. — Но почему «задумано»?

— А потому, что на самом деле все было не так, — ответила Маргарита Иосифовна.

— И брата не было?

— Нет, брат — тот существовал, и вдова его с дочерью живут в Тель-Авиве. Только никакого наследства он отцу не оставлял. По той причине, что сам еле сводил концы с концами и оставил семью без средств к существованию.

А дальше, рассказала Маргарита, все развивалось по такому, порядком уже заезженному сценарию. К вдове пришли вполне солидные люди и сказали, что на некоем мифическом счету ее покойного мужа лежит приличная сумма. Реализовать эти деньги она сможет только в том случае, если вызовет любимого, хотя и троюродного, братишку усопшего Теодора из России, убив тем самым трех зайцев: совершит богоугодное дело, вер-

нув еще одного иудея в лоно земли обетованной, окажет услугу государству Израиль и сама не останется внакладе.

— Об этом стало известно только сейчас, когда отец уже и билет себе купил, Иван Егорович. В самый последний момент его пригласили в компетентное учреждение и показали соответствующие документы.

Выяснилось, что сумма, внесенная на открытый задним числом счет Теодора, была выделена из особого фонда, который создал для поддержки секретных служб Израиля небезызвестный Мейер Лански, знаменитый главарь преступного синдиката в Соединенных Штатах. Босс американской мафии, как и Теодор, родился в Гродно, только там он носил фамилию Суховлянский.

— Погоди, — остановил Маргариту свекор, — я недавно читал о нем...

Он порылся в стопке книг на углу письменного стола и вытащил сочинение французских журналистов Шарлье и Марсилли в черно-желтой мягкой обложке.

— Послушай: «Мейер Лански — маленький, тщедушный, злобный, с изможденным лицом человек, которому суждено голодать до скончания века. Глаза у него были такими же черными, как и волосы, огромные уши оттопыривались. Пронизывающий собеседника взгляд заставлял забывать о его огромном носе, бледном лице и только следить за его отвислой губой, которая чуть вздрагивала, роняя с трудом выговариваемые слова...»

Генерал Макаров швырнул книгу на стол.

— Он? — спросил Иван Егорович.

— Наверно, — пожала плечами Маргарита, — кто его знает... Я никогда Мейера Лански не видела. И разве что в гробу хотела бы увидеть. В белых тапочках... Главное в другом. Затеяно все было в расчете погубить репутацию Василия. О нем знают *там*, и этой акцией собирались скомпрометировать как офицера, командира атомной подводной лодки. Ведь кто бы его пустил в океан, зятя уехавшего на Запад человека?!

— Никто, — ответил генерал Макаров.

— Для этого все и затевалось, весь этот шум и гам, скандал — мешебейрах по поводу воссоединения семьи и разных там прав человека... Будто у нас с Василием не семья и наши человеческие права в расчет ими не принимаются.

«Верно говоришь, сноха, — с теплым чувством к Маргарите подумал Иван Егорович. — Все у них четко и с

прицелом продумано. Раз — и нет у русских прекрасного командира-подводника, человека уникальной профессии, которую не оценишь ни в рублях, ни в долларах. Старый прием — купить подставное лицо, а затем убрать того, кто ими определен в жертву. Какими надо быть нам прозорливыми, дальновидными, чтобы противостоять этим многоопытным интриганам...»

— Воссоединиться ему, старому дураку, видишь ли, захотелось, — вслух сказал Иван Егорович. — А то, что родная дочка здесь остается... это он соображал? Я уж не говорю о том, какую Осип неприятность Василию подбросил. Ведь когда-то кровь проливал за Родину, а тут вдруг решил от нее отвернуться!

— Так я же не раз об этом отцу твердила, — вздохнула невестка.

Они помолчали.

— Ну и что же теперь Иосиф? — спросил генерал Макаров у снохи.

— Он тут же отправился на Центральный телеграф и дал в Тель-Авив телеграмму. Так и написал: «Напрасно ждете тчк Вызов возвращаю тчк». А дальше написал... — Маргарита засмеялась.

— Ну что же ты остановилась? Послал их куда подальше, что ли?

— Отец добавил два только слова: «А шейнем клейнэм!»

— Это очень неприлично? — спросил с улыбкой Иван Егорович.

— Так себе, — сказала Маргарита. — Для них будет в самый раз... Ведь я чувствовала в этой истории подвох, чувствовала! И отцу сколько раз говорила. Куда там! Заладил как попугай: «Они остались одни, бедные женщины. Мой долг брата...» А его долг отца? Вы правы... Обо мне с Василием он не подумал. Миссионер какой выискался!

— Ладно, успокойся,— остановил ее Иван Егорович.— Пойдем, Маргарита, к столу.

— Но я ведь главное забыла вам сказать... Еланский, отец, значит, просил вам передать... Он сказал, что если его можно простить за все это, то на коленях в Шимолино приползет.

— Пусть едет на электричке, — усмехнулся генерал.

15

До взрыва плотины на озере Лебяжьем оставались считанные минуты.

Замполит Шапошников был с Макаровым на постоянной связи. Сейчас Юрий Иванович находился в оголовке пусковой установки, устранял неисправность в системе наддува топливных баков.

«Что же произошло с дросселями в магистралях? — думал он, энергично работая у баллонов, чтобы наглухо перекрыть стравливание газа в баки. — Наверно, подземный толчок сказался и здесь. Сдвинулся трубопровод, образовался зазор в клапанах. Да мало ли что могло произойти! Главное — возникла опасность взрыва ракеты».

Закончив работу, Макаров позвонил Сергею Шапошникову:

— Как сейчас?

— Давление не увеличивается, — ответил замполит.

— А с чего бы ему увеличиваться, если наглухо перекрыл систему и автоматику отключил. Ты сообщил начальству?

— Конечно! Сказали, что ждут от нас сигнала: все исправлено.

— Ну тогда доложи, что полный у нас порядок. Не взорвется наш «Громобойчик», не введет в искушение противника. А боевой приказ?

— Еще не сняли.

— Тем более. Значит, я возвращаюсь. Пусть взрывают плотину. До встречи!

Сергей Шапошников отключился от пусковой установки, где находился сейчас его командир, и стал связываться с соединением.

Макаров же еще раз проверил, надежно ли затянул газовый вентиль, и в последний раз, будто прощаясь, подошел к боеголовке, приложил руку к контейнеру. В нем, словно в коконе, пряталось огромное тело ракеты.

«Какая силища! — подумал он. — Вот бы ее — да на пользу человеку. Ан нет, на погибель тебя сочинили...»

Впрочем, командир ракетной части прекрасно понимал, что эта могучая техника не может быть сама по себе ни злой, ни доброй. Только люди определяют, каким принципам будут служить придуманные ими големы. Надо надеяться — добру...

А все от раздвоения и последующего противопоставления друг другу. Сначала противостояние, затем абсо-

лютизация этого процесса, метафизическое огрубление его. Только ведь нынешняя ситуация исключает иной подход, кроме полного и безоговорочного уничтжения и межконтинентальных ракет.
подход, кроме полного и безоговорочного уничтожения и
повернулся к выходному люку.

Через люк кто-то спускался в шахту.

...В ожидании командира части вертолет висел над бетонированной площадкой рядом с пусковой установкой. Как только Макаров покажется на поверхности, закроет люк запасного хода в оголовок на замок, подбежит к выпущенной лестнице и... Можно будет уносить ноги с этого места, оно после взрыва плотины будет накрыто водяным валом.

Но майор не показывался, хотя те пять минут, о которых он сказал летчику и Зое Федоровне, порывавшейся пойти с ним вместе, уже истекли. Гаенкова то и дело смотрела на часы, стараясь сделать это незаметно, ведь рядом находился Юрашка Макаров. Она, естественно, не хотела, чтоб ее беспокойство передалось сыну командира.

Оба мальчишки все норовили попасть в кабину пилотов и особых хлопот не доставляли. А вот сама Зоя Гаенкова места себе не находила. То ей представлялось, что командир, пробираясь в хитросплетениях различных устройств, упал и разбился, сломал ногу, лежит без сознания или потерял способность двигаться, тщетно зовет ее на помощь. А может быть, отравился газами, в которые превратилось протекшее топливо; о том, что оно крайне ядовито, Гаенкова конечно же знала. У них в части, в музее при Доме офицеров, висела картина, изображавшая подвиг офицера-ракетчика, который, рискуя жизнью, перекрыл поступление топлива в разорванный шланг при заборе реальных компонентов. Солдат он спас, а сам погиб, бедолага...

Картины несчастий, происшедших с Юрием, одна страшнее другой, чередой проходили в сознании Зои. Наконец она вскочила с сиденья и бросилась к выходу, у которого дежурил один из летчиков — страховал выброшенную металлическую лесенку.

— Вы куда, доктор? — спросил он.

— Надо посмотреть, что с командиром. Может быть, случилось что, — строго, тоном, не допускающим никаких возражений, проговорила Гаенкова.

«В конце концов, я врач, — внушала она себе, спускаясь по лесенке на бетонные плиты. — И мой долг — находиться рядом с ним!»

Зоя все надеялась, что не успеет дойти до люка, а тут и Юрий из него покажется. Но вот она, отброшенная в сторону крышка...

Командир не появлялся. Самые худшие предположения охватили женщину, и Зоя решительно полезла в оголовок пусковой установки.

«Что-то произошло?» — вскинулось в сознании Макарова, и командир бросился к начальнику медслужбы. Гаенкова уже спустилась и высматривала майора, которого пока еще не сумела разглядеть в непривычной для нее обстановке. Но когда Юрий вдруг появился перед ней живой и невредимый, ноги у Зои подкосились, она едва не упала и, подхваченная командиром, уткнулась ему в грудь, зарыдала.

— Что?! — закричал Макаров. — Что случилось, Зоя?! Зачем вы здесь? Надо немедленно выбираться... Быстро вылезайте отсюда!

Он едва ли не на руках подтащил врача к трапу и принялся подталкивать ее, понуждая ставить ноги на металлические скобы и держаться за них же.

— Да возьмите себя в руки, доктор! — отчаянно призвал командир, соображая, что же ему предпринять, как заставить женщину уйти поскорее из оголовка, который может оказаться их общей могилой.

А Гаенкова ослабела от переполнявшего ее чувства: все в порядке, он жив и здоров, а больше ничего для счастья не нужно. Она даже потеряла ощущение опасности, вовсе забыла, где находится, зачем они вообще прилетели на эту пусковую установку. Кое-как подпираемая снизу командиром, который в тесном выходе из шахты делал это довольно неуклюже, Зоя Федоровна выбралась на поверхность.

Вертолет висел метрах в пятидесяти от них.

С развевающимися от ветра волосами, на подгибающихся, будто ватных, ногах, Зоя прошла до лесенки, свисавшей из кабины летательного аппарата, ухватилась за перекладину и оглянулась.

Командир закрывал люк запасного выхода из ракетной шахты.

— Лезьте наверх! — крикнул он, подняв голову и увидев, что Гаенкова выжидательно смотрит на него.

Зоя поставила ногу на болтающуюся над самой землей перекладину. Юрий Макаров справился наконец с затвором и бросился к лестнице. Струя воздуха сбила с него фуражку, и та покатилась по бетонной площадке.

Командир оглянулся, хотел было догнать фуражку, но махнул с досады рукой.

Из проема входной дверцы вертолета что-то отчаянно кричал один из авиаторов. Но голос его заглушали гул работающего двигателя, свист лопастей, и Юрий показал: не слышу, мол, ничего. Тогда авиатор, продолжая кричать, показал рукой на происходящее за спиной ракетчика. Макаров обернулся: по речной долине, будто вскачь, стремительно и неотвратимо неслась светло-серая стена водяного вала, вырывая с корнем могучие деревья, подминая кусты, клокоча от ярости пеной.

Несколько мгновений Юрий оцепенело смотрел на разгул стихии, потом, очнувшись, кинулся к вертолету. Метров двадцать оставалось ему до свисающей лестницы, как вдруг он оступился, резкая, горячая боль рванула ногу, холодный пот покрыл тело — и Юрий упал. Попытался приподняться, но слабость охватила его.

Макаров снова опустился на землю, но успел махнуть пилоту: «Немедленно вверх!»

Вертолет подпрыгнул на десяток метров — и в тот же миг стремительный вал обрушился на площадку пусковой установки.

...Сумеречно было в хвойном лесу, и строгость мохнатых зеленых деревьев смягчали оранжевые шарики на лапах.

«Апельсины на елках... Красиво», — успел подумать Макаров.

16

— Как вы сообразили обратиться за советом к Глории? — спросил Президент у Ларри Холмса по возвращении в Вашингтон.

Профессор только что покинул госпиталь святой Анны и вернулся в Белый дом: решил долечиваться, не расставаясь больше со своим шефом.

— Когда я понял, что вы больше никому не верите и станете стрелять даже в директора ФБР, если он явит-

ся вас выручать, то решил обратиться к вашей жене, сэр. Правда, должен признаться, что меня натолкнул на эту мысль тот самый русский полковник...

— Джордж Пол... Полъю... Черт, никак не выговорю его фамилию...

— Полъюхин, сэр, —подсказал Ларри Холмс. — Если бы Джордж не был русским, его стоило наградить Почетной медалью конгресса.

— Можно попытаться сделать это, — заметил Президент. — Ведь и всему случившемуся не было прецедента.

— Тогда Глория и сказала мне: «Передайте Президенту привет от Айви!»

— Молодец! — улыбнулся хозяин Овального кабинета. — Это сработало. Никто, кроме меня и ее, не знает историю про плющ...

Ларри Холмс вежливо помолчал, давая возможность Президенту решить, делиться ли ему этой историей с ним или промолчать.

— Еще студентом я приехал с братом Глории в их дом на каникулы. Это была старинная усадьба восемнадцатого века, со всех сторон обвитая плющом. Меня познакомили с Глорией, мы как-то разом приглянулись друг другу. Вот тогда я, самонадеянный студиозус из Миннеаполиса, однажды вечером и решил продолжить знакомство с Глорией в ее комнате, тем более что свет там еще горел... Цепляясь за плющ, подобрался к подоконнику и собирался уже влезть в комнату, как плющ предал меня, одна из его плетей не выдержала... Глория не растерялась, выбралась из комнаты тем же путем, каким я хотел к ней попасть, и нашла своего рыцаря со сломанной ногой внизу.

Два месяца мне пришлось оставаться в этом доме, откуда я вышел уже женихом Глории, так и не проговорившейся никому о коварстве «айви» [1]... Надеюсь на вашу скромность, Ларри. Теперь этот своеобразный пароль будут знать только трое.

Ларри Холмс склонил признательно голову и напомнил:

— Пресс-конференция завтра в десять утра, сэр.

Президент кивнул.

— Думаю, мы все готовы к ней. Жаль, что адмирал Редфорд отказался выступить перед журналистами. А ведь он знает куда больше нас с вами, Ларри.

---

[1] Плющ.

Зеленый Вождь не до конца раскрылся Президенту, хотя тот и догадывался, что глобальный конфликт разрешен не без помощи тех людей, которые стоят за адмиралом. А разве невесть как очутившиеся на кордоне Пол Дентон из ФБР с великолепным четвероногим Иглом не спасли чудесным прыжком с неба Америку, человечество и жизнь ему самому, Президенту Соединенных Штабов?! Ведь агент, доставивший в Сент-Маунтин «черный ящик», прямо сказал: он направлен адмиралом Редфордом. Значит, могущество этого человека распространяется и на людей из Федерального бюро расследования?..

«А не слишком ли большая сила в руках моего верного друга? —подумал Президент. — Надо будет присмотреться к нему поближе...»

Он хорошо понимал, чем обязан адмиралу Редфорду, испытывал вполне понятное чувство искренней благодарности, как человек, спасенный от неминуемой смерти. И как патриот Америки преклонял колени перед адмиралом и соратниками его. Но как глава государства Президент не имел права допустить того, что ему ничего не известно о группе загадочных лиц, которыми руководил Редфорд и, судя по результатам, талантливо этим занимался.

Едва хозяин Белого Дома возвратился на Пенсильвания-авеню, он запросил у директора ФБР сведения о Поле Дентоне. Глава службы ответил, что Дентон один из лучших его сотрудников. Но, к сожалению, он подал рапорт на отставку после очередного отпуска, в котором Пол сейчас пребывает.

— У вас есть какие-нибудь претензии к Полу? — спросил директор. — Я лично знаю Дентона и готов за него поручиться, мистер Президент.

«А кто мне поручится за тебя самого? — мысленно усмехнулся Президент, вспомнив, что один из убитых Доджем «полицейских» был сотрудником ФБР. — Может быть, после нашего разговора ты исчезнешь, как пропал неизвестно куда директор ЦРУ...»

О Дональде Крузо до сих пор не было ничего известно, и Президент, уже не сомневающийся в причастности его к заговору, — кое-какие документы адмирал Редфорд ему передал, распорядился начать официальное расследование.

Вслух он сказал:

— Напротив... Ваша оценка деятельности Пола Ден-

тона совпадает с тем, что известно мне, директор. Жаль, что вас покидает такой надежный и добросовестный сотрудник. Устройте ему выход в отставку по высшему разряду и помогите начать дело, если он захочет заняться какой-либо иной деятельностью.

«А потом я и сам о нем позабочусь, — решил Президент. — Надо приблизить этого человека и через него выйти на организацию адмирала.

На пресс-конференции буду предельно сдержан. Главное в том, чтобы не раскрыть прежде времени те козыри, которыми располагаю. Ни слова пока о Комитете семи. За этими людьми таятся другие, более могущественные силы. Бывший генерал Патрик Холл арестован, его станет судить военный трибунал и приговорит к электрическому стулу. А я, Президент Соединенных Штатов, помилую его, заменю смертную казнь пожизненным заключением. По-иному нельзя. Казнь Холла примут за акт моей личной мести. Но ведь генерал и его сообщники убили Уорднера, многих других людей, так и не добравшись до моей головы... Око за око? Справедливо, только не по-государственному.

На мне лежит особая миссия, — подумал Президент. — Необходимо успокоить Америку, до которой дошли слухи о попытке ввергнуть мир в катастрофу ядерной войны. А пошатнувшееся доверие русских? Как мне снова укрепить его?..

И как забыть то, что неожиданно обрушилось на меня...»

Он вспомнил недавнее прошлое.

Горящий вертолет с трупами людей, разбитый череп генерала Уорднера, мнимых полицейских, убитых Эрвином Доджем, осаду кордона Сент-Маунтин, дергающийся автомат в собственных руках.

Президент замотал вдруг головой, будто хотел стряхнуть жуткие воспоминания.

Ларри Холмс с тревогой взглянул на него.

— Никак не могу забыть того парня, что был так похож на меня, — тихо проговорил Президент.

Потом сделал усилие, усмехнулся:

— Нет, вы только подумайте, Ларри, какой парадокс! Я защищал собственную жизнь, стреляя из русского автомата! Вы можете себе это представить?

— Пытаюсь, — улыбнулся Ларри Холмс. — Сенсационный, потрясающий факт, сэр, он стоит миллион долларов. Только, ради бога, не рассказывайте об этом на

пресс-конференции. Здесь я усматриваю особую, правда, глубоко запрятанную символику. Но боюсь, что американские избиратели ее не поймут. Пока не поймут...

17

Через полтора часа полета пилот высадил Джона Галпера на берегу озера Роббери-лейк, где покачивался неподалеку от небольшого причала огромный гидросамолет.

Выходя из вертолета, Джон Галпер крепко пожал руку Зворнику и поблагодарил за безупречную службу.

— Сейчас вас заправят, отведете машину обратно, и вы свободны. Ваши документы...

Пилот похлопал себя руками по груди и засмеялся:

— Никаких документов, сэр... Согласно инструкции.

— Все правильно. Возьмите...

Галпер протянул ему внушительного вида кожаный бумажник.

— Небольшой сувенир на память о нашем полете,— улыбнулся он и направился к катеру, который должен был отвезти его к стоявшему на якоре гидросамолету.

А полковник Зворник дождался, когда заправят керосином его вертолет, запустил двигатель, поднялся и полетел в восточном направлении. Через час после вылета он взорвался в воздухе.

Эксперты, которые обследовали упавшие обломки, пришли к выводу, что причиной взрыва был бензин, случайно попавший в топливную систему вертолета. Такие происшествия, к сожалению, уже имели место...

В полицейском протоколе было указано, что погибший пилот имел при себе документы на имя Джона Галпера, одного из самых известных людей в Америке.

...Огромный гидросамолет довольно легко для своего веса оторвался от водяной глади Роббери-лейк и, быстро набирая высоту, лег на обозначенный секретным предписанием курс.

Джон Галпер прошел в специальный салон, оборудованный радиоэлектронной аппаратурой, и уселся перед большим экраном, на который приходили передачи всех его телевизионных станций. Все было как обычно. Шоу, реклама фильма, конкурсы домашних хозяек, концерты поп-музыки, снова реклама... Никаких отзвуков тех со-

бытий, которые он сам, Джон Галпер, только что программировал и направлял!

«Кто же перехватил у нас инициативу?» — с тоской подумал бывший член Комитета семи. Но расслабляться он вовсе не собирался. Необходимо взять себя в руки и готовиться к отчету, который потребует от него Великий Магистр.

18

На высоте триста с лишним километров над Землей в космосе висели друг против друга американский пилотируемый корабль «Америго» и орбитальная станция «Россия». Когда с Земли пришел новый приказ, переносивший «Идет град» еще на один час, Брюс Гамильтон распорядился закрыть отсек полезной нагрузки, в котором была смонтирована лазерная пушка.

Питер Митчелл, второй пилот, немедленно повиновался, и распахнутые створки отсека — они уродовали аэродинамическую форму «Америго» — поднялись с бортов и сомкнулись, закрыв от взоров русских космонавтов вполне реальный теперь «гиперболоид инженера Гарина».

— Не рано ли, командир? — проворчал лазерный комендор, официально именуемый «специалистом по операциям на орбите». — Через час снова открывать...

— Вам так не терпится сжечь русских ребят, Сид? — спросил, оставаясь внешне бесстрастным, Брюс Гамильтон.

— Я солдат, командир... И любой приказ для меня священен, — отрезал Сидней Томсон.

В это время Валерий Бут, который только что сообщил о действиях американцев, спрятавших пушку, воскликнул:

— Еще один «Шаттл», братцы! По-моему, это уже перебор...

К орбитальной станции приближался второй космический корабль.

— Земля, — позвал полковник Митрофанов, — я — «Буран»! Пожаловали новые гости...

— Успокойся, «Буран», — с легким смешком ответила Земля. — Это свои.

Когда Брюс Гамильтон увидел русский пилотируемый корабль, идущий к орбитальной станции, астронавт включил двигатели.

— Уходим, — облегченно вздохнув, произнес он.

19

Главный Архитектор «вольных каменщиков» принял бывшего теперь уже пресс-координатора Комитета семи в рабочем кабинете. Кабинет ничем не напоминал о принадлежности его хозяина к могущественной организации, о которой распространялось и продолжает распространяться такое множество мифов, что трудно уже отделить правду от вымысла. Большая просторная комната напоминала нечто среднее между кабинетом бизнесмена, подвизающегося в области индустрии досуга и и артистической студией богатого дилетанта, расположенного к искусству, не чурающегося модернизма и отдающего должное старому доброму реализму.

Джон Галпер бывал прежде в этом кабинете только два раза. В первый раз здесь ему поручили войти в Комитет семи и направлять должным образом его работу. Во второй свой визит пресс-координатор знакомил хозяина с планом «Миннесота».

И вот третье посещение, от него зависело для Джона Галпера все.

Как и в предыдущие визиты, он старался не озираться по сторонам, делая вид, что его не смущает странное соседство картин эпохи Возрождения с работами Сальватора Дали, Анри Матисса и Марка Шагала, сосуществование скульптур Полибия, добытых в раскопках на Аппенинах, и конструкций Рува Лосотберга — электросварщика из Вены, получившего за нашумевшие «Абракадабры из металла» премию Рокфеллеровского фонда.

Теперь Джона Галпера не удивляло отсутствие в кабинете Великого Магистра той символики, которая так поразила его воображение, когда он, тогда еще студент первого курса колледжа Святого Петра в Юдиксвилле, проходил обряд посвящения в начальную ступень братства.

...Мрачный подвал с могучими сводами, черные углы, куда не проникал свет колеблющегося пламени семисвечных ритуальных подсвечников, голубые пятиконечные звезды Моисея, шестиконечные Давида и восьмиконечные Соломона на черных бархатных портьерах, укрывавших священный ларец со свитками Торы. Старшие братья в длинных плащах с капюшонами, надвинутыми на лица, и лишь глаза видны в прорезях, испытующе глядящие на молоденького неофита.

А громовые слова торжественной присяги — клятвы, текст которой повторял дрожащим голосом Джон Галпер? Он помнил их всю жизнь... И как выводил на листе пергамента собственное имя, обмакивая гусиное перо в кровь из левой руки, которую надрезал старинным кинжалом командор местной орденской ложи.

Джон Галпер попал в «братство вольных каменщиков» не только потому, что определен туда по происхождению, принадлежности к клапу, который уже много веков поставлял ордену высокопоставленных масонов. Еще до посвящения, когда Галпер не был до конца осведомлен об истинных целях «братства», его привлекала гуманистическая направленность деятельности «каменщиков», которую масоны всегда выпячивали, привлекая на свою сторону непосвященных. Возникнув три тысячи и более лет назад как тайная организация жреческих корпораций древневосточных государств, в просвещенные времена новой истории масонство заманило к себе Вольтера и Гайдна, Марата и Робеспьера, Моцарта и Гете. Да и кого из образованных людей оставит равнодушным «культ гения», лозунги социальной справедливости, призывы к расцвету культуры для всего человечества...

Довольно скоро Джон Галпер узнал, что все это, в том числе и обрядовая символика, только для тех, кто находится на первых, начальных ступенях «братства». А при переходе из одной ипостаси в другую начиналась жесткая сепарация, отделение от массы нижестоящих «братьев» тех, кто достоин постижения истинных целей ордена.

Он, Джон Галпер, достиг предпоследней ступени. Теперь его судьба в руках этого необыкновенного человека, управляющего обществом самых достойных людей планеты.

Как Архитектор решит его участь сейчас?

— Мы уже выяснили, кто помешал вам провести в жизнь план «Миннесота», — сказал Джону Галперу Великий Магистр. — К сожалению, узнали об этом слишком поздно, чтобы предотвратить столь пагубные для нашего дела действия противников. На вас, Галпер, вины за провал операции нет. Всю ответственность за это мы возложили на Дональда Крузо, который, как и вы, был представителем ордена в Комитете семи. Теперь директору ЦРУ пришлось бесследно исчезнуть...

Великий Магистр Мальтийского ордена масонов, сверх-

засекреченной организации «свободных каменщиков», призванных воздвигнуть «всемирный Соломонов храм», сделал многозначительную паузу.

— Вы, Джон Галпер, должны будете инкогнито вернуться в Штаты и сделать все, чтобы о «Миннесоте» узнало как можно меньшее число американцев, да и за пределами страны тоже. Не ограничивайте себя в средствах! Помните, что все они оправдываются нашей святой целью. Вам лично я подчиняю ложу «шотландцев» и возвожу в ранг моего первого заместителя.

— Благодарю вас, Великий Магистр, — прошептал смятенно Джон Галпер. — Служу святой цели!

— И не принимайте так близко к сердцу эту неудачу, — усмехнулся глава масонского ордена. — У нас многовековой опыт, который говорит: не повезло в одном — повезет в другом... Считайте «Миннесоту» генеральной репетицией, мой мальчик.

Он медленно поднял морщинистую руку, покрытую темными веснушками, и ласково пошлепал Галпера по щеке.

— Приглашаю вас отобедать со мною, Джонни, дружочек...

Когда выходили из кабинета — студии, Галпер увидел пустой простенок и непроизвольно сдержал шаг. Там висела прежде, он помнил, картина известного русского художника XIX века.

— Подарил Советам, — ухмыльнулся хозяин. — Для пользы нашего дела... Русские весьма чувствительны к таким жестам. Стоит сделать вид, будто уважаешь их святыни, и тут же рискуешь стать в их глазах искренним другом. Помните об этом, Галпер.

Великий Магистр захихикал.

20

— Крокодил! — восхищенно кричал Толик Зюганов и прыгал на берегу, размахивая руками. — Уходит! Держи его!

— Не его, а ее, — проворчал вовсе не обескураженный Виктор Макаров, глядя, как вырвавшееся из рук удилище уплывает вниз по течению.

— Почему «ее»? — заинтересованно спросил Зюганов.

Спокойный тон приятеля поразил парнишку, он проникся к Макарову чувством, которого прежде не испытывал. Оно означало, что Толик Зюганов подсознательно определил в Макарове лидера и подчинился ему до конца.

— Потому что это щука, — ответил Витька. — Ее повадка... Если леску не перекусит — поймаю.

— Догонять будешь? — спросил Толик.

— Зачем? Не до Волги же плыть будет. Щука — рыба хитрая. Сейчас норовит в укрытие уйти, отсидеться, а удилище мешает, да и выдает ее. Лишь бы нитку не куснула...

Витька Макаров не зря волновался. Попади леска щуке, как говорится, на зуб, она бы челюстями вмиг ее перегрызла. Но, заглотнув глубоко крючок, щука резко развернулась, и тогда капроновая нить легла ей на угол рта, где зубов не было вовсе. Щука тут же захлопнула пасть и принялась метаться в разные стороны, а леска удерживалась на прежнем месте, оборвать ее щуке оказалось не под силу.

Рыба эта была старая и мудрая. В родной реке ее поведение определяла безнаказанность — не было в округе другого хищника, который мог сравниться с нею по силе, находчивости, ловкости и наглости. Лет щуке было много, она их не считала, потому как считать не умела, но все случаи столкновения с угрожающей существованию действительностью помнила хорошо.

Попадала щука и в сети, в те времена, когда ими можно было еще пользоваться на реке. Однажды, маленьким щуренком, едва не угодила в уху, ее уже вынимал из сети мужик, готовясь бросить в ведро, только она извернулась и цапнула рыбака за палец... Тем дело и кончилось. Мужик покрыл ее и всю окружающую природу вместе с товарищами-сапиенсами матом, резко мотнул рукой в сторону реки, и у молодой щучки хватило ума в сей же момент отцепиться.

Охотились на нее ночью с фонарем во время весеннего разлива, что одними людьми запрещено, а другие на этот запрет «ло́жат»... Дело было в период нереста, щука отдыхала-дремала в черной воде после любовных игр и утех, тут ее едва и не погубили. Подобрались потихоньку, ослепили фонарем и примерились ударить острогой. Только зеленый змий и выручил тогда дальнюю родственницу. Острогоносец был крепко поддавши, рука дрогнула чуток, и смертельное железо лишь ободрало щуке правый бок.

А в одну такую же весну в нее стреляли. Тактика прежняя. Ночь, половодье, лодка, фонарь и — ба-бах!.. Промазал. Но тогда она и выучилась укрываться под корягами и нависающим над водой берегом, с тем чтобы никто не застал ее не защищенной сверху. Снизу опасность щуке не грозила.

Правда, однажды люди чуть не отправили ее на тот свет — когда пивной завод сбросил в реку многолетний запас барды, скопившейся в отстойниках. Полуочумевшая щука сообразила прорваться через ядовитый заслон и ушла в верховья, где долго болела, отлеживалась в чистых струях незагаженных еще родников. Тогда она и открыла для себя раков как предмет охоты и с удовольствием разнообразила меню их необычайного вкуса мясом.

Помимо рыбной пищи щука не считала для себя зазорным утащить с поверхности дикого утенка из выводка, напасть на детенышей ондатры или нутрии, их вдоволь развелось в последнее время. Были на ее совести и два котенка, осмелившиеся в разное время помочить лапки в проточной воде. Однажды щука напала даже на взрослую кошку. Та решила зацапать утенка, подплывшего к берегу, но сама угодила в щучью пасть. Схватка закончилась вничью, но кошке пришлось хромать всю оставшуюся жизнь.

Словом, опытнее и сметливее рыбы, чем попавшаяся Витьке Макарову на крючок щука, не было на сотню километров вверх и вниз по течению от того места, где они рыбачили с другом, а вот поди же... Попалась на немудреный крючок. Что ж, и на старуху бывает проруха.

...Было довольно за полдень, но жаркое июльское солнце еще высоко держалось на небе.

Со всеми предосторожностями, избегая острых зубов, которые плотоядно щерила, открывая пасть, пойманная щука, мальчишки пропустили сквозь жабры веревку от кукана. А рыбешек — теперь они вовсе не смотрелись на фоне Витькиной добычи — Толик Зюганов сложил в пластиковый пакет и сунул в солдатский вещмешок.

Так они и отправились к автобусной остановке, через мост, который четко пересекал реку. Впереди шел Виктор Макаров и держал в правой руке петлю из веревки, привязанной к щучьей голове. Он и сам бы дотащил щуку, хотя в ней было добрых килограммов восемь, а то и поболе. Но тогда хвост рыбы волочился бы по земле, собирая дорожную пыль, а такое Макаров считал оскорби-

тельным для полоненной им князь-рыбы. Поэтому следом ступал Толик Зюганов, который как бы ассистировал Макарову и выполнял одновременно роль пажа при ее светлости щуке.

Анатолий набросал в сак, которым он помогал Виктору вытащить щуку из реки, мокрой травы. Теперь он подвел сеткой мешок под хвост и приподнял его, чтобы не касался земли. Так вот и шествовал, испытывая еще большую гордость, чем герой события. А Виктор Макаров сейчас, когда они отошли от реки и выбрались на Лаванское шоссе (по нему ходили автобусы к железной дороге и к их поселку), немного сник и не испытывал других чувств, кроме усталости и душевной пустоты. Не было ни радости, ни азарта, который так управлял им в борьбе с рыбой, ни даже гордости от осознания: он таки справился с хитрым и сильным речным существом.

Еще тогда, во время поединка, Виктор испытывал чувство уважения к достойному противнику, которого ему хотелось во что бы то ни стало переиграть, перемочь, сломать, наконец. Он был слишком юн и неопытен, не мог найти слова, коими определил бы свое состояние, но интуитивно понимал: важно не дать ослепить себя тем, что однажды тебе удалось достичь...

Виктор не знал вечной как мир истины, что достигнутое может и погубить человека, если человек не поймет: величие — в нескончаемой веренице побед... И естественный восторг от того, что снова справился, никогда не должен затмевать тебе глаза на другое препятствие, которое маячит в окаеме и ждет, когда ты подступишься к нему.

Но все равно, как ни пытайся напустить равнодушный вид, приятно Витькиному сердцу ловить восторженные взгляды взрослых на автобусной остановке, где уже собрались люди, отбывавшие с отдыха у реки, а кто и с гостеванья у деревенских родичей.

— Где такую страхолюду выловил, сынок? — восхищался усатый дядька с бритой головой, которую он прикрыл платком с узелками на четырех углах.

— Она кусается? — спрашивала пятилетняя девчушка и жалась к маминому подолу.

— А ты палец сунь, — ехидно ухмыляясь, советовал братец-балбес, стоявший рядом и тут же получивший подзатыльник от сурового вида бабки.

— Неужели такие монстры еще водятся на Руси?! —

патетически восклицал интеллигентного вида худой и длинный очкарик с козлиной бородкой.

— Силен парнишка, — говорил сержант в голубом берете и с полосатой грудью, видать пребывающий в отпуске. — Такую хищь — и голыми руками! Силен...

Подошел автобус из-за реки, у него кольцо было в дачном поселке академиков, теперь сильно разбавленном коттеджами зубных врачей и работников торговли. Толика с Витькой и княжьего звания рыбой пропустили с передней площадки, остальные вошли следом, будто свита, и те, кто уже ехал в автобусе, заахали, завосхищались видением, таким редкостным по нынешним временам.

На переднем сиденье умостилась женщина с золотыми серьгами на отвисших мочках ушей, с часами-кулоном на высокой груди, с браслетом на руке и парой перстней на пальцах. Женщина была дородной и, судя по тому, что возвышалась над остальными, высокого роста. Глаза ее улыбались, но блеск был вовсе не шутейный. Серьезно поглядывала она то на мальчишек, стоявших у двери, то на рыбу, которой Витька и Толик старались не задеть ни сидений, ни — боже упаси! — пассажиров.

— Ничего себе рыба, — заговорила женщина, дернув верхней губой, украшенной тонкими усиками. — Такую можно вкусноту исделать...

Только сейчас все, кто восхищался рыбой, величиной ее и грозным видом, вспомнили, что это ведь попросту пища, вернее, сырье для весьма аппетитного блюда. И будто разом погасли их восторги. Смотреть вроде бы стало нечего, пришло разочарование и даже некое неприязненное чувство к мальчишкам, отхватившим ни за что ни про что — даром! — столько килограммов свежей рыбы.

— Слушай, мальчик, — обратилась женщина с усиками и серьгами к Макарову, сразу определив, кто здесь за главного, — я тебе дам за рыбу целых пять рублей!

Виктор промолчал. Не поворачивая головы, он смотрел в окно.

— Пять рублей — хорошие деньги, — не унималась женщина. — На дороге они не валяются...

— Такую рыбу на дороге тоже не найдешь, — подал кто-то реплику сзади.

Но пассажирка не обратила на этот выпад никакого внимания.

— Хорошо, — решительно сказала она, — я даю тебе целых десять рублей, и ты мне говоришь большое спа-

сибо, что не надо тащить такую тяжесть. И ты еще хочешь думать?

Витька и Толик переглянулись.

— Не продается рыба, — ответил Макаров.

Тут автобус остановился у соседней с их городком деревни, и, хотя идти им было еще с полчаса, Виктор решительно шагнул к двери.

...Неподалеку от дома, где жил Витькин дед, генерал Макаров, мальчишек встретила мать Толи Зюганова, тетя Ира. Увидев, какое чудо-юдо тащат пацаны с рыбалки, она всплеснула руками.

— А тебя Вера Ивановна ищет, Витюша, — сказала, успокоившись, тетя Ира. — Уже два раза к нам прибегала.

Тут только и вспомнил рыболов про день рождения — ведь его ждали к обеду, а сейчас...

«Ну и попадет же мне нынче от деда!» — с тревогой подумал Виктор Макаров.

21

Катер Береговой охраны США мчался по фарватеру Сент-Саймонс-Саунда, стремясь как можно быстрее добраться до причала. В рубке справа от рулевого стоял Филип Тейлор. Стиснув челюсти, он смотрел вперед, думал о встрече с Лу, о мальчике, который после укола морфия уснул в каюте Дженкинса, и Том был рядом с ним неотлучно.

«Что я скажу бедной Лу, Джорджу, брату? — с тоской размышлял капеллан, всматриваясь в приближающийся остров. — Бедняга Хансен... А если б мы немного опоздали?! Страшная, увы, участь ожидала бы несчастного мальчишку... Хорошо, что Айвен не видел, каким подняли из воды капитана. Том Дженкинс постарался отгородить парня от жуткого зрелища, оно, конечно, не для подростка. Впрочем, и того, что он испытал, хватит Айвену на всю жизнь...»

Филип Тейлор гнал от себя затвердившееся в сознании видение: мерно разворачивающийся виндсерфинг с опавшим парусом на тонкой мачте, за которую ухватился двумя руками мертвый Хансен. Они тогда едва разжали его пальцы... Вторая доска, которую опрокинула акула, плавала поодаль. Парус ее намок, и потому виндсерфинг Айвена не смог подняться и нелепо болтался на мелкой волне, ее уже развел средней силы ветер.

Акула, получившая хороший заряд свинца, на поверхности не появлялась. Конечно, крупные пули, видимо, убили ее, но живучесть подобных тварей вошла в поговорку. Смертельно раненная акула сумеет уйти с этого места, и труп убийцы всплывет где-нибудь подальше.

Большое красное пятно расплылось на светло-серой поверхности океана... «Сегодня я вовсю подтрунивал над ним, — покаянно помыслил о капитане Хансене младший Тейлор. — Выставлялся перед Лу: капитан Вик, дескать, не служил в морской пехоте... Великий грех — смеяться над обреченным. Но я ведь не знал о том, что случится! Да, но Господь каждому из нас готовит испытанье, к одному оно приходит сейчас, другого ждет всю его жизнь. Да и сама жизнь — экзамен перед всевышним. Так можем ли все мы забыть об этом? Не обратиться ли еще раз к ближнему своему с внутренним, для себя произнесенным словом: наверно, и ты будешь отмечен роком... Потому я прощаю тебе, брат мой, свои обиды, и сам ты прими мое раскаяние за все то плохое, что намеренно или по душевному недомыслию совершил для тебя.

Когда поймем, что люди могут быть счастливы лишь в счастьи себе подобных, то победим гидру животного эгоизма, который и есть дьявол, так долго искушающий неразумных детей твоих, о, Господи!.. И вовсе не Люцифер с рогами и длинным хвостом борется с тобою, всевышний. Это смешные сказки для невинных и потому несмышленных ребятишек. Нет более могучего врага у тебя, Боже, нежели человек, не ведающий того, что на самом деле он борется не с дьяволом — с самим собою».

Священника терзала и еще одна мысль, которую Филип упорно гнал от себя. Был ли Виктор Хансен мертв, когда шальная пуля, выпущенная Тейлором из пулемета, попала капитану в голову? Конечно, никто бы не выжил после того, что сделала с капитаном акула, но Филипу Тейлору надо было точно знать, отлетела ли душа Виктора Хансена в тот момент, когда капеллан нажал на гашетку пулемета, или все еще оставалась в изуродованном теле...

«Но ведь душа капитана неминуемо покинула бы предназначенную для нее форму, — подумал Филип Тейлор. — Ибо, когда стрелял, это уже не была форма Виктора Хансена. «А душа, — говорит Томас Аквинский, — которая есть первое начало жизни, не тело, а

акт тела, подобно тому, как тепло, которое есть начало разогревания, не тело, а некоторый акт тела...» Но подошла ли жизнь Виктора Хансена к концу, когда я убил акулу, чтобы спасти Айвена? Уверен ли в этом? Да нет, нет! О чем я?! Не могло жить то, что вытащили из воды...»

Тейлор вышел из рубки и посмотрел на корму, где лежал покрытый брезентом пластиковый мешок. В такие прозрачные саваны матросы-спасатели Береговой охраны складывали выловленных утопленников. Сейчас в мешке хранилось то, что осталось от капитана Хансена.

Священник отвернулся и принялся смотреть на приближающийся берег. Там никто еще не знал о трагедии, разыгравшейся в океане.

«Найду ли истину в сомнениях своих? — подумал Филип Тейлор. — Есть ли у нас другие пути, помимо тех, неисповедимых? Ищите и обрящете, люди...»

Санаторий «Каспий» — Владивосток — Голицыно
1985—1987

СОДЕРЖАНИЕ

Гагарин С. С.

Г12 ...Пожнешь бурю: Хроника двух трагических часов. — М.: Воениздат, 1988. — 416 с.

ISBN 5—203—00191—X

Г $\frac{4702010200—254}{068(02)—88}$ КБ—22—21—1988 БЗВ № 7—1988—№ 4 ББК 84Р7

Станислав Семенович Гагарин

...ПОЖНЕШЬ БУРЮ

Хроника двух трагических часов

Редактор *А. В. Кирюхин*
Художник *А. И. Сухоруков*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *С. В. Мазаева*
Корректор *И. В. Панфилова*

ИБ № 3460

Сдано в набор 04.02.88. Подписано в печать 04.07.88. Г-19962.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,56.
Уч.-изд. л. 24,17. Тираж 100 000 экз. Изд. № 4/1490. Зак. 522.
Цена 1 р. 90 к.

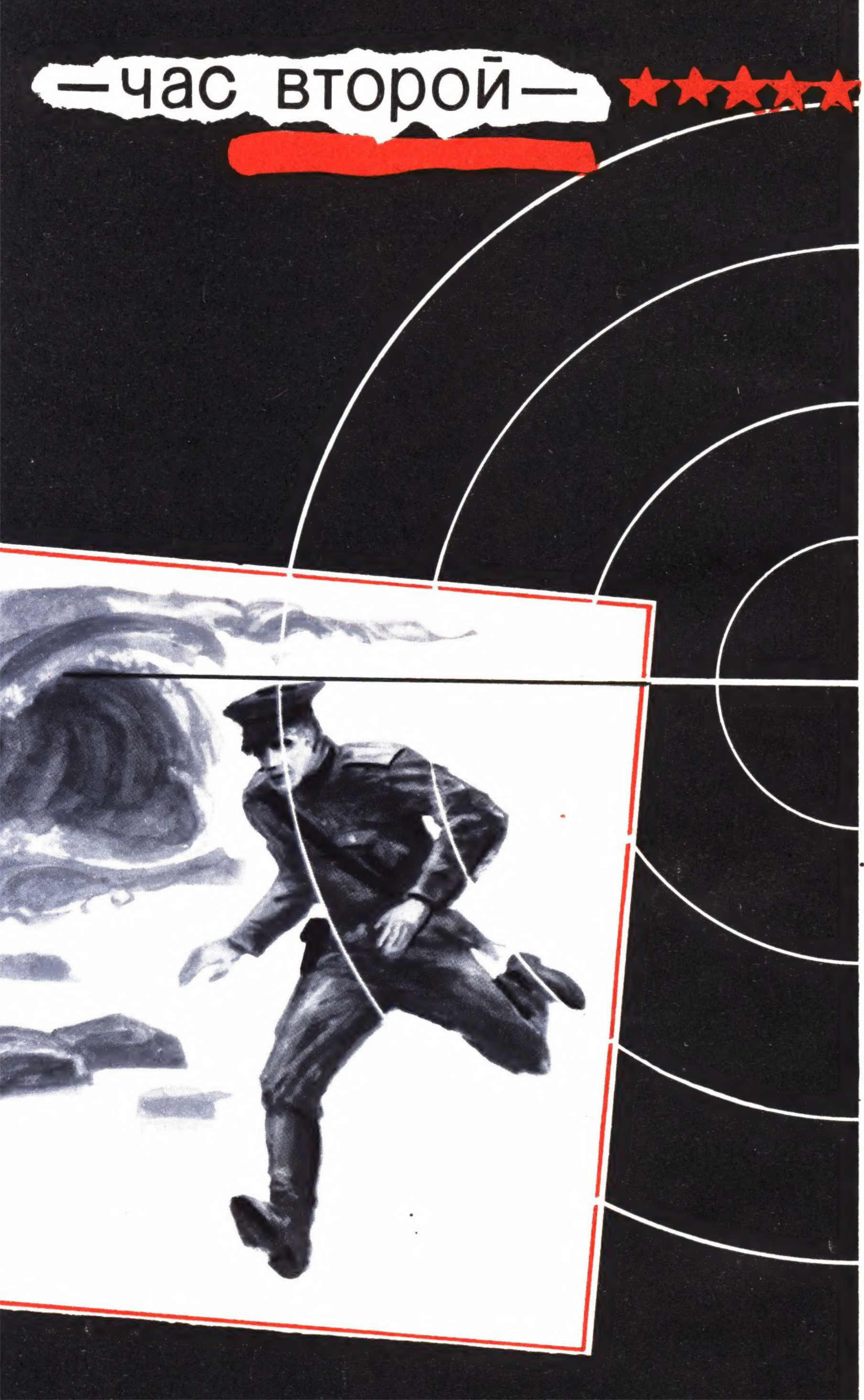
Воениздат, 103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

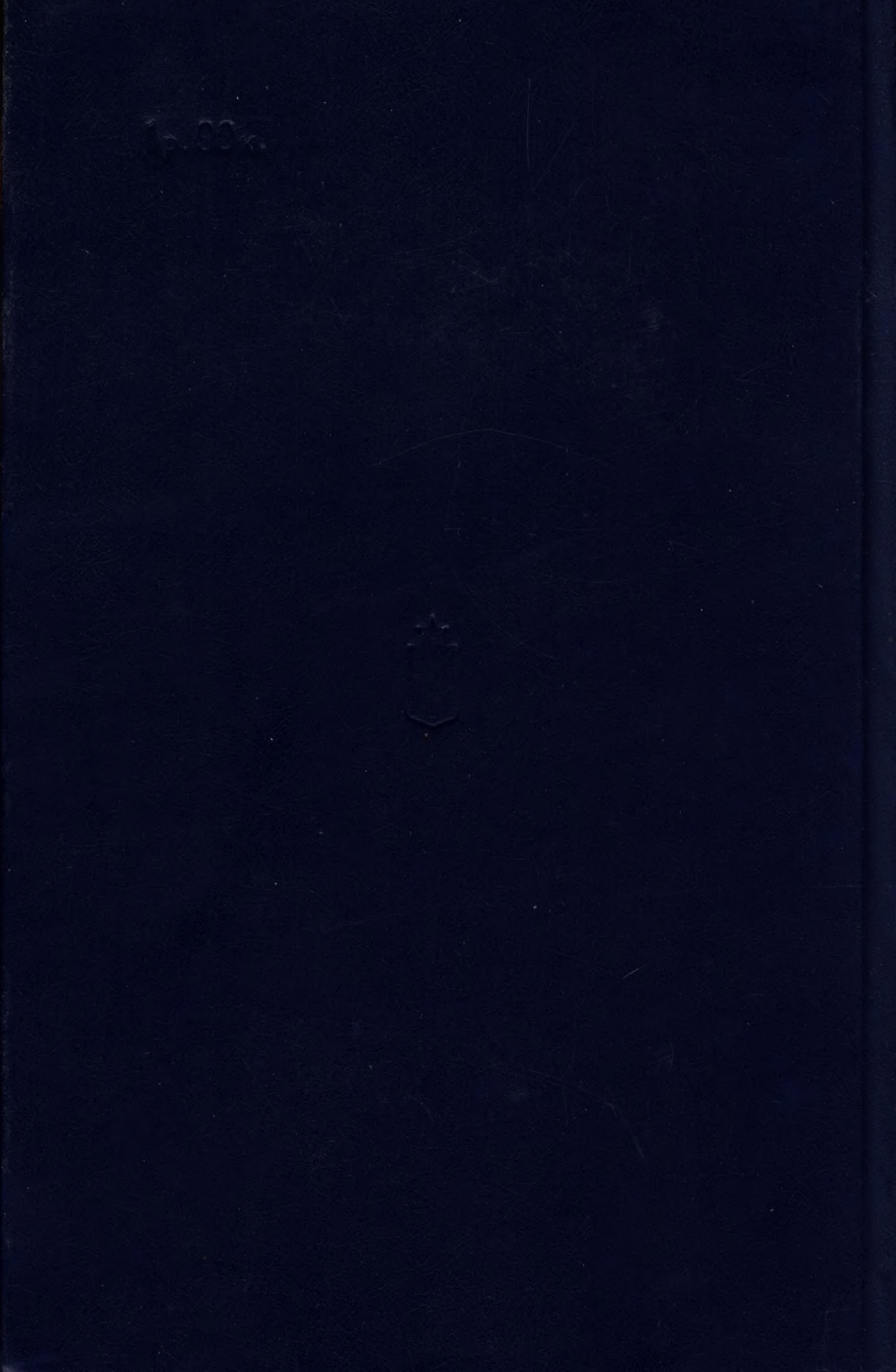
ПОПРАВКА

Стр. 398. Первый абзац сверху с третьей строки следует читать:

подход, кроме полного и безоговорочного уничтожения и межконтинентальных ракет.

— До скорого свидания, — сказал Макаров ракете и


—час второй—



станислав гагарин

ПОЖНЕШЬ БУРЮ